

Б.Р. ЛОПУХОВ

ИСТОРИЯ
ФАШИСТСКОГО
РЕЖИМА
В ИТАЛИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Б. Р. ЛОПУХОВ

ИСТОРИЯ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА В ИТАЛИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1977

Италия — страна, где впервые в истории возникла фашистская диктатура. История двадцатилетия этой диктатуры, ее отличие от других форм государственной власти и особенности по сравнению с фашизмом в Германии, проблема исторической традиции и связи прошлого с настоящим, взаимоотношения политических партий, роль коммунистической партии в антифашистской борьбе — таковы основные направления исследования.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. С. ФИЛАТОВ

ВВЕДЕНИЕ

Режим — понятие сравнительно недавнего происхождения. Обращение к нему в значительной мере связано с появлением фашизма.

Фашистская диктатура не укладывалась в рамки формально-юридических конструкций государства, характеризующих его с точки зрения форм правления и форм государственного устройства. Так, ограничение одним лишь делением на монархическую и республиканскую форму правления ведет к искажению представления о характере власти в таких странах, как монархическая Англия и республиканская Германия времен Гитлера. Недостаточно сопоставление и с точки зрения форм государственного устройства, т. е. административно-территориальной и национально-государственной организации власти. Анализ по этой линии раскрывает лишь взаимосвязь составных частей государства и их органов между собой, а также с государством в целом.

Всего этого было явно недостаточно для характеристики диктатуры фашистского типа. И вот в дополнение к понятиям «форма правления» и «форма государственного устройства» было выдвинуто понятие «политический режим». Политический режим определяется как система методов осуществления государственной власти, характеризующих состояние демократических прав и свобод, отношение органов государственной власти к правовым основам их деятельности¹. Политический режим определяется и как «внутренняя форма государства», охватывающая две его стороны: «механизм государства (внутренняя структура власти, связь элементов власти в данной государственной системе) и функции государства (методы и формы осуществления функций данной государственной власти)»².

Введение понятия «политический режим» отражало недостаточность не только традиционных формально-юридических конструкций государства, но и анализа фашизма в плане только социально-экономических конструкций, т. е. того, что в марксистской мысли называется «содержанием» государства. На это, в частности, обращал внимание Пальмиро Тольятти, когда писал: «Нужно избегать ошибки рассматривать переход от буржуазной

¹ Общая теория государства и права. Л., 1961, с. 82.

² Петров В. С. Сущность, содержание и формы государства. Л., 1971, с. 93.

демократии к фашизму как нечто фатальное и неизбежное. Почему? Потому, что развитие империализма не ведет обязательно к установлению фашистской диктатуры... Возьмите в качестве примера Англию. Это крупное империалистическое государство, в котором существует демократическая парламентская система... Возьмите Францию, США и т. д.»³

Очевидно, что исследование фашизма именно как режима в известной мере гарантирует от смешения его с империализмом как более общей категорией, а также от смешения между государством либерального и фашистского типа. Это предполагает, разумеется, более четкое разграничение между социально-экономическим содержанием и политической формой государства.

Итальянское государство, каким оно вышло из Рисорджименто — эпохи борьбы за воссоединение Италии, — действительно складывалось на основе довольно отсталых социально-экономических отношений. Своего рода фокусом этих отношений был так называемый «южный вопрос» — сохранение феодальных пережитков на юге страны и все более возрастающее экономическое отставание его от севера страны. В значительной мере именно за счет юга осуществлялась индустриализация севера — государственные налоги, приток дешевой рабочей силы. В целом о социально-экономической ситуации в Италии говорил уже тот факт, что в начале XX в. эмиграция из этой страны была самой большой в мире.

Но нельзя, однако, игнорировать и то обстоятельство, что по своей форме, и при всех на этот счет оговорках, это было все-таки государство либерального типа. Его конституционная судебно-юридическая и административная структура была создана по образцу передовых для того времени государств Европы. В рамках этого государства были возможны и парламент, и многопартийная система, и развитое кооперативное и профсоюзное движение, и забастовки, и проведение, пусть даже ограниченных, реформ в области трудового законодательства и страхования, как это было в период правительства Джолитти, и продвижение на пути к демократии, как это случилось в результате принятия избирательного закона 1912 г., и т. п.

Кроме того, на базе сравнительно отсталых социально-экономических отношений развитие монополистического и государственно-монополистического капитализма в Италии было гораздо сильнее, чем в других экономически более развитых странах. Италия принадлежала к числу стран с высокой концентрацией промышленного и банковского капитала. Факт, который лишний раз свидетельствует об отсутствии прямой корреляции между уровнем экономики и степенью развития монополистического и государственно-монополистического капитализма, об особенностях их развития в экономически отсталой стране. Крупные капита-

³ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. М., 1974, с. 10—11.

листические монополии сложились здесь позднее, чем во многих странах. Государство, заинтересованное в преодолении экономической отсталости страны, оказывало им значительную помощь: государственные заказы, субсидии, налоговые льготы, протекционистская политика и т. п. В то же время в результате экономического отставания Италии государство здесь в большей мере, чем в ряде других стран, брало на себя развитие некоторых отраслей хозяйства.

Со своей стороны, итальянские монополии, отмеченные печатью бедной страны, прикрывали свою агрессивность идеологией «бедной и обиженной нации». В идейный арсенал итальянского империализма входили доводы о необходимости колоний для Италии ввиду ее избыточного населения и массовой эмиграции, ввиду ее бедности сырьевыми ресурсами и т. п. В этом русле происходит сближение отдельных течений синдикализма и национализма, нашедшее наиболее яркое выражение во время войны за захват Ливии в 1912 г.

В то же время остававшиеся еще под владичеством Австро-Венгрии территории с преимущественно итальянским населением давали возможность связать, хотя бы частично, агрессивные замыслы итальянского империализма с национально-освободительными задачами. Так случилось в период первой мировой войны, когда в Италии возникло и так называемое движение «революционного интервенционизма» во главе с одним из бывших лидеров социалистической партии, Бенито Муссолини. Это была попытка «сближения» идей социализма и национализма — попытка, которая явилась определенным этапом на пути создания фашизма в Италии.

Новый этап наступает уже после первой мировой войны. Итальянское либеральное государство вступает в это время в полосу острого кризиса. Оно оказывается неспособным справиться с послевоенными социально-экономическими трудностями. В стране начинается мощное революционное движение, проходившее под непосредственным влиянием Октябрьской революции. Очень популярным в Италии в это время становится лозунг «Сделать, как в России!». Движение за установление в Италии по примеру России диктатуры пролетариата, захват фабрик рабочими и земель крестьянами, самое сильное в это время забастовочное движение, бурный рост численности и влияния социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда — все это расшатывало основы либерального государства.

Надо отметить, что политическая монополия либералов была подорвана не только социалистической партией, но и созданной сразу после войны католической Народной партией (партией «Пополари»). В борьбе этой партии против либералов нашел свое продолжение конфликт Ватикана с итальянским либеральным государством, восходящий еще к эпохе Рисорджименто. Партия «Пополари» выступила в роли продолжателя той традиции като-

лического движения, которая выражалась как в борьбе против либерализма, так и против социализма. Первому «Пополяри» противопоставляла систему органической децентрализации с корпоративистским уклоном, второму — программу борьбы за общедемократические требования. На парламентских выборах в 1919 г. социалисты и «Пополяри» получили более половины мест в высшем законодательном органе страны. Как говорили в то время: «Италия трехцветная» (либеральное государство) оказалась зажатой в тисках между «Италией красной» (социалисты) и «Италией черной» (католики).

Кризис либерального государства в Италии нашел свое выражение и в кризисе его внешней политики. В результате первой мировой войны Италия оказалась в лагере победителей, но чувствовала себя «побежденной в лагере победителей». Она чувствовала себя обделенной за столом мирной конференции главным образом из-за отказа ее союзников признать территориальные притязания Италии на район Фиуме. И характерно, что некоторые наиболее агрессивные круги общества пытались решить эту проблему фактически через голову государства, снарядив с этой целью отряд добровольцев во главе с поэтом Д'Аннунцио, который и захватил этот город.

Важным фактором кризиса либерализма во всех странах было развитие государственного капитализма. Характерно при этом, что повсеместно возросшее во время войны вмешательство государства в хозяйственную жизнь в Италии, в отличие от многих других стран, продолжало сохраняться. Из страха перед усилением безработицы и обострением социальных конфликтов государство не смело отказаться от субсидирования тяжелой промышленности. Это, разумеется, отвечало интересам крупных магнатов, но непомерно обременяло бюджет и вызывало недовольство средней и аграрной буржуазии. С другой стороны, под давлением трудящихся государство вынуждено было провести ряд мероприятий, ущемлявших интересы крупного промышленного, финансового и аграрного капитала. Было принято довольно прогрессивное социальное законодательство, регулирующее отношения между трудом и капиталом, введен восьмичасовой рабочий день в промышленности, санкционировано занятие крестьянами пустующих земель. Была создана правительственная комиссия по расследованию военных прибылей и увеличению налога на капитал. Для контроля над ним было введено правило об именной регистрации ценных бумаг и т. д. Все это, естественно, усиливало нападки на либеральное государство со стороны промышленников, крупных финансистов и аграриев.

В этой конкретной исторической реальности и возникает фашизм. Необходимо предупредить, однако, против весьма распространенных упрощений. Учредительная программа, которая была принята в особняке на площади Сан-Сеполькро в Милане 23 марта 1919 г. при основании «Фашо ди Комбаттименто» («Союза

борьбы)), не была программой крупного капитала. Эта программа была преимущественно мелкобуржуазного характера. Главный упор в ней делается на идею нации и патриотизм. Именно эта идея противопоставляется идее диктатуры пролетариата и интернационалистическим лозунгам. Вместе с тем Муссолини, который встал во главе новой организации, продолжил в ней линию на сочетание псевдопатриотизма с псевдосоциализмом, характерную в прошлом для «революционного интервенционизма». И в этом смысле он говорил о полной совместимости любви к родине с уважением к труду и признанием завоеваний социального прогресса. В том виде, в каком Муссолини предстает перед нами в это время, он не был банальным реакционером или консерватором старого типа. Он сохранил демагогические методы и самый дух своего прошлого, он принес из этого прошлого то, что было в нем наиболее привлекательно в глазах не искушенных в политике масс. Муссолини был человеком толпы, который обладал чутьем масс, политической интуицией, организационной сноровкой и беззастенчивым практицизмом. Это был «артист действия», подстрекаемый личным честолюбием, неутомимой волей и необычайной умственной возбудимостью. Сам он говорил о себе в духе Маринетти: «Я слушаю голос моей крови... И когда я доверяюсь своему инстинкту, он меня никогда не обманывает»⁴.

Однако возникновение социально-психологических предпосылок фашизма в послевоенной Италии нельзя сводить лишь к его виртуозной демагогической пропаганде. Фашизм черпал себя в настроениях определенной части бывших фронтовиков, в душах которых война посеяла семена «иллегализма». Стремление к социальным переменам переплеталось у них с обидами, связанными с «предательством союзников» в вопросе о Фиуме. И все это выливалось в смутные лозунги «спасения нации» — идея, которая стала для многих бывших фронтовиков дорогой и близкой, спланивала их благодаря общим лишениям и страданиям, совместно пережитым поражениям и победам, горю, вызванному гибелью товарищей.

Особенно в этом отношении следует выделить часть фронтовой молодежи. Рано созревшая, выбитая из колеи и жаждущая дела, эта молодежь была необходима фашизму. И фашизм демонстративно объявляет себя «движением молодежи», а свое дело — «ставкой на молодежь». Его задача — «омоложение нации». Он говорит о «ритме жизни». Любимый фашистский гимн посвящен молодости: «Молодость — это весенние воды, в фашизме спасение нашей свободы».

К фашизму устремилась часть интеллигенции, довольно болезненно отрешившаяся от идеалов либерального государства. К не-

---

⁴ Sarfatti M. Mussolini. Leipzig, 1926, p. 27.

му примкнула и часть чиновничества, материально обездоленного, страдавшего от падения лиры, досадливо следившего за «флиртом» государства с рабочими, за ростом заработной платы в области труда физического при всеобщем забвении о труде умственном.

Своего рода кульминационным моментом борьбы в послевоенной Италии был сентябрь 1920 г. В это время массовое движение за захват фабрик рабочими со всей очевидностью обнаружило слабость и нерешительность социалистической партии, с одной стороны, и либерального государства, с другой. Социалистическая партия не сумела возглавить движение и направить его в русло борьбы за власть. На съезде в Ливорно в январе 1921 г. революционное крыло этой партии создало коммунистическую партию, в которой энергия и решимость сочетались с довольно сильным духом сектантства и левизны. Поэтому, несмотря на все значение создания коммунистической партии, кризис в итальянском рабочем движении не был преодолен.

С другой стороны, сентябрьское движение за захват фабрик углубило кризис либерального государства. Касаясь компромиссного соглашения об условиях труда и рабочего контроля, заключенного между правительством и Всеобщей конфедерацией труда, ведущая итальянская буржуазная газета «Коррьере делла Сера» писала в то время: «Революция не совершилась, но не потому, что мы сумели ей противостоять, а потому, что Конфедерация труда ее не пожелала»⁵.

После сентября 1920 г. фашизм предстает перед нами уже в виде движения, опирающегося на самые широкие массы, с одной стороны, и пользующегося поддержкой наиболее влиятельных групп правящих классов, с другой.

Что касается массовой базы фашизма, то решающую роль здесь сыграл поворот в его сторону среднего крестьянства, напуганного лозунгами Итальянской социалистической партии, призывавшей к экспроприации земельной собственности. Говорили даже в этой связи об «аграрной фазе» фашизма. Но если в плане социальном, т. е. в плане вопроса о массовой базе фашизма, эта формула и имеет право на существование, то с точки зрения вопроса об исторических функциях фашизма она вызывает возражения. С этой точки зрения фашизм выразил общие интересы правящих классов, особенно крупного капитала, в борьбе против революционного движения трудящихся. Его контрреволюционная функция нашла свое наиболее яркое выражение в терроре, который он обрушил в первую очередь против классовых организаций трудящихся. В период 1921—1922 гг. фашисты разрушили в Италии сотни помещений секций социалистической и коммунистической партий, местных отделений профсоюзных

---

⁵ «Corriere della Sera», 29.IX 1920.

организаций трудящихся, были убиты многие рабочие активисты. Террор обрушился и на другие массовые организации трудящихся, особенно на католические профсоюзы и партию «Пополяри».

Сопrotивление фашизму имело в своей основе прежде всего сопротивление рабочего класса. Были попытки борьбы и на базе единого антифашистского фронта, как, например, стихийно возникшее движение «народных смельчаков», которое оказывало вооруженное сопротивление фашизму. Однако и в этом случае приходится говорить о слабости и нерешительности социалистической партии, которая в это время придерживалась тактики «пассивного сопротивления». Напротив, коммунисты пытались организовать сопротивление фашизму. Они призывали массы к антифашистским забастовкам и вооруженному сопротивлению. Но эффект их борьбы в этом направлении снижался отмеченным выше сектантством, которое затруднило создание единого антифашистского фронта в Италии.

Что касается поддержки фашизма со стороны правящих классов, то, как писал Розарио Ромео: «В историческом плане можно спорить сколько угодно о том, было ли необходимо противопоставлять фашизм социализму после поражения последнего в сентябре 1920 г. Фактом является то, что убеждение в необходимости такого противопоставления разделяли либералы разных оттенков от Джолитти до Кроче, от Саландра до Джентиле, Орландо и т. д., не говоря уже о высшей военной иерархии и дворе»⁶. Правительство Джолитти видело в фашизме удобное орудие комбинаций, отличный «противовес» в сложной политической бухгалтерии, прекрасный материал для «разделяй и властвуй!». Либерал Марио Миссироли отмечал, что «все органы исполнительной власти — армия, магистратура, королевская гвардия, карабинеры — видели в фашизме освободителя Италии от большевистской опасности»⁷. Со своей стороны реакционный историк Аттилио Тамаро писал, что законы того времени требовали от представителей государственной власти не вмешиваться в борьбу партий и политических течений. Однако на деле они принимали участие в борьбе, так как, по словам Тамаро, те же законы позволяли иметь им политическую идею. «И тогда? Префект — тем более легко, что каких-либо определенных распоряжений сверху не было, — разрешал фашистское собрание, квестор радовался избиению социалистов, лейтенант или капитан помогали фашистам доставать оружие, королевские гвардейцы с большей охотой арестовывали социалиста, чем фашиста»⁸. В значительной мере благодаря многосторонней поддержке фашизм, как отмечал Паоло Алатри, получил возможность «сочетать все сред-

⁶ *Romeo R. Dal Piemonte sabauda all'Italia liberale.* Torino, Einaudi, 1963, p. 282.

⁷ *Missiroli M. Polemica liberale.* Bologna, 1954, p. 238.

⁸ *Tamaro A. Vent'anni di storia (1922—1943),* vol. I. Roma, 1953, p. 134.

ства организации и деятельности, выходявшей за рамки законности, и все формы пассивной или активной помощи со стороны закона»⁹.

Помощь со стороны «закона» — это помощь со стороны официальных органов государства. Парадокс, однако, состоит в том, что фашизм, пользуясь этой помощью, выступал в то же время и против того, кто ее давал, т. е. против либерального государства. Этот парадокс находит свое разрешение в плане отношений между монополистическим капиталом и либеральным государством, которые вступили, как уже отмечалось, в полосу кризиса. В своих воспоминаниях министр иностранных дел в правительстве Джолитти граф Карло Сфорца писал: «Промышленники натравливали фашистов на правительство Джолитти, который хотел наложить руку на их военные прибыли»¹⁰.

Крупный монополистический капитал был недоволен слабостью, проявленной либеральным государством перед лицом революционного движения трудящихся, а также непомерно возросшим вмешательством государства в сферу хозяйственной жизни. И в свете этого недовольства обращает на себя внимание демагогия фашистов. В 1921 г. Муссолини писал: «Государство стало теперь гипертрофично, слоновобразно, всеохватывающе, а потому уязвимо. Оно захватило чересчур много таких функций, которые следовало бы предоставить свободной игре частной хозяйственности. Государство теперь играет роль табачного и кофейного торговца, почтальона, железнодорожника, страхового агента, корабельного капитана, банкомета, содержателя бань и т. д.» И далее фашистский вождь говорил о нерациональности государственных предприятий. Он объявлял себя сторонником политико-юридической концепции государства: «Мы — за возвращение государства к присущим ему функциям, а именно к политико-юридическим функциям... Укрепление государства политического, всесторонняя демобилизация государства экономического!»¹¹

Совершенно очевидно, что позиция фашизма в данном вопросе отражала интересы крупного монополистического капитала. Однако в плане тех же требований об отказе от вмешательства государства в хозяйственную жизнь фашисты выступали также за отказ от государственного субсидирования промышленности. Это, говорили они, ложится непосильным бременем на плечи государства, содействует процветанию паразитических и убыточных отраслей промышленности в стране, лишенной железа, угля и других видов сырья. Здесь уже фашизм в большей мере выражал интересы аграриев, чем промышленников, так как последние извлекали несомненные выгоды из государственного субсидирования промышленности.

⁹ *Алапри П.* Происхождение фашизма. М., 1961, с. 92.

¹⁰ *Sforza C.* L'Italie telle que je l'ai vue. Paris, 1946, p. 132.

¹¹ «Popolo d'Italia», 7.I 1921.

В целом фашизм представляется нам достаточно сложным социально-политическим и психологическим явлением, чтобы его можно было свести к одному из этих двух вариантов: или орудие в руках промышленников, или орудие в руках аграриев. Нельзя сбрасывать со счета и различные группы средних слоев города и деревни, которые были не только жертвами демагогии фашизма, но и его довольно активной внутренней силой. Многие, пожалуй, трудно будет понять в фашизме, если искать во всем направляющую руку или крупной монополистической или крупной аграрной буржуазии. Скорее, наверное, можно сказать об историческом синтезе и логике, обусловленной подлинными и мнимыми интересами, чувствами и действиями разных групп населения, которые способствовали в конечном счете превращению фашизма в авангард борьбы за интересы крупных промышленников и аграриев.

Не кто иной, как Феличе Гуарнери, один из лидеров Конфедерации, объединившей большую часть итальянских промышленников, характеризовал их отношение к фашизму как «благожелательное, но исполненное сдержанности». Эта оговорка о «сдержанности» вряд ли может вызвать возражения, ибо фашизм все-таки настаивал на промышленников своей активной защитой интересов аграриев, радикализмом своих лозунгов и действий. Возражение же в свое время вызвал тезис Гуарнери о ставке промышленников на «выигрывающую лошадь». Этот тезис он обосновал тем, что люди, посвятившие себя экономической деятельности, всегда отличались прагматизмом, а фашизм, проистекавший из самых глубин политической жизни, неизбежно должен был победить¹². Но, как пишет по этому поводу такой авторитетный в данном вопросе специалист, как Эрнесто Росси: «Крупные промышленники ставили на выигрывающую лошадь только потому, что они обеспечили ей успех, заранее ее подкармливая»¹³.

Сам факт финансирования фашизма со стороны промышленников и аграриев давно уже не является спорной проблемой. После второй мировой войны был опубликован по этому поводу ряд документов, например циркуляр министра внутренних дел Таддеи к префектам от 14 сентября 1922 г., приведенный в книге Ефрема Феррариса. В этом циркуляре, составленном на основе сводок с мест, прямо утверждалось, что «большая часть финансовых средств, которыми располагают фашисты, поступила к ним от добровольных пожертвований промышленников и аграриев»¹⁴. Со времени публикации этого циркуляра в 1946 г. наши сведения по данному вопросу обогатились и другими изданиями, среди которых отме-

¹² *Guarnieri F. Battaglie economiche tra le due guerre, vol. I. Milano, 1953, p. 56—60.*

¹³ *Rossi E. Padroni del vapore e fascismo. Bari, 1966, p. 51.*

¹⁴ *Ferraris E. La marcia su Roma veduta dal Viminale. Roma, 1946.*

тим, в частности, цитированную выше книгу Эрнесто Росси, книги М. Абрате¹⁵, П. Мелограни¹⁶, американца Р. Сартти¹⁷ и др.

Настоящей сенсацией явилось опубликование в 1964 г. документального исследования по этому вопросу Ренцо Де Феличе¹⁸. Так, он приводит письмо префекта Милана Лузаньоли к министру внутренних дел от 16 мая 1921 г., в котором говорится: «Сообщаю, что местные банки постоянно субсидируют фашистские организации довольно значительными суммами. Однако более подробно этот вопрос не удалось выяснить, так как всем, что связано с этими суммами, ведают лично директора банков, не оставляя при этом следов в официальных документах». Интересно не столько это письмо само по себе, как то, что Де Феличе удалось все-таки обнаружить следы подобных финансовых операций в каждом из районов Италии. Причем в результате его кропотливых исследований в Государственном архиве, в документах местных фашистских организаций оказалось возможным составить таблицу, показывающую, кто и в каких размерах субсидировал фашизм в том или ином районе Италии¹⁹. Отметим лишь, что в конце 1921 г., в суммарных данных по всей территории Италии, фашизм финансировали: на 71,8% — промышленные и финансовые общества, на 8,5 — институты кредита и страхования, на 19,7% — частные лица.

Важные и интересные документы по вопросу о финансировании фашизма приводятся в недавней публикации Валерио Кастроново²⁰. Все это дает общую историческую перспективу отношений между итальянским монополистическим капиталом и фашизмом — отношений, которые вступают в новую фазу развития с приходом фашизма к власти.

---

¹⁵ *Abrate M.* La lotta sindacale nella industrializzazione in Italia 1906—1926. Torino, 1967.

¹⁶ *Melograni P.* Gli industriali e Mussolini. Milano, 1972.

¹⁷ *Sarti R.* Fascism and the Industrial Leadership in Italy 1919—1940. Berkeley — Los Angeles, 1971.

¹⁸ «Rivista storica del socialismo», fasc. 22, anno VII, maggio — agosto, 1964.

¹⁹ *De Felice R.* Mussolini il fascista, vol. II. Torino, 1966, p. 766—767.

²⁰ *Castronovo V.* La stampa italiana dall'unità al fascismo. Bari, 1970.

СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ

30 октября 1922 г. Приход фашистов к власти в Италии. Впоследствии с этого дня они будут вести отчет «своего времени». Будут говорить о десятом, одиннадцатом и т. д. годах «новой фашистской эры».

Приход фашистов к власти в Италии связан с углублением кризиса либерального государства в этой стране. Решающая фаза его наступила в августе 1922 г., когда руководители ряда профсоюзных организаций трудящихся объявили общенациональную забастовку в защиту закона против террора и беззаконий, творимых фашистами. Речь, разумеется, шла о защите буржуазного закона и буржуазной конституции — цель, которая вряд ли могла зажечь сердца рабочих, воспитанных на отрицании буржуазного государства вообще. Руководители молодой КПП стремились к борьбе, но, рассматривая события сквозь призму классических категорий революционной борьбы пролетариата против буржуазии, заведомо сужали фронт антифашистского сопротивления. И, может быть, именно в этот момент, как никогда раньше, сказалось отсутствие подлинно творческой идеи в борьбе пролетариата против фашизма. Мало кто мог предложить действительно эффективную и действенную программу борьбы против фашизма — программу, которая могла бы увлечь широкие массы пролетариата и сплотить вокруг него все демократические силы страны.

Но — и здесь мы сталкиваемся с вечным парадоксом истории — кризис рабочего движения оказывается в конечном счете фактором, углублявшим кризис либерального государства в Италии. Как-то сразу вдруг стало ясно, что это государство осталось один на один с фашизмом, что реальной властью в стране является именно фашизм. Во время августовской забастовки именно он, а не слабое и безвольное правительство, навел «порядок» в стране. После августа 1922 г. в Италии говорили — и не без основания — о двоевластии, о власти реальной и формальной. При полном бездействии, а то и прямом попустительстве со стороны правительства фашисты устанавливали свою власть в одной провинции за другой.

Что могло противопоставить правительство фашизму? Формально у него была власть, а следовательно, возможность использования государственного аппарата для борьбы против фашизма. Были армия и полиция, которые легко могли бы пода-

вить фашистский путч, где бы он ни вспыхнул. Одним словом, у него было много материальных, но — и это очень важно — не было духовных средств борьбы. Оно было лишено внутренней, духовной силы сопротивления, именно это вызвало агонию правительства. Его окружало общественное равнодушие: оно было живым трупом. В августе 1922 г. парламент почти без прений проголосовал за доверие правительству во главе с либералом Факта. Это было уже второе возглавляемое им правительство. Позже Факта назвали «Ромулом Августулом» — именем последнего римского императора. Трудно было найти менее авторитетную и более беспетную фигуру. Слово итальянский парламентаризм и впрямь решил вырыть себе могилу — лучшего могильщика нечего было и желать.

В своей программной речи в Удине 20 сентября 1922 г. Муссолини бросил лозунг: «Рим или смерть!» Он говорил о «борьбе нации против антинационального государства». Он с предельной ясностью сформулировал свою основную мысль и открыл все скобки: «Мы хотим управлять Италией». Резко и властно поставил проблему сильного государства: «Государство, не умеющее и не рискующее выпустить своей газеты только потому, что печатники объявили забастовку, государство, живущее среди вечных колебаний и проявлений слабости, обречено на гибель. Такое государство рушится и падает подобно опереточной декорации»¹.

И снова резкие нападки на либеральное государство. На этот раз в речи 4 октября 1922 г.: «Либеральное государство — это маска, за которой не скрывается никакого лица. Это леса, за которыми нет здания... Те, кому подобает быть с этим государством, чувствуют, что оно подошло к последней черте позора и комизма»².

Эти унижительные характеристики подтверждаются поведением либерального государства перед лицом совершенно явной подготовки фашизма к захвату власти. Уже в августе 1922 г. для руководства всеми фашистскими боевыми отрядами было создано Верховное военное командование — триумвират в составе генерала Де Боно и руководителей этих отрядов Итало Бальбо и Де Векки. Перед триумвиратом была поставлена задача «осуществить в соответствии с обстоятельствами и фашистскими программами любое выступление военного характера»³.

По-видимому, основные контуры плана похода фашистов на Рим созрели уже в сентябре. Об этом можно судить, в частности, на основании свидетельства посла Бельгии в Ватикане барона Бейена, который рассказывает в своих мемуарах: «Путешествуя в сентябре 1922 г. с итальянским промышленником бароном Бланком, ярым сторонником фашизма, я услышал от него о предстоящем государственном перевороте, который Муссолини наме-

¹ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. II. Milano, 1934, p. 315—316.

² *Ibid.*, p. 332.

³ *Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista*, vol. IV. Firenze, 1929, p. 261.

ревался совершить через несколько недель. Будут мобилизованы, говорил мне мой спутник, отряды чернорубашечников, вооруженные винтовками и пулеметами, они соберутся на свой съезд в Неаполь, а оттуда направятся в Рим»⁴.

В это время лидеры итальянского либерализма ведут интенсивные переговоры с фашистами о возможности их вхождения в правительство. Что касается последних, прежде всего Муссолини, то, согласившись на переговоры, они преследуют двойную цель: во-первых, замаскировать свою подготовку государственного переворота и предотвратить тем самым наиболее решительные действия правительства, во-вторых, сохранить возможность соглашения со старыми политическими группами на случай провала политики прямого захвата власти путем государственного переворота.

О том, что свою основную ставку фашисты делали именно на прямой захват государственной власти, видно из беседы Муссолини с одним из его друзей, о которой доносил начальник службы армейской информации 17 октября 1922 г.: «... Он (Муссолини. — *Б. Л.*) видит опасность крушения фашизма в том случае, если настоящая ситуация останется без изменений. Поэтому он говорит о необходимости для фашизма выйти из этой ситуации посредством решительного действия. В связи с этим он сказал, что все готово для военного переворота... Муссолини настолько уверен в победе и в том, что он — хозяин положения, что предвидит даже первые акты своего правительства. Кажется, он намеревается совершить переворот не позже 10 ноября, возможно, 4 ноября». На вопрос своего собеседника о том, не было бы лучше найти решение путем участия фашистов в правительстве, Муссолини ответил: «В этом случае мы превратились бы в пленников; участие в правительстве означало бы ликвидацию фашизма»⁵.

16 октября Муссолини созвал в Милане совещание, на котором был создан квадрумвират для организации похода на Рим в составе трех уже назначенных военных руководителей Де Боно, Итало Бальбо, Де Векки и генерального секретаря фашистской партии Бианки⁶. На этом совещании обсуждалось воззвание о «походе на Рим», написанное лично Муссолини в начале октября⁷, а также мобилизационный план, разработка которого была закончена на совещании квадрумвирата в Бордигере двумя днями позже⁸.

24 октября в Неаполе, в театре Сан-Карло, открылся фашистский съезд. Кроме делегатов съезда, в Неаполь со всех концов страны явилось около 40 тыс. фашистов. Речь Муссолини в день открытия съезда прозвучала ультиматумом в адрес правительства:

⁴ Baron *Beuens*. *Quatre ans à Rome (1921—1926)*. Paris, 1934, p. 132—133.

⁵ Archivio Centrale dello Stato, Arch. di Giolitti, busta 6, fascicolo 103.

⁶ *Chiurco G.* *Storia della rivoluzione fascista*, vol. V. Firenze, 1929, p. 7—8.

⁷ «*Il Secolo*», 31.X 1922.

⁸ *Balbo I.* *Diario 1922*. Milano, 1932, p. 183.

«Мы хотим роспуска нынешней палаты, избирательной реформы и новых выборов. Мы хотим, чтобы государство вышло из состояния того шутовского нейтралитета, который оно держит в борьбе национальных и антинациональных сил... Мы хотим пять портфель и комиссариат авиации в новом министерстве. Мы требуем для себя министерство иностранных дел, военное, морское, труда и общественных работ. Я уверен, что никто не сочтет эти требования чрезмерными»⁹.

После участия в параде фашистов Муссолини направляется в гостиницу «Везувий», где в узком кругу принимается окончательное решение о походе. Мобилизация фашистов по всей стране была назначена на 27, атака главных центров — на 28 октября¹⁰.

Из Неаполя Муссолини отправился в Милан, а фашистский штаб по организации «похода на Рим» обосновался в Перудже. Однако вплоть до 28 октября, когда уже началось с разных сторон движение фашистских колонн на Рим, Муссолини продолжал вести переговоры о своем участии в правительстве. Таким образом, в значительной мере именно благодаря интригам фашистов удалось добиться решения Факта об уходе его кабинета в отставку и в то же время отказа короля от введения в стране осадного положения. В конце концов, оказавшись перед выбором или решительного подавления начавшегося уже фашистского выступления или сформирования правительства во главе с Муссолини, король решается на второе и направляет по телеграфу в Милан соответствующее приглашение.

30 октября в 10 час. 42 мин. Муссолини выходит на перрон столичного вокзала уже в роли премьера нового правительства. Одновременно в город с разных сторон вступают колонны фашистов, не встретившие на своем пути никакого сопротивления.

А. Таска пишет о 20 млн. лир, которые представители банковского капитала передали фашистам для финансирования «похода на Рим»¹¹. Таска, однако, не указал источник, из которого он получил эту информацию. В ответ на письменный запрос Эрнесто Росси он сообщил, что его информатором был известный политический деятель антифашист Карло Росселли. Тому в свою очередь сообщил об этом некий доктор Фонольо, который имел доступ к секретным архивам Ассоциации итальянских банков и видел там, по его словам, подписной лист на 20 млн. лир для финансирования «похода на Рим»¹². Сведения эти до сих пор не получили документального подтверждения.

Более определенно можно указать на следующие факты. Накануне «похода на Рим» руководители Ассоциации итальянских банков, Конфиндустрии, объединявшей промышленников, и Все-

⁹ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. II, p. 342.

¹⁰ *Аларпу П. Происхождение фашизма*. М., 1961, с. 302.

¹¹ *Tasca A. Nascita e avvento del fascismo*. Firenze, 1950, p. 456.

¹² *Rossi E. Padroni del vapore e fascismo*. Bari, 1957, p. 297.

общей конфедерации агрикультуры, объединявшей крупных и средних землевладельцев, телеграфировали в Рим возможному кандидату в премьеры Антонио Саландра, что, по их мнению, ситуация требует прихода к власти правительства Муссолини¹³. Аналогичная телеграмма была послана в адрес премьера Луиджи Факта от имени крупного магната электрической промышленности сенатора Этторе Конти и директора ведущей либеральной газеты «Коррьере делла Сера» сенатора Луиджи Альбертини¹⁴.

30 октября, еще до того как новые министры были приведены к присяге, в послании к связанным с ней организациям Конфиндустрия подчеркивала позитивное значение происходящих в стране событий: «Новое правительство создано! Оно создано молодыми силами нации, подчиненными воле их вождя. В период, когда экономическое и финансовое положение Италии поистине катастрофично, мы смотрим на них с большой надеждой. Производительные силы нации нуждаются в твердом и готовом действовать правительстве. Такое правительство обещано нам тем, кому король доверил его формирование»¹⁵.

1 ноября агентство Вольта в переданном им сообщении отметило большие заслуги Конфиндустрии в разрешении кризиса: «В промышленных кругах приход к власти правительства Муссолини встречен с живой симпатией и большим доверием. Конфиндустрия, которая, будучи организацией сугубо экономической, не может, однако, оставаться в стороне от политики в наиболее серьезные периоды жизни нации, приняла активное участие в разрешении национального кризиса и использовала все свое влияние в пользу Муссолини. Депутат Джино Оливетти перенес резиденцию Конфиндустрии в Милан, чтобы поддерживать постоянный контакт с Муссолини, действуя при этом с максимальной энергией и оказывая давление в соответствующем направлении на римское отделение своей организации. Одним из его наиболее действенных актов было доведение до сведения короля той позиции, которую занимают в создавшемся положении представители промышленного мира. И это было сделано в тот момент, когда все еще зависело от решения короля»¹⁶.

Характерно, что прямые представители крупного капитала получили в новом правительстве портфели министра промышленности и торговли (Теофило Росси), министра сельского хозяйства (Джузеппе Де Капитани) и министра общественных работ (Габриелло Корпоцца)¹⁷. Обращает на себя внимание и тот факт, что новое правительство было коалиционным.

Правда, министров в свое правительство Муссолини приглашает в индивидуальном порядке без предварительных консульта-

¹³ Rossi E. Op. cit., p. 49—50.

¹⁴ Ibid., p. 50.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid., p. 51.

¹⁷ Алларри П. Указ. соч., с. 323.

ций с руководством тех партий, к которым они принадлежат. Тем не менее, за исключением социалистов и коммунистов, в новом правительстве были представлены почти все главные политические силы страны — либералы, демократы, пополяри, националисты, фашисты, политические деятели, стоящие вне партий. Имеется одна существенная деталь. Фашисты занимают в новом правительстве господствующие позиции, никак не соответствующие их представительству в палате депутатов — 35 из 527. Их лидер Муссолини стал премьером, министром внутренних дел и временно исполняющим обязанности министра иностранных дел. Фашисты возглавили также ключевые министерства — юстиции и финансов.

В целом, казалось, события произошли важные, но не столь уж кардинальные. В Италии сформировано новое — которое уже по счету за послевоенный период! — правительство. Лидер фашистской партии Бенито Муссолини получил мандат на его формирование от короля. Палата депутатов на своем заседании 16 ноября 1922 г. значительным большинством — 306 против 102 — проголосовала за доверие правительству. Более того, именно парламент наделил правительство «чрезвычайными полномочиями» для реорганизации административного аппарата и приведения в порядок финансов. Правительство получило право издавать в этом направлении декреты, которые будут иметь силу законов, т. е. не будут нуждаться в обсуждении и одобрении парламента. Но это только на один год. К тому же все это вполне укладывается в легальные рамки: «декреты — законы» итальянская конституционная практика знала и раньше, например во время войны.

Однако формально-юридический подход в данном случае не может быть признан удовлетворительным. Ведь в ходе событий был осуществлен «нажим на закон» со стороны внепарламентских и антиправительственных сил. Решение короля вряд ли можно назвать добровольным. В значительной мере оно диктовалось силой движения, которое прямо объявило себя стоящим вне закона. Сила, а не право, стояла на повестке дня. Парламент в свою очередь склонился перед силой «вооруженного плебисцита», покупая свою жизнь ценою ее смысла. Без этого нельзя понять драму, разыгравшуюся на подмостках итальянской сцены.

А это была все-таки драма, а не комедия, разыгранная для «обмана трудящихся масс», как об этом писали часто в политических памфлетах того времени. И говоря в этой связи о позиции высших законодательных органов Италии — короля, парламента, а точнее, господствующих в нем политических групп, — следует опять напомнить о необходимости избегать упрощений. «Хотя эти группы, — писал Паоло Алатри, — не видели других возможностей, кроме вооружения фашизма и вручения ему своей судьбы, это не значит, что они полностью идентифицировались и слились с фашизмом: различие между фашистом и либералом или демократом, сочувствующими фашизму, нужно всегда иметь в

виду, ибо забывать об этом — значит бессмысленно смешивать понятия. И это тем более верно, что фашизм вышел на авансцену, располагая собственными политическими кадрами, порожденными новой общественной ситуацией, и эти политические кадры пришли на смену старым правящим политическим группам»¹⁸.

В своей речи в парламенте 16 ноября 1922 г. Муссолини в значительной мере выступал от имени этих новых политических кадров, от имени «революции». Необходимо иметь в виду, что этот термин прочно вошел в фашистский лексикон и оказывал существенное влияние на мироощущение фашистов. Новое правительство видит источник своей власти не в обычном, а в «революционном» праве, не в одобрении парламента, а в силе, которую оно добровольно готово умерить и ограничить. «Я мог бы воспользоваться победой,— говорил Муссолини,— я мог бы превратить это темное и серое здание в солдатский бивуак. Я мог бы разогнать парламент и образовать чисто фашистское правительство. Тем не менее я составил правительство коалиционное, но не для того чтобы получить парламентское большинство — я в нем не нуждаюсь... Я составил коалиционное правительство, чтобы призвать на помощь истощенной Италии всех — независимо от партий,— кто хочет спасти ее... Я не хочу править вопреки палате, коль скоро в этом нет необходимости. Но палата должна понять, что от нее самой зависит, жить ли ей еще два дня или два года... Мы требуем всей полноты власти, ибо хотим полной ответственности»¹⁹.

В заключительной речи после прений по правительственной декларации Муссолини не преминул еще раз унижить парламент. «Во имя силы, реально существующей, я достаточно доказал это,— сказал он,— я принес палате зеркало и говорю ей: «Всмотрись, и либо изменись, либо исчезни!»²⁰ Палата предпочла первое и вотировала доверие правительству. И опять обращаясь к этому вопросу и пытаясь при этом избежать всех возможных в таких случаях упрощений, мы можем из нашего сегодняшнего далека только догадываться о мотивах ее голосования. Ведь многие из голосовавших тогда за правительство впоследствии нашли в себе мужество открыто выступить против фашистской силы. Возможно, это было стремление быстрее нормализовать политическое и экономическое положение страны? Возможно, подобно Джолитти, они еще не теряли надежды, когда улягутся страсти, вновь овладеть положением? Возможно, по их мнению, было лучше проголосовать за правительство Муссолини, чтобы сохранить за парламентом хотя бы видимость высшего арбитра? Возможно также, что кое-кто питал надежды на перерождение фашизма?

Последнее, по-видимому, можно считать наиболее вероятным объяснением позиции большинства парламентариев, голосовавших

¹⁸ *Аларпи П.* Указ. соч., с. 154.

¹⁹ *Mussolini B.* Scritti e discorsi, vol. III. Milano, 1934, p. 8, 16.

²⁰ *Ibidem.*

за Муссолини. Они могли черпать свои надежды на перерождение фашизма во всем предшествующем историческом опыте человечества. Ведь этот опыт, казалось, показывает, что субъективные устремления вождей являются далеко не главными пружинами больших исторических процессов. Вожди бывают вынуждены считаться с реальной политической действительностью, приспособлять свои цели к этой действительности, и в конечном счете их идеология претерпевает существенные метаморфозы.

Одним словом, аргументов по мотивам голосования за Муссолини можно было найти очень много. Гораздо меньше оставалось возможностей для того, чтобы парламент мог влиять на правительство. Муссолини одержал в этот момент важную для фашизма победу: он поставил на колени парламент. Законодательная власть пала ниц перед исполнительной. Не случайно Муссолини с самого начала подчеркивал, что он создал правительство, а не министерство, он намеревался именно править, а не исполнять чью-либо волю.

Программа нового правительства? В своей парламентской декларации Муссолини иронически отмахнулся от ее подробного изложения. «Со всех сторон,— сказал он,— перед приходом нашим к власти, с нас спрашивали программу. Но, увы, Италии недостает не программы, а людей достаточно сильных и волевых, чтобы воплотить программы в жизнь. Все программы итальянской жизни уже разрешены на бумаге. Если чего-либо не хватает, так это воли решить их на деле. Нынешнее правительство представляет эту волю».

Политические наблюдатели того времени, а также почти все историки в своих исследованиях подчеркивали и подчеркивают сугубо прагматический характер политики Муссолини после прихода к власти. Альберто Аквароне, например, пишет: «Фашизм, придя к власти, не имел сколько-нибудь определенной и органической программы политической и административной реформы государства. Правда, в прошлом, особенно в 1919 и 1921 гг., Муссолини подчеркивал некоторые программные пункты фашизма. Он провозглашал отказ от либерального парламентского режима, необходимость установления нового типа политического представительства, основанного на производственной деятельности и на самом строгом принципе разделения компетенций. По существу, однако, он всегда отказывался от каких-либо более определенных обязательств реформы и неоднократно хвастался программным релятивизмом фашизма»²¹.

«При переменах,— учил Макиавелли,— необходимо сохранять тень прежних установлений, чтобы народ не подозревал о перемене порядка. Большинство людей больше боится внешности, чем сущности». Надо полагать, что Муссолини хорошо усвоил уроки «великого мастера политики», которому он отдал дань уваже-

²¹ *Aquarone A. L'organizzazione dello stato totalitario. Torino, 1965, p. 3—4.*

ния в одной из своих статей, названной «Прелюдия к Макиавелли». Характерная особенность фашистской власти в этот период в том, что она осуществлялась в рамках старой конституции и без изменения основных государственных законов. Механизм этой диктатуры определялся фактической, а не юридической силой фашистской партии. «Я очень заботился о том, — говорил позднее Муссолини, — чтобы не затронуть главные столпы государства». И комментируя эти слова своего вождя, фашистский автор Эрколе писал: «Главные столпы государства — монархия, церковь, армия, статут. Благодаря этому Муссолини удастся, как он сам скажет, привить революцию к стволу старой легальности, ускорив тем самым вхождение фашизма в орбиту старой конституции»²².

Это была конституция монархического государства, страны, в которой живы еще идеалы Рисорджименто — объединения, осуществленного под скипетром Савойской династии. Авторитет монархии был еще высок, и он все более давил на фашизм по мере расширения его массовой базы и продвижения к власти. Продвигаясь к власти, фашизм проделал весь тот путь, который лежал между его республиканскими лозунгами первого периода и превращением его вождя в главу королевского правительства. Главное — это власть, а вопрос о монархии — это в конечном счете только форма.

В этом же чисто утилитарном духе рассуждали фашисты, по-видимому, и в вопросе об отношении к церкви. Италия — католическая страна. Авторитет церкви в ней всегда был высок, и он также давил на фашизм по мере расширения его массовой базы и продвижения к власти. И здесь фашизм отрекся от своих лозунгов первого периода, пройдя путь от атеизма до превращения своего вождя в главу правительства в католической стране.

Вряд ли можно говорить об активном сотрудничестве Ватикана с новым правительством. Однако бесспорно, что именно в это время активизируются усилия на пути к преодолению вражды между церковью и государством в Италии. Инициатива в этом деле принадлежала фашистам. Уже вскоре после своего прихода к власти новое правительство приняло решение об ассигновании 3 млн. лир на реконструкцию церквей, пострадавших во время войны. Большое символическое значение имело решение правительства о передаче Ватикану библиотеки дворца Киджи. Но, пожалуй, самым главным мероприятием в этом направлении была школьная реформа, за проведение которой взялся министр просвещения нового правительства известный итальянский философ Джованни Джентиле. Он взял на себя далеко не простую задачу — добиться синтеза национализма и католицизма в воспитании молодежи. В школу должно было вернуться распятие, со-

²² *Ercole F. Storia del fascismo*, vol. II. Milano, 1939, p. 14.

проводимое латынью, националистическими идеями, соответствующим эстетическим воспитанием, а также убеждением, что государство должно активно руководить жизнью общества и отдельных его членов. Уже первые проекты нового правительства в области школьного образования заслужили похвалу печатного органа Ватикана, газеты «Оссерваторе Романо»²³.

Сами фашисты писали в связи со своей эволюцией в сторону религии о «политике религиозного репрессанса». Нельзя не отметить, однако, что для фашистских вождей религия никогда не была самоцелью, самодовлеющей ценностью. Они рассматривали ее только как очень важное орудие в политической борьбе. Было бы наивно думать, что Муссолини пережил некий «религиозный кризис», что с ним случилось религиозное «обращение», как с надменным Савлом на пути в Дамаск. Не внутреннее духовное родство сближало фашизм с алтарем, а практическая необходимость, политические цели. Для фашизма сотрудничество с католической церковью было средством власти в католической стране.

Не затронув, как они говорили, «главных столпов государства», фашисты вносят изменения прежде всего в методы и дух государственного управления. Создание правительства, фактически — именно фактически, а не юридически — вставшего над парламентом, было первым, но далеко не единственным изменением такого рода. Сразу после прихода фашистов к власти местная администрация подпадает под контроль фашистских провинциальных организаций. При префектах появляются политические уполномоченные, которые осуществляют «политический надзор». К руководителям важнейших государственных учреждений также приставляются фашистские уполномоченные.

Сами фашисты определяли первый период своей власти как диктатуру фашистского правительства или диктатуру фашистской партии над старым либеральным государством²⁴. Важной гарантией этой диктатуры стали два новых института — Большой фашистский совет (БФС) и Добровольная милиция национальной безопасности (ДМНБ). Оба эти института были созданы уже вскоре после прихода фашистов к власти, но опять-таки не вопреки, а как бы в обход старых законов и старой государственной системы.

БФС был создан в декабре 1922 г. на базе дирекции фашистской партии. В БФС входили также все министры-фашисты и некоторые местные фашистские лидеры по личному назначению Муссолини. Сам Муссолини стал председателем БФС. Этот совет фактически — опять именно фактически, а не юридически — контролировал все декреты и законопроекты перед внесением их в парламент. Через своих членов, состоявших в правительстве, он контролировал правительство.

²³ «Osservatore Romano», 6.I 1923.

²⁴ *Ercole F. Storia del fascismo*, vol. II, p. 11, 51.

Созданием ДМНБ Муссолини преследовал прежде всего цель покончить с фашистской вольницей, которая ставила свое обычное право выше писаного закона. Об этом было даже записано в уставе фашистской милиции от 3 октября 1922 г., т. е. до прихода фашистов к власти. Но теперь, придя к власти, Муссолини хотел заставить уважать писанный закон по крайней мере в той его части, которая обеспечивала приоритет и власть правительства. В противном случае страна оказалась бы во власти анархии, а лозунгом правительства Муссолини были нормализация и порядок. Но фашистские отряды продолжали свои самочинные действия и после прихода к власти. Многие даже сочувствующие фашистам элементы были недовольны продолжающимся на местах террором фашистских боевиков. Одним из наиболее трагических эпизодов этого террора было убийство фашистами в Турине в течение одной декабрьской ночи 1922 г. не менее 15 социалистов и коммунистов. Поводом к этим убийствам послужило то, что накануне в городе были обнаружены трупы двух фашистов. Вряд ли Муссолини был искренен в осуждении акта мести туринских фашистов. Его бурная реакция, о которой рассказывает в своих воспоминаниях Массимо Рокка²⁵, была вызвана скорее всего опасениями возможного обострения общего политического положения в стране.

Во всяком случае Муссолини решил прибрать к рукам фашистскую вольницу. Королевский декрет от 14 января 1923 г. дал юридическое признание фашистской милиции²⁶. Вскоре вслед за этим она была преобразована в ДМНБ, подчиненную непосредственно главе правительства. Это должно было бы, как тогда многим казалось, дать известные гарантии против фашистских самоуправств на местах, тем более что глава ДМНБ генерал Де Боно был одновременно шефом полиции. Но это же стало еще одним шагом на пути к преобладанию исполнительной власти в лице фашистского правительства над законодательной в лице короля и парламента. Иными словами, это стало еще одним шагом на пути к укреплению террористической фашистской диктатуры в целом. Передача ДМНБ в юрисдикцию главы правительства, а не государства усиливала личную власть Муссолини. Благодаря БФС и ДМНБ он располагал теперь такой силой и влиянием, которые и не снились его предшественникам на посту премьера.

Это был фашистский вариант усиления авторитета власти, или, согласно терминологии того времени, усиления «политического государства». В программной речи Муссолини в Удине накануне прихода к власти усиление «политического государства» связывалось с задачей по расформированию «экономического государства». Имелся в виду отказ от вмешательства государства

²⁵ *Rocca M.* Come il fascismo divenne una dittatura. Milano, 1952, p. 148.

²⁶ *Torre La M.* Cento anni di vita politica ed amministrativa italiana, vol. II. Firenze, 1953, p. 28.

в экономическую жизнь страны. «Мы хотим,— сказал тогда Муссолини,— освободить государство от всех его экономических атрибутов. Долой железнодорожное государство, почтовое государство, страховое государство. Долой государство, разоряющее всех итальянских налогоплательщиков и обременяющее и без того истощенные финансы итальянского государства»²⁷.

Муссолини приступает к осуществлению этой задачи, используя чрезвычайные полномочия, данные ему парламентом для реорганизации административного аппарата и приведения в порядок финансов. Особенно глубокое удовлетворение крупного капитала вызвал декрет об отмене именной регистрации ценных бумаг. Это был один из первых декретов нового правительства. Затем была распущена комиссия по проверке военных прибылей. Государство таким образом отказывалось от вмешательства в сферу частных финансовых отношений в той части, где это могло затронуть интересы прежде всего крупного капитала. В этом плане мероприятия нового правительства совершенно определенно отвечали интересам крупного капитала. Гораздо более сложным представляется вопрос с отказом от государственных субсидий для крупной, главным образом военной, промышленности.

Дело в том, что иной раз специфика фашизма растворяется в общем определении «послушного орудия в руках монополий», и поэтому буквально все мероприятия нового правительства рассматриваются как защита интересов крупного промышленного и финансового капитала. Это опять-таки упрощение, в связи с которым встает, в частности, затронутый уже выше вопрос о государственных субсидиях промышленности. Разве крупные промышленники не были заинтересованы в таких государственных субсидиях? Разве не они воспрепятствовали предшествующим правительствам осуществить необходимые в этом отношении мероприятия? Весьма показательны в этой связи, что многие из прежних руководителей узнавали в мероприятиях новой власти свои собственные давнишние проекты по уменьшению бремени государственных субсидий и государственного вмешательства в сферу частных финансовых и экономических отношений вообще. «Экономическая политика правительства,— писал Франческо Нитти,— есть лишь осуществление моей экономической программы, моих проектов». Приблизительно то же самое утверждал и Иваноэ Бономи: фашизм проводил в жизнь большинство предложений, разработанных его, Бономи, правительством. В том же духе высказывался и лидер «Пополяри» Луиджи Стурцо: «Поскольку дела фашистского правительства целесообразны, они не что иное, как продолжение политики Пополяри»²⁸.

Во всех этих утверждениях была доля истины, которую, как мы видели, не отрицал и сам Муссолини. Фашизм принялся про-

²⁷ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. II, p. 320.

²⁸ См.: *Cambo F. Autour du fascisme italien*. Paris, 1925, p. 37; *Bonomi Iv. Dal socialismo al fascismo*. Milano, 1946, p. VIII.

водить в жизнь многое из того, что было намечено предыдущими правительствами, бессильными осуществить свои собственные планы. И, приветствуя в нем силу, способную избавить его от «красной опасности», крупный капитал должен был примириться с невыгодным для себя отказом от государственных субсидий. Этой ценой он приобретал уверенность в завтрашнем дне и право на существование.

Используя настроения средних слоев населения и страх крупного капитала перед «красной опасностью», фашистское правительство начало проводить политику отказа от хозяйственного этатизма и развязывания частнохозяйственной стихии. И это не только в промышленных, но и в аграрных отношениях: прекращаются государственные субсидии сельскохозяйственным кооперативам и другим общественным организациям. Широко поощряется частная инициатива и предпринимательство. Отменяется закон о наследовании 1920 г. и заменяется новым, значительно снижающим налоги на наследство и вовсе освобождающим от налога ближайших родственников. Снимаются ограничения квартирной платы. Отменяется страхование на случай старости. Денационализируются телефонные предприятия и радиотелеграф. Отменяется спичечная монополия. Ставится вопрос о переходе в частные руки некоторых железных дорог, а значительное число рабочих и служащих, работающих в этой отрасли хозяйства, увольняются. В первую очередь увольняются люди, известные своими революционными настроениями. Но все это делается в конечном счете под флагом самой жесткой экономии государственных средств. За первый год своей власти новое правительство сокращает на железных дорогах около 50 тыс. человек, а в государственном аппарате — около 30 тыс. Это сопровождается критикой старых правительств, которые из опасений социальных осложнений превратили государство в «благотворительное общество».

Антирабочая направленность политики нового правительства находит свое наиболее яркое выражение в фактическом отказе от 8-часового рабочего дня, завоеванного рабочими в предшествующий период. Сначала это допускается как исключение, а затем — путем хорошо подготовленного и организованного «жертвенного» решения самих рабочих профсоюзов — становится правилом. В этом же плане обращает на себя внимание общая налоговая политика правительства, которая переносит центр тяжести с прямых налогов на косвенные, а прямые налоги из прогрессивных превращает в пропорциональные. И это также делалось под флагом общенациональных задач по подъему экономики, «расплатанной в результате слабости и безволия предшествующих правительств».

Принимаются меры к привлечению иностранных капиталов. Еще в июле 1922 г., т. е. до прихода к власти, римская газета «Мессаджеро» опубликовала специальную анкету для исследования причин, в силу которых приток иностранного капитала в

Италию сведен практически на нет. В результате, как и следовало ожидать, выяснилось, что главной причиной, удерживающей иностранных капиталистов от вклада своих денег в итальянские предприятия, была «неустойчивость политического и социального положения страны». Теперь, с установлением «сильного правительства» и уменьшением налогов на капитал, фашизм надеялся также на приток капиталов из-за границы.

Но главное, конечно,— это разрыв с политикой субсидий и увеличение ставок косвенных налогов. Власть открыто призывает граждан копить и обогащаться. Новое правительство, отвергая политические права и свободы, не хочет прибегать к стеснениям экономической самостоятельности индивида. Отсюда понятен жест Муссолини, который после прихода фашистов к власти объявил их «либералами в классическом смысле этого слова». Не слишком искушенные в политической премудрости, наслышанные о гнусных свойствах либерального государства, многие фашисты, наверное, долго не могли понять, как и почему они вдруг сделались классическими либералами.

Действительно, было нечто парадоксальное в сочетании государственного культа с государственным самоотречением — сочетании, столь характерном для периода сразу после прихода фашистов к власти. Но, как это всегда бывает, идеологическое обоснование не заставило себя ждать. Оно было в духе английского гильдеизма: «Только тогда государство становится великим, когда оно отказывается от господства над материей и господствует над духом».

Фашизм продолжал идти по пути усиления правительственной власти, а не преобразования законодательной. С этой целью и был разработан законопроект о реформе избирательной системы, предложенный фашистским депутатом Ачербо. Законопроект предусматривал переход от пропорциональной к мажоритарной системе выборов. Партия или блок партий, собравшие на выборах $1/4$ часть голосов, получали $2/3$ мест в парламенте. А оставшаяся треть парламентских мест должна была распределяться между другими партиями пропорционально числу поданных за них голосов. Такого рода система преподносилась как средство для создания устойчивого правительственного большинства. И уж, конечно, фашисты надеялись, опираясь на свое господствующее положение, сколотить блок партий, который сумеет получить на выборах $1/4$ часть голосов избирателей и занять соответственно $2/3$ мест в парламенте.

Наряду с социалистами больше всего в случае принятия этого законопроекта пострадала бы партия «Пополяри». И растущее недовольство фашизмом в этой партии отразилось в принятой на ее съезде в апреле 1923 г. резолюции, направленной на защиту старой пропорциональной системы. Эта резолюция отражала оппозицию фашизму, проводимую лидером партии Луиджи Стурцо. Затем последовала отставка членов правительства, принадлежав-

ших к этой партии, что, однако, при наличии всей полноты власти в руках Муссолини не привело к правительственному кризису. Напротив, кризис начался внутри самой партии «Пополяри», где значительно активизировались правые группы, недовольные отказом своей партии от сотрудничества с правительством.

Фашисты оказывали давление на Ватикан, заявляя, что если они не добьются от партии «Пополяри» принятия законопроекта Ачербо, то против церкви поднимется волна насилий. Ватикан же в свою очередь оказывал давление на партию «Пополяри». Через третье лицо до сведения Стурцо довели о желании Ватикана, чтобы он ушел от руководства «Пополяри»²⁹. В значительной мере уступая этому давлению, 10 июля 1923 г. Стурцо ушел в отставку. Это было преподнесено как поражение противников нормализации обстановки.

Отметим, что предложение фашистов о реформе избирательной системы вызвало определенное удовлетворение среди части либералов и демократов. Это вселило в них надежды, что Муссолини не будет ломать парламентский строй, введет фашизм в русло обычного буржуазного правопорядка, или, как тогда говорили, «нормализует» его. Эти надежды усиливались, наряду с прочим, решением Большого фашистского совета в апреле 1923 г. об упразднении института политических уполномоченных³⁰. Тем самым, по крайней мере с внешней стороны, ликвидировался параллелизм в работе государственных и партийных органов, а точнее, подчинение первых вторым. Эта мера была проведена Муссолини в плане его борьбы с усилением местной партийной олигархии, но была также в известной мере и уступкой общественному мнению, возмущенному произволом фашистских уполномоченных в отношении представителей государственной власти. Характерно, что газета «Джорнале д'Италия» писала: «Эта мера принесет удовлетворение всем тем, кто хотел бы подчиняться государственной власти, а не безответственным посторонним элементам»³¹.

Политика нормализации, была ли она мифом или реальностью? Итальянский исследователь Альберто Аквароне считает, что тенденция в направлении к нормализации имела место в развитии фашизма в это время и была обусловлена внешне определенной реальностью, в которой утверждал себя новый режим. Он пишет: «Сам характер прихода фашистов к власти, вследствие общности большей части правящего консервативного класса и компромисса Муссолини с этим последним (компромисса не менее реального из-за того факта, что обе стороны шли на него, сохраняя самые серьезные оговорки), способствовал тому, что Муссолини в первое время был очень умеренным в проведении консти-

²⁹ Ferrari F. L'Azione cattolica e il regime. Firenze, 1957, p. 34.

³⁰ Il Gran Consiglio nei primi cinque anni dell'Era Fascista. Roma — Milano, s/a, p. 31—42.

³¹ Цит. по: Сандомирский Г. Фашизм. М., 1923, ч. II, с. 71.

туционных реформ и в преобразовании государства в крайне авторитарном духе. Он ориентировался в принципе на личную власть...» Аквароне присоединяется затем к тезису, позитивному им у других авторов: «Если королевская солидарность шла на пользу восставшим, то именно поэтому она препятствовала подлинной революции. Напротив, в первое время она ее блокировала»³².

Отвлекаясь от терминологии — «восстание», «подлинная революция», — нам представляется, что в очерченных выше рамках находит свое объяснение политика нормализации как определенный этап в укреплении фашистской власти. В этой связи можно, разумеется, говорить и об определенном политическом маневре Муссолини, о его прагматизме. Однако в любом случае нельзя сбрасывать со счетов, что все это вызвало вполне реальную оппозицию внутри фашизма. Сводить эту оппозицию опять-таки только к демагогии значит лишить себя возможности серьезного анализа фашизма как своеобразного исторического явления. Оппозиция внутри фашизма после прихода его к власти — важная проблема фашистского режима в это время. Здесь нашли свое отражение буквально все его аспекты — и социальный, и политический, и психологический.

С проблемой фашистской вольницы, не желавшей считаться с законностью и после прихода фашизма к власти, Муссолини, как мы видели, пришлось столкнуться уже в первые дни и недели своего правления. Тогда эта проблема могла еще показаться чисто психологической. Фашистские сквадристы, чернорубашечники, творившие в течение долгого времени террор и насилие, не могли, казалось, свыкнуться с новой обстановкой, когда их партия оказалась у власти и поэтому естественно не могла допустить неконтролируемого произвола. Очень скоро, однако, выявляются также социальный и политический аспекты проблемы сквадризма.

В марте 1923 г. произошло слияние фашистской и националистической партий. Это были далеко не такие уж однородные партии, как могло бы показаться поверхностному наблюдателю. Выше уже говорилось о специфике фашистской партии с ее массовой базой в лице главным образом средних слоев населения, а также о Муссолини, который пытался предстать в глазах масс в псевдореволюционном облики. Националисты же были открытыми идеологами крупного капитала, имели откровенно империалистическую программу и выражали определенно реакционные, а также монархические тенденции. Вот что пишет по этому поводу бывший в то время членом фашистского руководства и БФС Массимо Рокка: «В благодарность за искреннее сотрудничество националистов по нормализации положения после похода на Рим Муссолини намеревался включить их в свою партию. Это должно

³² *Aquarone A. Op. cit.*, p. 5.

было также успокоить двор, которому националисты были преданы. В то время как Де Векки и я поддерживали это намерение Муссолини, оно встретило сопротивление со стороны нашей партийной олигархии, которая затормозила слияние на несколько месяцев». И далее следует забавный эпизод, который, однако, весьма показателен: «...На большом собрании в Милане с участием дуче я заметил, как были разгневаны Теруцци и Бианки из-за того, что присутствующие аплодировали больше королю, чем дуче»³³.

Мы встречаемся здесь с известными в то время именами руководителей фашистской партии. Однако их настроения, схваченные в данном эпизоде, еще в большей мере были показательны для среднего руководящего звена значительной части рядовых фашистов. В более широком социальном плане можно, по-видимому, говорить о настроениях средних слоев населения, составляющих ядро массовой базы фашизма. Объективная историческая логика, обусловленная интересами, чувствами и действиями человеческих масс, имеет свои законы и знает свои категории. Эта логика не уместилась в определенные рамки, возводимые Муссолини в интересах «большой политики». Отсюда конфликты и столкновения внутри фашизма, которые, как правило, являлись выражением своего рода «бунта» средних слоев населения.

Средние слои населения стремились к более радикальным переменам, которые превратили бы их действительно в новый правящий класс — иллюзия, которую они питали, пополняя ряды фашизма. Более интеллектуальные и начитанные из них руководствовались при этом тезисами Парето и Моска, согласно которым задачей революции, — а фашисты выдавали свой приход к власти за революцию — важнейшей ее задачей является смена правящих классов. Характерным для такого рода умонастроений было озлобление фашистов «первого часа», главным образом выходцев из средних слоев населения, против фашистов «последнего часа», главным образом крупной буржуазии и аграриев, перешедших теперь от поддержки движения к прямому и непосредственному участию в нем. Логика фашистов «первого часа» могла бы быть выражена примерно так: «Быть может, хотят, чтобы мы, отдав фашистской революции свою энергию и кровь, стали бы обслуживать интересы старых конституционных клик консерваторов и разжиревшей буржуазии?»³⁴ Весьма показательны также в этом отношении конфликты и столкновения между фашистами и националистами как до, так и после их объединения. Националисты, которые были откровенными идеологами крупной буржуазии, в течение долгого времени не могли раствориться в местных фашистских организациях, состоящих в основном из представителей средних слоев населения. Бывших националистов окружало здесь

³³ *Rocca M.* Op. cit., p. 117.

³⁴ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 85, л. 50.

недоверие, а то и прямая враждебность, в отличие от центральных органов партии, где они «прижились» очень быстро.

В известной мере настроения средних слоев находили свое выражение в сквадрах, которые сохранялись на местах и после создания Добровольной милиции национальной безопасности. Сохранение этих сквадр было своего рода компромиссом. Милиция служила Муссолини, чтобы гарантировать его власть, а сквадры служили местным фашистским главарям, чтобы обеспечить их приоритет перед лицом конституционных властей на местах. А может быть, и против самого Муссолини?.. Местных фашистских главарей называли «расами», по аналогии с мелкими абиссинскими князьками. Они отказывались подчиняться органам государственной власти, направляли террор своих сквадр не только против пролетариата, но зачастую и против буржуазии. Часть средних слоев населения вкладывала во все эти действия свои антибуржуазные чувства. И у буржуазии вызывали опасения эти приведенные в движение и частично вооруженные средние слои.

Муссолини блуждал в этом сложном сплетении интересов, чувств и страстей, как в лабиринте. Он отстаивал авторитет государственной власти, но в то же время не хотел терять влияние и в организациях, не зависящих от государства. Он защищал интересы крупного капитала, но в то же время не хотел терять влияния и в средних слоях населения. Во всяком случае, хотя Муссолини и стоял в целом в это время за нормализацию, именно с его санкции в мае 1923 г. были исключены из партии фашистские депутаты Мизури и Пигетти, выступавшие против погромной деятельности.

Проблема нового режима в это время по-своему раскрывается в единстве и противоречиях центральной власти не только с местным фашизмом, но и с фашистским синдикализмом. Это одна из наиболее сложных коллизий в фашизме, в которой пашла свое выражение проблема не только средних слоев населения, но и массовой базы фашизма вообще. В исторической перспективе эта проблема связана с характером и особенностями развития фашистского синдикализма.

Первый фашистский профсоюз был создан 28 февраля 1921 г. в Борео Сан Бартоломео, в провинции Феррара³⁵. А 12 июня 1921 г. в Ферраре состоялся съезд так называемых «экономических профсоюзов», формально независимых от какого-либо политического течения, но возглавляемых почти везде фашистами. Эти профсоюзы, продолжая в известной мере традиции национальных профсоюзов периода войны, руководствовались в своей борьбе принципом «интересы нации». С пропагандой этого принципа выступил фашист Эдмондо Россони. Он говорил, что «в новых профсоюзных организациях должны найти место все категории труда и мысли, чтобы сочетать групповые интересы с общена-

³⁵ Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista, vol. V, p. 319.

циональными»³⁶. Иными словами, речь шла о попытке растворить классовое сознание в «общенациональном». И этой же цели отвечал принцип «независимости профсоюзов от политических партий», положенный в основу объединения так называемых «экономических профсоюзов» в Ферраре³⁷.

В своей большей части фашистское профсоюзное движение развивалось в первое время в русле этих формально независимых «экономических профсоюзов». С самого начала движение имело тенденцию к переходу от классового принципа профсоюзов к принципу единой организации хозяев и рабочих. Фашистские профсоюзные руководители — в основном воспитанные на Сореле бывшие синдикалисты — оправдывали этот переход к идее классового сотрудничества главным образом ссылками на «общие интересы нации». Однако не лишне будет напомнить, что и у самого Сореля были некоторые высказывания, которые стимулировали мысль в направлении к идее классового сотрудничества.

Упиваясь мистикой силы, проповедуя героические действия и ожесточенную классовую борьбу, Сорель имел при этом в виду интересы не только пролетариата, но и нации в целом: «Насилие пролетариата не только обеспечивает грядущую революцию, но представляет, кажется, единственное средство, которым европейские нации, отупевшие от гуманизма, располагают, чтобы вновь ощутить в себе прежнюю энергию. Такое насилие заставляет класс капиталистов заняться исключительно своим настоящим делом и стремиться возратить ему те воинственные качества, которыми он некогда обладал... Все может быть спасено, если путем насилия пролетариату удастся резко разграничить классовые интересы и вдохнуть в буржуазию некоторую долю ее прежней энергии...»³⁸

Таким образом, классовая борьба оказывалась средством для четкого самоопределения классов. А дальше? Дальше напрашивалась сама собой идея творческого сотрудничества познавших себя и свою производственную роль, закаленных насилием и пронизанных доблестью борьбы, дифференцированных общественных классов. Сам Сорель такого вывода не делал. Но к нему приходят воспитанные на нем фашистские профсоюзные организаторы. Они назвали себя «камератами», т. е. воспользовались популярным уже среди пролетариата обращением «товарищ», но в немецком звучании этого слова. Этим они как бы отмежевывались и от социалистов с коммунистами, употреблявших обращение «компаньо», и от русских «товарищей».

Фашистские «камераты» отстаивали принцип объединения

³⁶ Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista, vol. III. Firenze, 1929, p. 352.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907, с. 27, 32.

рабочих и предпринимателей в одной организации. Отсюда термин «корпорации», т. е. производственные объединения, который они употребляли в названиях своих профсоюзов. Сама эта идея уже в новое время нашла свое наиболее яркое выражение в папской энциклике «Рерум Новарум» в XIX в. Правда, там необходимость создания корпораций выводилась из принципов христианской морали, у фашистов же — из общих национальных интересов. Как бы то ни было, но на практике сотрудничества классов в корпорациях добиться было очень трудно. В деревне фашистским профсоюзам удалось перетянуть на свою сторону сравнительно небольшое число батраков и рабочих. Но в процентном отношении по сравнению с примкнувшими к фашизму аграриями они составляли уже большинство. И профсоюзы под их давлением увлекались иногда на путь забастовочной борьбы против хозяев. Естественно, что это вызвало недовольство хозяев, которые не хотели вступать в фашистские профсоюзы, хотя, как правило, и использовали их для борьбы с классовыми профсоюзами. В городе фашистские профсоюзы были слишком ничтожной силой для того, чтобы играть сколько-нибудь существенную роль в борьбе против классовых профсоюзов. Поэтому многие промышленники вначале вообще не видели в них пользы, тем более что они сохранили страх перед любой формой организации рабочего класса.

Важно отметить, что фашистские «камераты» выдвигали идею обновления государственной жизни через корпорации. В послевоенной Италии — и не только в Италии — эта идея буквально носилась в воздухе. Говорили, что существующая система политического представительства не соответствует духу и требованиям времени — ведь когда появились парламенты, не было торговых палат, палат труда, профсоюзов и других подобных организаций, называемых одним общим именем «корпорации». Теперь такого рода корпорации приобретают все больший вес и значение в современном обществе. Поэтому господство неорганизованных масс, порождающее часто невежественных и безответственных политиков, должно быть заменено корпоративным представительством. Характерно, что одними из первых в Италии эту задачу официально выдвинули социалисты, точнее социалисты-реформисты. Они надеялись путем введения принципа профессионального представительства усилить влияние рабочих в государстве. В корпоративной системе они увидели первый шаг к осуществлению классового начала в хозяйственной жизни, к ограничению власти буржуазии и к проведению социализации промышленности. Уже 30 ноября 1918 г. на совместном совещании представителей ВКП, Лиги социалистических кооперативов и парламентской фракции Итальянской социалистической партии (ИСП) был поставлен вопрос о передаче совещательным профсоюзным органам полномочий парламента в

отношении издания социальных законов³⁹. А на совещании руководства ВКТ в конце января 1919 г. было прямо выдвинуто требование о трансформации парламента в «корпоративную палату», выборы в которую происходили бы на основе представительства от отдельных категорий и профессий⁴⁰. В опубликованной тогда же, в январе 1919 г., программе Народной партии был пункт о преобразовании сената на корпоративных началах. Более или менее аналогичное требование выдвигалось в «Фиуманской хартии», составленной Д'Аннунцио совместно с Де Амбрисом.

Таким образом, фашизм в этой области не явился каким-то дерзновенным и оригинальным новаторством. Прослеживая развитие в нем идеи корпоративного представительства, можно отметить, что уже на первом собрании фашистов, 23 марта 1919 г., Муссолини говорил: «Настоящее политическое представительство нас не удовлетворяет. Мы хотим прямого представительства профессиональных интересов. Против этой программы можно сказать, что это — возврат к корпорациям. Не важно!.. Я хотел бы, чтобы собрание приняло с экономической точки зрения требования национального синдикализма»⁴¹. Корпоративное начало выдвигалось фашизмом как своего рода символ новой большой эпохи. Однако в 1919 и 1920 гг. идеи корпоративизма формулировались фашистами очень бегло и неясно. В основном они ограничивались требованиями о создании так называемых «технических советов», избираемых профсоюзами и наделенных законодательными полномочиями. В то же время часть фашистов, придерживаясь старой доктрины революционного синдикализма, предвкусывала в конечном счете полное растворение государства в профсоюзах.

Однако в программе фашистской партии в ноябре 1921 г. был закреплён курс на усиление «политического государства», что, естественно, исключало возможность такого «растворения». Усиление роли профсоюзов мыслилось лишь в рамках расформирования «экономического государства». Именно в этих рамках в программе шла речь о передаче части государственных функций техническим советам, избираемым профсоюзами. «Компетенции парламента,— отмечалось в программе,— подлежат вопросы, касающиеся индивида как гражданина государства, и государства как органа защиты высших национальных интересов. Компетенции же национальных технических советов подлежат вопросы, касающиеся различных категорий индивидов как производителей». В специальном разделе программы, посвященном корпорациям, фашизм объявил о своем стремлении направить их развитие к национальным целям. «Корпорации,— отмечалось в программе,— должны развиваться

³⁹ «Avanti!» (М.), 2.XII 1918.

⁴⁰ «Avanti!» (М.), 2.II 1919.

⁴¹ *Mussolini B. La dottrina del fascismo*, ed. Hoepli. Milano, 1935, p. 21.

в соответствии с двумя главными задачами: как выражение национальной солидарности и как средство развития производства»⁴².

Это стремление к более строгому подчинению фашистских профсоюзов (корпораций) целям и руководству фашистской партии нашло свое выражение на общенациональном съезде фашистских профсоюзов в Болонье в январе 1922 г. На съезде были представители руководства фашистской партии. И одним из первых было принято решение о том, что все организованные фашистами профсоюзы не будут больше аполитичными, а станут фашистскими, т. е., иными словами, будут подчиняться вновь образованной партии⁴³.

Для воспитанных на Сореле фашистских профсоюзных деятелей решение, казалось бы, неожиданное. Но оно было принято как бы в развитие идей самого Сореля. И это может быть интересным примером для анализа фашизма. Да, аргументировали свою позицию фашисты, Сорель действительно выступал против подчинения профсоюзов партиям, состоящим из «политиканствующих демагогов». К сожалению, однако, практика показывает, что на позициях аполитичности профсоюзам долго удержаться не удастся. Рано или поздно они становятся добычей такого рода демагогов. Так вот, чтобы этого не случилось, они должны стать под начало фашистской партии. С такими или примерно такими аргументами выступили в данном вопросе фашисты. При этом как бы само собой подразумевалось, что уж фашистская партия никак не может сама оказаться в роли того «политиканствующего демагога», от которого у нее искали спасения.

По предложению генерального секретаря фашистской партии Микеле Бианки на съезде фашистских профсоюзов в январе 1922 г. была принята резолюция о том, что все руководимые фашистами профсоюзы должны трансформироваться в корпорации во главе с Итальянским федеративным союзом⁴⁴. В соответствии с этой резолюцией здесь же на съезде было объявлено о пяти национальных фашистских корпорациях: промышленного труда, сельскохозяйственного труда, торговли, средних классов и интеллигенции, работников моря⁴⁵. Впоследствии один из фашистских теоретиков, Франческо Эрколе, писал: «Не было еще никакой ясности и определенности в путях перехода к синдикализму более широкому, имеющему тенденцию дать органическое единство различным факторам производства, с тем чтобы привести их к взаимному сотрудничеству в национальном и государственном плане. Мы еще были очень далеки от того,

---

⁴² Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista, vol. III, p. 640—647.

⁴³ Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista, vol. IV, p. 32.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibid., p. 33.

что позднее будет названо корпоративной экономикой, хотя уже с февраля 1922 г. Муссолини писал о профсоюзах производителей, которые смогут, возможно, в отдаленном будущем стать ячейками нового типа экономики. Даже терминология была тогда еще очень неопределенной. Уже говорили о корпорациях, но так называли и профсоюзы, состоящие только из рабочих, и профсоюзы, состоящие из рабочих и хозяев вместе»⁴⁶.

Таким образом, содержание фашистского синдикализма, перерастающего в корпоративизм, конкретизировалось постепенно. В резолюции, принятой на съезде фашистских профсоюзов в январе 1922 г., основной упор делался на общую концепцию нации: «Нация, понимаемая как высший синтез материальных и духовных ценностей народа, стоит над индивидом, профессиональными категориями, классами. Индивиды, профессиональные категории и классы являются лишь инструментами, которые служат нации для достижения ее большего величия. Интересы индивидов, профессиональных категорий и классов приобретают право законности при условии, что они находятся в рамках высших интересов нации. Профсоюзная организация — инструмент защиты труда против всех форм паразитизма — должна стремиться развивать у своих членов сознание того, что кроме класса есть родина и общество»⁴⁷. Характерно также, что на съезде было принято решение об объявлении дня основания Рима — 21 апреля — итальянским праздником труда⁴⁸. Национальная традиция здесь противопоставлялась интернациональной традиции, выраженной в праздновании 1 Мая как дня солидарности трудящихся всех стран.

В первое время фашистские профсоюзы допускали забастовку, но лишь как крайнее средство, как исключение. В то же время ни при каких обстоятельствах не допускалось прекращение работы общественных и государственных предприятий, обслуживающих непосредственные нужды населения, — транспорт, связь и т. д.⁴⁹ Руководствуясь этими принципами, фашистские профсоюзы во время забастовок трудящихся, организованных в классовые профсоюзы, играли очень часто роль штрейкбрехеров.

На своем съезде в январе 1922 г. фашистские профсоюзы подсчитывают силы. Согласно официальным данным, число организованных ими трудящихся составляет в это время 250 тыс. человек⁵⁰. К июню 1922 г., когда делегаты от фашистских профсоюзов собираются на свой съезд в Милане, это

---

⁴⁶ *Ercole F. Storia del fascismo, vol. I. Milano, 1939, p. 124—125.*

⁴⁷ *Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista, vol. IV, p. 33.*

⁴⁸ *Ibid., p. 34.*

⁴⁹ *Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista, vol. V, p. 320.*

⁵⁰ *Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista, vol. IV, p. 33.*

число возрастает уже до 458 тыс., из которых 227 тыс. (50%) — крестьяне и батраки и 72 тыс. (15,7%) — рабочие⁵¹.

Выступая на Миланском съезде профсоюзов, Муссолини обратил особое внимание на необходимость для фашизма завоевания широких масс трудящихся: «Мне говорили, что имеется 16 или 18 или 20 млн. трудящихся умственного и физического труда. Можем ли мы пренебречь ими? Должны ли мы рассматривать их как низменную и трудно обрабатываемую массу? Можем ли мы позволить, чтобы эта масса, отнюдь не низменная и трудно обрабатываемая, продолжала бы оставаться монополией красных...?»⁵²

Эта задача борьбы за массы причудливо переплеталась в фашизме с синдикалистской идеей «избранного меньшинства». В своем выступлении в Удине накануне прихода к власти Муссолини высмеивал демократическое и социалистическое обожествление масс. Он ссылался на опыт истории, который, по его мнению, показывает, что «именно меньшинство всегда производит глубокие социальные потрясения». Он сравнивает массы с сырым материалом, «из которого художник лепит свой шедевр»⁵³. Однако вместе с тем фашизм понимает силу масс, стремится привлечь их на свою сторону, и эта его черта находит свое наиболее яркое выражение именно в фашистском синдикализме. Как пишет Эрколе: «Оригинальность фашистского синдикализма состояла в том, что он основывался прежде всего на инициативе избранного меньшинства. Поэтому он исходил из инстинктивного недоверия к массам, не отказываясь, однако, от того, чтобы привлекать их в свои ряды и делать их своими»⁵⁴.

Нужно полагать, что именно этими сугубо утилитарными соображениями по привлечению масс руководствовался Муссолини, когда он разговаривал с рабочими. Так, уже после своего прихода к власти, выступая в декабре 1922 г. перед рабочими, он демагогически воскрешал свои «трудовые семейные традиции». Он говорил о своих предках, которые были крестьянами, об отце, который был кузнецом, наконец, о себе самом, как о человеке, который с юности занимается трудом и поэтому, дескать, не может быть врагом труда⁵⁵. Выступая перед рабочими в начале января 1923 г., Муссолини уверял их в своей любви к рабочим вообще, но прежде всего к итальянским рабочим: «Прежде чем любить французов, англичан и готтентотов, я люблю итальянцев, людей одной со мной крови, одних привычек, одного языка, одной истории». И далее

---

⁵¹ *Chiurco G.* Storia della rivoluzione fascista, vol. IV, p. 145.

⁵² *Ibidem.*

⁵³ *Mussolini B.* Scritti e discorsi, vol. II, p. 312—313.

⁵⁴ *Ercole F.* Storia del fascismo, vol. I, p. 124.

⁵⁵ *Mussolini B.* Scritti e discorsi, vol. III, p. 37—38.

следовали нападки на абстрактный интернационализм, который якобы отрицает родину, нацию, государство⁵⁶.

Уже в первый период своего существования фашистским профсоюзам частично удалось преодолеть непримиримое отношение к государству, характерное для сорелевского синдикализма, идеями которого они питались. Теперь, после захвата фашистами власти, перед ними с неумолимой логикой вставала задача приобщения рабочих не только к «национальной солидарности», но и к «национальной государственности». Правда, они стремились одновременно к преобразованию формально сохранившегося в Италии так называемого либерального государства в «корпоративное государство». Но сам факт эволюции фашистских профсоюзов в сторону государственности был налицо, особенно после захвата фашистами власти. И эта их эволюция не была оригинальной, будучи сходной с эволюцией идей, в частности, английского «гильдейского социализма». Этот последний, в своих новейших к тому времени тенденциях, например во Франции, подошел к отождествлению классового интереса пролетариата с интересами национальной экономики в целом.

Одно из первых воззваний фашизма уже после победы было обращено к людям труда и имело своей целью внушить им сознание общности их интересов с интересами государства в целом. «Трудящиеся, — гласило оно, — не должны смотреть на правительство как на своего прирожденного врага. Они найдут в правительстве естественное средство своего возвышения». Теперь, после своего прихода к власти, когда фашисты говорили об общности интересов пролетариата с интересами нации, они имели также в виду и интересы государства или правительства.

К моменту съезда фашистских профсоюзов (корпораций) в ноябре 1922 г. они насчитывали уже около миллиона членов. На этом съезде вновь был подтвержден принцип классового сотрудничества и объединения в фашистских профсоюзах «всех без исключения классов, занимающихся всеми видами умственного и физического труда». В резолюции, принятой на съезде, также говорилось: «Конфедерация устанавливает, что общество, опирающееся на профсоюзы, одинаково защищает интересы всех классов и профессиональных категорий... Профессиональная организация не является более специфическим признаком только рабочего класса. Она становится формой организации всей нации, являющейся высшим синтезом всех физических и нравственных качеств нации»⁵⁷. Как говорили в это время сами фашисты: «Заменить классовое сознание национальным, доказать рабочим, что в их интересах отрешиться от группового эгоизма в пользу национальной солидарности — вот задача фашистских профсоюзов»⁵⁸.

⁵⁶ Ibid., p. 50—51.

⁵⁷ Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista, vol. V, p. 336.

⁵⁸ Gorgolini P. Le fascisme. Paris, 1923, p. 277.

Одной из важнейших проблем фашистских профсоюзов были их отношения с другими существующими в стране профсоюзными организациями. После захвата фашистами власти руководители фашистских профсоюзов претендовали на монополию своей организации. В этом плане они добивались прежде всего слияния с другими — более или менее близкими им по духу — профсоюзными организациями. Таким образом, им удалось, например, добиться соглашения о вхождении в свои профсоюзы националистической Федерации итальянских моряков. Это одно из первых соглашений такого рода было подписано уже в декабре 1922 г.

Одновременно руководители фашистских профсоюзов усиленно добивались вхождения в свою организацию двух общенациональных объединений предпринимателей: Всеобщей конфедерации промышленности и Всеобщей конфедерации агрикультуры. Здесь, однако, их постигла неудача. В феврале 1923 г. Всеобщая конфедерация агрикультуры объявила, что она сохранит свою автономию и не вступит в фашистскую профсоюзную организацию. Это решение было принято большинством — 332 секциями из 350⁵⁹. А руководитель Всеобщей конфедерации промышленности ограничился в марте 1923 г. заявлением о поддержке фашистского правительства, ничем не выразив желания своей организации вступить в фашистские профсоюзы⁶⁰.

Руководство фашистской партии, считаясь с силой и интересами обеих предпринимательских конфедераций, вынуждено было признать их автономию. В то же время руководство фашистской партии в ряде случаев поддерживало борьбу фашистских профсоюзов против предпринимателей в промышленности и в сельском хозяйстве. В выступлениях Муссолини того времени довольно часто утверждалось, что фашисты априори отнюдь не исключают средства классовой борьбы. «Но то, что нас отличает от социалистов всех оттенков,— говорил он,— это то, что для них классовая борьба является правилом, а для нас исключением»⁶¹. Именно в профсоюзах, в силу самого характера этого движения, фашисты должны были отразить хотя бы частично классовые требования рабочих, наталкиваясь при этом на сопротивление буржуазии. Отказ Всеобщей конфедерации промышленности и Всеобщей конфедерации агрикультуры от вхождения в фашистские профсоюзы был лишь одним из элементов этого сопротивления. И фашистский автор Эрколе писал в связи с этим о «слабости классового сотрудничества, которое, чтобы быть таковым, должно иметь обоюдный характер». И далее он полагает, что «речь идет об отсутствии достаточного желания, если не вообще о сопротивлении предпринимателей в отношении принятия требований трудящихся»⁶².

⁵⁹ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 21, л. 803.

⁶⁰ Там же, ед. хр. 22, л. 355.

⁶¹ *Ercole F. Storia del fascismo*, vol. II, p. 65—66.

⁶² *Ibid.*, p. 65.

Пытаясь сохранить свое влияние на рабочих, руководители фашистских профсоюзов прибегали иногда к давлению на предпринимателей, пропагандистски раздувая затем эти факты. На заводе Монфальконе в Триесте фашистский профсоюз объявил забастовку протеста против увольнения 25 рабочих. К бастующим присоединились служащие конторы. В Триесте же в ответ на увольнение нескольких своих товарищей забастовали рабочие арсенала, члены фашистского профсоюза. Фашистские профсоюзы в Турине вынесли резолюцию против предпринимателей, уменьшивших заработную плату рабочим, и пригрозили объявить забастовку. В Поджо Пеакре ткачи, недавно вступившие в фашистский профсоюз, отказались работать в знак протеста против уменьшения им зарплат. Когда же им пригрозили полицией, они начали петь «Бандьера Росса» и кричать: «Да здравствует коммунизм!»⁶³. Еще в большей мере, чем о демагогии, эти факты свидетельствовали о том, что классовые противоречия были объективной реальностью. Эти факты свидетельствовали и об идеологической путанице в головах членов фашистских профсоюзов.

Объективной реальностью было и стремление средних слоев населения стать новым «правящим классом». Это стремление находило свое выражение не только в сквадризме, но и в фашистском синдикализме. Руководители фашистских профсоюзов так или иначе играли на этом стремлении, пытались использовать его в своих интересах. Во всяком случае обращает на себя внимание тот факт, что лидер фашистских профсоюзов Россони говорил: «Средние классы всегда приносили самые большие жертвы и подвергались самым жестоким испытаниям, ибо они никогда не действовали в ущерб интересам нации для защиты собственных интересов. Средние классы — мозг нации. Национальное профдвижение должно быть движением избранных, а поэтому оно должно опираться на средние классы»⁶⁴.

Важным условием для утверждения влияния «средних классов» в фашистских профсоюзах явилось то, что эти профсоюзы были открыты для всех, как говорили фашисты, «людей труда». В них находили свое место представители самых различных слоев интеллигенции, средние крестьяне и арендаторы, мелкие торговцы и служащие, чиновники и т. д. и т. п. В процентном отношении всех их вместе взятых в профсоюзах было меньше, чем представителей пролетарских слоев населения. Но это было то самое «инициативное меньшинство», которое играло там главную роль. И в этой связи нельзя упрощенно представлять себе дело так, что рабочие, вступавшие в фашистские профсоюзы, сразу же попадали там под влияние буржуазии. Связь здесь была гораздо более сложной. Рабочие в профсоюзах подпадали прежде всего

---

⁶³ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 23, лл. 11, 66, 228.

⁶⁴ *Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista*, vol. V, p. 334.

под влияние и руководство «средних классов», которые как бы «растворяли» классовое сознание пролетариата в идеологии «общих национальных интересов». И уже через эту идеологию рабочий класс «обезвреживался», что отвечало в конечном счете интересам буржуазии.

Но представители «средних классов» далеко не всегда осознавали свою подсобную роль в этом процессе. Они продолжали считать себя своего рода «третьей силой», призванной навести порядок в обществе, раздираемом противоречиями между пролетариатом и буржуазией. Поэтому многие из них поддерживали, в частности, идею так называемых «групп компетенции», или «технических советов», которая родилась еще до прихода фашистов к власти⁶⁵. На Большом фашистском совете в марте 1923 г. говорилось об этих группах уже в порядке их практической работы и давались установки в отношении их структуры и функций⁶⁶. Эти группы должны были состоять из лиц, компетентных в той или иной отрасли знания, чтобы давать соответствующие рекомендации, например по проведению школьной реформы, а иной раз и брать на себя осуществление определенных мероприятий, в частности в области коммунальных дел, как это делала «группа компетенции» в Милане⁶⁷.

Многие представители «средних классов», являясь именно такими специалистами в той или иной отрасли, увидели в этих группах своего рода канал для распространения своего влияния на ход государственных дел. И эти их чаяния нашли отражение в проекте государственных преобразований, предложенных членом фашистского руководства Массимо Рокка на заседании БФС в апреле 1923 г. Он предложил передать «группам компетенции» часть функций парламента, который, по его мнению, не мог быть компетентным в экономических вопросах, ибо состоял из политических деятелей, а не из соответствующих специалистов⁶⁸. В этих его предложениях можно было услышать отголоски идей первого послевоенного периода о корпоративной реформе. В этих предложениях отражалось стремление «средних классов» стать арбитром социально-экономических конфликтов, а в конечном счете и вершителем дел в новом государстве. Сам Рокка изображал смысл своего предложения как стремление «найти в средних классах из лиц свободных профессий, техников, инженеров, ремесленников, мелких собственников и исполщиков, принимающих участие в технических советах (вариант «групп компетенции»).— *Б. Л.*), благоразумный буфер, а возможно, и арбитра в социальных разногласиях между крайними классами»⁶⁹.

---

⁶⁵ *Rocca M.* Op. cit., p. 131—132.

⁶⁶ Il Gran Consiglio nei primi cinque anni dell'Era Fascista, p. 17—30.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ *Rocca M.* Op. cit., p. 135—136.

⁶⁹ Ibid., p. 136.

Трудно судить об искренности побуждений Рокка. Во всяком случае его проект, отражавший настроения «средних классов» и фашистских синдикалистов, был отвергнут большинством руководителей фашизма, которые поддержали Муссолини в его политике «сохранения прежних установлений» в духе Макиавелли. В какой-то мере это было заочное столкновение Макиавелли и Сореля. И победил, конечно, первый, ибо за ним стояли интересы «большой политики», а не абстрактные схемы и идеи. И после заседания БФС в апреле 1923 г. Рокка и его сторонники из синдикалистов продолжали носиться с идеями корпоративных преобразований государства в синдикалистском духе. Вынужденные приспосабливаться к нуждам «большой политики», они не оставляли надежды осилить когда-нибудь политический прагматизм и сделать фашизм «новым словом истории», превратить его в «существенно новый и грандиозный мировой социальный опыт». Потом уже, много лет спустя, Рокка напишет книгу мемуаров, эпиграфом к которой он возьмет слова Сореля: «Еретики являются иногда подлинными продолжателями движения или доктрины».

Однако подлинный исторический смысл фашистского движения раскрывался не во всех идеях, которые выдвигались при его зарождении. Нельзя было считать подлинным выражением фашизма борьбу, которую вели в это время фашистские профсоюзы против предпринимателей. Это был уже своего рода «уклон», так как исторической функцией фашизма было в конечном счете искоренение классовой борьбы пролетариата.

В какой-то мере Муссолини пытался использовать эти «отклонения в сторону классовой борьбы» для давления на «строптивую буржуазию», чтобы припугнуть ее и заставить беспрекословно служить государству, в укреплении которого он лично, возможно, и видел самоцель. Но борьба фашистских профсоюзов против предпринимателей очень часто выходила за эти рамки. Кроме того, фашистские профсоюзы в ряде случаев оказывались в оппозиции неприкрыто реакционным тенденциям, усилившимся в фашизме после его организационного слияния с националистами. Очень показательными являются волнения фашистских синдикалистов на Юге в мае 1923 г. Поводом к ним послужило вступление в фашистскую партию лидера местных националистов депутата Греко, открытого сторонника жесткой политики по отношению к рабочим. В Неаполе это вызвало демонстрацию протеста членов фашистских профсоюзов во главе с их лидером Падовани. В демонстрации участвовали и члены фашистской партии, выкрикивавшие лозунги: «Да здравствует Падовани!», «Долой Муссолини!» Муссолини добился исключения Падовани из партии. Но это только усилило волнения. В Неаполе, Палермо и других городах Юга фашисты разделились на два лагеря: «фашистов Муссолини» и «фашистов Падовани». Между ними происходили острые столкновения, переходящие в вооруженные схватки.

В конце концов Муссолини удалось справиться с оппозиционным движением фашистских профсоюзов на Юге. Однако, с другой стороны, он вынужден был считаться с оппозицией жесткому курсу как внутри самого фашизма, так и среди его попутчиков. Буржуазия и значительная часть населения были напуганы террором местного сквадризма. И в своем выступлении в сенате 9 июля 1923 г. Муссолини говорит о стремлении фашизма к нормализации обстановки: «Время от времени доходят сообщения, что в отдельных местностях еще продолжают раздаваться флаконы с касторкой. Но я уже заявил в палате, что виновные будут сурово наказаны». А неделю спустя в своем выступлении в палате депутатов при обсуждении законопроекта Ачербо он пытается представить этот законопроект как фактор стабилизации парламентской системы. Одновременно Муссолини отвергает обвинения в том, что фашизм пытается навязать стране «весьма еще сырые проекты государственных преобразований». При этом он не отказывается от самой идеи таких преобразований. «Парламент! — патетически восклицал он. — Говорят, мы хотим уничтожить парламент. Нет! Мы не знаем пока, чем его заменить. Так называемые технические советы еще в зачаточном состоянии. Возможно, что впоследствии к ним перейдет часть законодательных функций».

В этом «возможно» — весь Муссолини с его обычным прагматическим подходом: «Будущее не ясно и абсолютных решений не существует. Вот почему мы отбрасываем смирительную рубашку предварительных вопросов, мешающих свободно двигаться по зыбкой и переменчивой почве жизни к истории».

Во всяком случае в движении по этой «зыбкой и переменчивой почве жизни к истории» фашизм добился тогда же, в июле 1923 г., весьма опутимого результата — парламент одобрил законопроект Ачербо. После ухода в отставку Стурцо новое руководство партии «Пополяри» призвало своих депутатов воздержаться от голосования. Большинство из них последовало этому призыву, но часть голосовала даже за принятие законопроекта. Принимая во внимание число депутатов партии «Пополяри» в парламенте, можно сказать, что именно благодаря ее позиции фашисты добились утверждения новой избирательной системы. За нее голосовало 235 депутатов, против — 137, воздержалось — 77⁷⁰.

В плане определения путей дальнейшего развития фашистского режима в Италии большое значение имела состоявшаяся также в июле 1923 г. очередная сессия Большого фашистского совета. На этой сессии опять было отвергнуто предложение Массимо Рокка о передаче «группам компетенции» части парламентских функций. Вместе с тем в резолюции БФС подчеркивалось значение этих групп для дальнейшего развития фашистского режима: «БФС констатирует, что провинциальные и национальные

⁷⁰ Аагри П. Указ. соч., с. 127.

группы компетенции объединяют сейчас большие группы ученых и техников на службе фашистскому правительству... БФС считает, что группы компетенции вместе с милицией и национальным синдикализмом представляют одну из важнейших, рожденных фашизмом, форм организации, имея в виду и их роль в формировании нового руководящего класса...»⁷¹ Трудно отделить здесь демагогию от вполне определенных надежд, которые имелись у некоторых представителей средних слоев населения в отношении этих групп. Докладчик, выступавший по вопросу о «группах компетенции» на пленуме БФС, сообщил, что до сих пор организовано 174 провинциальных группы, а именно: администрация общественных учреждений — 14, финансы — 16, юстиция — 8, общественные работы — 12, транспорт — 14, промышленность — 7, торговля — 12, земледелие — 22, народное просвещение — 19, социальное обеспечение — 4, искусство — 11, архитектура и строительство — 8, здравоохранение — 10, колонии — 2, порты и мореходство — 7, копи и рудники — 8. Как явствовало из доклада, сфера деятельности «групп компетенции» не была точно определена. Отчасти они представляли собой государственные совещательные органы, а также совещательные органы провинциальных и городских управлений. Отчасти же их задача состояла в том, чтобы проникнуть во все хозяйственные органы страны и отдать в руки фашистской партии всю ее хозяйственную жизнь.

На этой же сессии БФС были приняты решения, касавшиеся структуры и организации Добровольной милиции национальной безопасности. Прежде всего в этих решениях напало свое выражение стремление Муссолини к усилению фашистской диктатуры. Пытаясь достигнуть этой цели формально, «конституционным» путем, через усиление позиций фашизма в парламенте, он одновременно укрепляет такую важную, фактически «внеконституционную», силу, как ДМНБ. По определению БФС (кстати сказать, другого фактически «внеконституционного» органа), «ДМНБ — это гвардия фашистской революции». ДМНБ должна быть организована по-военному. Она не является органом борьбы против преступлений общего характера — это дело полиции. ДМНБ должна преследовать строго политические цели. Ответственные посты будут поручены только тем, кто служил в армии. Командиры ДМНБ, не имеющие соответствующей военной подготовки, должны будут оставить высокие командные должности⁷².

Последнее имело уже непосредственное отношение к борьбе против сквадризма, сплошь и рядом выступавшего под личиной местных организаций ДМНБ. Но в целом, однако, БФС не предпринял радикальных мер для борьбы с «уездной вольницей». И это дало основания М. Рокка считать, что заседания БФС в июле 1923 г. закончились победой сквадризма⁷³. И в то время

⁷¹ Il Gran Consiglio nei primi cinque anni del'Era Fascista, p. 43—81.

⁷² Ibidem.

⁷³ Rocca M. Op. cit., p. 150.

как Муссолини говорил о своем стремлении к «нормализации», сквадристы усиливали свой террор. Вряд ли можно здесь говорить о сознательном распределении ролей. Скорее это была логика самого движения, и спорить о том, кто являлся в данном случае подлинным выразителем фашизма — Муссолини или местные сквадристы, — было бы, по-видимому, бесполезно.

Как бы то ни было, сообщения, поступающие с мест, говорили о непрекращающемся фашистском терроре. В конце июля — начале августа 1923 г. фашисты совершили десятки террористических актов. В Гроссето они забили до смерти редактора газеты «Авангардия Социале» социалиста Сброкка. В Ливорно был избит продавец рабочих газет. В Чивате фашисты заставили угрозами два рабочих кооператива перейти на сторону фашистов. Фашисты избили рабочих в Сордевало и Лукка. В Сан Бартоломео они сожгли республиканский клуб. В Катонцоро в результате нападения фашистов на группу бывших фронтовиков было 13 раненых. В Дормеллето фашисты ранили двух рабочих. В Парме они убили рабочего-социалиста. В Молиanelле фашистские аграрии устроили набег, избивая целые семьи крестьян с целью заставить их вступить в фашистский профсоюз⁷⁴, и т. д.

Это были все те же сквадристы, идейным вождем которых был «непримиримый» Роберто Фариначчи, «рас» из Кремоны. Группа «непримиримых», которые считали себя представителями «подлинного фашизма», имела в это время большинство в Исполкоме фашистской партии. Муссолини в этой расстановке сил занимал место где-то в «центре». А на противоположном от «непримиримых» фланге находился Массимо Рокка, который тоже, как мы видели, считал себя выразителем «подлинного фашизма». В сентябре 1923 г. он выступил с большой статьей, осуждавшей террор. «Фашизм, — писал он, — пришел к власти для того, чтобы установить порядок взамен беспорядка. Но он не выполнил своей задачи, так как взамен старого беспорядка установил новый, не менее тяжелый и гораздо более непростительный». Рокка писал о произволе провинциальных «расов», устанавливающих на местах свой закон. Он требовал вернуться к первоначальным «чистым» истокам фашизма⁷⁵.

Эта статья была вначале напечатана в одном из фашистских органов печати, а затем перепечатана в отрывках почти во всех газетах, главным образом оппозиционных фашизму. Сразу же после этого в адрес ее автора раздалось обвинение в том, что он «играет на руку врагам фашистской партии». Исполком партии, в котором преобладали «непримиримые», постановил исключить его из партии. Но Рокка был членом Большого фашистского совета. Кроме того, в столь категоричном решении Исполкома партии Муссолини увидал угрозу полной победы «непримиримых», кото-

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 26, л. 428.

⁷⁵ «Critica fascista», 15.IX 1923.

рые, по его мнению, могли бы привести фашизм к полной политической изоляции. В конечном счете дело ограничилось отстранением Рокка от партийной работы сроком на три месяца. Но сам по себе этот эпизод был весьма показательным.

Рокка обвиняли в «ревизионизме» и в «прислужничестве буржуазии». Разумеется, в такого рода обвинениях было много демагогии и показной крикливости. Но в какой-то мере выступление Рокка против террора действительно отражало настроения по крайней мере части итальянской буржуазии. Фашистский террор находил поддержку буржуазии, когда речь шла о разгроме революционного движения пролетариата. Но как только буржуазия оправилась от страха перед «красной революцией», в ее среде все более настойчиво стали раздаваться голоса о необходимости «порядка и законности». В известной мере с этим были связаны и призывы к «нормализации», исходившие от Муссолини, пусть даже и выдвигаемые им с демагогическими целями. Так что выступление Рокка было скорее не индивидуальным отступничеством, а своего рода знамением времени.

Но было бы слишком большим упрощением сводить позицию Рокка исключительно лишь к отражению настроений части буржуазии. Ведь Рокка был носителем идей фашистского синдикализма, популяризатором «групп компетенции», глашатаем требований «средних классов» конституционных реформ и в конечном счете выразителем их стремлений стать новым правящим классом Италии. А в этом стремлении «средние классы» сталкивались с крупной буржуазией, которая хотела иметь в их лице послушного исполнителя, пусть даже и облеченного правительственными полномочиями, но никак не господина. Таким образом, «дело Рокка» было своего рода фокусом исключительно сложных социальных коллизий, которые своеобразно отражались и преломлялись в борьбе внутри фашизма.

Борьба против Рокка была также борьбой против «групп компетенции», являвшихся своеобразным каналом для усиления влияния «средних классов». И характерно, что с ослаблением позиций Рокка в партии «группы компетенции» постепенно стали сходить на нет. Но наибольшие опасения у буржуазии продолжали вызывать фашистские профсоюзы. Фашистам так и не удалось добиться вхождения в их профсоюзные корпорации Всеобщей конфедерации промышленности — организации, объединявшей подавляющую часть итальянских промышленников. На своем пленуме в ноябре 1923 г. БФС подтвердил, что он признает эту организацию в качестве представителя интересов работодателей в промышленности⁷⁶. Вслед за этим состоялось совещание в Палаццо Киджи в Риме 20 декабря 1923 г.

Это совещание было созвано по инициативе Муссолини для урегулирования отношений между трудом и капиталом. В сове-

⁷⁶ Il Gran Consiglio nei primi cinque anni dell'Era Fascista, p. 93—98.

панию участвовали руководители Всеобщей конфедерации промышленности, представлявшие капитал, и руководители Конфедерации фашистских профессиональных корпораций, претендовавшие на представительство интересов труда. Председательствовал на совещании глава правительства. «Я не знаю,— сказал он в своем вступительном слове,— имелись ли подобные прецеденты и можно ли найти в истории нашей нации подобное собрание, в котором бы участвовали все производительные силы страны под председательством главы правительства»⁷⁷. По предложению Муссолини между представителями Всеобщей конфедерации промышленности и Конфедерации фашистских профессиональных корпораций было подписано соглашение, в котором обе эти организации обязывались направить свои усилия на достижение взаимопонимания и сотрудничества между промышленниками и рабочими и создать для согласования их интересов паритетную комиссию в составе пяти человек с каждой стороны⁷⁸.

Это совещание было названо фашистами первой попыткой решения социальных проблем в корпоративном духе⁷⁹. При этом имелось в виду непосредственное участие государства в решении этих проблем. Характерно, однако, что фашисты отказались от идеи смешанных профсоюзов, т. е. организаций, объединяющих и рабочих, и предпринимателей. Это верно не только в отношении Всеобщей конфедерации промышленности, которая существовала параллельно фашистским профсоюзам. Это верно и в отношении Всеобщей конфедерации агрикультуры, которая вынуждена была в начале 1924 г. войти в фашистские профсоюзы. Но и внутри фашистских профсоюзов она не смешивалась с объединениями сельскохозяйственных рабочих, а сохраняла свою автономию.

Соглашение в Палаццо Киджи отвечало прежде всего интересам предпринимателей, стремящихся к прекращению классовой борьбы рабочих. Вслед за соглашением в Палаццо Киджи последовало важное изменение в правовом положении профсоюзов. До сих пор внутренние дела в профсоюзах считались той сферой гражданской жизни, куда политическая власть не имела права вмешиваться. Теперь королевским декретом от 24 января 1924 г. префекты получили право осуществлять надзор за «всеми ассоциациями и корпорациями, существующими на деньги трудящихся». На основании этого декрета префекты могли аннулировать решения правлений такого рода организаций, а в случае необходимости даже распускать их правления и поручать ведение всех дел специально назначенным уполномоченным. Все эти меры мотивировались тем, что существует подозрение в злоупотреблении общественным доверием, когда «средства расходуются незаконно или во вред членам ассоциаций, а также для целей, не имеющих

---

⁷⁷ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. III, p. 289.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 292—293.

⁷⁹ *Ercole F. Storia del fascismo*, vol. II, p. 63.

ничего общего с экономической и моральной помощью трудящимся»⁸⁰.

По мнению видного специалиста в области профсоюзного права Манцони, декрет от 24 января 1924 г. имел своей целью прежде всего помешать политической активности тех профсоюзов, которые примыкали к социалистической партии⁸¹. В первую очередь это касалось ВКТ. 9—10 февраля 1924 г. состоялось совещание руководства ВКТ, которое выразило свой протест по поводу этого декрета. Совещание констатировало, что правительство совершает незаконное вмешательство во внутреннюю жизнь рабочих организаций, ответственных и подотчетных только перед своими представительными органами и перед общим собранием своих членов. Обращалось внимание, что наряду с таким надзором над рабочими организациями организации работодателей пользуются по-прежнему полной свободой, не подвергаясь ни в малейшей степени никакому надзору со стороны правительственных органов⁸².

В значительной мере именно это наступление на права рабочих лежало в основе так называемого «оздоровления экономики». В целом этому способствовали мероприятия фашистского правительства по расформированию «экономического государства», т. е. уменьшению вмешательства государства в экономику. Вслед за резким спадом в 1921 г. — кульминационном пункте послевоенного экономического кризиса — динамика банковских вложений капиталов выглядела следующим образом (в млн. лир):

Год	Год
1921 10 581	1923 20 997
1922 15 488	1924 24 431

Производство обрабатывающей промышленности (1938 г. = 100) отражают эти данные:

Год	Год
1921 54	1923 66
1922 61	1924 73

О производстве шелка и хлопчатобумажных тканей можно судить по следующим данным:

Год	Шелк (т)	Хлопчатобумажные ткани (т)
1921	3 478	132 960
1922	3 990	156 000
1923	5 223	164 410
1924	5 592	173 270

⁸⁰ *Manzoni G.* La conquista della libertà sindacale. Roma, 1947, p. 159.

⁸¹ *Ibidem.*

⁸² «Международное рабочее движение», 1924, № 10, с. 5.

Основные продукты металлургической промышленности выражались в таких цифрах (в т):

Год	Чугун	Сталь	Железо	Алюминий
1921	61 381	700 433	13 394	744
1922	157 599	982 519	63 476	810
1923	236 253	1 141 761	77 696	1 473
1924	303 972	1 358 853	99 282	2 058

За те же годы производство в химической промышленности возросло в 1,5—2 раза. Потребление электроэнергии — с 3792 млн. квт в 1921 г. до 7049 млн. квт в 1924 г. и т. д.⁸³ Все это, казалось, давало фашистам основание говорить о вступлении Италии под их руководством в «эру экономического процветания». Но за всеми этими цифрами и словами стоял тот факт, что реальная заработная плата трудящихся после прихода фашистов к власти стала падать. Данные в этой области очень сильно разнятся между собой. Здесь — может быть, как ни в какой другой области статистики — сказываются политические симпатии и антипатии авторов. Мы воспользуемся данными крупного итальянского экономиста Мортара, который зарекомендовал себя как один из наиболее объективных авторов (1913—1914 гг. = 100)⁸⁴:

Год	Индекс	
	стоимости жизни	заработной платы
1922	498	505
1923	493	476
1924	536	486

Таким образом, если в 1922 г. заработная плата на 7 условных единиц превышала стоимость жизни, то в 1923 г., напротив, уже стоимость жизни на 17 условных единиц превышала заработную плату, а в 1924 г. она превышала зарплату на 50 условных единиц. Разумеется, приведенные Мортара конкретные цифры и сделанные на их основе расчеты не могут претендовать на абсолютную достоверность. Но общая тенденция к уменьшению заработной платы трудящихся, которую можно установить на основании данных Мортара, отражает, по-видимому, истинное положение вещей. Общие условия труда рабочих ухудшились в результате отказа предпринимателей возобновить коллективные договоры на тех же условиях, как и в предшествующие годы. Теперь, когда боеспособность рабочих резко уменьшилась, предприниматели в этом отношении получили большую свободу действий. А о том, что боеспособность рабочих действительно уменьшилась, свиде-

⁸³ Все цифры даются согласно данным официальных статистических ежегодников в Италии — «*Annuario statistico italiano*». На основании этих данных имеются сводные таблицы, приведенные в книге: *Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia*. Capelli, 1972.

⁸⁴ *Mortara G. Prospettive economiche*, 1928, p. 505.

тельствовали данные о забастовочном движении. Согласно официальной статистике, в 1923 г. в промышленности было 200 забастовок, что в 9 с лишним раз меньше, чем в 1920 г. Число забастовщиков — 66 тыс., что в 19 с лишним раз меньше, чем в 1920 г.⁸⁵

Провозглашая отказ от «экономического государства» в обычном смысле, т. е. от политики национализации, государственных субсидий и т. п., фашизм в то же время насаждал элементы государственной политики в экономике через руководимые им профсоюзы, через расширение государственного арбитража в отношениях между трудом и капиталом и т. п. Так совершалась идейно-политическая эволюция фашистского движения: из республиканского — в монархическое, из атеистического — в «дружественное» церкви, из синдикалистского — в принципиально государственное.

Для старой профсоюзной гвардии фашизма идея преобразования либерального государства в корпоративное всегда оставалась дорогой и заветной. Приобщая рабочих к «государственному сознанию», они мыслили это государство в перспективе именно как корпоративное. Они доказывали, что Италия — «излюбленная корпоративная страна». Они взывали к «великим историческим преданиям»: Средневековью, Возрождению и даже к Древнему Риму республиканской эпохи. Они тревожили тени Данте и даже Нумы Помпилия. Они требовали решительных реформ в этом направлении и были недовольны эволюцией фашизма в сторону «традиционного буржуазного государства». Однако в сознании Муссолини эта эволюция имела осмысленный тактический характер. Ею покупалась власть над страной, достигался порядок, возрождалась национальная государственность. Ею же создавалась в конечном счете, по мысли Муссолини, почва для преобразования либерального государства в корпоративное. Эволюционируя, фашизм не хотел отказываться от того, что считал своей сущностью: от своих корпоративных планов. Фашистская верхушка не теряла надежды сделать фашизм «новым словом истории», осилить, когда это будет нужно, неуклюжих, путающихся под ногами попутчиков, и превратить фашизм в «существенно новый, грандиозный, мировой политический опыт».

То же самое можно сказать и о внешней политике фашизма. Рожденный военной грозой, победивший под стягом патриотизма, фашизм был насквозь пропитан боевой направленностью вовне. Его лозунги были проникнуты шовинизмом, ненавистью к синклиту версальских владык, страстной жаждой места под солнцем. Фашистские когорты с места в карьер втягиваются в борьбу за национальное «расширение». Выступления Муссолини заполняются притязательными националистическими лозунгами. Даже

---

⁸⁵ Annuario statistico italiano (Seconda Serie), vol. VIII, p. 396; vol. IX, p. 288.

совсем накануне прихода к власти, на Неаполитанском партийном съезде, он говорит о Далмации, Тунисе, греческих островах... Понятно, что за границей, прежде всего во Франции и Югославии, весть о приходе фашизма к власти была встречена не без тревоги за будущее.

Однако уже в первом своем министерском интервью представителям иностранной прессы Муссолини круто меняет стиль. Власть обязывает. Что подходило главарю чернорубашечников, то не к лицу полновластному премьеру. И речь его полна умеренности и успокоительных заверений. Но это, разумеется, не означало отказа от активной националистической политики. Чувство реальности подсказывало Муссолини лишь наиболее удобные ее пути.

В парламентской декларации 16 ноября 1922 г. он излагает основные предпосылки своей внешней политики. Уважение к договорам, заключенным Италией. Но это не значит, что их никогда нельзя легально пересмотреть. Политика национального достоинства. Полная готовность сохранить дружественные связи с державами — союзниками военного времени. Но если Антанта не считает Италию равной среди равных, последняя будет считать себя свободной в своих действиях и будет стараться иными путями заботиться о своих интересах. Переходя к отдельным странам, Муссолини констатировал, что со всеми Италия поддерживает добрые отношения. Отношения с Югославией и Грецией он обозначил, как «корректные». По поводу России декларация содержала указание на необходимость считаться с реальностью...

Уже 7 февраля 1924 г. был подписан в Риме итало-советский договор, содержавший в себе пункт о юридическом признании Советского правительства. Итальянские историки по-разному объясняют этот факт. Обращают внимание на существовавшие еще с XVIII в. традиции хороших итало-русских отношений. Указывают на желание фашистского правительства на первом этапе его дипломатической борьбы с державами Запада обеспечить себе своего рода внешнеполитический тыл. Не последняя роль отводится стремлению удовлетворить итальянских рабочих, питавших дружеские чувства к Советскому государству⁸⁶. Эти вопросы освещаются в выпущенных в Италии публикациях дипломатических источников⁸⁷.

Политические наблюдатели того времени и историки отмечают, что в первые годы своей власти Муссолини всячески стремился показать умеренность фашистской внешней политики. В целях успокоения Швейцарии он заявил, что для него вообще не существует «тессинского вопроса». Затем был заключен итало-швей-

⁸⁶ *Salvemini G.* Mussolini diplomatico, 1922—1932. Bari, 1952; *Moscato B.* La politica estera del fascismo.— «Studi politici», 1954, N 3—4; *Salvatorelli L.* e *Mira G.* Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1956.

⁸⁷ I documenti diplomatici italiani. Settima Serie. 1922—1935, Bd. II (1923—1924). Roma, 1955.

царский договор о третьейском посредничестве. С рядом государств были заключены торговые договоры. Соглашениями с Англией и США была удачно урегулирована проблема внешнего долга Италии, сумма которого была значительно снижена, а уплата рассрочена на 62 года с особыми льготами для первых лет.

В январе 1924 г. в Риме был заключен договор «о дружбе и сердечном сотрудничестве» с Югославией. Муссолини в своей балканской политике был намерен, казалось, идти по стопам Биссолати и Сфорца. Конфликт 1923 г., погашенный вмешательством великих держав, выделялся словно случайный и единственный эпизод. Относительная слабость Италии диктовала фашизму «чувство меры». Опираясь на советы старых дипломатов, его окружавших, Муссолини проявлял умеренность и внешнюю сдержанность.

Но более пристальный взгляд тотчас же обнаруживал, что это была не принципиальная позиция, а вынужденная обстоятельством осторожность. «Целевая установка» правительственной политики все время оставалась по существу иной — империалистической и наступательной. Внутри страны воспитывался военный дух. Патриотическому подъему не давали улечься. Напротив, его непрерывно возбуждали и питали всевозможными средствами.

Как раз в разгар флирта с Югославией Муссолини в своей речи перед мэрами коммун 24 марта 1924 г. касается вопросов внешней политики Италии. О чем же он говорит? О международной солидарности, любимой теме официальных речей? Совсем наоборот. Он призывает Италию не бояться международной изоляции и смело идти своим путем. «Не бойтесь изоляции, — призывает он. — Время от времени тот или иной дурак заявляет, что Италия изолирована. Ну что же, господа, нужно выбирать! Либо самостоятельная политика, и тогда Италии придется пережить более или менее короткие периоды изоляции. Либо связанность, безнадежная подчиненность, и тогда вы потеряете вашу автономию. Мы не имеем права верить гуманистическим и пацифистским идеологиям. Чтобы быть готовыми к любым событиям, необходимо иметь армию, флот, авиацию».

Эту речь Муссолини произносит в разгар избирательной кампании на выборах в парламент. В новой, во многом отличной от прошлого обстановке проходила эта кампания. «Спокойствие и порядок в стране», о которых говорил дуче, покупались ценой нажима на «права личности». Свобода собраний и союзов подвергалась решительному ущемлению. Свободу слова, устного и печатного, постигла та же участь. Правда, в первые дни после прихода фашизма к власти Муссолини обнадеживал своих бывших собратьев по перу. «Как только, — говорил он им, — будут изжиты исключительные условия, я не премину блюсти свободу печати, поскольку печать окажется достойной свободы». Однако печать, по мнению фашистов, оказалась «недостойной свободы». Уже в июле 1923 г. правительство издало декрет «против злоупотреб-

лений свободой печати». Газета закрывалась после двух предостережений префекта. Предостережения давались: за ложные известия, мешающие дипломатической и правительственной деятельности, подрывающие государственный кредит, сеющие тревожные слухи, возбуждающие классовую борьбу, неповиновение законам и т. д.

Чем дальше, тем отношение к прессе становилось все круче. С личной неприкосновенностью дело обстояло плачевно: она оказалась отданной всецело на усмотрение фашистских властей, а то и буйствующей вольницы фашистского сквадризма. В свое время о Муссолини говорили, что он мог быть кем угодно — республиканцем и монархистом, социалистом и анархистом, но только не либералом. Его неприязнь к либеральной доктрине личных свобод и неотчуждаемых прав еще более усилилась с приходом фашизма к власти. В своем ответе ораторам, говорившим о свободе, Муссолини, выступая в парламенте 15 июля 1923 г., заявил: «Говорили о свободе. Но что такое эта свобода? Итальянский народ не требовал от меня до сих пор никакой свободы». Народ, согласно Муссолини, «просит оздоровления, удешевления жизни, жизненных удобств». «В Мессине народ, окружая мой вагон, кричал мне: «Избавьте нас от батраков!» В южных провинциях миллионы жителей не имеют сносной воды и твердят о ней и о малярии, «но не говорят ни о свободе, ни о государственном устройстве». Программа власти должна выражаться не в словах о свободе, а в лозунге «Дороги, мосты, дома, вода». И дуче уподобляет себя реальному политику Кавуру, противопоставляя его «демократическому доктринеру» Мадзини⁸⁸.

Резкими выпадами против либерализма и демократии Муссолини начинает фашистскую кампанию подготовки к парламентским выборам, назначенным на апрель 1924 г.⁸⁹ Этим он пытается внести успокоение в ряды фашистов-сквадристов и фашистов-синдикалистов, недовольных «парламентским уклоном» своей партии. А в цитированной уже нами речи к мэрам коммун он выдвигает даже нечто вроде «теории перманентной революции». Он заявил здесь буквально следующее: «Я не хочу, чтобы фашизм заболел избирательной горячкой. Я хочу, чтобы фашистская партия вошла в парламент, но я хочу, чтобы сам фашизм остался вовне — контролировать и воодушевлять представителей. Национальная фашистская партия должна навсегда оставаться неприкосновенным резервом фашистской революции»⁹⁰.

В то же время дуче придавал выборам большое значение. Об этом свидетельствовали его усилия по сколачиванию так называемого «Национального блока», в который наряду с фашистами после долгих переговоров вошли многие представители

⁸⁸ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. III, p. 197.

⁸⁹ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. IV, p. 33—48.

⁹⁰ *Ibid.*, p. 78—79.

старых либеральных групп. Имея за собой более или менее устойчивую местную избирательную клиентуру, они должны были принести дополнительные голоса и тем самым облегчить для фашизма получение относительного большинства, которое в соответствии с новым избирательным законом давало ему 2/3 мест в парламенте.

Муссолини привлек довольно значительную часть либералов в свой блок, отказавшись от выдвижения на выборах «чисто фашистских» лозунгов. «Национальный блок» базировался на лозунгах «общих национальных интересов» и борьбы против «антинациональных сил». Однако часть либералов и демократов выступила с отдельными списками. Это относилось прежде всего к Джолитти и его сторонникам. В лагере либералов была еще группа «конституционной оппозиции» фашизму, наиболее значительным представителем которой был сенатор Луиджи Альбертини. Существование этой группы как бы подчеркивало разницу между фашизмом и консерватизмом. Однако в период подготовки к выборам большая часть либералов, оппозиционных фашизму, сгруппировалась вокруг Джованни Амендола. Эта группа, как и партия «Пополяри», встав в оппозицию фашизму, отмежевывалась в то же время и от рабочего движения, представленного тремя политическими партиями. На левом фланге находилась коммунистическая партия (КПИ), в центре — социалистическая (ИСП), на правом — Унитарная социалистическая партия (УСП), образовавшаяся в самый канун фашистского «похода на Рим» в результате выхода реформистов из социалистической партии. Между этими партиями также отсутствовало единство. И на заседании Большого фашистского совета в марте 1924 г. Муссолини с удовлетворением констатировал, что оппозиция выступает на выборах в парламент раздробленной.

Выборы в парламент состоялись 6 апреля 1924 г. За кандидатов фашистского «Национального блока» было подано 4,5 млн. голосов, за все другие списки — 3,5 млн. Разница не очень большая. Однако в результате распределения мандатов по системе Ачербо фашистский список получил львиную долю депутатских мест — 374, все другие партии и группы вместе взятые — 157. Среди этих последних партий «Пополяри» получила 39 мест, а места между тремя рабочими партиями распределелись следующим образом: УСП — 24, ИСП — 22, КПИ вместе с отколовшейся от социалистов группой сторонников Коминтерна — 19⁹¹.

Анализируя результаты выборов, необходимо иметь в виду следующее. Прежде всего выборы проводились в обстановке террора и запугиваний, особенно сильных на Юге. Дубинкой и касторкой фашисты компенсировали недостаток своего влияния в этой части страны. Кроме того, фашистам здесь особенно помогало участие в их избирательном блоке либералов и демократов, ко-

⁹¹ Cento anni di vita italiana, vol. I. Milano, 1948, p. 226.

торые имели на Юге довольно большое влияние. В результате фашистский «Национальный блок» получил на Юге в процентном отношении голосов даже больше, чем на Севере. Это тем более примечательно, что на Севере фашисты рассчитывали в основном только на свои силы, не прибегали к слишком уж явному террору и дали голосовать своим противникам.

Победа фашистов была более чем скромная, учитывая, наряду с прочим, такие благоприятствующие им факторы, как раздробленность и взаимное соперничество оппозиции, огромная денежная сумма в 25 млн. лир, полученная фашистами на проведение избирательной кампании от Всеобщей конфедерации промышленности⁹², и т. д. Тем не менее фашистские руководители выступали с хвастливыми заявлениями о своей «блестящей победе». Ачербо: «Наша победа была действительно грандиозной». Чезаре Росси: «Этот день был апофеозом фашизма». Муссолини: «Впечатление наилучшее. Урны дали свой недвусмысленный ответ. Никто не сможет более сомневаться в согласии нации с нашей работой»⁹³. Говоря так, Муссолини имел в виду главным образом согласие нации с фашистским переворотом. Это были первые парламентские выборы после переворота, и фашисты стремились придать им значение своего рода референдума по этому вопросу. С формально-юридической точки зрения это было третьей санкцией прихода фашистов к власти: первая — согласие короля на формирование правительства во главе с Муссолини, вторая — вотум доверия правительству в парламенте, третья — голосование большинства избирателей за фашистский блок.

Фашизм в первый период своей власти осуществлял диктатуру в рамках старой конституции и государственности. И это весьма показательно в плане исследования фашизма как режима. «Понятие «политический режим», — пишет Ф. Бурлацкий, — отражает наиболее существенные черты практики функционирования политической организации общества. Поскольку конституционное закрепление новых форм политической жизни нередко запаздывает, сам политический опыт должен рассматриваться в качестве важной характеристики государства. Основными критериями для определения политического режима, на наш взгляд, могут быть характер партии и главных компонентов ее идеологии, ее роли в обществе, ее политики; методы деятельности государственной власти; реальные возможности по использованию прав; внешнеполитическая ориентация»⁹⁴.

Иными словами, фашистский режим складывался прежде всего в сфере своей реальной практической деятельности. В этой деятельности режим отвечал в основном интересам монополисти-

⁹² *Алатри П.* Указ. соч., с. 130.

⁹³ Archivio Centrale dello Stato. Arch. Morgari, scatola 7, fascicolo 5, sottofasc. 32.

⁹⁴ *Бурлацкий Ф.* Ленин, государство, политика. М., 1970, с. 140.

ческого капитала. Однако это отнюдь не исключало определенных противоречий между фашизмом и монополиями. В данный период наиболее ярким примером таких противоречий была отмена государственных субсидий крупной промышленности — мероприятие, связанное с определенными издержками для крупного промышленного капитала. Абсолютизация этого и подобных ему фактов вела к абсолютизации самостоятельности фашизма от монополий. И это, разумеется, вызывает самые серьезные возражения представителей марксистской мысли. Однако факт относительной самостоятельности фашизма, как власти, имеющей также свою внутреннюю логику развития, был зафиксирован в марксистской мысли довольно определенно. Антонио Грамши писал в 1924 г. о тенденции фашистской власти быть не просто «инструментом» в руках буржуазии, а действовать «согласно своей внутренней логике»⁹⁵.

В целом проблема фашистской власти с этой точки зрения может быть лучше понята в широкой исторической перспективе, выводящей нас за пределы сугубо итальянских событий.

* * *

Проблема фашизма в это время раскрывается в общих тенденциях эволюции государства в новую эпоху. Фокусом проблемы в данном случае является тенденция к расширению политической функции государства.

Оговоримся сразу, что классификация главных функций государства на политическую, социальную, экономическую и идеологическую — это известное операционалистское расчленение его единой деятельности. При этом всегда необходимо помнить об отсутствии абсолютных граней между различными сторонами функциональной деятельности государства, о сложности, о многоаспектности социальных и политических процессов в современном государстве.

С учетом этой оговорки отметим, что тенденция к расширению политической функции государства по-своему раскрывается в изменении представлений о соотношении между исполнительной (правительство) и законодательной (парламент) властью. Старые представления, основанные на классической теории разделения властей, сталкивались с реальной жизнью, которая шла в направлении усиления исполнительной власти за счет законодательной. К этому в значительной мере побуждало обострение социально-экономических противоречий общества и связанная с этим необходимость более дееспособной власти, каковой могло быть именно правительство, а не парламент. Нельзя не отметить также, что уже в XIX в. в глазах многих был обесценен сам принцип парламентаризма — «верховенство парламента», «народный суверенитет». Становилось все более очевидным, что эти привле-

⁹⁵ Gramsci A. Scritti politici. Roma, 1967, p. 589—590.

кательные слова и этикетки служат довольно часто для прикрытия интересов отдельных лиц, партий и групп. Народные массы становились часто игрушкой в руках ловких политиков. Изобреталась масса средств, как избирателям держать на ниточке своего избранника, но ни одно из них не было достаточно эффективным. В европейской литературе XIX в. распространен тип депутата, который, получив это звание, отрывался от своих избирателей, погружался с головой в совершенно чуждые им интересы, в жизнь столицы, в политическую кухню интриг, честолюбия и корысти. Картинки всеобщих выборов со своими неприглядными, зачастую комическими бытовыми подробностями наполняли ряд популярных литературных произведений начиная от «Пиквикского клуба» Диккенса и кончая книгой Дюма «Ричард Дарлингтон». Все это было возможно благодаря политической незрелости широких масс избирателей, что обесценивало в глазах многих самый принцип всеобщего избирательного права.

Уже в XIX в. в головах многих мыслителей начали зарождаться сомнения в наличии народного суверенитета как такового. Откуда известно, что у народа имеется воля в лучшем смысле этого слова, т. е. ясное сознание своих целей и средств их осуществления? Ибо если его воля должна быть понята «по-шопенгауэровски», т. е. как безумное, слепое, бессмысленное стремление, то она, очевидно, не может считаться «последним законом мудрости». И потом, как узнать, разгадать волю народа, если даже и предположить, что она существует? Таковы были «проклятые вопросы», над которыми мучилось «сознание демократического века». Крупнейший английский философ и социолог Герберт Спенсер писал: «Великим политическим суеверием прошлого было божественное право королей. Великое суеверие нынешней политики — божественное право парламентов. Миропомазание незаметно перешло с одной головы на многие, освящая их и их декреты». Со своей стороны многие социологи конца XIX — начала XX в. приходили в своих исследованиях к выводу, что реально народ никогда не правит, а правят авангарды социальных слоев, что фокус современной политики лежит за стенами парламента и ее делает организованное и дисциплинированное меньшинство. «Каждый народ управляется элитой», — писал итальянский социолог Вильфредо Парето.

В эпоху становления государственно-монополистического капитализма тенденция к ограничению прав парламента значительно усилилась. Она нашла свое выражение в тезисе о слабой оперативности парламента, скованного жесткими правилами процедуры, давлением избирателей и т. п. Не только в Италии, но и во многих других странах выдвигался тезис об отсутствии у парламентариев специальной подготовки для осуществления эффективности контроля над правительством. Во время первой мировой войны почти во всех воюющих странах была установлена практика так называемого «делегированного законодательства»,

когда парламенты передавали правительствам часть своих законодательных полномочий. Правда, за парламентами в этих случаях оставалось право контроля за издаваемыми правительством приказами, правилами и постановлениями, имевшими силу закона. Но в целом практика военного времени давала важный прецедент усиления исполнительной власти за счет законодательной.

После войны тенденция в этом направлении была связана с резким обострением классовой и политической борьбы во всех странах. Эта борьба, которая происходила под непосредственным влиянием Октябрьской революции, выливалась в прямые революционные выступления. С другой стороны, появление в парламентах довольно сильных социалистических, а затем и коммунистических фракций в значительной мере подрывало кредит парламентаризма в глазах господствующих классов. Отсюда тенденция к концентрации власти в непредставительных органах, т. е. в органах исполнительной власти, в правительстве.

Отметим в этой связи, что само явление государственно-монополистического капитализма предполагает нечто большее, чем только государственное регулирование экономики. Критерий, характеризующий уровень развития государственно-монополистического капитализма, должен включать в себя также анализ отношений, слагающихся в сфере политической и социальной жизни. В этом плане развитие государственно-монополистического капитализма имеет тенденцию к подрыву роли автономных регуляторов политики (парламент, пресса, политические партии).

Но все это — только как тенденция, ибо сам по себе принцип демократии был гораздо сложнее, глубже и жизнеспособнее, чем те или другие его внешние воплощения. Переход к новому качеству — создание режима на антидемократических началах — был осуществлен именно в фашизме.

Идейный потенциал того, что сами фашисты называли «новой системой власти», складывался у них в значительной мере на базе «идеи нации». Эта идея, которая рассматривалась фашистами как главная и основополагающая, позволяла им, по их же словам, «превзойти те антитезы, которые разъедали других». При этом имелись в виду и антитезы, связанные с вопросом о формах и системах власти. Весьма показательны в этом отношении споры по вопросу о монархии и республике, которые происходили в рядах фашистов еще до их прихода к власти. Муссолини тогда апеллировал к «Италии» как к категории, снимающей разногласия. «Никто не может зарекаться, — говорил он, — что дело Италии непременно связано с судьбой монархии, как это утверждают националисты, или с судьбой республики, как этого хотят республиканцы»⁹⁶.

Та же «идея нации» становится у фашистов исходным пунктом их критики в адрес демократической системы власти. Не

⁹⁶ «Popolo d'Italia», 26.V 1921.

демократия, а именно иерархия, утверждали фашисты, является началом, скрепляющим «тело нации». Характерно, что руководящий партийный журнал фашистов назывался «Иерархия». Обложка его выглядела достаточно выразительно: на семи ступенях изображены семь женщин с трубами, обращенными к небу. Это должно было символизировать смену поколений, единство прошлого, настоящего и будущего нации. Но главное — это символизировало различное положение людей на ступенях социальной лестницы. Согласно фашистам, в этом заключалась закономерность развития общества, а потому речь могла идти только об индивидуальном переходе людей с одной ступени на другую, но никак не о разрушении социальной лестницы в целом. Идея иерархии органически связывалась с идеями порядка и дисциплины.

Основой своей власти фашисты считали силу. «Я хотел бы управлять, если возможно, с согласия большинства граждан,— говорил Муссолини.— Но в ожидании, пока это согласие оформится и усилится,— добавлял он цинично,— я пользуюсь максимумом силы, находящейся в моем распоряжении. Возможно, что именно сила влечет за собой согласие. Во всяком случае, когда не хватает согласия, имеется сила»⁹⁷. Весьма показательный комментарий к этим словам вождя дает фашистский автор Эрколе: «Исторический опыт показывает,— пишет он,— что согласие толпы всегда завоевывается именно таким образом. Нет другого способа завоевать его. Успех — это всегда сила, это наиболее эффективная из сил. И если сила рождает согласие, то согласие разрешается в росте силы...»⁹⁸

И в марте 1924 г. Муссолини считает необходимым еще раз вернуться к вопросу о власти: «Мне говорят, что я правлю посредством силы. Но все сильные правительства правят силой. «Не словами держатся государства»,— сказал учитель учителей политики. Наконец, сила вызывает согласие. Нет силы без согласия и согласия без силы».

В плане отмеченной выше динамики отношений между исполнительной и законодательной властью это может означать, что правительство, обладавшее реальной силой, принуждает парламент к согласию. В этом, надо полагать, фашисты видели сущность своей «новой системы власти».

Правительство и парламент мыслятся здесь в органическом единстве, осуществляемом и синтезируемом во власти, основанной на силе. И в этом смысле проблема сама по себе выходит за рамки ее интерпретации в фашистском духе. Многие мыслители еще в XIX в. выступали с критикой теории разделения властей. Гегель, например, писал: «Власти в государстве должны, правда, быть различны, но каждая из них должна сама по себе образовывать целое и содержать в себе другие моменты. Когда мы

⁹⁷ Цит. по: *Ercole F. Storia del fascismo*, vol. I, p. 127.

⁹⁸ *Ibidem*.

говорим о различном характере деятельности властей, то мы не должны впадать в чудовищную ошибку, понимать это в том смысле, будто бы каждая власть должна существовать сама по себе, абстрактно, так как власти, наоборот, должны быть различены как моменты понятия. Если же, напротив, различия существуют сами по себе, абстрактно, то ясно, что две самостоятельности не могут составлять единства, а должны, напротив, порождать борьбу, благодаря которой или будет разрушено целое, или единство будет вновь восстановлено силой»⁹⁹.

Характерно, что взгляды Гегеля на единство государственной власти и отрицание им теории механического разделения властей настораживают именно вследствие компрометации их фашистами. Сами по себе они не были реакционными. Как справедливо предупреждают авторы одного новейшего исследования: «нужно четко различать гегелеведение и гегельянство»¹⁰⁰

Что касается единства между властью и силой, то эта проблема привлекала к себе внимание представителей самых различных направлений политической мысли. Не право, а именно сила лежит в основе государственной власти — этот тезис получил довольно широкое признание в исследованиях, посвященных природе государственной власти, особенно в конце XIX — начале XX в. По-своему вписывался сюда и опыт первой мировой войны.

Эта война ожесточила массы. Она была страданием, горечью и обидой для миллионов людей, вовлеченных в водоворот массовых убийств и разрушений. Она приобщила массы к оружию и насильственным действиям, поселила в них веру в могущество силы и сомнение в универсальной значимости права и правовых путей. Сознание масс в значительной мере уже не укладывалось в формальные рамки права и требовало силовой переоценки ценностей. Все это трансформируется в сознание кризиса, который мыслится многими как всеобщий кризис западной культуры и цивилизации. «Философия кризиса» — это целое направление мысли, которое оформилось в это время и в рамках которого нашла свое отражение также проблема власти.

В книге «Руины античной цивилизации», опубликованной в 1921 г., итальянский историк Гульельмо Ферреро ищет аналогии современной эпохи с эпохой крушения античной цивилизации. «Исчезла вера, — пишет он, — в общепринятый и всеми почитаемый принцип авторитета. Состояние повсюду господствующей непрочности заставляло прислушиваться к безумным идеям всяких совершителей переворотов и увлекаться к бессмысленным авантюрам. Мировая война оставила за собой много развалин, но как мало значит она по сравнению с разрушением всех принципов власти»¹⁰¹.

⁹⁹ Гегель. Собрание сочинений, т. VII. М.— Л., 1934, с. 295.

¹⁰⁰ Философия права Гегеля и современность. М., 1977, с. 35.

¹⁰¹ Ferrero G. La ruine de la civilisation antique. Paris, 1921, p. 248.

«Философия кризиса» в своеобразной форме отражала кризис всей системы так называемого «либерального государства», сложившегося в эпоху свободного капитализма XIX в. Распирение всех функций государства, в том числе политических, при сохранении основ старого режима, было одним вариантом решения проблемы, фашизм — другим. И это соотношение по-своему определяло место фашизма в более широкой исторической перспективе в связи с общими процессами, происходившими в мире

* * *

Проблема фашизма по-своему раскрывается в оценках, связанных с непосредственной борьбой и событиями в рассматриваемый период.

Это был период, когда резкий поворот в развитии событий создал особенно большой разрыв между реальными историческими условиями и сознанием людей. Волна фашизма обрушилась на Италию и грозила уже захлестнуть многие другие страны. А демократические группы буржуазии все еще находились под гипнозом революционной опасности предшествующего периода, они не были готовы к сотрудничеству с рабочим классом в борьбе против общего врага, а рабочий класс в свою очередь не был готов к сотрудничеству с ними. Внутри самого лагеря демократической буржуазии шла борьба между отдельными ее группами и течениями. Внутри рабочего движения — между коммунистами, левыми и правыми социалистами и т. д. В этой борьбе внимание очень часто концентрировалось на вопросах, которые имели гораздо большее значение для предшествующего периода, чем для настоящего, — «мертвые хватали живых».

Все три политические партии рабочего класса — коммунистическая, социалистическая и унитарная социалистическая — отнеслись к захвату фашистами власти как к событию, которое касалось прежде всего либералов и демократов. В значительной мере это вытекало из той концепции фашизма, которая сводила его почти исключительно к социально-экономическому феномену. Естественно, что в этом плане не виделось особой разницы между фашистским и дофашистским режимами. Даже реформисты из УСП, которые неоднократно апеллировали к духовным и материальным ценностям буржуазной демократии, даже они отнеслись к захвату фашистами власти как к чему-то постороннему для рабочего класса. В своем воззвании к трудящимся они прямо заявили, что «это не наше поражение, а поражение демократии»¹⁰².

Но разница между фашистским и дофашистским режимами давала себя знать с каждым днем все больше. И далеко не в последнюю очередь эту разницу пришлось почувствовать рабоче-

---

¹⁰² «Guistizia», 8.XI 1922.

му классу. Как писал по этому поводу коммунист Марио Монтаньяна: «Формально ни одна из антифашистских партий не была распущена, в том числе и наша. Но если полиция обнаруживала хотя бы четырех или пятерых коммунистов, собравшихся вместе, она арестовывала их без долгих разговоров. Если чернорубашечники встречали где-либо коммунистов или социалистов, они подвергали их жесточайшим издевательствам, а затем передавали их в руки полиции. Продолжала существовать и антифашистская печать... В то время не существовало ни цензуры, ни права предварительного секвестра. Но в сельских местностях фашисты попросту уничтожали тиражи социалистических и коммунистических газет...»¹⁰³

Фашисты и раньше проводили террор, избивали социалистов и коммунистов, уничтожали тиражи их газет и т. п. Однако теперь, после прихода к власти, орудием их террора становится и государственный аппарат, в том числе и прежде всего полиция. Была арестована значительная часть руководства коммунистической партии — акция, на которую дофашистское правительство пошло бы, по-видимому, лишь в самом крайнем случае.

Качественная разница между фашистским и дофашистским режимами нашла свое отражение уже в тех первых формулировках Коминтерна, в которых обращалось внимание на особенно реакционный и террористический характер фашизма. Однако специфика нового режима в политическом плане — с точки зрения проблемы демократии — не нашла заметного отражения в этих формулировках. Что касается итальянских коммунистов, то это вытекало из их в значительной мере негативного отношения к самому понятию «демократия». Не является исключением в этом отношении и Грамши.

Бесспорной заслугой Грамши был конкретно-исторический анализ итальянского фашизма, который выгодно отличался от абстрактных социологических схем. Ему удалось выявить некоторые специфические черты фашизма в Италии, связанные с характером и особенностями итальянского государства, с его реакционностью, которая имела одной из причин эксплуатацию Юга, с «южной проблемой» в целом, с ролью аграрных элементов в формировании фашизма. Однако и Грамши не смог еще в это время преодолеть того негативного отношения к понятию «демократия», которое питалось настроениями предшествующего революционного периода. «...Не будем выпрямлять и упрощать движения его мысли,— пишет И. В. Григорьева.— В тогдашнем сознании Грамши явно преобладает негативное отношение к самому понятию «демократия», представление о демократии как о чем-то противостоящем коммунизму и интересам пролетариа-

---

¹⁰³ Монтаньяна М. Воспоминания туринского рабочего. М., 1951, с. 181—182.

та»¹⁰⁴. Это, разумеется, затрудняло раскрытие специфики фашистского режима с точки зрения его соотношения с либерально-демократическим режимом дофашистского периода.

Если максималисты из социалистической партии в значительной мере стояли на схожей позиции, то реформисты из Унитарной социалистической партии в своих оценках фашизма постепенно склоняются к идеализации либерального государства прошлого. Проблема фашизма рассматривалась в рамках общего противопоставления «свободы» и «диктатуры». Так, в одной из статей, опубликованных в центральном органе УСП, газете «Джуститизия», говорилось: «Сегодня, как никогда, социалистическая партия должна приобщить трудящихся к культуре свободы. Именно свобода, а не диктатура является антитезой реакции»¹⁰⁵. В этом же духе была составлена резолюция, принятая парламентской группой УСП в апреле 1923 г. В резолюции говорилось, что группа «будет придерживаться принципов демократизма и парламентаризма и бороться против всех форм диктатуры»¹⁰⁶.

Вряд ли в данном случае при оценке позиции реформистов является подходящей терминология тех лет: «предатели интересов рабочего класса» и т. п. Такие упрощенные подходы и стилизованные, схематичные клички мало что объясняют. Обращает на себя внимание другое. В своих поисках антитезы фашизму — поисках для всего рабочего движения мучительно трудных — реформисты в данном случае обращались к вчерашнему дню. Провозглашая абстрактные идеалы свободы и парламентаризма, они фактически противопоставляли фашизму дофашистское либеральное государство, которое уже показало свою несостоятельность в предшествующий период. Поэтому бороться против фашизма с позиций этого либерализма было исторически несостоятельным. Сказанное относится в равной мере и к идеализации либерального государства дофашистского периода у самих либералов.

Весьма характерно, что уже в это время поднимается более общий вопрос о соотношении между либеральным государством и фашизмом. Так, упомянутый выше сенатор Луиджи Альбертини выступил в это время против довода Муссолини о том, что опыт последних лет обнаружил полное поражение либеральной доктрины. Напротив, считает он, опыт последней войны обнаружил слабость тех государств, правительства которых были весьма далеки от либеральных идей. В результате войны рухнули: Россия Николая II, Германия Вильгельма Гогенцоллерна, Австро-Венгрия Габсбургов, отсталая Турция. Победителями же вышли Франция, Англия, Италия, которые всегда были рассадниками либеральных идей. Именно в результате либерализма, счи-

¹⁰⁴ Григорьева И. В. Исторический анализ фашизма в работах Антонио Грамши. — «Новая и новейшая история», 1973, № 5, с. 147.

¹⁰⁵ «Giustizia», 6.II 1923.

¹⁰⁶ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 24, л. 16.

тал Альбертини, Италия прошла путь от Наварры к Витторио Венето «в политическом, экономическом и моральном движении по восходящей линии»¹⁰⁷.

Однако рассмотрение фашизма с позиции либеральных идей далеко не обязательно было связано с оппозицией фашизму. Об этом свидетельствует не только поведение в это время политических лидеров либерализма типа Джолитти. Весьма характерны в этом отношении и взгляды Бенедетто Кроче, который рассматривал фашизм с позиции либерализма историко-философского. В октябре 1923 г. он ответил на некоторые вопросы, заданные ему по поводу разгоревшихся тогда споров об отношениях между либерализмом и фашизмом.

«Я всегда заявлял, — подчеркнул Кроче, — что философ выглядит смешно, когда он по собственному или чужому побуждению принимается от имени философии и науки высказывать сентенции по политическим вопросам. Смешно и даже несколько одиозно, ибо есть некоторая наглость в таком прыжке из одной компетенции в другую, из сферы мышления и критики в другую сферу — сферу практики и действия... Для того, кто смотрит глазами философа и историка, все государства всегда представляют собой единственное государство и все правительства — единственное правительство: правительство группы, господствующей над большинством и поэтому управляющей им»¹⁰⁸.

Именно в этом суть проблемы. Кроче руководствуется здесь сложившимся у него ранее убеждением о примате силы и государства в истории. Надо полагать, что, пытаясь выступать здесь с высоты всеобщих законов истории, Кроче в известной мере отражает новую эпоху, отмеченную усилением роли государства, и его так называемый «историко-философский либерализм» складывается не без связи с трансформацией политического либерализма в эту новую эпоху. Во время первой мировой войны Кроче писал: «Как бы мы обрели мудрость, если бы не воспользовались этой тяжелой войной, чтобы освободиться от предрассудков абстрактного гуманизма и усвоить истинную доктрину государства»¹⁰⁹. И далее он развивал тот взгляд на государство, который превращал его в главный субъект исторического процесса. Войны же между государствами, по его мнению, всегда были и будут, и с этим надо считаться как с исторической реальностью: «ведь только так шла до сих пор и только так в основном будет идти всегда история мира»¹¹⁰.

И в приходе фашизма к власти Кроче увидел не что иное, как подтверждение правильности своей историко-философской концепции «силы и государства». Более того, рассматривая фашизм

¹⁰⁷ *Albertini L.* In difesa della libertà. Discorsi e scritti. Milano, 1947, p. 41—42.

¹⁰⁸ *Croce B.* Pagine sparse, vol. II. Napoli, 1943, p. 371—372.

¹⁰⁹ *Croce B.* Pagine sulla guerra (2 ed.). Bari, 1928, p. 105.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 166.

как единственную реальную «альтернативу революционной анархии», Кроче не исключал даже возможность сотрудничества с фашистским правительством, по крайней мере в тех пределах, которые соответствовали стремлению большей части итальянской интеллигенции к «нормализации» положения в стране.

Однако, идя на такое сотрудничество, итальянская интеллигенция в лице Кроче отнюдь не хотела быть поглощенной фашизмом. Напротив, она стремилась подняться над фашизмом и противоборствующими ему силами и быть в этом отношении как бы высшим арбитром действительности, синтезируя в своем сознании роль и назначение каждой из сил, действующих в этой действительности. Иными словами, она стремилась играть роль духовного гегемона и в этом своем качестве ассимилировать фашизм, как и все другие сугубо политические и идеологические движения.

Ошибка рассмотрения фашизма под этим углом зрения состояла в том, что фашизм сводился фактически к отражению безличного исторического процесса, в данном случае понимаемого как постоянное торжество идеи силы и государства. При этом исключалась относительная самостоятельность фашизма как власти, которая со своей стороны имела тенденцию к поглощению всех других сил, пытавшихся играть роль духовного гегемона наподобие Кроче и его последователей.

В конечном счете вопрос сводился опять-таки к относительной самостоятельности государства как власти, которую нельзя было сводить к простому отражению безличного исторического процесса. Такое упрощенное понимание фашизма было не только у Кроче с его концептом силы и государства, но и у тех, кто сводил фашизм почти исключительно к отражению безличных социально-экономических процессов, недооценивая при этом субъективного момента истории.

Обращают на себя внимание и попытки разграничения между либеральным государством и доктриной либерализма, которые делаются в это время. Упомянутый уже нами Джованни Амендола в книге «Либеральная битва», изданной в 1924 г., писал по поводу поражения либерализма: «Причиной этого поражения были скорее непоправимые органические и моральные недостатки итальянского государства, чем существенный дефект политической доктрины». Если бы удалось воплотить либеральную доктрину в политические институты государства, то все было бы иначе. «... Только такое государство,— писал Амендола,— может дать нам надежду на создание политического будущего итальянского народа»¹¹¹.

Органические недостатки либерального государства в Италии, о которых стали говорить в свете проблемы соотношения между либерализмом и фашизмом, возвращали мысль к критике этого

¹¹¹ Amendola G. Una battaglia liberale. Torino, 1924, p. 8.

государства в прошлом. Вспомнили в этой связи и Джустино Фортунато с его критикой политики либерального государства в «южном вопросе». Сам Фортунато, имея в виду пороки этого государства, определил фашизм как «разоблачение Италии в себе самой».

В значительной мере в связи с «южным вопросом» рассматривал проблему фашизма и его соотношения с либеральным государством основатель «экономико-юридической школы» Гаэтано Сальвемини. Ему принадлежит получивший признание также в марксистской литературе тезис о том, что либеральное государство в Италии было основано на компромиссе между буржуазией Севера и полуфеодальными аграриями Юга. Это, по мнению Сальвемини, предопределило пути всего дальнейшего развития итальянского государства и возникновение в нем тенденций, приведших в конечном счете к фашизму. И он даже определял в этом плане Джолитти как «Иоанна Крестителя Муссолини». Полемически упрощая вопрос, он считал, что между ними не качественная, а чисто количественная разница.

Пьеро Гобетти в своем подходе к этому вопросу исходит из развиваемой им концепции «либеральной революции». Его мысль была проникнута верой в либерализм как доктрину свободы, в борьбе за которую он отводил важное место рабочему классу и интеллигенции. Истоки фашизма он видит в отсутствии подлинно либерального духа в дофашистском государстве. В своей книге «Либеральная революция», опубликованной в марте 1924 г., Гобетти выдвинул тезис о «недостаточности» либерального государства в Италии в довоенный и дофашистский период. «В довоенный период, — писал он, — только отдельные и не нашедшие отзвука эпизоды культурной и политической жизни могли бы с полным правом войти в аналитический очерк истории либерализма»¹¹². Поэтому фашизм, согласно Гобетти, был своего рода «автобиографией нации».

Гобетти считал, что «недостаточность» либерального государства в Италии имела свои глубокие корни, и отмечал, в частности, отсутствие здесь протестантской революции, явившейся прародительницей современного либерализма. В этом плане его идеи перекликались с идеями социалиста-реформиста Артуро Лабриола, который буквально в это же время утверждал, что «итальянцы субъективно еще не совершили революцию, осуществленную англичанами в середине XVII в., а французами — в конце XVIII в.»¹¹³

Соотношение между фашизмом и дофашистским либеральным государством привлекало внимание и представителей католической мысли. Они критиковали общие концептуальные основы этого государства. Их критика была направлена против двух

¹¹² *Gobetti P.* La rivoluzione liberale. Torino, 1948, p. 70.

¹¹³ *Labriola A.* Il fascismo davanti al paese. Napoli, 1924, p. 8.

основных посылок буржуазно-либеральной концепции государства: индивидуализма, который выступает в этой концепции как двигатель экономического и социального прогресса, и «формализма правового государства», призванного охранять общие условия капиталистического производства, но не вмешиваться в него. В суммарном виде аргументы католической критики по этим двум направлениям могут быть представлены следующим образом. Либерализм зиждется на таком принципе свободы, который можно назвать вневременным, поскольку он не учитывает условий, необходимых для ее осуществления. Он возлагает ее охрану на государство, стоящее на позициях невмешательства, на государство, лишённое всякого содержания. Связывая все свои надежды на достижение всеобщего блага со свободной конкуренцией частных лиц, сторонники такого принципа добиваются, однако, лишь пресобладания сильнейших. Личность рассматривается у либералов как нечто изолированное, как независимая единица, ничем не связанная с себе подобными, замкнувшаяся в себе. Общество и государство рассматриваются у либералов всего лишь как орудие для достижения личных целей и т. п.

Характерно, что фашизм, так же как либерализм и социализм, рассматривался католиками в свете идеи об общем духовном кризисе в это время. В 1923 г. Луиджи Стурцо взывал к программе, «противостоящей светскому либерализму, материализму социалистов, теории пантеистского государства и обожествленной нации, что составляет в целом ту величайшую ересь, которую мы унаследовали от XIX в. и которая разрослась до невероятных размеров в эти лихорадочные послевоенные годы»¹¹⁴.

В конечном счете поиски общей платформы борьбы против фашизма не стали еще определяющим моментом в деятельности оппозиционных партий и групп. Пройдет еще много времени, прежде чем общие цели борьбы против фашизма оттеснят на второй план идеологические и политические расхождения между различными направлениями оппозиции и сделают главной задачей достижение единства между ними.

---

¹¹⁴ Sturzo L. Discorsi politici, p. 349.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

3 января 1925 г. Выступление Муссолини в парламенте. Впоследствии эта дата будет объявлена фашистами исторической. «3 января 1925 г., — скажет потом дуче, — старое либеральное государство было похоронено со всеми надлежащими почестями»¹.

Речь шла о самой структуре государства, которая продолжала оставаться формально-либеральной, несмотря на фактически существовавшую уже в стране фашистскую диктатуру. Во второй половине 1924 г. эта диктатура пережила серьезный кризис, начало которому положило сообщение об исчезновении 10 июня того же года депутата-социалиста Джакомо Маттеотти. Незадолго до этого он выступил с разоблачением фашистского террора в период подготовки апрельских парламентских выборов. Поэтому уже при первых слухах о его исчезновении почти ни у кого не было сомнений, что это дело рук фашистов. В накаленную после апрельских выборов политическую атмосферу внезапно был внесен новый элемент — моральный бунт общественного мнения. Этот новый элемент стал своего рода катализатором роста недовольства фашизмом в широких слоях населения.

Представители оппозиционных фашизму групп в парламенте собрались для взаимных консультаций. В этих консультациях участвовали члены парламентских групп: УСП, ИСП, КПИ (т. е. все три рабочие партии), партии «Пополяри», Республиканской партии, группы Конституционная оппозиция (либералы во главе с Амэндола) и группы Социальная демократия (демократы во главе с Ди Чезаро). 14 июня ими была принята следующая резолюция: «Представители оппозиционных групп, собравшиеся сегодня в Монтечиторио, пришли к соглашению о невозможности своего участия в работах палаты, так как до сих пор нет еще ясности в отношении зловещего события, жертвой которого стал депутат Маттеотти. Вышеназванные представители решили, что соответствующие группы воздержатся от участия в парламентских работах. Последующие решения будут приняты в соответствии с развитием событий и действиями правительства»².

Это было началом Авертинской оппозиции, названной так по аналогии с древним преданием о том, как в борьбе против пат-

¹ Цит. по: *Ercole F. Storia del fascismo*, vol. II. Milano, 1939, p. 51.

² *Alatri P. L'antifascismo italiano*. Roma, 1961, p. 295.

рицев плебеи удалились на Авентинский холм в Риме. Характерно, что оппозиционные фашизму группы представляли в основном пролетарские и средние слои населения. Напротив, представители крупной буржуазии Джолитти, Саландра и др. остались с фашистами. Однако уход всех других, нефашистских, групп из парламента заставил Муссолини прервать работу парламентской сессии. Повсюду царило сильное возбуждение. Убит — теперь уже в этом не было сомнения, — убит депутат парламента, убит только за то, что открыто сказал правду о фашистах. На улицах и площадях городов собирались многочисленные митинги, на многих предприятиях вспыхивали стихийные забастовки. Правительство было в растерянности. Муссолини поспешил отмежеваться от совершенного преступления и заявил о своем намерении пресечь террор и добиться нормализации. Уже 16 июня министром внутренних дел был назначен Федерцони, известный своей приверженностью к законности и порядку³.

К сожалению, внутри Авентина в это время не было единства. Коммунистическая партия, во главе которой встал Антонио Грамши, предпринимала усилия к преодолению сектантства в своей политике. Но продолжая, как и прежде, выступать с требованиями решительной борьбы против фашизма, она не была еще готова к сотрудничеству в рамках широкой демократической коалиции и вскоре вышла из Авентинского блока. Со своей стороны руководители этого блока обнаружили неспособность к организации решительной борьбы против фашизма, возлагая надежды на пассивное сопротивление, короля, Ватикан, армию. Они отклонили предложение коммунистов об объявлении 27 июня 24-часовой забастовки, ограничив протест призывом к остановке работы на несколько минут. Они отклонили также предложение коммунистов о создании антипарламента, что создало бы в стране обстановку двоевластия.

Между тем кризис фашистской власти в это время был действительно очень острым и нашел свое выражение, наряду с прочим, в столкновении двух тенденций внутри самого фашизма — «умеренной» и «крайней». Причем сам Муссолини склонялся вначале скорее к первой, придавая этому характер политического маневра, рассчитанного на смягчение кризиса. Но уже с самого начала он натолкнулся на сопротивление «крайних», или «непримиримых», фашистов во главе с Фариначи. Последние требовали решительных мер и ареста Турати, Амендола, Стурцо⁴. «В эти дни мы были терпеливы до абсурда, мы выслушивали миролюбивые заявления главы правительства и, повинаясь дисциплине, одобряли их... Но наступит момент, когда никто не сможет помешать фашизму соорудить на всех площадях Италии эшафоты, устроить которые мы, к сожалению, не позаботились в

³ *Tamara A. Venti anni di storia (1922—1943)*, vol. I. Roma, 1953, p. 432.

⁴ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 51, лл. 281—282.

1922 г.»⁵, — так писала газета «крайних» фашистов «Империо» в начале июля 1924 г.

Восстанавливая события этого бурного времени, можно буквально ощутить смятение Муссолини и фашистской верхушки, поиски ими путей выхода из кризиса, их попытки найти опору в массах. В середине июля 1924 г. на приеме делегации туринских рабочих Муссолини произнес большую речь. В этой речи, пытаясь предотвратить возможное сотрудничество между рабочими и демократической буржуазией, он говорил об алчности и стяжательстве буржуазии и призывал рабочих действовать самостоятельно⁶. На состоявшейся тогда же, в июле, сессии БФС говорилось о заслугах рабочих, «содействовавших развитию народного хозяйства». В принятой резолюции признавалась справедливость требований некоторых категорий рабочих и подчеркивалось, что эти требования всегда поддерживались фашистскими профсоюзами. Резолюция предлагала фашистам оказывать активную поддержку выступлениям этих профсоюзов в защиту требований рабочих с тем, однако, чтобы «интересы труда охранялись без нарушения экономических законов, являющихся необходимой основой производства и служащих высшим интересам нации»⁷.

1 августа 1924 г. правительство приняло проект декрета о милиции, согласно которому члены этой организации должны были присягать королю и подчиняться положениям о дисциплине в армии⁸. В какой-то мере это было уступкой оппозиции, но уступкой, имевшей в значительной мере чисто внешний характер. По поводу этого декрета фашистская «Пополо д'Италия» писала: «Милиция не только не распущена, урезана в правах или унижена, но, наоборот, в огромной мере усилена и облагорожена. Если же принять во внимание, что она остается под началом главы правительства, то надо прийти к выводу, что сделан новый большой шаг вперед на пути фашизации государства»⁹.

В начале августа состоялся Национальный совет фашистской партии. В своей речи на этом совете Муссолини с особым приветствием обратился к делегатам сельских областей. Фашизм, сказал он, должен сделаться по преимуществу деревенским движением¹⁰.

В августе произошел ряд довольно значительных забастовок, объявленных или поддержанных фашистскими профсоюзами. Наиболее крупной из них была забастовка шахтеров в Вальдарно. Причем руководство фашистской партии постановило выдать из

⁵ Там же, л. 267.

⁶ Там же, л. 81.

⁷ Там же, л. 64.

⁸ Там же, ед. хр. 53, л. 7.

⁹ Там же, ед. хр. 52, л. 21.

¹⁰ Там же, л. 16.

партийной кассы 60 тыс. лир для оказания помощи бастующим в этом районе¹¹. Касаясь всех этих «рабочелюбивых жестов» фашистов, либеральная газета «Джорнале д'Италия» писала: «Поворот влево — это политический маневр фашистов. Заметив, что в массах усиливается тяга в сторону классовых профсоюзов, они берут курс влево»¹².

Изоляция фашизма усилилась и оппозиционными выступлениями крупных промышленников. На их совещании в августе 1924 г. было отвергнуто предложение о сотрудничестве с правительством¹³. А в сентябре Всеобщая конфедерация промышленности представила Муссолини меморандум, в котором высказывала свое беспокойство тем, что настоящее неустойчивое положение дурно отражается на настроении рабочих. В меморандуме указывалось на необходимость восстановить законность, предоставить свободу профессиональным объединениям и отказаться от давления на них политической власти, восстановить полную свободу печати, слова, собраний и разрешить окончательно вопрос о фашистской милиции, без чего невозможно возвращение к нормальному порядку¹⁴.

Наконец, новая оппозиция фашизму обнаружила себя на осенней сессии парламента в 1924 г. В отсутствие авентинцев с критикой фашизма на этой сессии выступил ряд видных и маститых представителей старого либерализма. Против резолюции о доверии правительству выступил Джолитти, протестовавший против нарушения конституционных свобод¹⁵. Вместе с группой бывших фронтовиков от голосования воздержались Орландо и Джованнини¹⁶. Саландра, хотя и заявил о поддержке правительства, выступил с довольно сильной речью, в которой он осудил фашистский террор. Свою поддержку правительству он мотивировал двумя аргументами: во-первых, верой в то, что правительство исправит свои ошибки, во-вторых, угрозой перехода власти в руки социалистов и коммунистов в случае ухода фашистского правительства¹⁷. Генеральный секретарь Всеобщей конфедерации промышленности Оливетти внес резолюцию, в которой, не говоря прямо о доверии или недоверии правительству, требовал восстановления законности и прекращения террора¹⁸. И хотя Муссолини получил при голосовании подавляющее большинство в 337 голосов против 17 при 18 воздержавшихся, тем не менее оппозиция старых либералов, способствовавших его приходу к власти, была весьма симптоматична. Это, по свидетельству Эрколе, уско-

---

¹¹ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 53, л. 85.

¹² Там же.

¹³ Там же, ед. хр. 54, л. 192.

¹⁴ Там же, ед. хр. 54, л. 50.

¹⁵ Там же, ед. хр. 66, л. 111.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, л. 71.

¹⁸ Там же, л. 72.

рило решение Муссолини о необходимости перейти в контрнаступление¹⁹.

Со своей стороны, потеряв надежду на поддержку короля, авентинцы решили опубликовать в печати документы, изобличавшие личную причастность Муссолини к террору нелегальных фашистских банд. Это были показания фашиста Росси, арестованного в связи с убийством Маттеотти. «...Все и всегда,— свидетельствовал Росси,— делалось по прямому приказу, с одобрения или при соучастии вождя. По приказу Муссолини было организовано избиение Амендола. По приказу Муссолини были избиты Мизури, Форни, Раваццоли (фашисты-диссиденты.— *В. Л.*). Католические клубы и кооперативы в Брианце были также разрушены по приказу Муссолини. По указанию Муссолини я приказал местным фашио ежедневно узнавать фамилии подписчиков оппозиционных газет, поить их касторкой и избивать...»²⁰

Впечатление от опубликованных в самый канун нового, 1925 г. показаний Росси было огромным. Авентинцы сорвали с Муссолини маску «нормализатора» и показали его лицо уголовного преступника. Сразу же сложил с себя полномочия председателя бюджетной комиссии Саландра. После неудачной попытки убедить его взять свою отставку обратно 30 декабря состоялось экстренное заседание совета министров. В этот момент перед Муссолини совершенно определенно встала дилемма: или уйти в отставку, или перейти в наступление. Но в истории редко бывали случаи, когда кто-либо капитулировал, располагая вооруженной силой в то время, как его противник рассчитывал только на силу морального воздействия. И фашизм перешел в наступление.

«Я принимаю на себя всю моральную, политическую и историческую ответственность за все, что случилось»,— заявил Муссолини в своем «историческом» выступлении в парламенте 3 января 1925 г. Борьба между правительством и оппозицией будет разрешена силой. И в этом случае правительство не нуждается в одобрении парламента. «Возможно,— говорил Муссолини,— что по окончании моей речи найдут ее связь с речью, произнесенной мной в этом зале 16 ноября 1922 г. Как и тогда, я могу обойтись без ее одобрения парламентом путем голосования. Во всяком случае следует знать, что я не ищу такого голосования. Я его не желаю. Его было уже слишком много»²¹.

Рассмотрение всех этих событий не должно, однако, закрывать от нас более широкой исторической перспективы. Если «кризис Маттеотти» и ускорил ликвидацию либерального государства в Италии, то само по себе развитие событий в этом направлении было закономерным, ибо вытекало из всей природы фашизма, его идеологической сущности.

¹⁹ *Ercole F.* Op. cit., p. 37—38.

²⁰ ЦГАОФ, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 85, л. 76.

²¹ *Mussolini B.* Scritti e discorsi, vol. 5. Milano, 1934, p. 8.

После речи Муссолини 3 января 1925 г. правительство вновь преобразуется и становится по составу чисто фашистским. Объясняется «вторая волна» фашизма. Сквადристы активизируются, и «непримиримый» Фариначчи назначается генеральным секретарем партии. Редакторам и издателям газет было запрещено печатать статьи и сообщения, враждебные фашистскому режиму. Но главное — это решение Муссолини ускорить преобразование старого, либерального государства в новое, фашистское государство. Уже с октября 1924 г. в Италии работала специальная комиссия, созданная фашистской партией «для изучения возможности проведения конституционной реформы, соответствующей требованиям времени». Декретом председателя совета министров от 31 января 1925 г. эта комиссия была реорганизована в правительственную комиссию в составе 18 человек. Так ее и стали называть «Комиссия 18-ти». Председателем комиссии стал философ Джованни Джентиле. В задачу комиссии входило изучение проблем, связанных с отношением между государством и обществом и установлением примата первого над вторым. Комиссия должна была представить изученные ею проблемы правительству с тем, чтобы это последнее предложило парламенту соответствующие реформы²².

В мае 1925 г. был сделан первый практический шаг на пути конституционных преобразований итальянского государства. Фашисты провели через парламент первый из законов, разработанных «Комиссией 18-ти», — закон против тайных обществ. Этот закон предусматривал юридический запрет всех тайных обществ и был направлен формально в первую очередь против масонства. Тем самым наибольшее удовлетворение от него получал Ватикан. Но в более широком плане этот закон затрагивал самый принцип ассоциаций во всех его проявлениях. Именно этим мотивировала парламентская оппозиция свое отрицательное отношение к закону и свой отказ от участия в его обсуждении и голосовании.

Следующий шаг — законопроект о прерогативах главы правительства, первого министра, государственного секретаря. В качестве закона он был утвержден 24 декабря 1925 г. Прежде всего обращает на себя внимание, что по этому закону премьер назначается королем и является ответственным только перед ним, а не перед парламентом: «Исполнительная власть осуществляется королем через посредство его правительства... Глава правительства, премьер-министр, государственный секретарь назначаются и отзываются королем и ответственны перед королем за общее политическое направление правительства... Министры, государственные секретари назначаются и отзываются королем по предложению главы правительства, первого министра. Они ответ-

---

²² *Ercole F. Op. cit.*, p. 55.

ственны перед королем и перед главой правительства за все действия и мероприятия их министерства».

Обращает на себя внимание также, что по этому закону премьер не только не ответствен перед парламентом, но от него зависит порядок работы парламента. Премьер имеет право и возможность нажима на парламент, в частности право настаивать на вторичном обсуждении парламентом раз отвергнутого им законопроекта: «Без согласия главы правительства ни одно дело не может быть включено в повестку дня обеих палат. Глава правительства имеет право потребовать, чтобы законопроект, отвергнутый одной из двух палат, был вновь поставлен на голосование после того, как со времени первого голосования прошло по крайней мере три месяца... Глава правительства также имеет право требовать, чтобы законопроект, отвергнутый одной из палат, был передан на рассмотрение и голосование в другую палату»²³.

Почти сразу вслед за этим был принят закон от 31 января 1926 г. «О праве исполнительной власти издавать юридические нормы». Новый закон предоставил правительству право обнародовать декреты и вводить их в силу, не дожидаясь утверждения их в законодательном порядке. «Королевским декретом, по обсуждению в совете министров, могут издаваться постановления, имеющие силу закона: 1) когда правительство уполномочено на это законом и в границах этих полномочий; 2) в исключительных случаях, когда это требуется по причинам настоятельной и безусловной необходимости»²⁴.

Этот закон положил конец формальному разделению власти на законодательную и исполнительную. Фактически законодательная власть была передана в руки правительства. Фашизм добился этим осуществления важнейшего пункта своих политических требований: правительство освободилось от зависимости парламента и становилось центральным органом, персонифицирующим весь авторитет государственной власти — и законодательной, и исполнительной. «В то время, — писали фашисты, — как все другие цивилизованные народы Европы оставались все еще пленниками механической и абстрактной теории разделения властей, Италия шла к осуществлению идеи современного юридического государства»²⁵.

Конкретный анализ двух приведенных выше законов раскрывает нам содержание этой в фашистском понимании «идеи современного юридического государства». Прежде всего, по-видимому, надо избавиться от обманчивого впечатления об усилении значения королевской власти и, соответственно, об укреплении в Италии монархической формы правления. Такое впечатление может возникнуть из тех статей законов, где говорится, например,

²³ «Bolletino parlamentare», 1926, N 1, p. 27.

²⁴ Ibid., p. 33.

²⁵ *Ercole F. Op. cit.*, p. 58.

о том, что «исполнительная власть осуществляется королем через посредство его правительства», или о праве исполнительной власти издавать юридические нормы «в форме королевских декретов». Такое впечатление может возникнуть также из того, что королевский декрет обладал большей юридической силой, чем декрет главы правительства, а назначаемое королем правительство было освобождено от ответственности перед парламентом.

Однако впечатление об усилении значения королевской власти было действительно обманчивым. Обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что формально связанный в своих действиях королевской санкцией глава правительства фактически предпринимал королевские декреты. Ведь в новом законодательстве было оговорено, что для издания королевского декрета требуется предварительно соответствующее представление от главы правительства или обсуждение в совете министров. И опять-таки главное было не в этой формально-юридической стороне проблемы. Главное — фактическая сила, которая была на стороне главы правительства (Муссолини), а не главы государства (короля).

И еще по поводу формально-юридического и фактического подхода к вопросу о правительственной власти в новом фашистском законодательстве. Дело в том, что превращение фашистского правительства в законодательный орган происходило путем передачи ему законодательных полномочий, ограниченных, однако, некоторыми условиями: оформление королевским декретом, иногда даже необходимостью одобрения парламентом. Но, учитывая сказанное выше о фактической стороне взаимоотношений короля и правительства, а также фактический контроль правительства над парламентом через посредство фашистской партии и жесткой партийной дисциплины ее членов — учитывая эту фактическую реальность, ограничения законодательных функций правительства были в значительной мере иллюзорными.

Петля фашистской диктатуры сужалась. В этом отношении весьма показательна серия правительственных декретов и законов, названных самими фашистами «мероприятиями по защите государства»²⁶. Первым из этой серии был декрет от 24 декабря 1925 г. о чистке государственного аппарата от «ненационально мыслящих элементов». В своей окончательной редакции он был сформулирован следующим образом: «До 31 декабря 1926 г. королевское правительство имеет право уволить со службы, вне зависимости от действующих на этот счет законов, чиновников, служащих и агентов любого звания и чина, гражданских и военных, зависящих от любого государственного учреждения, которые не дают гарантий выполнения своего долга и ставят себя в условия, не совместимые с основными политическими директивами правительства»²⁷.

²⁶ *Ercole F.* Op. cit., p. 57.

²⁷ «*Bolletino parlamentare*», 1926, N 2, p. 67.

31 декабря 1925 г. был издан закон о праве префектов запретить выпуск «опасных для общественного спокойствия газет». Фашистские авторы давали этому закону следующее идейное обоснование: «Закон о печати является важнейшим и актуальнейшим из фашистских законов. Свобода печати кончилась тем, что выродилась в анархический произвол... Всякая индивидуальная свобода имеет значение и цену, поскольку она протекает в рамках государства и дисциплинируется им. В соответствии с фашистской концепцией также и печать должна быть подчинена дисциплине государства»²⁸.

31 января 1926 г. был издан декрет о лишении итальянского гражданства политических эмигрантов.

Строго централизованная фашистская диктатура была не совместима с принципом «территориального разделения власти». Законом от 4 февраля 1926 г. вместо выборных муниципалитетов вводился институт «подеста» (старшин), назначаемых королевским декретом сроком на пять лет²⁹. Законом от 6 апреля того же года была расширена власть префектов в провинциях³⁰.

Но главная задача, которая вставала в это время перед фашистами на пути централизации власти, была задача по «огосударствлению» профсоюзов, или, как тогда говорили, по «включению» профсоюзов в государство. При этом имелась в виду не только проблема классовых профсоюзов, но и проблема фашистских профсоюзов. Последняя, в частности, обратила на себя внимание в связи с довольно крупной забастовкой металлистов в Ломбардии в марте 1925 г. Она началась по инициативе фашистских профсоюзов, выдвинувших требование об увеличении заработной платы, и была поддержана входящей в ВКГ Федерацией металлистов.

В конце апреля 1925 г. состоялась очередная сессия Большого фашистского совета, почти целиком посвященная фашистским профсоюзам. Учитывая уроки мартовских событий в Ломбардии, БФС подтвердил, что фашистские профсоюзы не исключают забастовку, но прибегают к ней лишь в крайнем случае. «... При объявлении и осуществлении забастовок должны быть исключены всякое расширение движения и забастовки солидарности, которые, как об этом свидетельствует долгий и болезненный опыт, не помогают бастующим рабочим, а способствуют росту лишений... Забастовка, объявляемая фашистским профсоюзом, должна иметь предварительное разрешение высших корпоративных органов партии, в противном случае партия имеет право дезаурировать движение...»³¹

²⁸ Pini G. e Bresadola F. Storia del fascismo. Roma, 1928, p. 426.

²⁹ Salvatorelli L. e Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1956, p. 346.

³⁰ Ibid., p. 345—346.

³¹ Il Gran Consiglio nei primi cinque anni dell'Era Fascista. Roma — Milano, s/d, p. 169—182.

Принятие этих решений было весьма симптоматичным. Столкнувшись с серьезными трудностями в деле осуществления своих программных установок о «классовом сотрудничестве», фашисты стремились не допустить, чтобы классовые противоречия вылились в борьбу под руководством классовых организаций пролетариата. Будучи не в силах предотвратить углубление этих противоречий и связанную с ними борьбу, фашисты стремились направить ее в русло своих организаций, которые ставили бы ей определенные пределы, обусловленные «общими национальными интересами». В значительной мере именно этим объяснялись и инициатива фашистских профсоюзов в марте по объявлению забастовки в Ломбардии, и решения БФС в апреле по уточнению «норм» проводимых фашистами забастовок.

Затем — соглашение в Палаццо Видони. Оно было заключено 2 октября 1925 г. между Всеобщей конфедерацией промышленности и Конфедерацией фашистских профсоюзов. Соглашение предусматривало монопольные права этих двух конфедераций на представительство интересов промышленников, с одной стороны, и рабочих — с другой. Соглашением было предусмотрено также упразднение внутренних фабрично-заводских комиссий³². Это были, надо полагать, далеко идущие мероприятия. После соглашения в Палаццо Видони промышленники официально отказывались признавать за ВКТ право выступать от имени рабочих в случае возникновения конфликтов и при заключении коллективных договоров с рабочими. От имени рабочих могли выступать только фашистские профсоюзы.

Оставаясь в основном объединением лиц наемного труда, фашистские профсоюзы продолжали называть себя корпорациями. Этим они как бы продолжали подчеркивать свое стремление к объединению и предпринимателей, и рабочих, а в конечном счете — к «сотрудничеству классов». Но добиться такого «сотрудничества» без достаточно эффективного государственного вмешательства, т. е. без использования силы и влияния государственной власти, было невозможно. И поэтому в это время сам термин «корпоративный» в устах фашистов стал отождествляться с термином «государственный». Весьма показательно в этой связи утверждение самих фашистов, что фашистские профсоюзы в это время «не имели ничего общего, кроме имени, с подлинными корпорациями». И раскрывая смысл этого своего утверждения, он пишет: «... Все они были предназначены к существованию вне государства, руководствовались концепцией сотрудничества между классами, которое все еще исключало активное вмешательство государства. Переход от фашистского синдикализма к корпоративизму в подлинном смысле этого слова предполагал переход от сотрудничества, не исключаящего средств самозащиты в борьбе между противоположными социальными классами, к сотруд-

³² Rossi E. Padroni del vapore. Bari, 1957, p. 92.

ничеству, не допускающему борьбы между классами»³³. Арбитром в случае возникновения социальных конфликтов должно быть, согласно фашистской концепции, государство, которое, согласно той же концепции, является как бы надклассовой силой.

В духе этой концепции «Комиссия 18-ти» и разработала направленный против классовой борьбы закон «О правовой организации коллективных трудовых отношений». При обсуждении проекта этого закона Муссолини считал нужным особенно подчеркнуть идею сотрудничества классов, лежащую в основе фашистского синдикализма. «Фашистский синдикализм, — сказал он, — отличается от красного одной фундаментальной чертой: он не ставит себе задачей нанести какой-либо ущерб частной собственности. Когда предприниматель находится перед лицом красного профсоюза, он имеет перед собой профсоюз, который только непосредственным образом ведет борьбу за повышение зарплаты, ибо имеет своей конечной целью борьбу за общее изменение существующего положения, т. е. уничтожение права на собственность. Наш же синдикализм стремится только улучшить положение тех групп и классов, которые собираются под его знамена, и не имеет конечных целей. Наш синдикализм основан на сотрудничестве на всех стадиях процесса производства. Он сотрудничает в первый период, когда речь идет о производстве богатств. Он продолжает сотрудничать во второй период, когда дело касается валоризации этих богатств. Он не может не сотрудничать и на третьей ступени, когда речь идет о распределении полученной прибыли»³⁴.

Закон «О правовой организации коллективных трудовых отношений», принятый 3 апреля 1926 г., был как бы непосредственным развитием соглашения о сотрудничестве между Конфедерацией промышленников и фашистскими профсоюзами в Палаццо Видони, заключенного 2 октября 1925 г. Фактическая монополия фашистских профсоюзов, зафиксированная этим соглашением, превращалась теперь в правовую. Согласно новому закону, признание со стороны государства получали профсоюзные организации предпринимателей или рабочих, отвечающие следующим трем требованиям: 1) объединяющие в своих рядах не менее 10% лиц данной профессиональной категории; 2) способствующие не только охране экономических интересов своих членов, но также их моральному и патристическому воспитанию; 3) имеющие руководителей с соответствующими моральными и патристическими чувствами. Таким образом, впервые в государственном законодательстве политические мотивы выставлялись в качестве критерия для признания профсоюзной организации. В результате этого могла быть признана организация, едва насчитывающая в своих рядах 10% лиц данной профессиональной категории, и, напротив, отка-

³³ *Ercole F. Op. cit.*, p. 64—65.

³⁴ Цит. по: *Costamagna C. Il diritto corporativo italiano*. Torino, 1927, p. 513.

зано в признании организации, включающей 90% лиц этой категории.

Юридическое признание со стороны государства могла получить только одна профсоюзная организация для предпринимателей или рабочих в каждой профессиональной категории. Лишь за одной организацией признавалось в новом законе право представлять и защищать всех лиц данной профессиональной категории вне зависимости от их принадлежности к этой организации. Соответственно этому все лица данной категории должны были платить денежные взносы в фонд признаваемого государством профсоюза и подчиняться заключенным им коллективным договорам.

Естественно, что в качестве единственных признаваемых государством профсоюзов должны были выступать фашистские профсоюзы. Однако в новом законе не было даже слова «корпорация», которое, как известно, употреблялось фашистами для обозначения организаций, объединяющих предпринимателей и рабочих. В статье 3 говорилось об организациях, объединяющих или одних предпринимателей или одних рабочих. Говорилось также о «центральных органах связи», посредством которых «организации предпринимателей и организации рабочих могут быть объединены в высшую иерархическую единицу». Таким образом, эти органы связи сводились к функциям сугубо межпрофсоюзной связи. Корпорации в том понимании, которое вкладывали в них идеологи фашистского синдикализма, созданы не были.

Сами фашисты связывали это с ограниченностью целей, которые они ставили законом от 3 апреля 1926 г. Этими непосредственными целями были только «исключение самозащиты классов и профессиональных категорий, организация классов и профессиональных категорий в рамках государства, мирное и законное разрешение трудовых конфликтов». Эти три цели достигались посредством запрещения забастовок и локаутов, а также установлением магистратуры труда, с одной стороны, и, с другой — посредством придания фашистским профсоюзам публично-правового характера. До сих пор профсоюзы в Италии действовали в сфере частного права и защиты частных интересов. Теперь юридическое признание угодных фашизму профсоюзов работодателей и трудящихся поднимало их до косвенных органов общественной администрации или государственных институтов (самостоятельных или субсидируемых) или, наконец, лиц общественного права. Они были наделены атрибутами власти нормативной (статуты и коллективные договоры, имеющие силу для всех работодателей и трудящихся данной категории) и власти налоговой (право налагать налоги на всех представителей данной категории).

В осуществлении этих функций признанные фашистами профсоюзы подчинялись контролю и пользовались «защитой» государства. Отказавшись от права на забастовку, фашистские профсою-

зы вынуждены были целиком полагаться на фашистское рабочее законодательство, на судебные органы и на посредничество государственного и партийного аппарата в разрешении конфликтов. Но свой отказ от забастовок руководители фашистских профсоюзов связывали с отказом предпринимателей от локаутов. Именно по настоянию фашистских профсоюзов (вопреки воле предпринимателей) был введен обязательный разбор трудовых конфликтов в промышленности.

Государственная власть непосредственно связывала себя с признанными ею профсоюзами, не только осуществляя над ними постоянный и активный контроль (в местном масштабе — через префектов), но и управляя ими (через министров). Председатели и секретари национальных профсоюзных объединений должны были утверждаться декретом короля, а председатели и секретари провинциальных, окружных и городских профессиональных союзов — декретом соответствующего министра. Последний имел право распустить правление союза и передать его полномочия на год председателю или секретарю, а в особо серьезных случаях даже специально назначенному уполномоченному.

Вскоре, однако, управление профсоюзами было сосредоточено в специальном министерстве корпораций. Королевский декрет об учреждении этого министерства был опубликован 2 июля 1926 г. Это министерство должно было утверждать руководителей профсоюзов, их уставы, сметы и важнейшие решения. При нем предусматривалось создание Национального совета корпораций — органа с чисто консультативными административными функциями. Он должен был быть создан на сугубо бюрократической основе, ибо самих корпораций, как мы видели, не было. Впрочем, этот совет в то время так и не был создан. Что же касается самого министерства, то даже при отсутствии корпораций оно все же было создано и функционировало. Иными словами, функции корпораций «по согласованию классовых интересов» государство, в лице министерства корпораций, как бы брало на себя.

Фашисты стремились выдвинуть при этом следующие аргументы: «Учреждение министерства корпораций означает по существу следующее. Италия отвергает крайность разрешения социального вопроса русскими, которые признают только за рабочей силой право юридически дисциплинировать производственные отношения, но она отвергает также крайности ложнонаучного американского тейлоризма, который передает право организации производства исключительно хозяевам... Между тем и другим разрешением вопроса фашизм, с его латинской привязанностью к духу реальности, выдвигает третий элемент, возвышающийся над всеми классовыми концепциями и в котором разрешаются все противоречия,— государство»³⁵.

---

³⁵ UPE. Opere e leggi del Regime Fascista. Roma, 1927, p. 118.

Государство, стоящее над профсоюзами, брало на себя управление различными социальными силами страны. Прежде всего, разумеется, речь шла об управлении рабочей массой. И не кто иной, как бывший член фашистского руководства Массимо Рокка напишет по этому поводу, что «рабочие профсоюзы, твердо подчиненные государству и задуренные жесткой дисциплиной, превратятся в отросток правительства»³⁶. В конечном счете вместо синдикализации государства произошло огосударствление профсоюзов.

В этой связи вставал вопрос о характере государства, которое руководило профсоюзами. И на этот счет Муссолини при обсуждении закона о профсоюзах высказался достаточно определенно. Это государство могло быть только капиталистическим, ибо лицо современной эпохи, по словам дуче, определяет именно капитализм. «Капитализм,— говорил он,— не только не находится в состоянии упадка, но даже не имел еще своей зари. Нам надо привыкать думать, что капиталистическая система, со всеми своими недостатками и преимуществами, будет существовать еще несколько веков»³⁷.

Итак, речь шла именно о капиталистическом государстве и о сращивании его с обществом посредством огосударствления профсоюзов. Однако процесс сращивания государства и общества шел также по линии фашистской партии. И в этом случае в плане правовых отношений мы видим превращение «частной» организации в организацию «публично-правового» характера. Правда, в этом смысле «частный» характер фашистской партии после прихода ее к власти был довольно относительным. Фашистская милиция уже 14 января 1923 г. была включена королевским декретом в государственную армию. Но все же она продолжала оставаться под верховным командованием дуче, в то время как армия находилась под верховным командованием короля.

Решающий сдвиг в этом отношении произошел в том же, 1926 г., в октябре, когда был принят новый устав фашистской партии. На основе этого устава фашистская партия превратилась в «организацию общественно-правового характера, используемую фашистским правительством для конституционных и административных целей». Королевским декретом от 12 декабря 1926 г. ликторский пучок был объявлен государственным гербом, а королевским декретом от 11 марта 1927 г. он был включен в государственную печать.

Но еще раньше, после очередного покушения на Муссолини, все партии, кроме фашистской, были запрещены. Это покушение было совершено 31 октября 1926 г. человеком, который был растерзан фашистами на месте. Не исключено, что это была инсце-

---

³⁶ Rocca M. Come il fascismo divenne una dittatura. Milano, 1952, p. 142.

³⁷ Цит. по: Costamagna C. Il diritto corporativo italiano, p. 577.

нировка. Во всяком случае новое покушение послужило предлогом для массовых репрессий, и они не замедлили последовать.

6 ноября Муссолини принял отставку министра внутренних дел Федерцони, заместив его на этом посту. Вслед за этим была проведена целая серия мероприятий по ликвидации остатков демократии. Был издан закон о роспуске всех «антинациональных» партий, чем формально был завершён переход к однопартийной системе. В парламенте было принято решение о лишении депутатских мандатов всех авентинцев. Антифашистская печать запрещалась. Для всех заподозренных в антифашизме лиц устанавливалась так называемая «политическая, или административная, высылка». При каждой квестуре и при каждом штабе легиона национальной милиции учреждалась «служба политического следствия». Даже эмиграция антифашистов была запрещена, и, чтобы сделать это запрещение более действенным, на всех пограничных переходах стояли отряды пограничной милиции. Было объявлено о введении смертной казни «за покушение на жизнь, неприкосновенность и свободу короля, королевы или главы правительства». Наконец, был учреждён Особый трибунал по защите государства³⁸.

Массовые аресты антифашистов начались одновременно с изданием Чрезвычайных законов. В числе первых арестованных в ноябре 1926 г. был и руководитель коммунистической партии Антонио Грамши. Характерно при этом, что закон об Особом трибунале и другие карательные законы, изданные фашистским правительством в ноябре 1926 г., были названы «чрезвычайными», так как они были введены сроком лишь на пять лет. Но затем срок их действия постоянно возобновлялся, и они сохранили силу до конца фашистского режима. Эти законы значительно расширили вмешательство фашистского государства во все сферы жизни итальянского общества. До этих законов, пусть даже формально, допускалось существование оппозиционных режиму партий, которые представляли собой в политической области своего рода секторы, свободные от официальной идеологии государства. Теперь с этим было покончено. До этих законов допускалось объединение трудящихся в свободные ассоциации — профсоюзы для защиты своих экономических интересов. Теперь государство получало право запрещать неудобные с его точки зрения профсоюзы, расширив таким образом свои компетенции и в экономической области. Государство взяло на себя решение таких вопросов, которые до сих пор считались неотъемлемым правом личности. Чрезвычайные законы положили конец свободной эмиграции из Италии. Вторгаясь в одну за другой области гражданских прав, элементарных человеческих отношений и личных убеждений, до сих пор свободных от прямого государственного вмеша-

³⁸ *Torre La M. Cento anni di vita politica ed amministrativa italiana, vol. II, p. 52—53; Traverso C. E., Italia V., Bassani M. I partiti politici, Leggi e statuti. Varese — Milano, 1966, p. 373—375.*

тельства, фашистское государство все более превращалось во всеобъемлющий организм.

И в этой связи мы можем лишь повторить то, что было уже сказано в связи с «кризисом Маттеотти». Как и этот последний, Чрезвычайные законы лишь ускорили процесс реорганизации фашистами государства в Италии. Сама же эта реорганизация вытекала из всей природы фашизма, его антидемократической и антисоциалистической направленности. Это нашло еще одно подтверждение в так называемой «Хартии труда».

Идея провозглашения «Хартии труда» впервые прозвучала на заседании Большого фашистского совета в начале января 1927 г. Эта хартия должна была по идее как бы продолжить хартию, положенную в основу конституционного строя в Италии и известную как Альбертинский статут — по имени провозгласившего его почти век назад короля Карла Альберта³⁹. В резолюции, принятой по этому поводу, говорилось: «БФС категорически подтверждает право государства устанавливать нормы, регулирующие производство и национальный труд, согласно принципам нового строя, предпосылки которого содержатся в законодательстве о правовой организации коллективных трудовых отношений». Далее в резолюции указывалось, что БФС дает в концентрированном виде идею «Хартии труда» и обращается к ее составлению согласно следующим критериям: «1) декларация солидарности между различными факторами производства в высших интересах нации; 2) координация и установление сроков для издания законов, охраняющих труд; 3) общие нормы условий соглашений о труде»⁴⁰.

«Хартия труда» была провозглашена в годовщину основания Рима — 21 апреля 1927 г. Этот акт исходил от Большого фашистского совета, высшего органа фашистской иерархии, который, однако, формально не обладал законодательной властью. Поэтому сама «Хартия труда» не была законом, но она стала основой, на которой впоследствии был разработан ряд законодательных актов, имевших правовой и юридически-нормативный характер.

Статья I «Хартии» гласит: «Итальянская нация является организмом, цели, жизнь и средства действия которого превышают силой и длительностью цели, жизнь и средства действия составляющих этот организм отдельных лиц и групп их. Она представляет моральное, политическое и экономическое единство и целиком осуществляется в фашистском государстве». По заключению фашистского профессора Карло Костаманья, эта статья дает «политическую формулу» фашизма и синтезирует все догматические понятия, присущие доктрине фашистского государства⁴¹.

---

³⁹ *Macedonio N. Lineamenti di legislazione costituzionale fascista. Roma, 1934, p. 77.*

⁴⁰ *Il Gran Consiglio nei primi cinque anni dell'Era Fascista, p. 238—245.*

⁴¹ *Costamagna C. Storia e Dottrina del Fascismo. Torino, 1938.*

Главным принципом этого государства провозглашалось сотрудничество работодателей и работников в процессе труда. В статье II «Хартии» подчеркивалось: «Труд во всех его формах — интеллектуальных, технических и физических — является социальным долгом. Именно поэтому он пользуется охраной государства. Все производство представляет единое целое с национальной точки зрения и имеет целью обеспечить благосостояние производителей и развитие национальной мощи». Статья IV «Хартии» предусматривала заключение коллективного договора между работодателями и работниками: «В коллективном трудовом договоре солидарность между различными факторами производства находит свое конкретное выражение в форме примирения противоположных интересов работодателей и работников и в подчинении их высшим интересам производства». Статьи XI—XXX «Хартии» были посвящены трудовым гарантиям, которые должны были включаться в каждый коллективный договор. К этим гарантиям относились: повышенная оплата ночной и сдельной работы, право на ежегодный оплачиваемый отпуск (без указания его длительности) для рабочих, проработавших не менее года на данном предприятии, выплата выходного пособия работникам, уволенным без вины с их стороны. В разделе о страховании подчеркивается, что все его виды должны производиться за счет и работников, и работодателей. Обязанности последних в этом отношении фашизм особенно подчеркивал в своей пропаганде, рассчитанной на то, чтобы представить себя как силу надклассовую, общенациональную.

В то же время «Хартия» не содержит даже упоминания о 8-часовом рабочем дне, о государственном регулировании минимума заработной платы, оставляет без ответа жгучий вопрос о безработице. Она предписывает рабочим строго соблюдать рабочее время и интенсивно работать, предоставляет работодателям право штрафовать и увольнять без выходного пособия рабочих, виновных в нарушении дисциплины и нормального хода производства.

Пункт V «Хартии» предусматривал учреждение государственного трудового суда: «Трудовой суд является органом, посредством которого государство регулирует трудовые споры, как те, которые касаются условий договора и других существующих правил, так и те, которые касаются установления новых условий труда».

В статье X уточнялось: «Споры на почве коллективных трудовых отношений передаются на рассмотрение суда лишь после того, как корпоративный орган сделал предварительную попытку примирить стороны. В индивидуальных спорах, касающихся истолкования и применения коллективных трудовых договоров, синдикаты имеют право предложить свое посредничество. Такие споры подсудны обыкновенным судам с приглашением заседателей, назначаемых заинтересованными синдикатами».

С теоретической точки зрения обращают на себя внимание выводы, которые фашисты делали в «Хартии труда» из проповедуемой ими идеи о «сотрудничестве производительных сил во имя общих национальных интересов». В статье VII, например, имелось следующее утверждение: «... Из сотрудничества производительных сил вытекает взаимность их прав и обязанностей. Всякий техник, служащий или рабочий является активным сотрудником предприятия, управление которым находится в руках работодателя, несущего за него ответственность». Многие фашистские комментаторы трактовали это утверждение чуть ли не как исторический переворот в экономической теории и естественно в самой экономике. По их мнению, этим было положено начало освобождению труда, который был объектом производства в либеральной экономике и расценивался до сих пор как некий товар на рынке труда. Теперь же, доказывали они, труд становится субъектом производства, так как участвует в нем в качестве одного из равноправных факторов.

Один из итальянских комментаторов «Хартии труда», Л. Мерлино, высказывался, например, следующим образом: «Предприниматель, как и рабочий, рассматривается в качестве трудящегося, призванного обслуживать нацию. Поэтому предприниматель уже не является абсолютным хозяином предприятия, а лишь управляет им в интересах коллектива. И этот коллектив, используя государство, побуждает предпринимателя к труду и вознаграждает его за труд. Если же предприниматель денится, то коллектив в качестве наказания лишает его собственности и берет на себя его функции»⁴².

В самой «Хартии» это положение было сформулировано следующим образом: «Вмешательство государства в производство может иметь место лишь тогда, когда отсутствует частная инициатива или когда она является недостаточной, или когда в этом замешаны политические интересы государства. Вмешательство это может принять форму контроля, поощрения или непосредственного управления».

В принципе же частная инициатива была объявлена главным фактором экономики: «Корпоративное государство смотрит на частную инициативу в области производства как на наиболее действенное и наиболее полезное для интересов нации орудие». Отсюда отрицание в принципе полезности таких мероприятий, как национализация, социализация или муниципализация собственности. На это со всей определенностью было указано еще ранее, в упомянутом выше уставе фашистской партии 1926 г.: «Перед лицом социалистических проектов переустройства на основе коллективистского хозяйства национальная фашистская партия становится на почву исторической и национальной действительности. Национальная фашистская партия борется за режим, кото-

⁴² «Gerarchia», 1927, N 5.

рый, поощряя индивидуальную инициативу и энергию (являющиеся наиболее мощным и деятельным фактором экономического производства), способствует росту национального богатства с полным отрицанием всех путаных дорогостоящих и антиэкономических затей в виде национализаций, социализаций, муниципализаций и т. п.»

Однако само по себе вмешательство государства в экономику не только было, но и все более усиливалось. Говоря о мероприятиях государства в этом отношении, Розарио Ромео подчеркивает, что большинство из них было проведено еще до опубликования «Хартии труда» и в гораздо большей мере, чем эта последняя, они знаменовали новую политику государственного вмешательства в экономику⁴³.

Этот вопрос — вопрос о вмешательстве государства в экономику — требует особого рассмотрения, ибо, как мы видели, в первый период фашистской власти он решался в чисто негативном плане. Но в широкой исторической перспективе тенденция развития государственно-монополистического капитализма была связана с усилением государственного вмешательства в экономику. И фашизм, который в конечном счете был связан с этой тенденцией, должен был встать на этот путь — на путь усиления государственного вмешательства в экономику. В этом направлении его толкал и идеологический импульс «сильного государства», и попытка ослабления на этом пути социальных противоречий, по крайней мере в той их части, которая была связана с общим экономическим положением страны.

В целом вплоть до 1926 г. итальянская промышленность продолжала развиваться по восходящей линии. Инвестированные в акционерные общества капиталы возросли в 1925 г. на 8 млрд. лир, а в 1926 г. — на 5 млрд. лир, составив к этому времени общую сумму более чем в 40 млрд. лир⁴⁴. Но это в условиях все более растущей инфляции, порожденной в известной мере экономическим либерализмом первого периода фашистской власти. По достижении определенного уровня инфляция, как это всегда бывает, стала создавать угрозу полного экономического краха и связанных с этим социальных потрясений.

В ряду мероприятий, направленных на уменьшение инфляции и имеющих характер государственного вмешательства в экономику, отметим прежде всего создание 4 июля 1925 г. Постоянного зернового комитета. Он был создан в плане широковетвистой государственной кампании «битвы за хлеб», проводимой под лозунгом «Италия может и должна производить хлеб для собственного потребления».

Объявление «битвы за хлеб» имело целью сократить дефицит платежного баланса из-за довольно большого ввоза пшеницы.

⁴³ *Romeo R.* Breve storia della grande industria in Italia. Capelli, 1963, p. 153.

⁴⁴ *Ibidem.*

При этом выявились две точки зрения на мероприятия по увеличению производства зерна в Италии. Одна — это расширение площади зерновых культур. Другая — борьба за увеличение урожайности с имеющихся уже площадей. Сторонники этой последней победили благодаря поддержке Муссолини, который в одной из своих речей прямо выступил против тенденции к увеличению площади зерновых культур за счет других культур, «более выгодных и необходимых для государственного хозяйства».

Первым мероприятием нового постоянного зернового комитета было повышение хлебных пошлин, что естественно привело к вздорожанию хлеба на внутреннем рынке и отразилось на бюджете прежде всего малоимущих слоев населения. Декретом от 29 июля 1925 г. были проведены следующие мероприятия: 1) увеличены ассигнования для передвижных кафедр агрокультуры с 3,5 до 7 млн. лир; 2) отпущено 7 млн. лир на закладку показательных полей; 3) отпущено 4 млн. лир научным учреждениям для изучения вопросов, связанных с производством зерна в стране.

Характерно, однако, что ставка налога на крестьян не была уменьшена и условия аренды не были изменены. Это лишало крестьян важного стимула для увеличения производства зерна. В целом же такое увеличение наметилось, что было использовано для пропаганды дальнейшего роста вмешательства государства в экономику.

Декретом от 10 декабря 1925 г. было установлено, что промышленные займы за границей могут заключаться лишь с разрешения министерства финансов. Таким образом, само итальянское казначейство инкассирует фунты, доллары, флорины и т. д., передавая заинтересованным обществам и предприятиям стоимость этих дивиз в лирах. Благодаря такой политике государства было намерено сделать хозяином курсового рынка. 30 июня 1926 г. Итальянский банк стал единственным эмиссионным банком страны.

В 1926 г. правительство предприняло решительные шаги на пути стабилизации итальянской лиры. Этому предшествовали и способствовали следующие мероприятия и обстоятельства: получение американских займов, в частности займа у Моргана в 100 млн. долл. в декабре 1925 г.; заключение соглашения с США и Великобританией, урегулировавших расчеты по военному долгу Италии; относительно высокий урожай 1925 г., сокративший потребность в импортном зерне, что облегчило торговый баланс Италии; принудительная конверсия внутренней краткосрочной задолженности на общую сумму в 21,5 млрд. лир; рост валютных поступлений от эмигрантов и возвращающихся в Италию реиммигрантов и сезонных рабочих; крупные валютные поступления от иностранных туристов в 1925 г., объявленном Ватиканом «священным годом» и привлечшим в Италию большое число иностранцев.

Декретом от 2 сентября 1926 г. правительство начало активно проводить дефляционную политику, придавая этому не только хозяйственное, но и престижное для фашизма значение. Муссолини, например, громогласно заявил, что он будет защищать итальянскую лиру «до последнего дыхания, до последней капли крови». Характерно, что после проведения правительством Пуанкаре стабилизации франка Муссолини решил во что бы то ни стало «перещеголять» Францию. По его личному распоряжению был намечен курс стабилизированной лиры в 90 лир за 1 ф. ст. (так называемая «квота 90») при курсе французского франка в 120 фр. за 1 ф. ст. Это вызвало серьезные возражения со стороны представителей крупного промышленного и финансового капитала, которые настаивали на более реальном курсе и которые потерпели известный урон из-за этой престижной акции.

Новая дефляционная политика правительства и относительная валоризация лиры внесли сильную пертурбацию во всю хозяйственную жизнь страны. В перерасчете на золотую валюту внутренние цены в Италии повысились за шесть месяцев, начиная с сентября 1926 г., на 18%. В то же время в Англии и США за тот же период они уменьшились на 8%⁴⁵. И это нарушение соответствия и равновесия между внутренними и внешними ценами привело к уменьшению экспорта. Для поддержания внешнеторгового баланса на прежнем уровне, который и без того был пассивным, правительство усилило ограничения импорта. В конечном счете для такой страны, как Италия, промышленность которой в значительной мере зависела от привозного сырья и от внешних рынков сбыта, все это имело очень тяжелые последствия.

Внутренние цены очень плохо приспособились к новому валютному курсу. Выручка за экспортируемые товары упала соответственно движению курса лиры. Оптовые цены на внутреннем рынке тоже снизились. Напротив, снижение цен в розничной торговле, а также снижение квартирной платы, окладов служащих и зарплаты рабочих происходило гораздо медленнее. Подобное положение не могло не отразиться на промышленном производстве. В целом в 1927 г. по сравнению с 1926 г. индекс производства обрабатывающей промышленности упал с 83 до 80, производство чугуна — с 513 до 489 тыс. т, стали — с 1883 до 1721 тыс. т, автомобилей — с 65 до 55 тыс. штук. В сельском хозяйстве производство зерна упало с 60 до 53 млн. ц, кукурузы — с 29 до 22 млн. ц, картофеля — с 23 до 19 млн. ц. Общий индекс сельскохозяйственного производства уменьшился с 97 до 88. Число безработных в стране увеличилось со 181 тыс. в 1926 г. до 414 тыс. в 1927 г.⁴⁶

---

⁴⁵ *Romco R. Op. cit.*, p. 154.

⁴⁶ *Ibidem.*

В то же время факты свидетельствуют об усилении в это время процесса концентрации финансового и промышленного капитала. И здесь растущее вмешательство государства в экономическую жизнь сыграло особенно большую роль.

Прежде всего государство стимулировало процесс концентрации финансового капитала. Вслед за превращением Итальянского банка в единственный эмиссионный банк страны ему был поручен контроль над финансовыми операциями, надзор за отчетностью других кредитных учреждений, наблюдение над слиянием и созданием учреждений, наблюдение над слиянием и созданием новых отделений уже существующих банков. Таким образом, через Итальянский банк с его операциями по переучету векселей и с его онкольными счетами государство стало осуществлять определенный контроль над банковским миром, что давало ему возможность добиваться определенных целей в своей политике. После того как в 1928 г. Итальянский банк был реорганизован и государство обеспечило за собой прямое или косвенное обладание большинством акций, концентрация капитала достигла в Италии небывалой до сих пор степени.

В связи с денежной стабилизацией и вызванным ею кризисом национальных сбережений промышленность была вынуждена изыскивать новые капиталы на внешних рынках. Государство оставило за собой право регулировать инвестиции иностранных капиталов в Италию. И это давало ему возможность стимулировать развитие той или иной отрасли производства. При этом вмешательство государства, как правило, сопровождалось давлением с целью добиться большей концентрации производства, что вело на практике к росту и усилению монополий.

Весьма характерно, что фашистское правительство отменило довольно высокие в прошлом налоги, которые препятствовали слиянию предприятий, и установило даже систему фискальных льгот, которые делали слияние выгодным. В тех случаях, когда слиянию обществ мешали финансовые причины, правительство вмешивалось, не только облегчая предоставление кредитов, но иногда и непосредственно оказывая их. Так было, в частности, в случае с химическими предприятиями, где были даны субсидии для образования сильнейшего треста по выработке красок и взрывчатых веществ А. С. Н. А. Этот трест с капиталом в 95 млн. лир образовался путем слияния трех крупных предприятий. Были случаи, когда дело доходило даже до прямого политического давления. Так, в Триесте существовали две мощные промышленные группы — Косулич и Ллойд Сабандо. Последний находился под контролем Коммерческого банка. Правительство вмешалось и заставило этот банк, путем вознаграждения за другие операции, уступить принадлежавшие ему акции Косуличу. В результате Косулич объединил вокруг себя почти все судоходные компании и судостроительные верфи Венеции-Джулии, создав гигантский трест.

В плане общей тенденции к стимулированию государством процесса концентрации финансового и промышленного капитала отметим также принятие нового устава сберегательных касс. На основании этого устава правительство сгруппировало кассы по округам и присвоило себе в решающих размерах право назначения руководящих органов. Таким образом сбережения бедных и средних слоев населения были поставлены под надзор экономической политики правительства, направленной в конечном счете на использование капиталов в целях развития промышленной концентрации.

В области промышленности имелись и другие важные проявления этой тенденции. Так, закон о минералах, принятый в апреле 1927 г., исходит из принципа государственной монополии на недра земли, т. е. что все еще не исследованные подземные богатства принадлежат государству, которое может передавать право на их эксплуатацию другим органам. Этот закон не нарушает прав, приобретенных нынешними собственниками, которые рассматриваются как «вечные» концессионеры недр, но он устанавливает ряд правил, допускающих вмешательство государства в том случае, если эти «концессии» не используются как следует.

Весьма показательно, что вскоре после принятия этого закона высшие финансовые круги стали оказывать давление на правительство, чтобы оно применило санкции, предусмотренные новым законом, в отношении серных рудников Сицилии, где добыча производилась еще примитивным способом. И государство, которое создало при Сицилийском банке отделение по кредитованию горнопромышленных предприятий, предприняло ряд мер в этом направлении. В конфликте между местными собственниками — отсталыми консерваторами — и финансовым капиталом, который стремился захватить эту хорошую добычу, оно выступило на стороне последнего.

Довольно радикально вмешалось государство в организацию производства, связанную с добычей мрамора. Декретом от 22 декабря 1927 г. оно возвестило об образовании принудительного консорциума из промышленников и торговцев мрамором провинции Каррара. В этой провинции существовало большое количество мелких производителей, для которых, вследствие их распыленности, создалась на рынке весьма неблагоприятная обстановка. Теперь консорциум стал регулировать все производство и взял на себя задачу централизации продажи, устраняя всякую конкуренцию.

В рассматриваемый период государственное вмешательство в сельское хозяйство имело более ограниченный характер, чем в промышленность. Процесс концентрации здесь шел гораздо медленнее, так как государство ориентировалось в значительной мере на поддержку среднего крестьянства. Наряду с «битвой за хлеб» можно отметить стимулирование государством развития табачных плантаций в Апулии и применения химических удобрений. Что

касается последних, то здесь был принят ряд самых различных мер — от конференций и выставок с раздачей премий, до административной высылки некоторых непокорных землевладельцев, не желающих применять химические удобрения. В законодательном порядке были созданы принудительные консорциумы производителей, например производителей оливкового масла, в целях организации борьбы против вредителей и чтобы избежать упадка этой важнейшей культуры. Были приняты также особые меры по орошению необрабатываемых земель. Причем эти меры предусматривали принуждение по отношению к собственникам этих земель вплоть до их экспроприации. В целом, однако, государственные вложения в сельское хозяйство были гораздо меньшими, чем в промышленность, которая съедала львиную долю государственных кредитов. В результате диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством в это время продолжала увеличиваться, как продолжал соответственно углубляться во всех отношениях разрыв между Севером и Югом страны.

В области торговли государство пыталось организовать огромные массы торговцев в союзы, заставляя их выплачивать известный налог. Взамен они получали патент на торговлю, который в любой момент мог быть аннулирован административным путем. Старые торговые палаты, представлявшие местные интересы торговцев, были отменены, и их полномочия переданы провинциальным «советам народного хозяйства». Государство настояло на создании особых «бирж» для определенных отраслей торговли, как, например, хлебной биржи в Генуе, шелковой — в Милане и т. д., в целях упорядочения торговли этими продуктами. Все эти «биржи» находились под контролем государства, которое назначало их руководителей, как оно это делало для фондовых бирж. Кроме того, государство создало Национальный институт экспорта, который должен был согласовывать деятельность экспортеров для борьбы на внешних рынках путем контроля над вывозимыми продуктами, принудительной охраны фабричных марок, введения усовершенствованных способов упаковки и транспорта и т. д.

Разумеется, от декларативных намерений до конкретной реализации в этой, как и во многих других областях государственного вмешательства в экономику, было весьма далеко. Однако как тенденция все это имело место в итальянской жизни в рассматриваемый период. Но наибольший интерес в этом отношении представляет правительственная политика в области зарплаты, цен и трудовых отношений. Она представляет интерес как с точки зрения осуществления фашистами своего «корпоративного» курса, так и выявления тех реальных классовых интересов, которые скрывались за широковещательной пропагандой этого курса.

Исходным пунктом здесь был отмеченный выше экономический кризис, достигший своего апогея в 1927 г. В период этого кризиса усилились требования со стороны промышленников

об уменьшении заработной платы рабочим, чтобы снизить себестоимость продукции и создать тем самым более благоприятные возможности для ее выхода на внешние рынки сбыта. Но уменьшить заработную плату рабочим было нельзя без снижения прожиточного минимума, который почти не изменился. И вот правительство предприняло кампанию по принудительному снижению розничных цен и квартирной платы, что задевало интересы части средних слоев населения, и одновременно кампанию по уменьшению заработной платы рабочим. О результатах этой кампании для рабочих можно судить по следующим цифрам: в мае 1927 г. заработная плата рабочих была уменьшена на 10—12%, а прожиточный минимум с августа 1926 г. по август 1927 г. снизился всего на 8% ⁴⁷. Проигрыш рабочих от мероприятий по уравниванию цен и заработной платы был совершенно очевидным.

Все эти мероприятия проводились под руководством образованного в период кризиса Комитета по регулированию цен и заработной платы. Этот Комитет был создан при министерстве корпораций, учрежденном, как уже отмечалось, в соответствии с декретом от 2 июля 1926 г., хотя самих корпораций и не было. Но при отсутствии корпораций создать предусмотренный тем же декретом Национальный совет корпораций фашисты пока что не решились. А без такого совета или подобного ему органа деятельность министерства корпораций приобрела сугубо директивный характер. Иными словами, она лишалась даже видимости того «добровольного классового сотрудничества», которое было объявлено краеугольным камнем фашистской корпоративной политики. Тогда у фашистов и родилась идея о создании так называемых «межпрофсоюзных комитетов» — института, весьма показательного для всей фашистской корпоративной политики в это время.

Вначале межпрофсоюзные комитеты создавались в масштабе провинции, и поэтому они назывались «провинциальные межпрофсоюзные комитеты». В эти комитеты входили на паритетных началах представители местных фашистских профсоюзных организаций предпринимателей и лиц наемного труда, представлявшие все отрасли производства. Этим они существенно образом отличались от запроектированных вначале корпораций, которые должны были бы объединить в рамках единой организации предпринимателей и лиц наемного труда какой-то одной отрасли производства. Причем в корпорации должны были бы быть объединены все предприниматели и лица наемного труда той или иной отрасли производства. В данном же случае речь шла лишь о комитетах, состоящих из ограниченного числа представителей предпринимателей и лиц наемного труда. Это были своего рода согласительные комитеты, ибо их главной функцией было дости-

⁴⁷ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1927, № 10—11, с. 228.

жение соглашений между предпринимателями и лицами наемного труда по вопросам труда и заработной платы. Они стали как бы связующим звеном между фашистскими профсоюзами предпринимателей и профсоюзами лиц наемного труда.

Но главное это был принцип правительственного и партийного контроля в провинциальных межпрофсоюзных комитетах. Членами каждого такого комитета были префект и секретарь провинциальной фашистской организации. При этом последний являлся, как правило, председателем комитета. По образцу провинциальных межпрофсоюзных комитетов был создан Центральный межпрофсоюзный комитет, призванный регулировать трудовые отношения между национальными организациями фашистских профсоюзов предпринимателей и профсоюзами лиц наемного труда. Председателем этого комитета стал секретарь фашистской партии. Введение принципа партийного представительства и руководства в эти новые органы «согласования классовых интересов» стало важным прецедентом и определяющим моментом всего дальнейшего развития и осуществления корпоративных идей фашизма ⁴⁸.

Провинциальные межпрофсоюзные комитеты существовали без утверждения каким-либо центральным законодательным или директивным органом. Но в ноябре 1927 г. они, так же как и Центральный межпрофсоюзный комитет, были санкционированы Большим фашистским советом «в качестве органа координации политических действий партии с административной деятельностью министерства корпораций» ⁴⁹. Эти комитеты и стали теми органами, с помощью которых мероприятия, задуманные министерством корпораций, можно было представить уже не как голую директиву, а как акт добровольного согласия и сотрудничества участников производственного процесса в лице предпринимателей и рабочих. Так, как бы в компенсацию за «добровольное» согласие рабочих на снижение заработной платы (от имени рабочих, разумеется, выступали фашистские профсоюзы лиц наемного труда), в рамках межпрофсоюзных комитетов заключались коллективные договоры, гарантировавшие рабочим и служащим определенные трудовые права в духе «Хартии труда». Заключение такого рода договоров означало в ряде случаев определенные улучшения в положении рабочих и служащих ⁵⁰. Фашистская пропаганда, разумеется, широко рекламировала подобного рода факты и представляла фашизм как защитника интересов рабочих: «То, чего рабочие не смогли добиться в течение многих лет борьбы под руководством социалистической партии, они без борьбы получили благодаря фашизму», — в таком духе

⁴⁸ Istituto G. Feltrinelli — Archivio di A. Tasca, fascicolo «Comitati Intersindacali Provinciali», fascicolo «Comitato Intersindacale Centrale».

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Istituto G. Feltrinelli — Archivio di A. Tasca, fascicolo «Patti provinciali e locali».

демагогически комментировался фашистами договор между рабочими и предпринимателями в металлообрабатывающей промышленности⁵¹.

Во многих случаях предприниматели действительно с неохотой шли на заключение такого рода коллективных договоров с фашистскими профсоюзами лиц наемного труда, и эти последние прибегали к авторитету фашистской партии и фашистского государственного аппарата. Все это еще больше усиливало иллюзии о «надклассовом» характере фашизма и фашистского государства. Но в большинстве случаев речь шла лишь о более или менее непосредственном выражении фашизмом интересов прежде всего промышленной и аграрной буржуазии. В случае с понижением заработной платы рабочим фашизм более непосредственно выражал ее интересы. Тогда же, когда фашисты настаивали на принятии некоторых требований рабочих, они действовали в интересах сохранения и упрочения капиталистической системы в целом, обуздывая слишком уж эгоистические и узкокастовые стремления буржуазии, грозящие обострением классовой борьбы и ослаблением в конечном счете системы классового господства той же буржуазии.

Конечно, в этом, как и во всех других случаях, следует избегать довольно распространенных упрощений и схем. Внутри фашизма, в первую очередь в фашистских профсоюзах лиц наемного труда, были силы, которые в известной мере отражали настроения и интересы трудящихся. Это факт, что вторая волна по снижению заработной платы рабочим осенью 1927 г. натолкнулась на довольно энергичное сопротивление фашистских профсоюзов лиц наемного труда. Стремясь сохранить контакты с массами, эти профсоюзы участвовали в ряде случаев в организации забастовок промышленных и сельскохозяйственных рабочих. В целом забастовочное движение в Италии во время кризиса значительно усилилось. Наиболее крупными конфликтами в это время были забастовки на металлообрабатывающих заводах Бреда в Милане и Сесто-Сан Джоване (с участием 10 тыс. рабочих), забастовки металлистов на фабриках Франко Този в Леньяно (3 тыс.), забастовка текстильщиков в Понтекорво и Пизе (4 тыс.), забастовка текстильщиков в Северомиланском округе (15 тыс.), забастовка работниц рисовых полей в провинции Парма (7 тыс.)⁵².

Конечно, далеко не все эти забастовки можно занести в актив фашистских профсоюзов. В значительной части они возникали стихийно и не без влияния агитационной литературы подпольной ВКТ. Но сам факт участия фашистских профсоюзов в некоторых из этих забастовок был весьма показательным. Фашистские профсоюзы лиц наемного труда стремились отмежеваться

⁵¹ Istituto G. Feltrinelli — Archivio di A. Tasca, fascicolo «Mettallurgici (Patto nazionale), febbraio 1928».

⁵² Международное рабочее движение. 1924—1927. М., 1928, с. 492—493.

от новой кампании снижения заработной платы, снять с себя ответственность за эту особенно сильно задевавшую интересы рабочих акцию. С этим было связано также требование фашистских профсоюзов лиц наемного труда о передаче вопросов, касающихся заработной платы, на рассмотрение трудовых судов. Эти суды, предусмотренные законом «О правовой организации коллективных трудовых отношений» от 3 апреля 1926 г., были формой своего рода государственного арбитража при коллективных трудовых конфликтах. В отличие от большинства других запроюжированных фашистами так называемых «корпоративных институтов» этот суд в 1927 г. уже был закончен своей организацией. Дейтельность и решения этого суда были оговорены целой серией регламентаций, которые затрудняли быстрое снижение заработной платы рабочим и служащим. Поэтому предприниматели предпочитали обращаться по этому вопросу в провинциальные межпрофсоюзные комитеты, которые сплошь и рядом брали на себя функции трудовых судов. Не будучи связаны судебными регламентациями, эти комитеты оказывались более гибким органом, в котором «букву закона» заменял произвол секретаря местной организации фашистской партии или префекта⁵³. Растущее недовольство рабочих и служащих подобной практикой и нашло свое выражение в неоднократных выступлениях фашистских профсоюзов лиц наемного труда за «подлинно корпоративное» решение вопросов о заработной плате и вообще всех трудовых конфликтов.

В ряду критических выступлений фашистских профсоюзов лиц наемного труда, продиктованных стремлением сохранить свои связи с трудящимися, особое место занимали статьи, появляющиеся в центральном печатном органе Конфедерации фашистских профсоюзов газете «Лаворо д'Италия». В одном из своих номеров в начале 1928 г. эта газета писала, например: «... Огромное большинство рабочих не пользуется правами, которые им дала фашистская революция... Известно, что, когда предприниматели не могут сделать по-своему, они откладывают заключение коллективных договоров... Имеются тысячи нарушителей сельскохозяйственных договоров, на которых мы подавали официальные жалобы префектам»⁵⁴. Последнее замечание наиболее примечательно. Действительно, если в городах промышленники еще были вынуждены как-то считаться с интересами рабочих, то в сельских областях землевладельцы почти совершенно не считались с ними.

Критика предпринимателей находила довольно широкое отражение в фашистских профсоюзах лиц наемного труда, что и вызывало растущую тревогу как предпринимателей, так и руководства фашистской партии и государства. Предприниматели развернули кампанию против руководителей фашистских профсою-

⁵³ Istituto G. Feltrinelli — Archivio di A. Tasca, fascicolo «Comitati Intersindacali Provinciali».

⁵⁴ Цит. по: «Международное рабочее движение», 1928, № 7, с. 4.

зов лиц наемного труда, обвиняя их в сопротивлении мероприятиям «общегосударственного» значения по снижению заработной платы. Со своей стороны правительство предприняло ряд мер по усилению своего контроля над фашистскими профсоюзами лиц наемного труда. Были наложены дополнительные ограничения на порядок проведения профсоюзных собраний, проведена проверка «благонадежности» ответственных профсоюзных работников и т. п. Все это означало дальнейшее развитие тенденции к полному «огосударствлению» фашистских профсоюзов и к превращению их в безотказное оружие политики «классового сотрудничества». Эта тенденция наталкивалась на сопротивление внутри фашистских профсоюзов лиц наемного труда, что и нашло свое выражение на их съезде в мае 1928 г.

К моменту этого съезда фашистские профсоюзы лиц наемного труда объединяли в своих рядах довольно большую массу трудящихся. Согласно официальным данным, к началу 1928 г. конфедерация этих профсоюзов объединяла 2 809 641 человека, из них Федерация промышленных рабочих и служащих — 1 200 586, Федерация батраков и сельскохозяйственных рабочих — 990 797, Федерация рабочих и служащих торговых предприятий — 254 179, Федерация рабочих и служащих сухопутного и внутреннего водного транспорта — 247 344, Федерация банковских служащих — 40 317, Федерация работников искусств и лиц свободных профессий — 70 418⁵⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что Федерация работников искусств и лиц свободных профессий также входила в фашистскую Конфедерацию профсоюзов лиц наемного труда. В то же время существовала Национальная федерация рабочих и служащих морского и воздушного транспорта, которая, находясь под фашистским влиянием, формально сохраняла свою автономию и не входила в фашистскую Конфедерацию лиц наемного труда. Эта федерация не была представлена на съезде, как не были, естественно, представлены на нем и шесть официально признанных конфедераций предпринимателей, объединявших в общей сложности около 900 тыс. человек⁵⁶. Эти последние не были даже представлены на съезде своими наблюдателями. Факт тем более примечательный, что все предпринимательские конфедерации, за исключением Конфедерации промышленников, официально именовали себя фашистскими.

Классовые разногласия между рабочими и предпринимателями, которые сплошь и рядом оказывались сильнее объединявшей их фашистской идеологии, нашли свое отражение в ряде выступлений на съезде. Под одобрительные возгласы из зала один из делегатов, например, заявил: «Во все коллективные договоры включено множество мер взыскания. Для кого? Для рабочего или служащего, который в чем-нибудь провинился при исполнении

⁵⁵ «Lavoro d'Italia», 16.III 1927.

⁵⁶ Ibidem.

своих обязанностей. Но нет никаких санкций по отношению к предпринимателям, которые не выполняют обещания лояльно осуществлять сотрудничество»⁵⁷. Другой делегат, отражая настроения рабочих, следующих фашистским директивам о недопустимости забастовок, говорил: «Неверно, камераты, что царство классовой борьбы окончательно минуло. Оно минуло для рабочих, которые, будучи дисциплинированными фашистами, не ведут больше классовой борьбы. Но другая сторона ведет классовую борьбу»⁵⁸. В выступлениях делегатов съезда раздавались упреки не только по адресу предпринимателей, но и по адресу правительства в лице министерства корпораций. В приглушенной форме намекалось на узурпацию этим министерством функций, относящихся к компетенции профсоюзов. Ряд делегатов протестовал в своих выступлениях против стремления этого министерства переводить из рядов Конфедерации фашистских профсоюзов лиц наемного труда в ряды предпринимательских конфедераций некоторые категории служащих и техников, мелких крестьян и арендаторов, не спрашивая даже мнения профсоюзов. Министерство корпораций упрекали и в том, что оно присвоило себе функции по подготовке профработников, наставляя их таким образом, чтобы они в зависимости от нужды могли работать, как в предпринимательских профсоюзах, так и в профсоюзах лиц наемного труда⁵⁹. Наиболее ярким выражением фрондирования профсоюзных делегатов на съезде были выборы председателя конфедерации. Единогласно был избран Россони, который как бы символизировал сопротивление наступлению предпринимателей на заработную плату рабочих и политике правительства, направленной на еще большее огосударствление профсоюзов.

Однако дальше этого дело не пошло. Резолюции, принятые съездом, содержали набор общих фраз, лозунгов и пожеланий. В резолюции об инспекции труда указывалось на необходимость того, чтобы она «соответствовала требованиям корпоративных принципов». В свою очередь резолюция о корпоративных принципах говорила о необходимости для профработников быть «верными фашистами, технически подготовленными как в области теории, так и в области практики». По вопросу о коллективных договорах съезд ограничился поручением президиуму добиваться, чтобы министерство корпораций приняло меры к их соблюдению. Съезд также высказался в осторожной форме за «постепенное усовершенствование социального страхования»⁶⁰.

И все же возможности для борьбы внутри фашистских профсоюзов были. Здесь проходили собрания, на которых можно было добиться принятия резолюций в защиту экономических интере-

⁵⁷ Цит. по: «Международное рабочее движение», 1928, № 23, с. 16.

⁵⁸ Там же, с. 17.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

сов и прав рабочих. Под маркой фашистского профсоюза можно было выбрать рабочую делегацию для переговоров с предпринимателями, а фактически — для защиты интересов и прав рабочих. Под этой же маркой, как уже отмечалось, можно было иной раз организовывать забастовки. Важно также, что некоторые низовые профсоюзные должности были выборными. Иными словами, в рамках фашистского режима профсоюзы были самым уязвимым местом.

Обращаясь к вопросам внешней политики, отметим, что здесь фашизм продолжал выступать скорее как потенциально агрессивная сила, ибо действовал еще крайне осторожно, не преступая тех границ, за которыми открывалась бы перспектива большой войны или во всяком случае серьезных международных осложнений. В исследованиях, посвященных внешней политике Италии в это время⁶¹, отмечается, в частности, обострение ее противоречий с Францией. Эти противоречия восходили своими корнями еще к дофашистскому периоду, когда между двумя «латинскими сестрами» развернулось соперничество за влияние на Балканах, господство на Средиземном море, преобладание в Тунисе и других африканских колониях. На Балканах итальянской политике окружения Югославии французы противопоставили политику, сформулированную в лозунге «Балканы — для балканских народов». За этим лозунгом скрывалась борьба Франции против проникновения Италии в Албанию и за усиление Югославии как противовеса Италии и как проводника французского влияния в странах Балканского полуострова. Эта борьба между Италией и Францией на Балканах, как и борьба по вопросу о притязаниях Италии на обеспечение своих интересов во французском Тунисе и на расширение границ своей колонии Ливии, пока что не вышла из сферы дипломатических переговоров и закулисных сделок, но была уже чревата взрывом. Способствовало обострению итало-французских противоречий и то, что значительная часть итальянской антифашистской эмиграции обосновалась во Франции: французская дипломатия пыталась использовать это обстоятельство как козырь в своей политической игре, чем особенно досаждала правительству Муссолини.

В значительной мере на почве антифранцузской устремленности итальянской внешней политики в 1924—1926 гг. происходит сближение между Италией и Англией. То же самое можно сказать об укреплении связей между Италией, с одной стороны, Болгарией и Грецией — с другой. Обе эти балканские страны имели серьезные противоречия с Югославией, что и пыталась использовать итальянская дипломатия в борьбе против французского влияния на Балканах, осуществляемого главным образом через Югославию. Итальянской дипломатии удалось обеспечить широ-

---

⁶¹ См.: *Carocci G. La politica estera dell'Italia fascista (1925—1928)*. Bari, 1969.

кое проникновение политического и экономического влияния Италии в Албанию и фактически подчинить себе во многих отношениях эту страну, превратив ее в главный плацдарм на Балканах. Однако расширение итальянского влияния на Балканах настораживает Англию, и в 1927—1928 гг. намечается некоторое охлаждение англо-итальянских отношений. В конечном счете агрессивные устремления фашистской Италии становились все более явными, и это усиливало ее противоречия не только с Францией, но и с другими державами.

Но все это — повторяем — в рамках обычных межимпериалистических противоречий, не претупая границ на пути к серьезным международным осложнениям. Отметим также, что план, согласно которому развивался в Италии государственный капитализм, не был планом подготовки итальянского хозяйства к конкуренции с иностранной промышленностью. Наоборот, он старался использовать внутренний рынок, проводя на нем политику высоких цен и опираясь на протекционизм. Важной составной частью этого плана было создание искусственного рынка за счет военного производства. Гидроэлектрическая промышленность развивалась и концентрировалась, несмотря на то, что производство электрической энергии посредством термических установок было, при тогдашних ценах на уголь, более выгодным. Это объяснялось тем, что фашистское государство готовилось к войне, которая могла привести к прекращению или сокращению ввоза угля. Кроме того, значительная часть новой химической промышленности, промышленности синтетической химии, военной химии была основана на применении электрохимических процессов, и все новые установки, созданные, например, в Южной Италии (установка «Сила» в Калабрии, «Когинос» на Сардинии), были связаны с химической промышленностью такого рода. Концентрация ее имела явно военный характер и решалась не на основе наиболее экономичного способа, а на основе достижения тех целей, благодаря которым Италия могла бы самостоятельно располагать сырьем или техническими возможностями.

Выступая 20 мая 1927 г. в парламенте, Муссолини заявил: «Первый наш долг — увеличить наши вооруженные силы. Мы должны быть готовыми к определенному времени мобилизовать 5 млн. человек и иметь возможность их вооружить. Мы должны увеличить наш флот и так усилить наши военно-воздушные силы, чтобы шум их моторов сделал неслышным всякий другой шум и чтобы их тень закрыла собой солнце над итальянской землей»⁶².

Речь, однако, шла о подготовке не только материального, но и идеологического потенциала войны. Как писала фашистская газета «Империо»: «... Нам нужны воздух, чтобы дышать, земля для расширения, уголь и нефть для наших машин, горизонты и флот

⁶² *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. VI. Milano, 1934, p. 72.

для героизма и поэзии. Наша раса обнаруживает ныне столько физической мощи, что ее право на распространение по всему миру так же неоспоримо, как право бурных потоков вливаться в море»⁶³. В Италии в это время очень много говорили о демографической мощи нации. 40 млн. жителей — это немного, по словам Муссолини, «перед лицом 90 млн. немцев и 200 млн. славян». И вывод: «Италия должна насчитывать по крайней мере 60 млн.»⁶⁴ В связи с этой задачей государство установило налог на холостяков и принимало меры к уменьшению итальянской эмиграции за границу, считая это «досадным расточением национальной энергии». В числе этих мер было выделение особых кредитов для южных и островных провинций, дававших львиную долю эмигрантов, государственные субсидии на общественные работы и т. д. В результате число итальянских эмигрантов, покидавших родину, уменьшилось. В 1926 г. из Италии эмигрировало всего 280 тыс., причем за этот год 150 тыс. итальянцев, проживавших за границей, вернулись на родину.

Сыграла свою роль здесь и фашистская пропаганда. Она все время обрабатывала сознание итальянцев в духе предстоящих в скором времени коренных улучшений в их жизни, предрекала наступление в самом ближайшем будущем «эры всеобщего благоденствия». Фашисты усиленно заботились о том, чтобы предотвратить ассимиляцию итальянских эмигрантов за границей, чтобы они не утратили связи с родиной, сохранили родной язык, традиции, национальный дух.

А этот национальный итальянский дух, по представлению фашистов, глубоко противоречит идеям либерализма и демократии — идеям, присущим германским и англосаксонским народам. Во всяком случае так было сформулировано это положение в меморандуме «Комиссии 18-ти», продолжавшей работу по проведению государственной реформы в Италии. Очередным плодом ее «творчества» был законопроект о реформе избирательной системы и парламента.

Дело в том, что в Италии все еще продолжал существовать старый парламент, избранный на основе «порочных», с фашистской точки зрения, либерально-демократических принципов, когда в качестве избирательных единиц выступали «разрозненные индивиды», «социально-неорганизованные личности». Никаких коренных перемен в этом отношении не внесли и последние парламентские выборы 1924 г. Более того, во время «кризиса Маттеотти» правительство вынуждено было пойти на отмену закона Ачербо, который, по мнению фашистов, несколько смягчал «пороки либерально-демократической избирательной системы». Правда за период, прошедший после 1924 г., произошли изменения в составе самого парламента. После ухода депутатов Авентинской

⁶³ Цит. по: «Мировое хозяйство и мировая политика», 1927, № 5—6, с. 111.

⁶⁴ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. VI, p. 42.

оппозиции и изгнания коммунистов он стал почти целиком фашистским или уж во всяком случае профашистским. Муссолини не стоило особого труда проводить через него задуманные им мероприятия в тех случаях, когда они все еще нуждались в формальном одобрении парламентом. Но срок полномочий парламента последнего созыва истекал, и надо было решать вопрос о новых выборах. Проводить их на основе старых либерально-демократических принципов — значило бы противоречить утвердившейся уже к этому времени во всех звеньях государственного аппарата официальной фашистской корпоративной идеологии. В этот момент на сцене и появляется «Комиссия 18-ти» с проектом своей реформы.

После ряда поправок и изменений законопроект в мае 1928 г. был принят парламентом и обнародован под названием «Закон о реформе политического представительства»⁶⁵. Согласно установленным в нем нормам, право выдвижения кандидатов принадлежит прежде всего «признанным законом профсоюзам» (статья 3), а также «признанным законом юридическим лицам и ассоциациям, существующим де-факто при условии, что они имеют национальное значение или преследуют цели культуры, воспитания, взаимопомощи и пропаганды» (статья 4). В порядке пояснения к статье 4 можно сказать, что под «юридическими лицами» и «ассоциациями» в ней подразумевались разного рода общественные, культурные и учебные учреждения и организации, находившиеся, как правило, под фашистским контролем. Таким образом, при выдвижении кандидатов принцип «гражданина-избирателя» заменялся принципом «гражданина-производителя». При этом кандидаты выдвигались не отдельными гражданами, а организациями. Характерно, что в законе указывается на обязательность присутствия королевского нотариуса при выдвижении кандидатов: «Королевский нотариус составляет протокол собрания и состоявшегося на нем голосования» (статья 3). Тем самым закреплялся публично-правовой характер профсоюзов и ассоциаций, и принцип их сращивания с государством получал еще одно свое подтверждение.

Выдвижение кандидатов «признанными законом организациями» было первой ступенью новой избирательной системы. Кандидатов в депутаты выдвигалось вдвое больше числа установленных мест в парламенте, а именно 800 кандидатов на 400 мест. Вторая ступень новой избирательной системы — отбор кандидатов для голосования: «Большой фашистский совет (БФС) составляет список депутатов, выбирая их по своему усмотрению из общего числа кандидатов, а также вне его, если это требуется необходимостью включить в список лиц, получивших известность в области наук, литературы, искусств, политики или военного дела, не попавших в число кандидатов» (статья 5). По существу

⁶⁵ *Traverso C. E., Italia V., Bassani M.* Op. cit., p. 376—378.

это означало, что депутаты парламента просто-напросто назначались фашистской партией в лице БФС. Правда, сами фашисты маскировали это утверждением, что «БФС выступал здесь не в роли директивного, а в роли консультативного органа, и окончательное решение оставалось за избирателями»⁶⁶.

Действительно, новый закон предусматривал еще третью ступень прохождения кандидатов — всеобщее голосование по списку, утвержденному БФС. Но это создавало только иллюзию привлечения всего народа к решению вопроса о составе парламента. В самом деле, главной теоретической предпосылкой фашистской реформы был довод о том, что избиратель как таковой не может сам сделать сознательный выбор, а поэтому посылает в парламента, как правило, «безответственных делегатов». Отсюда старый принцип буржуазно-демократической доктрины об «общенародном представительстве» должен быть заменен, согласно фашистам, принципом «профессионального», т. е. в известной мере «словного, представительства». В этом слышались отголоски идеи о «корпоративном парламенте» — идеи, весьма популярной в Италии, как уже отмечалось, сразу после первой мировой войны. И установленный фашистами порядок выдвижения кандидатов в депутаты через профсоюзы и другие ассоциации мог показаться даже осуществлением этих идей.

Но та или иная идея может приобретать совершенно иной смысл в зависимости от конкретных исторических условий, в которых ее пропагандируют и пытаются провести в жизнь. В Италии существовал фашистский режим. Все оппозиционные или даже просто независимые от этого режима партии и организации были ликвидированы. Все так называемые «признанные законом» профсоюзы и ассоциации были фашистскими профсоюзами и ассоциациями. И когда эти профсоюзы и ассоциации выдвигали кандидатов, то они прежде всего были представителями и носителями интересов и идей фашизма, а не интересов и идей той или иной профессиональной категории или сословия. Кандидаты в депутаты предлагались руководящими органами профсоюзов и ассоциаций, которые, естественно, были более непосредственно связаны с партийными и правительственными органами. Если же говорить о председателях фашистских конфедераций, то все они, согласно уставу фашистской партии 1926 г., входили в Большой фашистский совет. Что же касается этого последнего, то он выступал в качестве главного фильтра всего механизма отбора и просеивания. Можно было быть уверенным, что список кандидатов, отобранных БФС, состоял из стопроцентных приверженцев режима. Так называемое «всеобщее голосование» производилось не по отдельным кандидатурам, а по всему этому списку путем приписки внизу бюллетеня «да» или «нет» (статья 6) Естественно, что в этих условиях роль избирательного корпуса

---

⁶⁶ *Ercole F. Op. cit.*, p. 76.

могла быть только пассивной, а не активной. Он голосовал за составленный фактически без его участия список. Говорить в этом случае о «всеобщем голосовании» в смысле старой буржуазно-демократической доктрины уже нельзя. Еще с одним «пережитком» либерализма и демократии было покончено.

В плане вопроса о сращивании государственного и партийного аппаратов в Италии обращает на себя внимание тот факт, что в новом законе право окончательного составления списка депутатов парламента было предоставлено Большому фашистскому совету, который формально не был ни правительственным, ни государственным органом. Возникавшее таким образом с формально-юридической точки зрения несоответствие было устранено законом «О строении и полномочиях Большого фашистского совета», принятым в декабре 1928 г. Это один из важнейших законодательных актов фашизма, окончательно завершивший и закрепивший процесс огосударствления фашистской партии.

До этого процесс огосударствления фашистской партии нашел свое отражение в той статье ее устава 1926 г., в которой устанавливалось, что в Большой фашистский совет, оставшийся формально высшим партийным органом, входят не только деятели партии как таковые, но и все министры вообще. Теперь в статье 1 нового закона о БФС указывалось: «Большой фашистский совет является верховным органом, согласовывающим и сосредоточивающим в себе всю активность режима, вышедшего из революции 1922 г. Он осуществляет законодательную функцию в установленных законом случаях и должен, кроме того, давать заключения по всяким другим вопросам — политическим, экономическим или социальным, государственной важности, по которым его запросит глава правительства».

БФС, который до сих пор формально был высшим партийным органом, брал на себя функции, являвшиеся, согласно старой буржуазно-демократической доктрине, прерогативой исключительно только государственных органов. Узаконение вмешательства БФС в сферу государственной деятельности нашло свое выражение и в ряде других статей нового закона: «Заключение БФС должно быть получено по всякому вопросу, имеющему конституционный характер» (статья 12); «Сохраняя в силе полномочия и прерогативы главы правительства, БФС составляет и обновляет списки лиц, которых он считает годными в случае вакансии для выполнения правительственных функций» (статья 13). Лица, занесенные в этот список, считались лицами, находящимися в номенклатуре БФС.

Со своей стороны представители высшей законодательной и исполнительной государственной власти расширяли сферу своего вмешательства в сугубо партийные дела: «Статут национальной фашистской партии утверждается королевским декретом по предложению главы правительства, премьер-министра, государственного секретаря и по заслушании БФС и совета министров»

(статья 14); «Секретарь национальной фашистской партии назначается королевским декретом...» (статья 15); «Члены национальной дирекции фашистской партии назначаются декретом главы правительства...» (статья 16); «Федеральные секретари национальной фашистской партии назначаются декретом главы правительства...» (статья 18).

Таким образом, новый закон подтверждал и стимулировал процесс сращивания государственного и партийного аппарата в фашистской Италии. Своего рода символом и фокусом этого процесса был сам Муссолини, объединивший в своей персоне главу фашистского правительства, главу фашистской партии и главу Большого фашистского совета.

Чем более тоталитарным становилось фашистское государство, тем более настоятельной становилась для него задача урегулирования отношений с Ватиканом. Ведь официально Ватикан продолжал не признавать итальянское государство, вышедшее из Рисорджименто. И хотя форма этого государства кардинально изменилась, из либерального оно превратилось в фашистское, а отношения у Ватикана с фашистами были лучше, чем с либералами, тем не менее с формально-юридической точки зрения ватиканский вердикт непризнания оставался в силе. Фашистское государство с его тоталитарными притязаниями не могло, разумеется, примириться с существованием обширной сферы духовного воздействия, имеющей, пусть даже чисто формально, антигосударственную окраску. Фашизм уничтожил и принудил к сотрудничеству все другие нефашистские организации, в том числе и католические организации светского характера. Но уничтожить церковь фашистскому государству не удалось. Вернуться к антирелигиозным лозунгам первых лет фашизма и попытаться уничтожить влияние церкви в сфере духовной жизни людей фашистам было не под силу. Ведь церковь проникала в такие глухие уголки, в такие тайники человеческих душ, в какие никакая фашистская идеология не могла бы проникнуть. И вывод напрашивался сам собой — надо заключить с церковью союз.

Влияние церкви в Италии было очень сильным, и поэтому попытки примирения государства с ней делались и в прошлом, когда у власти еще находились либералы. В этом отношении процесс был, пожалуй, необратимым. Но фашизм в значительной мере ускорил этот процесс, внося в него нечто новое — тоталитарные притязания государства на жизнь итальянского общества. В итальянском обществе не должно оставаться ничего, хотя бы в малейшей степени оппозиционного государству, — таков был принцип фашизма, в отличие от либерализма, по самому характеру своей идеологии допускавшего наличие таких сфер. Возможно, что в чисто личном плане для Муссолини сыграло здесь роль и честолюбие, ибо всем в Италии была известна фраза Криспи о том, что «величайшим государственным деятелем Италии окажется тот, кто разрешит римский вопрос».

Со своей стороны Ватикан решил начать переговоры с фашизмом лишь после того, как убедился в силе его диктатуры. На решение Ватикана повлияло и то, что фашисты, в отличие от либералов, не требовали никаких гарантий для сохранения светского характера итальянского государства. Напротив Муссолини неоднократно говорил о своем стремлении придать государству религиозный оттенок, о «католической миссии» итальянского народа и т. п. В общем атмосфера для переговоров была весьма благоприятной. Их непосредственному началу предшествовала принятая фашистским правительством попытка преобразования в выгодном для церкви отношении существующего церковного законодательства. Проект, ставший известным в начале 1926 г., предусматривал отмену ряда пережитков юрисдикционализма и признание за религиозными орденами права юридического лица, пользующегося особыми гарантиями.

Папа Пий XI высказал свое отношение к этому проекту в письме к кардиналу Гаспарри, датированном 18 февраля 1926 г. и опубликованном несколько дней спустя. «...Мы не можем,— писал он,— признать за кем-либо права издавать законы в отношении упомянутых дел и лиц без предварительного согласования и договоренности со святым престолом и с нами... Никаких соответствующих переговоров, никакого законного соглашения не могло и не может иметь места до тех пор, пока существуют те позорные условия, в которых находится ныне святой престол и римский папа»⁶⁷. Иными словами, папа давал понять Муссолини, что церковь не согласится ни с какой реформой церковного законодательства, как бы она ни была выгодна для нее, если эта реформа не явится плодом переговоров, которые коснутся как «римского вопроса», так и всей проблемы отношений между церковью и государством.

Муссолини отнесся с пониманием к этой позиции Ватикана. В своем письме к Альфредо Рокко он отмечал: «Фашистский режим, превосходя в этом вопросе (как и во всех других вопросах) установки либералов, отвергает как принцип агностицизма государства, так и принцип отделения церкви от государства, столь же нелепый, как и отделение духа от материи. Глубоко веря в религиозную и католическую миссию итальянского народа, фашистское правительство упорно стремилось, с помощью целого ряда административных и законодательных мероприятий, вернуть итальянскому государству и итальянской нации тот католический характер, которого либералы в течение долгих лет пытались его лишить...»⁶⁸

Переговоры начались 6 августа 1926 г. и велись с итальянской стороны советником Доменико Бароне, а со стороны Ватикана адвокатом консистерии Франческо Пачелли (братом карди-

⁶⁷ «Osservatore romano», 23.II 1926.

⁶⁸ Biggini C. Storia inedita della Conciliazione. Milano, 1942, p. 72—74.

нала Пачелли). Причем три года спустя обе стороны взаимно приписывали друг другу инициативу открытия переговоров (заявление кардинала Гаспарри от 7 февраля 1929 г. и речь Муссолини в палате депутатов 13 мая 1929 г.)⁶⁹.

4 октября 1926 г. Муссолини через Бароне делает письменный запрос курии: на каких условиях согласна она пойти на соглашение, характера «общего, дружеского и окончательного», на что Гаспарри 6 октября отвечает в общей форме, но в утвердительном смысле. 10 декабря 1926 г. испрашивается санкция короля на открытие переговоров, причем Ватикан одним из условий их поставил абсолютную тайну. Официальные переговоры длились два года. И это объяснялось как текущими разногласиями, возникавшими в ходе тоталитарной фашистской политики в это время, так и стремлением разрешить весь сложный и запутанный исторический комплекс взаимоотношений между церковью и государством в Италии. В конечном счете так называемые «Латеранские соглашения», подписанные 11 февраля 1929 г. Муссолини и личным представителем папы кардиналом Гаспарри, состояли из трех документов: «Договор», «Финансовая конвенция» и «Конкордат».

Главными пунктами «Договора» было признание Италией государства Ватикан (небольшой части территории Рима) под верховным суверенитетом Святого Понтификата, с одной стороны, и признание этим последним королевства Италии во главе с династией дома Савойя, с другой. Бесспорно, что реальное значение имело только первое, т. е. признание Италией Ватикана в качестве суверенного государства. Что же касается признания Ватиканом Италии, то она и без этого признания была общепризнанным государством и вnesпорным субъектом международного права. «Этот факт,—писал Канделоро,—имел преимущественно формальное значение, но с исторической точки зрения был положительным, ибо устранял некоторое недоверие в отношении итальянского государства, которое, хотя в гораздо меньшей степени, чем в эпоху Рисорджименто, могло еще оказывать известное влияние на католиков, особенно послушных воле святого престола»⁷⁰. Этот общеисторический аспект соглашения не исключает, разумеется, его конкретно-исторического значения. Поскольку носителем государственного суверенитета в момент подписания соглашения выступало фашистское государство, то признание церковью итальянского государства объективно в тех конкретно-исторических условиях означало признание фашистского государства.

Таким образом, фашизм мог извлечь и действительно извлек большую выгоду из этого акта признания итальянского государства со стороны Ватикана. Цена, заплаченная фашизмом за эту полученную им выгоду, не ограничивалась исключительно только

⁶⁹ «Europe Nouvelle», 1929, N 594, p. 882, 902.

⁷⁰ Канделоро Д. Католическое движение в Италии. М., 1955, с. 537.

признанием суверенитета государства Ватикан. В общем-то это не было сколько-нибудь большой жертвой, учитывая мизерность территории государства Ватикан и его уже многолетнее существование де-факто. Гораздо более поразил современников тот факт, что, согласно «Финансовой конвенции», фашистское государство обязалось выплатить Ватикану огромную по тому времени сумму в 750 млн. лир наличными и в 1 млрд. лир ценными бумагами. Фашисты тем самым обязались выплатить долги, вытекавшие из давних обязательств итальянского государства в отношении Ватикана и накопленные за все годы отказа пап от официальных сношений с представителями государственной власти.

Но ни признание государства Ватикан, ни огромная денежная сумма, которая должна была быть ему выплачена, не были главной ценой, заплаченной фашистами за примирение государства с церковью. Главной ценой был «Конкордат». Согласно этому документу, церковь получила преобладающее влияние в школе и в области брачно-семейного законодательства, государство обязывалось закрыть доступ к ряду должностей священникам-вероотступникам, следить за тем, чтобы в Риме не происходило ничего, что противоречило бы «священному характеру вечного города», и т. д. «Конкордат» ограничивал в ряде областей юрисдикцию государства и глубоко задевал его светский характер. Итальянский исследователь Д. Канделоро констатировал в связи с этим совершенно явный регресс итальянского государства по сравнению с позициями, завоеванными им в результате Рисорджименто. Это был, по его мнению, регресс не только в идеологическом, но и в институционально-правовом плане ⁷¹.

Таким образом, фашистское государство добилось для себя выгоды ценой серьезных уступок за счет позиций, завоеванных итальянским государством в целом в течение целой исторической эпохи, прошедшей под знаком Рисорджименто.

13 февраля 1929 г. на приеме делегации Миланского католического университета папа говорил о выгодах, полученных церковью от «Конкордата» ⁷². Со своей стороны дуче в речи 10 марта 1929 г. говорил, что «было бы сейчас ребячеством говорить о победителях и побежденных». «Мы признали за католической церковью преобладающее место в религиозной жизни итальянского народа, что является совершенно естественным для такого католического народа, как наш, и под действием такого режима, как фашизм» ⁷³.

13 мая 1929 г., выступая в палате депутатов по поводу приглашений с Ватиканом, Муссолини отметил, что «Договор» окончательно ликвидирует «римский вопрос», закрепляет права итальянского государства на Рим, что ни одно третье государство не

⁷¹ Канделоро Д. Указ. соч., с. 538—539.

⁷² «Europe Nouvelle», 1929, N 594, p. 884.

⁷³ «Corriere della Sera», 12.III 1929.

допущено к участию в нем и что Ватикан раз и навсегда устраняется от участия в международных конференциях и конгрессах, в том числе и в Лиге наций. По поводу «Финансовой конвенции» Муссолини отметил, что в ней предусмотрен ряд технических деталей, направленных на облегчение дел итальянской казны по выплате Ватикану предусмотренной суммы. Что касается его самого, то ему не жалко было бы «даже увеличить эту сумму — для ликвидации прошлого и гарантии будущего». Наконец, говоря о «Конкордате», Муссолини и в нем находил выгоды для итальянского правительства. Свою речь дуче заключил серьезным предостережением в адрес тех воинствующих клерикалов, которые хотели бы использовать примирение церкви и государства в Италии для своих политических целей. Начав с некоторых символических памятников (Дж. Бруно, Гарибальди), вызывающих отрицательные эмоции у клерикалов, и заверив, что памятники «останутся там, где стоят», Муссолини отметил, что ему пришлось за последние три месяца конфисковать больше католических газет, чем за предшествующие семь лет. Надеясь на партию «Полояри», он заявил: «Мы не допустим, чтобы воскресли организации и партии, которые мы уничтожили раз и навсегда». «Фашистское государство — католическое, но оно — фашистское. Более того, оно исключительно и по самой природе фашистское. Католицизм его дополняет, и мы говорим это открыто, положив карты на стол»⁷⁴.

В литературе тех лет много говорилось в связи со всем этим о полном подчинении церкви фашизму, о ее полном слиянии с фашизмом и т. п. Вряд ли можно с этим согласиться. Согласно одной из статей «Конкордата», Ватикан, например, сохранял широкую сеть своих организаций, объединенных в так называемое «Католическое действие». За этими организациями признавалось право деятельности, «направленной на осуществление и распространение католических принципов вне каких-либо политических партий и под непосредственным руководством церковной иерархии». И, комментируя эту статью, тот же Канделоро писал: «Таким образом, основное ядро католического движения в Италии было сохранено и после 1929 г. как сила, которую Ватикан мог в известной степени предоставлять в распоряжение фашизма, но которая не должна была сливаться с фашистскими организациями»⁷⁵.

Более тесной была в это время связь фашизма с монополистическим капиталом как своего рода стержень режима. Но и здесь не следует затушевывать определенные противоречия между ними. В данный период наиболее ярким примером таких противоречий было недовольство крупного промышленного и финансового капитала установлением пресловутой «квоты 90» при ста-

⁷⁴ «Europe Nouvelle», 1929, N 594, p. 893.

⁷⁵ Канделоро Д. Указ. соч., с. 541.

билизации лиры — квоты, обусловленной в гораздо большей мере соображениями престижа фашистского государства, чем реальными интересами монополий. Абсолютизация этого и подобных ему фактов вела к абсолютизации самостоятельности фашизма от монополий. И это, разумеется, вызывает самые серьезные возражения представителей марксистской мысли. Однако факт относительной самостоятельности фашизма как государственной организации, имеющей также свою внутреннюю логику развития, был зафиксирован в марксистской мысли довольно определенно. Пальмиро Тольятти писал в 1928 г.: «Было совершенно наивно думать, что капитализм сможет воспользоваться им (фашизмом, овладевшим государством.— *В. Л.*) как орудием, чтобы разбить рабочее движение, а затем отложить в сторону и продолжать держать власть в обычных формах»⁷⁶.

В целом проблема фашистского государства с этой точки зрения должна быть рассмотрена в связи с более широкими тенденциями исторического развития.

* * *

Проблема фашизма в это время раскрывается в общих тенденциях эволюции государства в новую эпоху. Фокусом проблемы в данном случае является тенденция к расширению социальной функции государства.

Эта тенденция находит свое выражение в изменении представлений о соотношении между «гражданским» и «политическим» обществом. Первое — это сфера отношений индивидов между собой, второе — отношений между индивидами и государством. Предполагалось, что «гражданское общество», т. е. сфера отношений индивидов между собой, включает в себя семейные отношения, отношения собственности, трудовые отношения. «Политическое общество» — это осуществление государством функций по охране общественного порядка и защите внешнеполитических интересов страны. Это была теория «государства — ночного сторожа». Согласно этой теории, сформировавшейся в русле «классического либерализма», государство никоим образом не должно вмешиваться в частную борьбу интересов, не должно ни поощрять, ни стеснять промышленность и торговлю, не должно вмешиваться в договор найма между предпринимателями и рабочими. Полная свобода конкуренции выгодна для всех: если экономическая и социальная борьба будут происходить без всяких стеснений, то каждый лучше всего сумеет отстаивать свою пользу, и таким образом получится наибольшая польза для всех. Лозунг «laissez-faire», т. е. призыв к свободе от государственного вмешательства в сферу «гражданского общества», стал знаменем целой исторической эпохи.

---

⁷⁶ *Togliatti P. Opere, vol. II. Roma, 1973, p. 544.*

Разумеется, государства, полностью соответствующего теории «классического либерализма», никогда не существовало. В той или иной мере оно осуществляло свое вмешательство в сферу «гражданского общества», в социально-экономические отношения. И с течением времени такое вмешательство становится все более широким. Это находит свое выражение и в экономической деятельности государства (политика экономического протекционизма в самом широком смысле этого слова) и в деятельности государства по смягчению социальных конфликтов в отношениях между трудом и капиталом. Последнее отражало растущее беспокойство за судьбы капиталистического строя в целом. В ряде случаев государственное вмешательство в отношения между трудом и капиталом совершалось под давлением трудящихся, облегчало их положение и имело положительное значение (социальное страхование, установление максимума рабочего времени и т. п.). Тенденция в этом направлении в значительной мере усилилась под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции и обострившейся классовой борьбы в капиталистических странах, во многих из которых государство вынуждено было прибегать к широким социальным маневрам и идти на ряд уступок трудящимся, закреплённым в законодательном порядке.

Однако растущее вмешательство государства в сферу экономики и труда в это время нельзя рассматривать в отрыве от общих тенденций развития монополистического и государственно-монополистического капитализма. В эпоху монополистического капитализма процесс производства, процесс организации и функционирования производительных сил приобретает все более ярко и последовательно выраженный общественный характер. Все более обобществляются производственные процессы, что ведет к объединению огромных масс людей в единые производственно-хозяйственные образования. Обостряются соответственно классовые противоречия. И в этих условиях растущее вмешательство государства в сферу, ранее свободную от него, становится своего рода эмпирическим законом растущей государственной деятельности. Все более определенной становится социальная (т. е. общественная) функция государства, расширение которой является знаменем новой исторической эпохи.

Характерно, что по мере развития этого процесса обнаруживается связь между расширением сферы деятельности государства и ограничением индивидуальных прав. В сугубо теоретическом плане это нашло, например, свое выражение в опубликованной в 1928 г. книге Вильгельма Штапеля «Фикции Веймарской республики». Автор ее отвергал либеральное государство как сугубо индивидуалистическое и противопоставлял ему задачи государства по обеспечению не индивидуального счастья личности, а «блага народа». Под флагом обеспечения «блага народа» в новые теории включаются мотивы «социальной справедливости» и «социального государства», позаимствованные у «солидаризма» и транс-

формированные в духе новейшего, связанного с развитием монополий этатизма. Все более широко распространяются теории «социализации» частной собственности, противопоставляемые старым учениям о ее «абсолютном праве». В новейших юридических теориях ставится вопрос о необходимости подчинения частной капиталистической собственности «общественному благу», о необходимости превращения капиталиста из эгоистического собственника в своего рода «управляющего» частной собственностью «в интересах коллектива», который через посредство государства регулирует его отношения с рабочими и т. д. и т. п.

В то же время раздаются голоса, требующие коренной реформы организационной структуры либерального государства. Довольно часто используются при этом аргументы, выдвинутые в свое время французским правоведом Бенуа в его известной книге «Кризис современного государства». В этой книге доказывалось, что современное государство в учреждениях своих, а не только в идеях, насквозь пропитано духом атомизма и индивидуализма. Эти учреждения не знают того действительного, а не абстрактного только народа, который состоит из предпринимателей и рабочих, фабрикантов и торговцев, рантье и спекулянтов, потребителей и производителей; они знают отвлеченного человека-гражданина, голосующего индивида, и народ для них, совсем по Руссо, есть совокупность таких отвлеченных граждан.

Мнения об атомистическом характере либерального государства высказывались и ранее, но они были связаны с критикой теорий естественного права и имели характер теоретических рассуждений. Теперь, с ростом обобществления производства и с развитием общественных тенденций в эпоху монополистического капитализма, им придан был характер прямого противопоставления между государством «коллективистским» и «индивидуалистическим».

Однако от этого до коренной реформы организационной структуры либерального государства было еще далеко. Сам по себе принцип либерализма был гораздо сложнее, глубже и жизнеспособнее, чем те или другие его внешние воплощения. Переход к новому качеству — реорганизация государства на антилиберальных началах — был осуществлен именно в фашизме.

Идейный потенциал «новой государственной системы» складывался в фашизме в значительной мере на базе все той же идеи нации. Это была идея абсолютного, безусловного примата «общества» (нации) над индивидом, интересы которого должны быть подчинены высшим интересам нации. Уже в первой программе фашистской партии в 1921 г. мы читаем: «Партия рассматривает государство не как простую сумму индивидов, живущих в определенное время и на определенной территории, но как организм, содержащий в себе бесконечные ряды прошлых, живущих и будущих поколений, для которых отдельные индивиды представляются лишь преходящими моментами. Из этой концепции общест-

ва партия выводит категорический императив: индивиды и группы (категории, классы) должны подчинять свои интересы высшим интересам национального организма»⁷⁷.

Это была концепция классового сотрудничества во имя «общих интересов нации». Направлена она была в первую очередь против классовой концепции социализма. Но в более широкой исторической перспективе — и против индивидуалистической концепции либерального государства. Противопоставляя нацию индивиду, фашизм отрицает и индивидуальную свободу как высшую ценность, на которой базируется конституционное право либерального государства. «Люди устали от свободы,— писал Муссолини в 1923 г.— Теперь свобода уже перестала быть той непорочной и строгой девицей, ради которой боролись и гибли поколения второй половины прошлого века. Для взволнованной и суровой молодежи, вступающей в жизнь в утренних сумерках новой истории, есть другие слова, вызывающие гораздо большую привлекательность. Эти слова: порядок, иерархия, дисциплина».

Именно в этом, а не в абстрактном понимании свободы в концепции либерального государства, видит Муссолини «органическую сущность истории». И в этом своем понимании он готов признать консервативную и даже реакционную сущность фашизма: «Фашизм не боится прослыть реакционным и объявить себя антилиберальным... Пусть знают раз и навсегда, что фашизм не знает идолов и не боготворит фетишей. Он уже раз прошел и, если это будет надо, еще раз спокойно пройдет через обезображенное и полуистлевшее тело богини свободы»⁷⁸.

Муссолини пытается развенчать идеал свободы и либерализма и противопоставить ему новые ценности. В торжестве фашистской диктатуры он усматривает не случай, не временное стечение обстоятельств, не преходящую политическую необходимость, а вещный знак новой исторической эпохи, значительной и неотвратимой. Либерализм объявляется им политической формой «плутократической эпохи», эпохи «господства индивида над государством», эпохи «бунтующего индивида» и т. п. «Либерализм,— говорит дуче,— не есть последнее слово, окончательная формулировка искусства управлять. Либерализм — метод XIX в., который характеризуется двумя основными факторами: развитием капитализма и утверждением чувства национальности. Нельзя быть уверенным, что этот метод непременно подойдет и к XX в., уже сейчас весьма отличному от своего предшественника. Факт весит больше книги, опыт больше доктрины. Послевоенный опыт знаменует поражение либерализма... Доказано, что можно править помимо и против всякой либеральной идеологии...»⁷⁹

⁷⁷ *Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista*, vol. III. Firenze, 1929, p. 640.

⁷⁸ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. III. Milano, 1934, p. 79.

⁷⁹ *Ibidem*.

Характерным для фашизма является также стремление расторгнуть идеал свободы как абсолюта в эмпирических категориях относительности. «Свобода не есть нечто абсолютное,— говорил дуче в марте 1924 г.— В земной жизни ничто не абсолютно. Свобода — не дар, она — завоевание. Свобода — не равенство, она — привилегия. Понятие свободы меняется с течением времени. Свобода мирного времени не есть свобода военного времени. Свобода времен богатых не подходит к временам нищеты...»

Фашистский государственный строй в Италии не был закреплен стабильно в документе, являющемся конституцией. Своеобразной конституцией был ряд законодательных актов, изданных в 1925—1928 гг. и определивших основные принципы и звенья «новой государственной системы». Анализ этих документов выявляет прежде всего концепцию абсолютного государства. Государство существует не ради индивида, а, наоборот, индивид существует для государства. Государство не средство для личного счастья индивида, наоборот, личность — средство для государства. Государство извечно предшествует индивиду и не зависит от его воли, от его «общественного договора»; индивид же — явление преходящее. Индивид имеет права постольку, поскольку их ему дает государство; поскольку эти права соответствуют природе суверенного, всемогущего государства; но сам он государству неограниченно обязан. Государство организует общество и нацию. Суверенен не народ, суверенно государство.

Это было отрицание либерализма и буржуазной демократии, отрицание завоеваний целой исторической эпохи. Идее абсолютного народного суверенитета Муссолини противопоставлял идею абсолютного суверенитета государства. «Фашизм,— говорил он,— вернул государственному правительству, сведенному к исполнительному органу выборного собрания, его достоинство представителя личности государства и полноту его имперской власти». С этим связывается и идея абсолютного, или, как тогда уже стали говорить, тотального государства. Муссолини предсказывает для Италии блестящее будущее, но только в том случае, «если государство будет арбитром политических и социальных споров, если все будет в государстве и ничего вне государства, ибо ныне нельзя представить индивиды вне государства, разве только дикаря, ищущего для себя уединения среди песков пустыни»⁸⁰. В этом, надо полагать, фашисты видели сущность своей «новой государственной системы».

Индивид и общество мыслятся здесь в органическом единстве, осуществляемом и синтезируемом в государстве. И в этом смысле проблема сама по себе выходит за рамки ее интерпретации в фашистском духе. Еще в XIX в. многие мыслители отвергали взгляды на государство как на «ночного сторожа». Роль государства совсем не сводится к защите собственности и личной

⁸⁰ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. VI, p. 292.

свободы «единичных людей как таковых». Как гражданское общество является сферой борьбы индивидуальных и особых интересов, так и в государстве находят свое осуществление всеобщие интересы. Гегель писал: «Если смешивают государство с гражданским обществом и полагают его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то признают интерес единичных людей как таковых той окончательной целью, для которой они соединены, а из этого вытекает также, что мы можем по произволу быть или не быть членами государства». И далее Гегель доказывал, что «сам индивид лишь постольку является объективным и нравственным, поскольку он есть член государства»⁸¹.

Гегель отверг естественно-правовые взгляды и теории, утверждавшие представления об «отвлеченной человеческой личности». Особое внимание он уделил критике договорной теории Ж.-Ж. Руссо, согласно которой общество и государство возникли по добровольному согласию единичных людей, так что при случае эти союзы легко можно расторгнуть. Государство, по Гегелю, — всеобщая воля, непосредственно не совпадающая с произволом образующих его отдельных личностей. «Государство, — писал он, — есть действительность нравственной идеи — нравственный дух как явная, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она знает»⁸².

Отметим в этой связи, что учение Гегеля о государстве содержит в себе положения, которые действительно дают основание видеть в нем элементы тоталитарного понимания государства. К этому склоняются многие его позднейшие интерпретаторы. Однако дело здесь обстоит далеко не так просто. И в подтверждение этого мы сошлемся, в частности, на столкновение мнений двух французских авторов: видного католического мыслителя Жака Маритена и философа Франсуа Грегуара. Первый считает учение Гегеля о государстве тоталитарным, считает, что это учение не признает за личностью никакой ценности и никаких прав. Личность обладает правами лишь в той мере, в какой она является членом государства⁸³. В противоположность этому Грегуар считает, что при такой постановке вопроса игнорируется столь отчетливо проводимое Гегелем различие между субъективной свободой и политическими правами граждан⁸⁴. Грегуар справедливо, по нашему мнению, отмечает, что Маритен слишком упрощенно истолковывает понимание Гегелем соотношения государства и гражданина как цели и средства. Личность

⁸¹ Гегель. Сочинения, т. VII. М.—Л., 1934, с. 263—264.

⁸² Там же, с. 263.

⁸³ Maritain J. La philosophie morale. Examen historique et critique de grands systems. Paris, 1960, p. 281.

⁸⁴ Gregoire F. L'Etat hégélien est-il totalitaire? — «Revue philosophique Louvain», t. 60, troisième série, N 66, Mai 1962, p. 245.

в государстве Гегеля обладает свободой и правами, и ценность человека как такового ни в коем случае не уничтожается ценностью государства⁸⁵.

Необходим также конкретно-исторический подход к оценке взглядов Гегеля. Во-первых, они формировались под влиянием наполеоновских войн и крайней политической и экономической раздробленности Германии того времени. Идея сильного и всеохватывающего государства была, таким образом, связана с этой реальной политической ситуацией. Во-вторых, она была реакцией на господство естественно-правовых теорий, в которых свобода личности рассматривалась в противопоставлении с необходимостью, вытекавшей из ее принадлежности к определенному социальному целому. Сторонники так называемого «естественного права» оперировали фактически не с исторически реальной, а с абстрактно-отвлеченной личностью. Именно по этой линии шел спор с ними у Гегеля. И его взгляды на этот счет также и в этом случае следует отделить от позднейших фашистских истолкований.

Теоретические споры по всем этим вопросам были перенесены в область практики во время первой мировой войны. Государство в это время силой утверждало свой авторитет, заставляя индивидов больше, чем когда-либо, считаться с ним. В значительной мере с этим был связан ряд литературных явлений, намечающих новую установку в познании смысла государства в человеческой истории и жизни. Как это часто случается в истории человеческих идей, на поверхность европейской мысли одновременно и независимо друг от друга выплыл ряд воззрений на государство, сходных по своему внутреннему настроению, но представленных совершенно различными авторами. Среди них был и Освальд Шпенглер со своей нашумевшей книгой «Закат Европы», в которой он определял государство как «форму жизни», «физиономию исторического бытия человечества».

Новые воззрения на государство утверждались в значительной мере в рамках отмеченной выше так называемой «философии кризиса». Они утверждались в противопоставлении к принципам, положенным в основу современной западноевропейской и североамериканской государственности. Если всмотреться в существо этих новых воззрений, явившихся лишь частично возвратом к идеям Гегеля, то нельзя не заметить, что все они были глубоко противоположны установленным политическим понятиям. Государство — не механическая совокупность отдельных граждан, но живая целостность; государство — не отвлеченный субъект права и не совокупность юридических норм, но конкретная форма жизни; государство — не придаток правопорядка, но развитие витального принципа самосохранения и развития; государство — не надстройка над общественной реальностью, свойственная он-

---

⁸⁵ *Gregoire F. Op. cit., p. 251.*

ределенным ступеням в жизни человека, но реальная необходимость, требуемая самим началом жизни.

«Философия кризиса» в своеобразной форме отражала кризис всей системы так называемого «либерального государства», сложившегося в эпоху свободного капитализма XIX в. Расширение всех функций государства, в том числе и социальных, при сохранении основ старого режима, было одним вариантом решения проблемы, фашизм — другим. И это соотношение по-своему определяло место фашизма в более широкой исторической перспективе в связи с общими процессами, происходившими в мире.

* * *

Проблема фашизма по-своему раскрывается в оценках, связанных с непосредственной борьбой и событиями в рассматриваемый период.

Еще до официального запрета нефашистских партий все они в той или иной мере были ослаблены фашистскими репрессиями и разногласиями между собой. Разногласия обострились как между партиями, составлявшими Авертинский блок, так и между ними и коммунистической партией. В начале мая 1925 г. либеральная газета «Джорнале д'Италия» поместила статью бывшего премьера Иваниз Бономи, в которой ставился вопрос о необходимости преодоления враждебности и разобщенности между парламентской оппозицией в лице Джолитти, Саландра и др., с одной стороны, и демократическими партиями Авертинской оппозиции, с другой. «В то время,— писал Бономи,— как большая часть оппозиции продолжает оставаться на Авертине, поспешно рассматриваются существенно важные политические проблемы. Но при отсутствии в парламенте одной части оппозиции и изоляции здесь другой ее части эти проблемы разрешаются без необходимого контроля, без критики и участия людей зрелого опыта и авторитета»⁸⁶.

Статья Бономи получила многочисленные отклики. Сама газета «Джорнале д'Италия» сопровождала эту статью следующим комментарием: «...Надо искать пути к преодолению удручающей неподвижности и бездействия. В оценке политического положения мы не согласны с руководителями оппозиционного блока, так как убеждены, что только на почве парламентской борьбы возможно изменение существующего положения»⁸⁷. Газета «Коррьере дела Сера» полагала, что призыв Бономи не найдет отклика среди авертинцев⁸⁸. А коммунистическая «Унита» в связи со статьей Бономи писала о явной неспособности буржуазной оппозиции к координации и руководству антифашистским движением. Газета

⁸⁶ «Giornale d'Italia», 5.V 1925.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ «Corriere della Sera», 6.V 1925.

полагала, что большинство авентинцев предпочтет остаться при прежней тактике ничегонеделания⁸⁹.

В связи с обсуждением проблемы о единстве действий всех буржуазных демократических сил в социалистической партии вновь оживились разговоры о необходимости единства всех пролетарских сил, прежде всего единства социалистов с коммунистами. Однако руководство ИСП вновь подтвердило в это время верность своей политике, направленной на сближение с демократическими группами буржуазии, и противопоставило эту политику «догматической» и «нереальной», по его словам, линии коммунистов на объединение всех сил рабочего класса в борьбе за диктатуру пролетариата. «Мы уже давно утверждаем, — отмечалось в передовой «Аванти!», — что перспектива немедленной революции стала опасной иллюзией и поэтому надо предоставить партиям больше гибкости в инициативе и в маневрировании. Мы утверждаем, что было бы безумным при создавшемся для рабочего класса положении заостряться в тактике систематической оппозиции против всех буржуазных партий вместе взятых». Далее в статье осуждалось постоянное выдвижение коммунистами на первый план лозунга диктатуры пролетариата, который, по словам газеты, «способствует коалиции всех буржуазных, мелкобуржуазных и социал-демократических партий против пролетариата». В передовой «Аванти!» подчеркивалось, что «классовая борьба не может проходить без компромиссов и надо использовать внутренние разногласия буржуазии для падения ее более реакционных фракций»⁹⁰.

Нельзя не согласиться со многими, выдвинутыми здесь «Аванти!» положениями. Но одно дело выдвигать эти положения в теоретическом плане, другое — добиваться осуществления их на практике. А на практике получалось так, что социалисты, скованные союзом с другими партиями Авентинского блока, в значительной мере снижали этим эффективность своей борьбы против фашизма. И в критике, которая раздавалась в их адрес со стороны коммунистов, наряду с бесспорно резкими полемическими выпадами имелись и совершенно справедливые упреки в пассивности.

Авентинский блок в это время перестал уже быть сколько-нибудь важной политической реальностью. Амендола, который был своего рода символом этого блока, избитый и тяжело раненный фашистами в июле 1925 г., не мог уже как прежде заниматься активной политической деятельностью. Несколько месяцев спустя он скончался в клинике в Каннах. Его группа Конституционной оппозиции, цементирувавшая Авентинский блок, все более теряла внутри него свой авторитет. 5 ноября 1925 г. фашисты запретили деятельность реформистской партии УСП. Это было сделано в

⁸⁹ «L'Unità», 6.V 1925.

⁹⁰ «Avanti!» (M.), 15.V 1925.

ответ на покушение на Муссолини члена УСП Тито Дзанибони. Покушение не удалось, и не было никаких доказательств причастности к нему руководства партии. Тем не менее партия была запрещена и в начале декабря того же года трансформировалась в новую партию под названием «Социалистическая партия итальянских трудящихся» (ПСЛИ).

В то же время коммунистам удается вести довольно активную борьбу против фашизма. Они создают подпольные типографии, выпускают антифашистские листовки, ведут агитацию на заводах и в казармах, создают подпольные вооруженные группы. Все это находит отражение, в частности, в фашистских рапортах, донесениях и письмах. Так, 10 апреля 1925 г. министр внутренних дел Федерцони в секретном письме к префектам отмечал особую активность именно коммунистической партии⁹¹. А в августе он направляет префектам новый секретный циркуляр о деятельности КПИ. «Организация и пропаганда коммунистов в нашей стране,— пишет он,— достигла такого систематического развития, что требует особого внимания органов защиты государства». В циркуляре отмечаются различные формы организационной и пропагандистской деятельности КПИ, названия издаваемой ею печатной литературы, обращается особое внимание на коммунистическую пропаганду в казармах и т. д.⁹² Секретарь фашистской федерации района Лациале Сабина сообщал 16 ноября 1925 г. министру внутренних дел: «В ночь на 5 ноября по всему городу было расклеено большое количество коммунистических листовок. В ночь на прошлое воскресенье листовки были расклеены вновь. В результате расследования удалось раскрыть широкую коммунистическую подпольную группу. Есть основания полагать, что она является частью общенациональной организации...»⁹³ Из квестуры Реджио-Эмилии доносили 18 ноября 1925 г. королевскому прокурору: «Активность коммунистов по всей провинции значительно возросла»⁹⁴. Из префектуры Пармы сообщалось о деятельности коммунистов по созданию подпольных вооруженных групп⁹⁵ и т. д.

Все это дает в известной мере представление о борьбе оппозиционных партий и групп против фашизма, с одной стороны, и в то же время об их разобщенности, которая делала их слабыми перед лицом фашизма, с другой. Состоявшийся в январе 1926 г. съезд коммунистической партии, на котором Грамши закрепил свою победу над сектантской группой Бордиги, был лишь первым шагом на пути к преодолению этой слабости.

---

⁹¹ Archivio Centrale dello Stato. Ministero d'Interno. Arch. PCJ — KiB, busta 102, p. 186—189.

⁹² Ibid., busta 123, p. 113—114.

⁹³ Ibid., busta 106, p. 124.

⁹⁴ Ibid., busta 106, p. 89.

⁹⁵ Ibid., busta 103, p. 39.

В части, касающейся определения фашизма, в тезисах этого съезда указывалось: «Фашизм как движение вооруженной реакции, ставящей себе целью разложить и дезорганизовать класс трудящихся для того, чтобы парализовать его, представляет собой одно из проявлений традиционной политики господствующих классов Италии и борьбы капиталистов против рабочего класса... По существу фашизм изменяет программу приверженцев старых порядков и реакционеров (которая всегда господствовала в итальянской политике) только в том, что по-другому понимает процесс объединения реакционных сил. Тактику соглашений и компромиссов он заменяет курсом на прочное объединение всех сил буржуазии в единый политический организм, который под контролем единого центра одновременно руководил бы партией, правительством и государством»⁹⁶. Таким образом, либеральное государство дофашистского периода и фашистское государство подводились под одну крышу «буржуазного, эксплуататорского и реакционного государства». Специфика фашистского государства в политическом плане — с точки зрения проблемы демократии — продолжает оставаться слабым местом в анализе итальянских коммунистов. И это отражалось в конечном счете разрыв между борьбой за социализм и демократию в их стратегии и тактике.

После введения Чрезвычайных законов многие антифашисты эмигрировали за границу, главным образом во Францию. Здесь официально установили свои резиденции руководящие органы социалистической партии (ИСП) и Социалистической партии итальянских трудящихся (ПСЛИ). Руководители этих партий, подобно республиканцам и некоторым другим демократам, стали утверждать, что эмиграция — это не вынужденный шаг, а долг всех людей, желающих вести активную антифашистскую борьбу, так как в самой Италии условий для такой борьбы уже нет. Напротив, КПИ, заграничный центр которой был в Париже, считала основным направлением своей деятельности организацию борьбы против фашизма внутри Италии.

В это время в самой Италии фашистам удалось добиться капитуляции руководства Всеобщей конфедерации труда. 16 января 1927 г. группа видных руководителей ВКТ во главе с Ригола и Д'Арагона выступила с декларацией о фактическом признании фашистского государства. Это оправдывалось, как часто бывает в подобных случаях, ссылкой на «политическую реальность». В декларации делалась даже попытка сближения принципов классовых и фашистских профсоюзов: «Фашистский режим представляется реальностью, с которой надо считаться. Вдобавок эта реальность возникла отчасти под влиянием наших принципов. Так, профсоюзная политика фашизма в некоторых отношениях совпадает с нашей. Мы расходились с либеральным

---

⁹⁶ Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 230—231.

государством, не признавая его принципы невмешательства в экономическую деятельность... Фашистский режим создал безусловно смелый закон о регулировании коллективных трудовых отношений. Этот закон воспринимает также и наши принципы»⁹⁷.

Лучшим комментарием к этой декларации было разрешение, которое фашисты поспешили выдать на создание во главе с бывшими руководителями ВКТ так называемого «Общества по изучению проблем труда». С благословения фашистов стала выходить и газета нового общества «Проблемы труда». С помощью этого общества и его газеты фашисты надеялись добиться перерождения остатков ВКТ в фашистском духе.

В ответ на это почти одновременно были воссозданы две новых ВКТ — одна по инициативе социалистов-реформистов во Франции, другая по инициативе коммунистов в подполье в самой Италии. И сразу же между этими двумя конфедерациями развернулась острая полемика в плане общих разногласий между социалистами и коммунистами. Полемика между этими двумя отрядами итальянского рабочего движения усилилась в связи с созданием в эмиграции в марте 1927 г. блока антифашистских партий, получившего название «Антифашистская концентрация».

В этот блок вошли обе социалистические партии (максималисты — ИСП и реформисты — ПСЛИ), Республиканская партия, эмигрантская ВКТ и эмигранты — масоны из так называемой «Лиги прав человека». Общая формула борьбы против фашизма, на которой была основана Антифашистская концентрация, напоминала в некотором роде формулу Авентина. Поэтому коммунисты, например, называли иногда новый блок «Авентином № 2». Они сразу же расценили этот блок как одну из разновидностей мелкобуржуазной и даже буржуазной оппозиции, критиковали отсутствие в его программных установках ясно выраженной цели борьбы за завоевание власти пролетариатом и т. д. В этой критике было довольно много полемической страсти, которая зачастую мешала тому, чтобы отделить позитивное от негативного в Антифашистской концентрации. Во-первых, по сравнению с Авентином участники нового блока отказались от своего рода «легалитарных предрассудков», главным из которых в прошлом были надежды на выступление монархии против фашизма. Участники Антифашистской концентрации совершенно определенно встали на республиканские исходные позиции. Отсюда, кстати, и другое название их блока — «Республиканская концентрация». Во-вторых, сама по себе тенденция к объединению усилий пролетариата с демократическими группами буржуазии и мелкой буржуазии отнюдь не противоречила, как показал исторический опыт, задаче борьбы против фашизма.

Другое дело, что концепция новой демократии, органически сочетающей общедемократические и социалистические задачи,

⁹⁷ «Lavoro d'Italia», 3.II 1927.

еще не созрела. Поэтому на практике Антифашистская концентрация оставалась центром не всегда действенной агитации, отзвуки которой довольно слабо слышались в Италии. В самой Италии в борьбе против фашизма гораздо более действенными продолжали оставаться коммунисты, хотя их силы в значительной мере были подорваны фашистскими репрессиями. В мае 1928 г. в фашистском Особом трибунале состоялся процесс над группой руководителей коммунистической партии, среди которых был и арестованный ранее Антонио Грамши. Все они по обвинению в деятельности, направленной против фашистского государства, были приговорены к длительным срокам тюремного заключения и ссылке, Грамши — на 20 лет⁹⁸. Вслед за этим состоялся большой процесс членов подпольной коммунистической группы в северном промышленном районе, деятельность которой доставляла фашистам особенно большое беспокойство⁹⁹.

Впоследствии, говоря о деятельности коммунистической партии в это время, Тольятти отмечал и эту ее наибольшую активность в борьбе против фашизма, и тяжелые ее жертвы в этой борьбе, но также и ее ошибки, в частности, в вопросе о соотношении между фашизмом и демократией. Он обращал особое внимание на эту выдвигаемую коммунистами перспективу борьбы, а именно «постоянное и прямолинейное утверждение, что на смену фашистскому деспотизму может прийти лишь режим, который является выражением власти рабочего класса и народа, почти априори исключая возможность демократического строя, который бы продлил срок существования капиталистической системы»¹⁰⁰.

Что касается оценок фашизма сквозь призму либерализма, то они в это время претерпевают серьезные изменения. Вплоть до «кризиса Маттеотти» фашизм укреплял свою власть формально в рамках строго либерального государства. Поэтому можно было еще надеяться ассимилировать его в либерализме в духе Кроче. Однако после того как фашизм встал на путь ликвидации либерального государства, Кроче спускается в высоты «бесстрастного созерцания диалектической борьбы исторических сил» на почву политики и политической борьбы, ограниченной, правда, сферой культуры и интеллектуальных течений. Непосредственным поводом к открытому выступлению Кроче и его сторонников послужил опубликованный 21 апреля 1925 г. — в праздник основания Рима — «Манифест фашистских интеллигентов», в котором группа интеллигентов во главе с философом Джентиле, примкнувшая к фашизму, расписывалась в своей верности режиму. В ответ на это Кроче от имени многих интеллигентов, занимавших до сих пор «нейтральные» позиции, выступил 1 мая 1925 г. с до-

⁹⁸ Il processone. Roma, 1961, p. 260—261.

⁹⁹ «Studi storici», 1962, N 3, p. 559—594.

¹⁰⁰ Тольятти П. Итальянская коммунистическая партия. М., 1959, с. 51.

кументом, озаглавленным «Протест против манифеста фашистских интеллигентов»¹⁰¹.

В этом протесте-воззвании Кроче противопоставляет фашизму «веру, которая в течение двух с половиной веков была душой возродившейся Италии, Италии современной, ту веру, которая слагалась из любви к правде и справедливости, великодушных человеческих и гражданских чувств, стремления к интеллектуальному и моральному совершенствованию и к сбережению свободы — силы и залога всякого прогресса». Это было провозглашение своего рода «религии свободы».

Идея об историческом прогрессе как движении в направлении к свободе нашла свое наиболее яркое выражение в книге Кроче «История Италии с 1871 по 1915 г.», опубликованной в 1928 г. Рассматривая эту книгу в плане завязавшихся ранее споров о соотношении между фашизмом и либерализмом, отметим прежде всего строгое разграничение между ними, к которому приходит здесь Кроче. При этом речь идет не только об «историко-философском», но и о «политическом» либерализме в лице либерального государства, которое Кроче здесь противопоставляет фашизму. С этой точки зрения обращали на себя внимание прежде всего хронологические рамки книги. Кроче остановился на моменте вступления Италии в войну. Он не пошел дальше, не коснулся фашизма и его прихода к власти, что, по мнению Муссолини, было «увенчанием Рисорджименто», «увенчанием всех предшествующих веков итальянской истории». В этом была главная политическая направленность, антифашистская значимость книги Кроче. Она подводила к оценке фашизма, как остановке в развитии Италии на пути к свободе, к оценке фашизма как «Антирисорджименто».

Эта книга утвердит взгляд на фашизм как на результат главным образом первой мировой войны, которая распатала неокрепший еще организм итальянского либерального государства, находившегося в стадии развития. Фашизм сквозь призму крочеанской концепции виделся как отклонение, аномальное явление, результат заблуждений, временная вспышка распущенности и грубости, злополучный исторический период безвременья, не имеющий действительной связи с прошлым итальянской нации, прежде всего, разумеется, с благородными идеалами Рисорджименто.

В конечном счете концепция фашизма у Кроче имела как свои позитивные, так и негативные стороны. Марксистский историк Роберто Батталья писал по этому поводу: «В период двадцатилетней фашистской диктатуры подлинную историю фашизма нельзя было, разумеется, написать в Италии, ибо в стране была ликвидирована свобода мысли. Честный историк-демократ, желавший заниматься своим делом, должен был ограничить свои

¹⁰¹ Croce B. *Pagine sparse*, vol. II. Napoli, 1943, p. 380—383.

изыскания прошлым и вести свою полемику с фашизмом в скрытой форме, намеками. Что же касается истории прошлого, то изучение Рисорджименто и первого периода истории объединенной Италии было пробным камнем для антифашистской историографии. Доказывая в тех условиях благородство идеалов свободы периода Рисорджименто или же отзываясь с похвалой о деятельности правительства дофашистской Италии, историк, несомненно, выполнял полезную для дела освобождения страны от диктатуры работу. Он вел в области культуры, несомненно, полезную борьбу против схем официальной историографии, прославлявшей фашистский режим, ибо он противопоставлял «итальянскую цивилизацию» недавнего прошлого «господству варварства» и коррупции, установившемуся со времени прихода фашистов к власти». И в этой связи Батталья особенно высоко оценивал упомянутую выше книгу Кроче. Он подчеркнул, что «труд Кроче был одной из тех работ, на которых воспитывались многие молодые итальянские ученые, ставшие впоследствии активными борцами, все дальше отходившими от концепций своего учителя»¹⁰².

Таким образом, даже в этой положительной в целом оценке работы Кроче звучит мотив его «преодоления». Дело в том — и это было негативной стороной концепции Кроче, — что его методологическим каноном был отказ от поисков истоков фашизма в предыдущем периоде. И это, безусловно, сужало горизонты исследования. Поэтому не только коммунисты, но и значительная часть исследователей других направлений продолжала искать связи фашизма с либерализмом предшествующего периода. И рассмотрение фашизма сквозь призму этих связей не только открывало новые его аспекты, но и становилось элементом антифашистских концепций, выдвигаемых в это время.

Во время «кризиса Маттеотти» Гобетти предложил сотрудничество одному из наиболее радикальных представителей южной интеллигенции, Гуидо Дорсо. И в сентябре 1925 г. издательство, руководимое Гобетти, опубликовало книгу Дорсо «Южная революция». Обращаясь в ней к истории дофашистской Италии, Дорсо писал: «Редко, где в странах Европы политические наименования «либеральных» и «демократических» принимались как раз теми партиями, которые отличались наиболее антилиберальным и антидемократическим духом»¹⁰³. Это была критика в адрес правящих групп дофашистской Италии, в которой акцент делался на «южном вопросе», ибо Дорсо считал, что в основе консерватизма правящих групп лежала их политика в отношении Юга.

В то же время с помощью Гобетти в период «кризиса Маттеотти» Риккордо Бауэр и Феруччо Парри основали в Милане антифашистский политический еженедельник «Иль Каффе». Рас-

¹⁰² Цит. по: *Алатри П.* Происхождение фашизма. М., 1961, с. 10.

¹⁰³ *Dorso G.* La rivoluzione meridionale. Torino, 1949, p. 167.

сма­тривая фашизм в исторической перспективе кризиса либерализма в Италии, они отмечали как один из главных пороков либерализма отсутствие поддержки народных масс ¹⁰⁴.

Тема «фашизм и либерализм» находит свое отражение и на страницах антифашистской газеты «Нон Молларе!» («Не отступать!»), издававшейся во Флоренции в 1925 г. Гаэтано Сальвемини и Карло Росселли. Последний стал затем одним из активных сотрудников антифашистского журнала «Кварто Стато» («Четвертое сословие»), который выходил в Милане в 1926 г. На страницах этого полусоциалистического журнала фашизм также рассматривался в исторической перспективе кризиса либерализма в Италии, который фигурировал здесь под именем «буржуазная демократия» и был предметом острой критики.

В рамках католической мысли, в лице прежде всего Стурцо, также развивается направление, которое рассматривало фашизм в связи с критикой либерализма дофашистского периода. В 1926 г. Стурцо опубликовал в Англии книгу «Италия и фашизм», в которой обращал внимание на слабость либерализма, связанную с отсутствием поддержки народных масс. Он делал акцент, однако, на конфликте либерализма с Ватиканом, который лишил либеральное государство поддержки католических крестьянских масс. Устанавливая прямую связь между либерализмом и фашизмом, Стурцо особое внимание уделял «южной проблеме». В этом отношении весьма показательна его рецензия на книгу Дорсо «Южная революция», в которой он подчеркивал, что интенсивное промышленное развитие на Севере Италии осуществлялось ценой аккумуляции отсталых феодальных отношений на Юге страны. В этом смысле политика правящего класса в Италии после Рисорджименто всегда была консервативной. «А так как,— пишет Стурцо,— политические идеи или партийные течения не могли быть названы консервативными (название неприятное и непопулярное), то они сначала были либеральными, потом демократическими с социалистическими вкраплениями (в разумных рамках) и, наконец, социалистическими. Поэтому представители этих интересов выступали внешне как либералы или демократы, а теперь выступают как фашисты, с тем, однако, чтобы правительство всегда проводило политику по сути своей консервативную» ¹⁰⁵.

Либерализм и фашизм оказываются у Стурце лишь политическими формами одного и того же по сути содержания — консерватизма правящих классов. Это, однако, смазывает характеристику фашизма как режима в его отличии от государства либерального типа — упрощение, которое, как мы видели, было характерно для многих представителей антифашистской мысли в рассматриваемый период.

¹⁰⁴ Antologia del Caffè, giornale del antifascismo, 1924—1925. Milano, 1961.

¹⁰⁵ Рецензия воспроизведена в приложении к кн.: *Dorso G. La rivoluzione meridionale.*

КОРПОРАТИВНАЯ СИСТЕМА

24 марта 1929 г. Выборы в палату депутатов по новой, корпоративной избирательной системе. Впоследствии фашисты будут говорить, что именно в это время в Италии оформился «новый тип политической цивилизации»¹.

Однако, хотя в это время и говорилось о корпорациях и корпоративном государстве, ни того ни другого в Италии на самом деле не было. Казалось бы, после принятых ими законов и хартий фашисты должны были бы приступить к созданию корпораций. Они должны были бы создать соответственно корпорацию, объединяющую предпринимателей с рабочими и служащими, занятыми в промышленности, корпорацию, объединяющую землевладельцев с батраками и сельскохозяйственными рабочими, корпорацию, объединяющую коммерсантов с рабочими и служащими торговых предприятий, и т. д. Но этого не случилось. Что же задерживало до сих пор осуществление фашистских корпоративных планов?

Сами фашисты в лице, например, своего теоретика Эрколе указывают на тот факт, что закон от 3 апреля 1926 г. «О правовой организации коллективных трудовых отношений» предусматривал две формы связей между юридически признанными профсоюзами: связь вертикальную, или, как ее еще называли, синдикальную, и связь горизонтальную, или корпоративную. Вертикальная, или синдикальная, связь — это связь между профсоюзами, представлявшими отдельные элементы того или иного производства. Посредством такого рода связей создавались федерации и конфедерации соответствующих отраслей производства. Что же касается горизонтальной, или корпоративной, связи, то под этим подразумевалась связь между параллельными предпринимательскими и рабочими профсоюзами, федерациями и конфедерациями. Так, одной из причин задержки в установлении корпоративных связей, т. е. в конечном счете в создании корпораций, была, согласно Эрколе, аномалия в структуре предпринимательских организаций, с одной стороны, и организаций лиц наемного труда, с другой. В то время как профсоюзы предпринимателей объединялись в автономные конфедерации по отраслям (Конфедерация промышленников, Конфедерация землевладельцев и т. д.), у лиц наемного труда, объединенных в фашист-

¹ *Ercole F. Storia del fascismo, vol. II. Milano, 1939, p. 98.*

ские профсоюзы, была одна-единственная конфедерация, состоявшая соответственно из Федерации промышленных рабочих и служащих, Федерации батраков и сельскохозяйственных рабочих и т. д. Это, по словам Эрколе, мешало установлению прямых связей, а тем более объединению в корпорации параллельных организаций предпринимателей и лиц наемного труда². Иными словами, для установления такого рода связей и создания корпораций необходимо было сначала деблокировать, или, попросту говоря, ликвидировать, единую Конфедерацию фашистских профсоюзов, объединявшую лиц наемного труда, и превратить входящие в нее национальные федерации в соответствующие автономные конфедерации. Но для этого, как говорили сами фашисты, нужно было «время», «соответствующая подготовительная работа» и т. д.

Сам Муссолини выдвигал две главные причины задержки в создании корпораций. Во-первых, общий кризис, в условиях которого необходимо было действовать без излишней спешки, так как это могло бы пагубно повлиять на национальное производство. Во-вторых, необходимость действовать последовательно, а именно сначала развить синдикальные связи и уже только потом корпоративные. В соответствии с этим период после принятия закона «О правовой организации коллективных трудовых отношений» и опубликования «Хартии труда» Муссолини назвал «синдикальной фазой корпоративизма». Из его слов вытекало, что это была своего рода «переходная фаза», т. е. фаза, которая должна подготовить переход к полному торжеству и организационному оформлению корпоративного принципа³.

Но если выйти за рамки поверхностной и зачастую сугубо пропагандистской аргументации, то можно увидеть, что подлинной причиной задержки в создании корпораций были реальные классовые противоречия между предпринимателями и рабочими. Среди рабочих, пусть даже они были фашистами, был еще довольно сильным дух классовой солидарности, что, в частности, нашло свое выражение в их стремлении к сохранению единой Конфедерации фашистских профсоюзов, в известной мере противостоящей предпринимательским организациям. Учитывая это, деблокация, или, как уже говорилось, просто-напросто ликвидация, этой единой организации была не таким уж простым делом. Для этого действительно нужно было «время» и «соответствующая подготовительная работа».

Классовые противоречия между рабочими и предпринимателями сплошь и рядом прорывались за рамки «идеологического единства» между ними в политических и профсоюзных организациях фашизма. То в одном, то в другом месте обнажался классовый эгоизм буржуазии, что вызывало неоднократные упреки

² *Ercole F. Op. cit.*, p. 71.

³ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. VI. Milano, 1934, p. 164—165.

и угрозы со стороны фашистских руководителей. С другой стороны, рабочие, записанные в фашистские профсоюзы, пытались использовать в своих по существу классовых интересах некоторые обещания и лозунги фашистского руководства. Так, в частности, случилось с некоторыми пунктами той же «Хартии труда», второй раздел которой, как уже отмечалось, был посвящен вопросу о «коллективных трудовых договорах и гарантиях труда». Здесь провозглашался принцип оплаты труда, исходя не только из интересов предпринимателя, но и потребностей рабочего, говорилось о повышении оплаты ночной и сдельной работы, о праве рабочих на ежегодный оплачиваемый отпуск, о компенсации для уволенных рабочих и т. д.

Напротив, эти принципы, как и сама идея корпоративизма, не вызывали восторга у довольно значительной части буржуазии. Для достижения «классового сотрудничества» многие предприниматели считали вполне достаточным широко разветвленный аппарат подавления фашистского государства. Как и прежде, они продолжали противиться объединению в корпорации вместе с рабочими, пусть даже записанными в фашистские профсоюзы. И эти их настроения были не только одной из важных причин в задержке образования корпораций, но и создавали впечатление серьезных противоречий между буржуазией как классом и фашизмом как государственной властью. Во всяком случае фашистская пропаганда усиленно работала в этом направлении, насаждая тем самым тезис о «надклассовом» характере фашистского государства. Правда, сами фашисты предпочитали называть его «корпоративным», но пользовались они этим термином именно в смысле государства «надклассового», «справедливого», «исходящего из общих интересов». В этом государстве так называемый «корпоративный принцип» был возведен в степень официального закона «О правовой организации коллективных трудовых отношений» и закона «О реформе политического представительства». В понимании фашистов этот принцип означал главным образом огосударствление профсоюзов и превращение их в инструмент «классового сотрудничества». В апреле 1928 г. фашистская газета «Критика фашиста» давала следующую формулу корпоративного государства: «Корпоративное государство является синонимом фашистского государства и означает такую систему отношений, при которой государственная власть осуществляет руководство над профсоюзами, превращая их в корпорации, т. е. в орудие общих интересов, и возводя на этом фундаменте все верховное политическое здание»⁴.

Важным этапом в развитии фашистского корпоративизма была так называемая деблокация, т. е. разъединение по отраслям единой фашистской Конфедерации лиц наемного труда. Это было сделано в декабре 1928 г. в известной мере в порядке раз-

⁴ «Critica fascista», 1.IV 1928.

вития положений закона «О реформе политического представительства». И в результате этой операции наряду с отдельной Конфедерацией промышленников появилась тоже отдельная Конфедерация рабочих и служащих промышленности, наряду с Конфедерацией сельских хозяев — Конфедерация рабочих и служащих сельского хозяйства и т. д. Было установлено, что каждая симметричная пара конфедераций предпринимателей и лиц наемного труда будет выставлять равное количество кандидатов в депутаты парламента. Таким образом, после деблокации единой фашистской Конфедерации лиц наемного труда, уточнения названий и количества конфедераций и соответствующих изменений, внесенных в текст закона «О реформе политического представительства», число кандидатов от каждой конфедерации в расчете на 100 единиц было установлено следующее:

Конфедерация сельских хозяев	12
рабочих и служащих сельского хозяйства	12
промышленников	10
рабочих и служащих промышленности	10
торговцев	6
рабочих и служащих торговли	6
предпринимателей морского и воздушного транспорта	5
рабочих и служащих морского и воздушного транспорта	5
предпринимателей сухопутного и каботажного транспорта	4
рабочих и служащих сухопутного и каботажного транспорта	4
владельцев банков	3
банковских служащих	3
лиц свободных профессий	20

Такого рода представительство рекламировалось как верх социальной справедливости — «равное представительство от предпринимателей и лиц наемного труда». Но это было еще одним ударом по принципам равенства и пропорциональности на выборах, как они провозглашались в буржуазно-демократической доктрине. Ведь число лиц наемного труда в любой отрасли производства в несколько раз, как правило, превышало число предпринимателей.

В связи с осуществленной фашистами деблокацией единой фашистской Конфедерации лиц наемного труда обращает на себя внимание и другое. Эта операция была проведена под флагом подготовки к практическому осуществлению корпоративных принципов, т. е. к слиянию симметричных профсоюзов предпринимателей и лиц наемного труда. Но это связывалось с возрастающим государственным вмешательством в отношения между трудом и капиталом. «Деблокация,— писал фашист Эрколе,— имела своей целью облегчить переход от фазы профсоюзной к фазе корпоративной, подготовив возможность полного и абсолютного корпоративного функционирования корпоративной систе-

мы... Эта операция вновь подтвердила принцип, что в фашистском государстве никакая ассоциация не может базироваться на какой-либо силе, кроме силы государства, и что множественность профсоюзов может прийти к единству только в государстве»⁵.

Действительно, существование единой фашистской Конфедерации лиц наемного труда, которая, пусть даже в очень ограниченных размерах, защищала общие экономические интересы рабочих, внушало все большие опасения фашистской верхушке. Эти опасения возрастали по мере приближения к выборам. При всей системе фашистского отбора и просеивания все же рискованно было оставлять дело выдвижения кандидатов в парламент в руках единой, строго централизованной организации, объединяющей около 3 млн. членов. И вот эта организация была раздроблена, а заодно принцип классового деления лиц, занятых в процессе производства, был заменен принципом деления по разным отраслям производства. Не у дел оказался и председатель теперь уже не существующей единой организации Россони, хитрый в своего рода «оппозиционерах» политике растущего нажима на рабочий класс. Чтобы как-то ослабить возможное в связи с этим недовольство, Россони был назначен членом БФС и министром без портфеля. Что же касается профсоюзов, входивших в прошлом в руководимую им единую конфедерацию, то после деблокации они поступали в непосредственное подчинение министерства корпораций. И довольно откровенно о смысле новой реформы писал по горячим следам фашист Костаманья: «... Всякое дальнейшее постоянное существование мобилизованных профсоюзных сил не совместимо с уверенностью фашистского государства. Не собственными средствами профсоюзов, а государственными средствами обеспечиваются в одно и то же время права отдельных лиц и права организаций... Отныне задача политического организатора превращается в задачу администратора... Фашистский режим... нуждается не в политиках второго разряда (намек на Россони.— *Б. Л.*), а в техниках, воспитателях и юристах»⁶.

А потом все было так, как и задумали фашисты. Деблокированные конфедерации лиц наемного труда одновременно с параллельными им конфедерациями предпринимателей выдвигали кандидатов, которые отбирались Большим фашистским советом для внесения в список депутатов на выборах в парламент. И, разумеется, в этих условиях, когда, собственно, и выбирать-то было не из кого, в условиях безудержной демагогии, террора и запугиваний фашистам удалось добиться подавляющего большинства. На выборах, которые состоялись 24 марта 1929 г., из 9 673 тыс. зарегистрированных избирателей в голосовании участ-

⁵ *Ercole F. Op. cit.*, p. 105.

⁶ «Stampa», 14.XII 1928.

вовало 8 663 412, из них за единый фашистский список проголосовало 8 519 559, против — 135 671⁷. Сами фашисты расценивали эти выборы как «акт морального единства, ибо впервые на них выступала одна партия»⁸. Если же отбросить эту фашистскую фразеологию, то выборы действительно были определенным этапом, знаменующим собой полную ликвидацию демократических свобод в Италии как условие для осуществления корпоративной программы.

Можно полагать, что форсирование фашистами своей корпоративной программы было обусловлено также мировым экономическим кризисом, контуры которого наметились в конце 1929 г. Это стимулировало попытки фашистов усилить с помощью корпоративной системы свое влияние на экономику, которая, как и прежде, была основана на частном предпринимательстве. Впрочем, попытки усиления влияния государства на экономику делаются еще до кризиса.

В плане развития корпоративизма обращает на себя внимание расширение экономических функций министерства корпораций в сентябре 1929 г. Вплоть до этого времени министерство корпораций сосуществовало с министерством национальной экономики. Теперь функции этого последнего, относящиеся к промышленности, перешли к министерству корпораций, а бывшее министерство национальной экономики было преобразовано в министерство сельского хозяйства и лесов⁹.

Но главное — это закон о реформе Национального совета корпораций от 20 марта 1930 г. Как уже отмечалось, создание этого совета предусматривалось еще королевским декретом от 2 июля 1926 г. об учреждении министерства корпораций. На основании этого декрета Национальный совет корпораций должен был стать своего рода консультативным органом при министерстве корпораций. Но в то время никакого совета при нем, как, впрочем, и самих корпораций, создано не было. И хотя вопрос об этих последних все же оставался открытым, фашисты решили теперь вновь вернуться к идее Национального совета корпораций. На этот раз он мыслился уже не как придаток к министерству корпораций, а как один из центральных органов государства. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что, согласно новому закону, председателем Национального совета корпораций должен был быть глава правительства.

Органами Национального совета корпораций были: а) секции и подсекции; б) постоянные специальные комиссии; в) общее собрание; г) Центральный корпоративный комитет. В этих органах должны были сотрудничать представители организаций предпринимателей и лиц наемного труда с участием и при «посред-

⁷ *Tamara A. Venti-anni di storia*, vol. II. Roma, 1953, p. 351.

⁸ *Ercole F. Op. cit.*, p. 87.

⁹ *Ibid.*, p. 72.

ничестве» представителей правительства и фашистской партии. Государственное начало совета подчеркивалось тем пунктом закона, в котором указывалось, что «звание члена Национального совета корпораций дается по королевскому декрету на основании предложения главы правительства».

Согласно новому закону, Национальному совету корпораций было предоставлено право издавать обязательные постановления по регулированию коллективных экономических отношений между различными отраслями производства. В статье 12 закона указывалось: «Национальный совет корпораций имеет сверх того следующие функции: 1) регламентация, имеющая целью согласование деятельности по оказанию помощи, осуществляемой законно признанными синдикальными союзами или корпоративными учреждениями; 2) регламентация, имеющая целью согласование либо различных дисциплин трудовых отношений, установленных по коллективному договору или каким-либо иным, равным по значению, образом с законом № 563 от 3 апреля 1926 г., либо всякой другой нормативной деятельности корпораций; 3) регламентация коллективных экономических отношений между различными категориями производства, представленными законно признанными синдикальными союзами».

Этот пункт Муссолини объявил «краеугольным камнем закона». Он подчеркивал при этом право Национального совета корпораций разбирать вопросы, касающиеся не только коллективных отношений труда и капитала, но и вопросы чисто производственного характера. Он заявил даже, что Национальный совет корпораций в итальянском народном хозяйстве — это то же, что генеральный штаб в армии. Все это Муссолини говорил в 1930 г. на торжественном открытии Национального совета корпораций, приуроченном, как и «Хартия труда», все к тому же дню основания Рима — 21 апреля.

В плане дальнейшей эволюции организационной и политической структуры Национального совета корпораций заслуживает внимания постановление, принятое в январе 1931 г. Поскольку самих корпораций все еще не было, это название было присвоено семи секциям Национального совета корпораций: 1) либеральных профессий и искусств; 2) промышленности и ремесел; 3) сельского хозяйства; 4) торговли; 5) сухопутного транспорта и внутреннего судоходства; 6) морского и воздушного транспорта; 7) банковских учреждений. Заслуживает внимания также тот факт, что в марте 1932 г. представительство в Национальном совете корпораций от непрофсоюзных организаций было еще более расширено.

В целом можно сказать, что в законе о Национальном совете корпораций нашли свое отражение все три главных элемента фашистской корпоративной политики: попытка установления классового сотрудничества, попытка организации экономики и связь корпоративизма с фашистским государством.

Выступая в парламенте в феврале 1928 г., один из главных творцов фашистского законодательства о государстве, Альфредо Рокко, подчеркивал, что «фашизм не хочет стать государством полиции». Фашизм хочет создать себе и общественную опору. Он хочет, чтобы правительство, имеющее широкие полномочия, опиралось бы на массы через посредство множества организаций, которые «позволили бы ему поддерживать контакт с народом, формировать его моральное и гражданское сознание, руководить его духовным ростом и экономическим развитием».

Фашистская партия в этом отношении была важнейшим звеном в механизме фашистской диктатуры. Значительная часть главным образом средних слоев населения устремлялась в сторону фашизма, видя в нем свою партию, способную привести их к власти. Что касается индивидуального перехода с одной социальной ступени на другую, то с превращением фашизма в правящую партию для некоторых людей такого рода переход был действительно облегчен. Уже сама по себе принадлежность к фашистской партии вела зачастую к автоматическому продвижению по службе и к материальному обогащению, а следовательно, и к продвижению по социальной лестнице. Современные социологи говорят в таких случаях об ускорении «вертикальной социальной мобильности». С этой мобильностью в известной мере было связано и формирование нового руководящего класса в Италии. Конечно, речь шла о приобщении к политическому руководству сравнительно небольшой части выходцев из средних слоев населения. Но уже сама по себе возможность продвижения вверх по иерархической лестнице, которую теоретически всем давала принадлежность к фашистской партии, создавала видимость ее общенародного характера.

Сами фашисты настойчиво подчеркивали именно общенародный характер своей партии. В уставе партии, принятом в декабре 1929 г., особо отмечалось, что ее нельзя считать партией в обычном смысле. Введение к уставу определяло фашизм как «веру, имеющую своих последователей, в рядах которой работают воинствующие новые итальянцы, рожденные усилиями победоносной войны и последовавшей затем борьбы между нацией и антинациональными силами». Партия является при этом «существеннейшей частью этих рядов». Существование фашистской партии абсолютно необходимо для укрепления и жизнеспособности режима. Устав подчеркивает воинственный характер фашизма. В то же время постоянно отмечалось, что партия может быть только меньшинством, «аристократией духа». И эта аристократия, как писал Джованни Джентиле, «олицетворяет фашистский идеал», окружает себя последователями, помогающими создавать новую Италию, «которая явится в большей степени Италией, чем во времена столь обожаемого Рисорджименто»¹⁰.

¹⁰ «Corriere della Sera», 11.III 1931.

В своей речи в Милане в апреле 1931 г. бывший тогда генеральным секретарем партии Джованни Джурати останавливается на дискуссии о том, должна ли партия быть аристократией или массой. «Фашистская партия,— говорил он,— должна быть аристократией в том смысле, что она должна содержать в себе цвет нации... Но она не может не быть партией массовой, поскольку она должна давать десятки тысяч людей, способных нести тяжелый груз строительства нового государства»¹¹.

В конечном счете фашистская партия — это органический отбор, а не механические выборы, элита, а не народное представительство. Правление государством должно, согласно взглядам фашистов, осуществляться через эту элиту. Ее можно было бы сравнить с «аристократической верховной властью». Но в отличие от этой последней, в том смысле как она запечатлела себя в истории, элита в лице фашистской партии оказывалась на деле чем-то множественным, вездесущим и всепроникающим. Она была везде и всюду. Диктатура фашистской партии связывалась с руководством массами, с идеологическим охватом масс. Фашистская партия, свято сохраняя свою иерархическую структуру, призывалась неустанно поддерживать живое общение с широкими народными массами.

Принцип иерархии внутри самой фашистской партии определялся ее уставом. Так, во введении к уставу 1929 г. говорилось: «Иерархические ряды, без которых не может осуществляться дисциплина и воспитание народов, получают свет и норму свыше, где имеется ясное сознание обязанностей и целей, функций и заслуг». Согласно уставу, генеральный секретарь партии назначал провинциальных секретарей, те в свою очередь сами подбирали себе коллегию из семи человек и назначали секретарей местных союзов и т. д. Низшее звено партии должно было слепо повиноваться высшему, в конечном счете — правящей верхушке, совмещающей в своих руках государственное и партийное руководство. На вершине этой иерархической пирамиды стоял сам Муссолини. Он был и дуче (вождь) фашизма, и глава правительства. В нем, в его личном культе — центр и пафос фашистской психологии. Под это подводится и теоретический фундамент.

Было что-то мистическое в этих теоретических построениях фашизма. Масса воодушевляется идеей, претворяя ее в страсть. Идея — страсть становится действием, которое концентрируется вокруг личности вождя. Вождь — это живая доктрина, активный принцип, душа, отмеченная печатью избранности. И, совсем по Карлейлю, вождь облекается почитанием, поклонением, саном и т. п., окружается сверхчеловеческим ореолом. Идеократия обертывается единовластием. Личность — медиум идеи.

---

¹¹ «Corriere della Sera», 20.IV 1931.

Разумеется, согласно фашистским взглядам, вождь не выбирался и не сменялся партией, он вырастал из недр самой нации: «народ его признал по его воле, по его силе, по его делам». Он — мозг и душа партии, которая немыслима вне «харизма» вождя. Этот веберовский принцип «харизматического руководителя» был одним из главных в фашистских иерархических построениях. Было в этих построениях что-то и от Моска, Парето и Михельса. В целом же они были подернуты своего рода мистической дымкой и имели глубоко метаюридический характер.

Естественно, возникал вопрос о формальном взаимоотношении вождя и короля. При наличии королевской власти, юридически даже усиленной фашистским законодательством, иерархический дуализм становился принципиально безысходным. Но эта теоретическая безысходность жизненно преодолевалась пассивной позицией короля. И фактический диктатор Италии, ничем не рискуя, объявлял себя верным слугой короля и приверженцем монархии. В конечном счете это был авторитаризм, который как метод диктатуры предполагает чрезмерный централизм власти, монополизацию ее элитой, строгую иерархию в отношениях между ее членами, террор в отношении оппозиции и, наконец, сосредоточение высшей власти в руках лидера.

Личный характер фашистской диктатуры постоянно подчеркивался ее противниками. Отсюда многократные покушения на Муссолини. Отсюда и девиз итальянской эмигрантской газеты «Коррьере дельи итальяни»: «Смерть одного человека необходима для спасения родины!» Со своей стороны, объявив Муссолини носителем национального идеала, фашисты отождествляли любое, даже просто критическое, выступление против него с выступлением против нации. Нация, фашистское государство, фашистская партия, Муссолини едины суть. Поэтому выступление не только против Муссолини, но и против партии или режима — все это объявлялось покушением на безопасность нации. И это было одним из важнейших принципов теории и практики фашистского государства.

Наглядным фактом соприкосновения государственной диктатуры с партийным всевластием были массовые фашистские организации. Это прежде всего фашистская милиция — Добровольная милиция национальной безопасности (ДМНБ). Она была, как уже отмечалось, формально огосударствлена, превращена из партийной в национальную, не переставая, однако, по своему составу оставаться чисто партийной. Милиция вербовалась на добровольных началах только из членов фашистской партии от 17 до 55-летнего возраста. Она была разделена на два разряда, из коих второй обнимал всю фашистскую партию: это — резерв, ополчение на случай необходимости. Милиция первого разряда — национальная гвардия. У милиционеров первого разряда была своя форма, согласно фашистской традиции, — черные рубашки. Эти чернорубашечники имели на вооружении карабины и пуле-

меты, имели право носить при себе револьверы. Они подразделялись на отдельные воинские единицы, которые назывались с претензией на преемственность с Древним Римом: полк — легионом, батальон — когортой, рота — центурией, взвод — маниполой, отделение — сквадрой. Высшее командование милицией осуществлял сам дуче. Она подчинялась строгой военной дисциплине: «фашистский воин повинуется с покорностью и повелевает с силой». Вся Италия была разделена на особые географические зоны, между которыми были распределены легионы милиции.

Функции ее были разнообразны: иногда она походит на армию, нередко — на полицию. Она охраняет внутренний порядок и следит за государственными границами, занимается политическим розыском и проводит допризывную военную подготовку, формирует почетные караулы, осуществляет охрану дорог, лесов, почты и телеграфа. К началу 30-х годов численность милиции была около 300 тыс. человек. Фашизм гордился ею, и Муссолини как-то заявил: «Кто тронет национальную милицию, будет расстрелян».

Другой массовой фашистской организацией была «Балилла» — молодежная организация, созданная фашизмом в 1926 г. Ее полное название — «Опера национале Балилла». Она была названа в честь генуэзского мальчика Балилла, который 5 декабря 1846 г. бросил камень в австрийских солдат, что стало поводом для восстания против чужеземцев. Называя так свою организацию, фашисты пытались нажить капитал на национальном прошлом. Что же касается будущего, то цель работы организации была сформулирована следующим образом: «Подготовить новое поколение, крепкое физически, чистое духовно, которому можно было бы вполне доверить священное наследие величия родины»¹².

Во главе организации стоял Центральный совет, члены которого назначались лично главой правительства, т. е. Муссолини. Самой массовой в системе «Балилла» была организация мальчиков от 8 до 14 лет, носившая то же название. Юноши от 14 до 18 лет объединялись в организацию, которая называлась «Авангардия», но входила в ту же систему «Балилла». Наконец, третьим элементом этой системы была организация «Маленькие и юные итальянки». Будучи подчинена партийно-государственному руководству, «Балилла» была особенно тесно связана с фашистской милицией, руководители которой использовали ее в значительной мере для военной подготовки. В 1930 г. общая численность «Опера национале Балилла» составляла свыше 3 млн. человек.

Из ряда выступлений и из статей в фашистской прессе можно было заключить, что фашизм в это время не был достаточно удовлетворен работой среди молодежи. Выбывая по возрасту из

¹² UPE. Opere e leggi del Regime Fascista. Roma, 1927, p. 164.

«Балиллы», точнее из «Авангардии», многие молодые люди не вступали затем в фашистскую партию. Молодежь, достигшая 18 лет, оказывалась таким образом вне поля зрения фашистских организаций. Это заставило фашистских руководителей в том же, 1930 г. пойти на создание особой организации «Молодые фашисты», которая должна была объединять молодежь в возрасте от 18 до 21 года. Эта организация была своего рода филиалом фашистской партии и в то же время была тесно связана с организацией допризывников. По мысли ее учредителей она должна была быть «игрой мускулов и ума, чтобы подготовить будущих солдат отечества». Понимая, однако, что одной риторики для привлечения молодежи в эту организацию недостаточно, фашисты давали ее членам определенные льготы. Им предоставлялось преимущественное право на стипендии в учебных заведениях, преимущества при поступлении в учебные заведения и на работу. Неудивительно поэтому, что количество членов этой организации, по крайней мере вначале, быстро возросло: в 1930 г.— 380 тыс., в 1931 г.— 800 тыс.

Линией соприкосновения государственной диктатуры с партийным всевластием были и фашистские профсоюзы. Это было наиболее важное звено всей фашистской системы, наиболее важное звено фашистской политики, проводимой под флагом классового сотрудничества, под флагом корпоративизма. Огосударствление фашистских профсоюзов предполагало и усиление влияния на них фашистской партии. Всякое сколько-нибудь значительное профсоюзное мероприятие обычно получало предварительное разрешение в соответствующей фашистской организации. Все ответственные назначения профсоюзных работников фактически определялись партийными инстанциями. Для связи с профсоюзами фашистская партия имела специальный профсоюзный отдел. В конечном счете происходит почти полное сращивание государственного, партийного и профсоюзного аппарата. Функции первых, вторых и третьих уже трудно было различить. Руководство фашистской партии решало вопрос о назначении государственных чиновников и профсоюзных организаторов, государственные органы вмешивались в сугубо партийные и профсоюзные дела, профсоюзы выступали в роли органов государственного принуждения. Вот, например, текст приказа фашистского профсоюза работников торговли провинции Модена:

«По случаю прибытия его величества короля на освящение памятника павшим за величие родины вам приказывается явиться 3 ноября ровно в 6 часов утра на площадь Итальянского банка для поездки в Модену. Ввиду важного значения церемонии и почестей, которые каждый итальянский гражданин обязан воздать своему королю, вам вменяется в безусловную обязанность, без всяких извинений и без ссылок на смягчающие обстоятельства, принять участие в этой грандиозной и символической манифестации. Против тех, кого не окажется во время

переключки, обязательной перед отправкой, будут приняты строгие меры»¹³.

Особенность фашистской политики, проводимой под флагом «классового сотрудничества», состояла в том, что она опиралась уже не на рабочую аристократию или во всяком случае не только на нее. Она опиралась главным образом именно на профсоюзных чиновников, находящихся на жалованье у государства, или в принудительном порядке оплачиваемых самими рабочими. Профсоюзная бюрократия как рычаг для проведения политики «классового сотрудничества» — это в известной мере знамение времени. Но это и особенность Италии, страны сравнительно бедной, где возможности для создания рабочей аристократии были более ограниченными.

Даже Тольятти признавал, что фашистские руководители знали массы, умели руководить ими, использовали методы не только принуждения, но и убеждения. Именно такими руководителями были Эдмондо Россони и Луиджи Рацца, о которых Пальмиро Тольятти говорил: «Мы никогда не должны забывать, что Россони был одним из организаторов сельскохозяйственных рабочих и что в известный период его роль была очень велика в долине По. Не будем также забывать, что Рацца был организатором сельскохозяйственных рабочих в Апулии. Не будем забывать и того, что и Муссолини был одним из руководителей социалистической партии. Обладая достаточным опытом, эти люди в отличие от государственных деятелей прошлого знали, как действовать, чтобы обеспечить контроль над массами»¹⁴.

Они умели играть на чувстве солидарности рабочих — либо снижение зарплаты, либо увольнение части из них, умели раздувать антагонизм между ними — между городскими рабочими и пришлыми из деревни, между мужчинами и женщинами, взрослыми и молодежью и т. д. Есть ли недостатки в положении рабочих? Конечно, есть — отвечали руководители фашистских профсоюзов. Но они кроются не в фашистском режиме, а в том, что этот режим еще полностью не развернут, что корпоративный строй еще не осуществлен как следует.

Корпоративный строй — эта идея, лелеемая именно в лоне фашистского синдикализма. Если рабочие хотят улучшить свое положение, они должны сплотиться вокруг своих, т. е. фашистских, профсоюзов. Опираясь на поддержку масс, фашистские профсоюзы, уверяли их руководители, сумеют преодолеть противодействие со стороны капитала и вынудить его к сотрудничеству в рамках корпораций, корпоративного строя. Но само это сотрудничество, корпорации, корпоративный строй мыслились на базе все той же иерархии. Различия между предпринимателями и рабочими объявлялись естественным разделением труда меж-

¹³ Цит. по: «Международное рабочее движение», 1929, № 47—48, с. 32.

¹⁴ Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974, с. 103.

ду ними, выполнением ими различных социальных функций. Ни о каком равенстве этих корпораций, равно как ни о каком равенстве индивидов внутри каждой из них, не могло быть и речи. Если вспомнить знаменитое изречение Аристотеля, то можно сказать, что фашизм стоял всецело на почве «справедливости уравнивающей». Каждому свое.

И в связи со всем этим еще об одной организации, в которой также сходились линии фашистской государственной диктатуры и фашистского партийного всевластия в сочетании с фашистскими профсоюзами. Мы имеем в виду организацию «Дополаворо» (в точном переводе — «после работы»). Это была культурно-просветительная организация, которая должна была позаботиться о целесообразном использовании рабочими свободного времени. При этом, разумеется, имелась в виду целесообразность в фашистском понимании, т. е. воспитание людей в фашистском духе.

Организация возглавлялась правлением, назначаемым правительством, в составе представителя правительства, секретаря фашистской партии, представителей ряда министерств, одного представителя от предпринимательских и одного от рабочих, т. е. фашистских, профсоюзных объединений. Причем последние назначались министерством корпораций. Официально цели «Дополаворо» определялись следующим образом: «Развертывать и объединять учреждения, которые повышают благосостояние рабочих и поощряют полезное употребление свободного времени; организовывать централизованную помощь всем этим учреждениям посредством технических секций культуры, спорта, музыки, театра, кино, радио для более высокого развития рабочих в физическом, духовном и моральном отношении; заботиться о материальных средствах оборудования различных спортивных площадок; плавательных бассейнов, приобретения инвентаря; обеспечивать отдельным лицам и коллективам льготы для посещения театров и концертов, а также для путешествий и экскурсий».

Деятельность «Дополаворо» построена на принципах добровольности. Однако те преимущества и льготы, которые дает членская карточка как в области развлечений, так и в деле подыскания работы, привлекают сравнительно большие массы трудящихся. В 1930 г. численность «Дополаворо» приближалась к 1,5 млн. человек, из них около половины — рабочие. В последние несколько лет численность этой организации перевалила за 2 млн. Секции «Дополаворо» строились как по производственному, так и по районному принципу. Причем если молодых рабочих привлекали производственные секции, оснащенные спортивным оборудованием и т. п., то пожилые рабочие вовлекались в секции по месту жительства, где им предоставлялась возможность для отдыха и разного рода развлечений. На это, в частности, обращает внимание Тольятти, указывая на гибкость фашистской работы в этом направлении: «Чем занимаются секции Дополаворо? Они развивают деятельность в различных направлениях. Участвуя

в ней, рабочие получают и некоторые выгоды. Им предоставляют различные льготы, скидки на билеты в театры и в кино, возможность приобретения в определенных магазинах продовольственных товаров и одежды по сниженным ценам, оказывается помощь в организации туристских экскурсий. Здесь же следует сказать и о некоторых формах социального обслуживания. В отдельных случаях организации Долопаворо выполняют функции касс взаимопомощи, оказывая, например, материальное содействие нуждающимся семьям труженников, получивших увечье и т. д.»¹⁵

Фашисты искали во всех слоях населения сторонников, разнообразя методы воздействия в зависимости от той среды, в которой им приходилось работать, но неизменно преследуя одну цель — вытравить классовое сознание и классовый дух, который не поддается уничтожению средствами фашистской милиции и Особого трибунала. «Это новое учреждение, — отмечалось в фашистском документе о «Долопаворо», — под покровительством фашизма готовит будущее поколение, кует новые души, в которых ненависть не будет больше творить свои дела, отвлекает мысли от химерических доктрин»¹⁶.

В конечном счете вся эта система фашистских партийно-государственных организаций насаждалась в самых широких слоях населения. Посредством этой системы они так или иначе приобщались к фашистской партии и фашистскому государству, обрабатывались ими и в той или иной мере втягивались в орбиту фашистской власти. Насколько глубоко при этом фашизм проникал в души людей — это уже другой вопрос, к которому мы еще вернемся. Сейчас же в плане исследования проблемы фашистской партийно-государственной системы как важнейшего условия корпоративизма отметим, что органическая связь между фашистской партией и государством не исключала определенных противоречий между ними.

«Фашистская концепция, — отмечал Тольятти, — концепция экстремистски настроенных фашистских кадров среднего звена сводится к тому, что партия должна стоять выше государственных организаций. Именно партия всеми командует. Согласно этой концепции, разработанной Фариначчи, федеральный секретарь фашистской партии должен быть выше префекта. Националисты Федерцони и Рокко предлагают другую концепцию. Эта концепция выдвигает на первое место государство и ему подчиняет партию. Муссолини манипулирует обеими этими концепциями. В период кризиса Маттеотти он использует концепцию Фариначчи. Когда же встает вопрос о тоталитаризме, он принимает сторону Рокко и дает окончательную формулировку: все в государстве и ничего вне государства»¹⁷.

¹⁵ Тольятти П. Указ. соч., с. 133.

¹⁶ UPE. Opere e leggi del Regime Fascista, p. 138.

¹⁷ Тольятти П. Указ. соч., с. 45.

Характерно, что с Фариначчи иногда связывают термин «подлинный фашизм». Этот термин применительно к нему нашел свое выражение во многих исследованиях, посвященных итальянскому фашизму, в том числе и в работах такого авторитета в этой области, как Ренцо Де Феличе. В конечном счете это все тот же вопрос об объективных исторических функциях и социальной базе фашизма. Надо полагать, что Фариначчи в ряде случаев в большей мере, чем Федерцони и Рокко, отражал настроения фашистских низов. В провинции Кремона, которая считалась вотчиной Фариначчи, была, например, проведена в начале 1928 г. конференция сельскохозяйственных рабочих, где метали «гром и молния» против буржуазии. А сам Фариначчи в своей газете «Реджиме фашиста» писал в связи с этой конференцией: «В самом деле, кто еще помнит, что существует Хартия труда? Кто еще помнит осанну, которую провозглашали этому документу? В прошлом году мы попробовали практически осуществить принципы этой Хартии, но мы оказались наивными. Мы вызвали такую бурю, что некоторые предпринимательские организации объявили нас чуть ли не изменниками фашистской революции. Надо, чтобы министерство корпораций заявило без оговорок, предназначена ли Хартия труда для того, чтобы попасть в архив истории, или она должна постепенно проводиться в жизнь»¹⁸. Не будем забывать, однако, что тот же Фариначчи известен как один из наиболее жестоких и оголтелых фашистских вождей. «Непримиримый» Фариначчи в наибольшей мере воплотил в себе неистовство и бешенство тех слоев мелкой буржуазии, которые увидели в фашизме выход для своих неутоленных страстей и злобы, направленной не только против революционного пролетариата, но и против крупной буржуазии. В этом смысле более тесно связанные с кругами крупной буржуазии бывшие националисты Федерцони и Рокко выглядят более умеренными — в той, разумеется, мере, в какой вообще можно говорить об умеренности в рамках фашизма.

В идеологическом плане проблема отношений между фашистской партией и государством была окончательно разрешена в уставе этой партии 1932 г. В первой статье устава было дано следующее определение фашистской партии: «Национальная фашистская партия является гражданской боевой организацией, действующей по приказу дуче и находящейся на службе фашистского государства»¹⁹. Характерно, что в том же, 1932 г. была впервые опубликована написанная Муссолини с помощью философа Джованни Джентиле «Доктрина фашизма», которую можно было бы назвать «доктриной тоталитарного государства». Характерно также, что этому предшествовала кампания чисток партии — кампания, направленная главным образом против старых

¹⁸ Цит. по: «Международное рабочее движение», 1928, № 7, с. 3.

¹⁹ Цит. по: *Aquarone A. L'organizzazione dello stato totalitario*. Torino, 1965, p. 518.

кадров. Муссолини выдвигает даже концепцию, согласно которой фашистская партия не может удержать власть с теми же кадрами, с которыми она была завоевана.

Все это, разумеется, одевается в довольно пышные наряды фашистской риторики. Объясняя смысл очередной чистки фашистской партии, один из ее руководителей, Джурати, говорил: «... Нет ничего удивительного, что в определенный период похода вождь пожелал проконтролировать ряды... Фашизм пересматривает и будет впредь пересматривать партийные карточки, так как он хочет быть современным войском, которое шагает быстро, а чтобы быстро шагать, надо освобождаться от мешающих»²⁰. При этом делался особый упор на то, что при проверке рядов нужно особенно строго подходить к тем, кто с первых дней связан с фашистской партией, ибо именно они «должны служить примером дисциплины» и того «беспрекословного повиновения», которого требовал устав фашистской партии.

Но — и это весьма показательно — сведение фашистской партии фактически к придатку фашистского государства не только не исключало, но, наоборот, предполагало повышение ее роли в организационном и идеологическом охвате масс. И эта ее роль должна была возрастать по мере развития фашистского корпоративизма, одним из важнейших элементов которого, как уже отмечалось, была идеология классового сотрудничества. Те государственные деятели, которые недооценивали роль фашистской партии в этом плане, должны были уходить со своих высоких постов. Так случилось, в частности, с одним из главных творцов фашистского законодательства о государстве, Альфредо Рокко. В 1932 г. он был снят с поста министра юстиции. Это было связано с очередным креном фашизма в сторону усиления борьбы за массы в связи с экономическим кризисом и обострением соответственно классовых противоречий в Италии.

Мировой экономический кризис нашел свое выражение в Италии в довольно острой форме. Курс акций понизился по сравнению с 1929 г. в среднем на 39%. Индекс цен упал со 102 в 1929 г. до 75 в 1933 г. При этом особенно сильно пострадал аграрный сектор экономики, где цены на зерно в период с 1929 по 1933 г. упали со 130 лир за центнер до 93, в тех же единицах — на рис с 85 до 44, на растительное масло с 604 до 398, на вино с 112 до 55, на пеньку с 480 до 278. Цена на скот упала на 65%. Объем внешней торговли уменьшился с 35 651 млн. лир до 13 105 млн. лир, причем объем импорта доходил до 29%, а экспорта до 25% от докризисного уровня. Безработица возросла с 300 тыс. человек в 1929 г. до 1 019 тыс. человек в 1933 г., из которых 715 тыс. человек приходилось на промышленность. В то же время индекс номинальной заработной платы упал с 528 в 1929 г. до 430,8 в 1933 г. И как результат

²⁰ «Corriere della Sera», 20.IV 1931.

всего этого национальный доход упал (в ценах 1938 г.) со 124 до 116 млрд. лир в 1930—1931 гг. и вплоть до 1935 г. оставался на уровне более низком, чем в 1929 г. Также доход на душу населения составил в 1931 г. минимальный уровень в 2823 лиры (в лирах 1938 г.) и только в 1935 г. достиг уровня 1929 г.²¹

Приведем более подробно показатели производства в годы кризиса по трем отраслям производства: текстильной, металлургической и химической. Первая, т. е. текстильная, была наиболее крупной отраслью итальянской промышленности. На ее предприятиях было занято около трети всех промышленных рабочих Италии. Спад здесь был довольно сильный, особенно в производстве шелка²², о чем свидетельствуют следующие данные:

Год	Шелк (т)	Хлопок в пряже (т)	Хлопок в ткани (т)
1929	5 521	219 820	140 640
1930	5 289	183 980	113 990
1931	3 660	153 380	99 770
1932	3 927	169 060	100 750
1933	3 548	190 780	117 330
1934	3 081	173 060	112 260
1935	1 727	171 210	119 140

Положение отраслей тяжелой и металлургической промышленности было несколько лучше. Здесь имели значение правительственные мероприятия. Италия оградилась своей металлургической стеной непреступных пошлин. Правительство, кроме того, всячески поддерживало эти отрасли предоставлением заказов, главным образом военных, и долгосрочным кредитованием. Представление о положении в металлургической промышленности дают следующие данные:

Год	Чугун (т)	Сталь (т)	Железо (т)	Алюминий (т)
1929	671 166	2 122 194	130 854	7 373
1930	537 418	1 743 351	124 090	7 968
1931	510 406	1 409 349	116 568	11 106
1932	460 817	1 396 180	100 962	13 413
1933	518 300	1 771 136	111 436	12 071
1934	529 273	1 849 821	100 491	12 846
1935	633 383	2 209 177	118 800	13 776

Обращает на себя внимание увеличение даже в годы кризиса производства алюминия. Это было связано с особенно сильным правительственным стимулированием этой отрасли промышленности, связанной с самолетостроением. То же самое можно ска-

²¹ *Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia. Bologna, 1972, p. 159—160.*

²² Таблицы составлены на основе данных официальной итальянской статистики, приводимых в приложении к книге: *Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia.*

зять о росте производства некоторых продуктов химической промышленности — промышленности, которая, как уже отмечалось, стимулировалась в Италии в плане развития военного производства:

Год	Соляная кислота (т)	Азотная кислота (т)	Серная кислота (т)	Карбид кальция (т)	Фосфаты (т)
1929	40 777	39 367	1 335 200	84 364	1 314 374
1930	39 550	74 963	1 329 920	102 600	1 383 060
1931	34 935	60 410	1 012 064	75 890	792 410
1932	33 179	108 541	899 232	85 775	661 573
1933	31 790	159 554	1 085 346	102 490	1 006 900
1934	41 408	209 148	1 238 700	120 519	1 090 608
1935	47 162	228 366	2 287 710	120 708	1 049 206

Если обратиться к официальной статистике, то число забастовок в это время было сравнительно небольшим: 1929 г. — 74, 1930 г. — 75²³. В условиях фашистского режима с его полицейской системой это было неудивительно. Однако классовые противоречия между рабочими и предпринимателями не стали менее острыми из-за того, что они были упрятаны в упаковку фашистского корпоративизма. Эти противоречия находили выражение и в фашистских профсоюзах лиц наемного труда. Сам факт их существования как массовых организаций был чреват возможностями, не предвиденными правительством, был насыщен собственной логикой. С другой стороны, организации предпринимателей отстаивали свои узкоклассовые интересы и стремились в этом отношении ограничить функции и компетенции фашистских профсоюзов.

В самый разгар экономического кризиса министр корпораций Джузеппе Боттаи выступил со знаменательной статьей об опасности корпоративных настроений. Употребляя в данном случае слово «корпоративный» в смысле «групповой», «противостоящий общему», он писал: «Кто не чувствует в воздухе запах корпоративизма, либо плутократического, либо демагогического? (т. е. предпринимательского или рабочего. — *Б. Л.*)... Необходимо рассеять эти миазмы. Единственное лекарство: подчинить все корпоративное всему фашистскому... Фашизм должен стать хозяином положения в профсоюзах, ставя и убирая руководящие группы, прогоняя бледные тени прошлого, устранив людей, которые вносят туда первородный грех и которые всякого рода извращениями могут ввозить контрабандный товар»²⁴.

Хроника периода экономического кризиса наполнена сообщениями о спорах между фашистскими профсоюзами и предпринимательскими организациями по самым различным вопросам, но связанным в конечном счете с определенными классовыми инте-

²³ Valiani L. Dall'antifascismo alla Resistenza. Milano, 1960, p. 55.

²⁴ «Corriere della Sera», 5.II 1931.

ресами. Предприниматели, например, выступали против юридически определенных, твердо регламентированных форм корпоративного сотрудничества. Особенно они противились передаче конфликтов в государственный трудовой суд, предусмотренный законом о профсоюзах от 3 апреля 1926 г. Предприниматель хотел быть полным хозяином на своем предприятии. Не смея открыто нарушить фашистский закон, он шел в обход его, тем более что такая возможность была. Как правило, конфликт между предпринимателем и рабочими попадал по инициативе первого не в государственный трудовой суд, а в более высокую профсоюзную или корпоративную инстанцию. И, переходя с низкой ступеньки на более высокую, материалы конфликта застревали где-то в дебрях громоздкой корпоративной системы, доходя иной раз до министерства корпораций. Что же касается государственного трудового суда, то туда попадали буквально единицы из тех десятков и даже сотен дел, которые были связаны с трудовыми конфликтами между предпринимателями и рабочими.

Предприниматели противились вмешательству в вопросы расценок сдельной работы. Право фашистских профсоюзов на участие в установлении таких расценок было оговорено не только в столь рекламируемом национальном коллективном договоре металлургов, заключенном в 1928 г., но и в ряде других аналогичных коллективных договоров. Однако в годы экономического кризиса предприниматели значительно сузили права фашистских профсоюзов в этом отношении.

Предприниматели противились и профсоюзному представительству на предприятиях. Действовавшее в то время законодательство предусматривало институт доверенных лиц, которые должны были избираться на общих собраниях рабочих. Институт доверенных лиц насаждался именно фашистскими профсоюзами. Но в годы экономического кризиса этот институт был фактически сведен на нет. Конфиндустрия предложила предпринимателям не признавать доверенных лиц на предприятиях и не вступать в переговоры с профсоюзами отдельно, а вести их централизованно через организации предпринимателей.

В годы экономического кризиса предприниматели добились сужения функций фашистских профсоюзов в ряде других институтов, связанных с отношениями между трудом и капиталом, с организацией и обеспечением труда. Так, фашистские профсоюзы создали специальный орган для юридической помощи своим членам по вопросам социального страхования — так называемый «Национальный патронат». Он был изъят из их компетенции и придан министерству корпораций. Вначале именно фашистские профсоюзы осуществляли контроль над кассами взаимопомощи на предприятиях. Теперь председателем кассы должен был быть представитель администрации. Были сужены функции фашистских профсоюзов в «Дополаворо» и профтехническом образовании. В декабре 1932 г. орган фашистских профсоюзов газета

«Лаворо фашиста» с горечью сетовала: «Следует задать вопрос: должны ли профсоюзы вообще существовать? У них отняты основные, предусмотренные законодательством о профсоюзах функции: национальный патронат, взаимопомощь, Дополаворо, профтехническое образование. Теперь они должны потерять последний остающийся у них в руках орган — бюро найма»²⁵.

Дело в том, что предприниматели попытались добиться того, чтобы бюро найма были удалены из помещений фашистских профсоюзов и приданы так называемым «провинциальным экономическим советам», находящимся при министерстве корпораций. Это мотивировалось необходимостью регулирования рынка труда в провинциальном масштабе. И этот, как и ряд других вопросов, связанных с деятельностью и функциями фашистских профсоюзов, стал предметом довольно горячих споров на сессии Национального совета корпораций в январе 1933 г.

На этой сессии было санкционировано фактически осуществленное ранее сужение функций фашистских профсоюзов, особенно функций местных профсоюзных организаций. В то же время вопрос о бюро найма был решен в пользу профсоюзов. И это следует рассматривать в связи с фашистской политикой в профсоюзном вопросе в целом. Эта политика расходилась с настроениями большинства предпринимателей, которые считали необходимым ликвидировать фашистские профсоюзы при переходе к корпорациям. «Такая тенденция, — говорил о ней Тольятти, — была связана прежде всего с тем, что состоявшие в фашистской партии рабочие в последнее время, а точнее в 1932—1933 гг., под давлением экономического кризиса пытались оказать противодействие политике фашизма именно через профсоюзы. Предложения ликвидировать профсоюзы, выдвигавшиеся в рамках указанной тенденции, исходили от фашистских элементов, наиболее тесно связанных с промышленниками. Что касается промышленников, ликвидация синдикализма была бы ими воспринята благожелательно. Ведь даже в своем нынешнем виде профсоюзы по-прежнему являются классовой организацией, которая может быть использована рабочими»²⁶.

Но фашизм не пошел на ликвидацию своих профсоюзов в угоду предпринимателям. И прежде всего потому, что эти профсоюзы могли быть использованы не только рабочими, но в еще большей мере самими фашистскими руководителями в интересах, выходящих за пределы узкокорыстного видения предпринимателей. Фашизм использовал свои профсоюзы в интересах более широкой политики, направленной на сохранение и упрочение своих связей с массами. Канализируя недовольство масс в рамках фашистских профсоюзов, фашизм тормозил проявление открытого антифашизма. Более того, в русле фашистских профсоюзов недо-

²⁵ «Lavoro fascista», 31.XII 1932.

²⁶ Тольятти П. Указ. соч., с. 185.

вольство масс направлялось в сторону борьбы... за фашизм, за «подлинный» и «полный» фашизм. Ведь одним из главных аргументов фашистских руководителей профсоюзов было то, что трудности в положении рабочих проистекают из-за недостаточно полного осуществления фашизма, из-за сопротивления отдельных несознательных предпринимателей корпоративизму и «классовому сотрудничеству».

Со своей стороны, фашистские профсоюзы в интересах «классового сотрудничества» пошли в 1930 г. в связи с экономическим кризисом на «добровольное» снижение зарплаты на 12%. И, естественно, это давало фашистам основания говорить о «преимуществах корпоративного строя». Об этом говорил, в частности, в разгар кризиса один из фашистских руководителей, Джованни Джурати: «Нашему корпоративному устройству особенно завидуют те страны, которые обнаруживают в миллионах потерянных рабочих дней и в миллиардных убытках производства результат экономической системы, основанной на борьбе классов»²⁷. На это же обращал внимание фашистский депутат Бьяджи: «В то время как в других странах уменьшение заработной платы (т. е. необходимое участие в такой тяжелой момент в национальной экономике) достигается путем губительной борьбы для всего хозяйства страны, в Италии оно было достигнуто сознательной дисциплиной»²⁸.

Важнейшим элементом фашистского корпоративизма становится в период экономического кризиса государственное регулирование экономики. Оно, как мы видели, играло большую роль уже в предшествующий период. Однако в связи с экономическим кризисом оно приобрело не только больший размах, но и некоторые новые формы, связанные с процессом сращивания промышленного и финансового капитала в общем русле развития государственно-монополистического капитализма.

Прежде всего в период экономического кризиса был продолжен начатый ранее процесс картелирования. Важнейшим мероприятием на этом пути был закон о принудительном картелировании предприятий одной отрасли, принятый в 1932 г. Как пишет по этому поводу итальянский исследователь Бруцио Манцокки: «В отличие от предшествующего периода, когда подобная тенденция имела место среди монополистических групп и картели носили частный характер, теперь они стали обязательными и приобрели государственные prerogative. Это означает, что если раньше картелизация происходила на добровольной основе и отдельные предприятия были вольны вступать или не вступать в картель (в последнем случае они оказывались под угрозой торговой войны со стороны предприятий картеля), то теперь возникло новое положение, при котором отдельное предприятие было

---

²⁷ «Corriere della Sera», 21.IV 1931.

²⁸ «Corriere della Sera», 7.V 1931.

обязано в соответствии с государственным законом вступить в картель и подчиниться его дисциплине, которая диктовалась крупнейшими промышленниками, возглавляющими картель. Новым являлось, с другой стороны, также то, что были расширены функции и власть картелей и им присвоены некоторые государственные функции (например предоставление лицензий на импорт сырья, установление цен и т. д.)»²⁹.

Иными словами, все это означало усиление элементов государственно-монополистического капитализма в структуре итальянской экономики. «Непосредственным следствием принудительного картелирования, — продолжает Манцокки, — являлось установление закрепленной законом дисциплины для промышленных предприятий. Были выработаны законы, устанавливающие, что для создания и расширения промышленного предприятия необходимо обязательное разрешение министерства промышленности и это разрешение давалось или не давалось в соответствии с тем, отвечало ли оно интересам монополий, господствующих в этой отрасли»³⁰.

Характерно, что эти мероприятия по картелированию проводятся фактически по ту сторону официальной политики корпоративизма. Они проводятся под флагом корпоративизма в том смысле, в каком это слово понимается как «общественный», исходящий из «общих» или даже, точнее, «государственных» интересов в фашистской интерпретации. То же самое можно сказать о мероприятиях, проводимых в это время в рамках так называемого «оздоровления» («санирования», или «санации») экономики.

Это была как бы вторая кризисная волна «оздоровления» после мероприятий, проведенных государством в этом направлении в 20-х годах. В период кризиса окончательно сложился и механизм этого так называемого «оздоровления». Прежде всего оно проводилось под флагом «спасения промышленности от кризиса», а страны — от безработицы. Для этого государство предоставляло на выгодных условиях кредит для предприятий, стоявших перед угрозой краха. В качестве залога эти последние предоставляли государству часть своих акций. Характерно при этом, что они оценивались по своему номиналу, тогда как их фактическая стоимость во время кризиса была много ниже. Когда же угроза краха отступала, предприятие (речь шла в основном о крупных монополиях) выкупало у государства свои акции обратно, как бы возвращая полученную у него ссуду. Но могло быть и так, что положение в данной отрасли не шло на улучшение. И тогда предприниматели использовали полученные ими фактически на очень выгодных (для кризисного периода) условиях ссуды для помещения в другие, более рентабельные отрасли. Соответственно

²⁹ Манцокки Б. Очерки экономической политики Италии. М., 1962, с. 24.

³⁰ Там же, с. 25.

этому старые акции, заложенные государству, переходили в собственность последнего.

Важно отметить ту выгоду, которую получали при этом предприниматели, главным образом хозяева крупных монополистических объединений. Продавая государству убыточные акции по сравнительно высокой докризисной цене, они приобретали средства для покупки новых по сравнительно низкой кризисной цене. Приобретали, разумеется, акции перспективных предприятий, которые сулили доходы после кризиса. Их владельцы, более мелкие предприниматели, не имели возможности дожидаться лучших времен и стремились от них избавиться. В конечном счете все это ускорило процесс концентрации и централизации капитала и промышленности.

В качестве важнейших звеньев этого механизма по «оздоровлению» экономики выступали: Государственный кредитный институт (КСВИ), «Иstituto di liquidazione» (ИЛ), «Иstituto mobiliare italiano» (ИМИ). Особо следует отметить еще одну организацию — Консорциум по субсидированию промышленных предприятий. В 1933 г. именно на базе этой организации был создан знаменитый ИРИ — Институт промышленной реконструкции. Создание этого института открывало целую эпоху в развитии государственно-монополистического капитализма в Италии.

Первоначально цели ИРИ были более или менее ограниченными. Имелось в виду главным образом избавиться от банкротства крупнейшие коммерческие банки страны — «Банко commerciale», «Кредито итальяно» и «Банко ди Рома»³¹. Эти банки, созданные для операций краткосрочного кредитования, в течение уже долгого времени практиковали долгосрочное финансирование промышленности. Причем их капиталовложения в промышленность особенно возросли в период дефляционной политики, предшествовавшей кризису 1929 г. И, когда этот кризис разразился, сразу сказались отсутствие у банков достаточных ликвидных средств. Спрос вкладчиков в период кризиса увеличился, а банки вложили свои фонды в долгосрочное кредитование промышленных предприятий, получив взамен их акции, которые теперь все больше обесценивались.

Для иллюстрации положения, в котором оказались три крупнейших коммерческих банка Италии, можно привести следующие данные, относящиеся к 1933 г.: из 14 млрд. лир, находившихся в депозитах и на текущих счетах этих банков, 12 млрд. лир были вложены в значительной мере обесцененные промышленные акции, в то время как задолженность Эмиссионному банку составляла 5 млрд. лир³².

³¹ Последний был тесно связан с Ватиканом и сетью католических финансовых учреждений.

³² См.: Rossi E. *Lo stato industriale*. Bari, 1953, p. 63; Lanzarone G. *Il sistema bancario italiano*. Torino, 1949.

В условиях тесной связи промышленного и банковского капитала наблюдалось при этом взаимовлияние в процессе развития кризиса. Кризис в промышленности поставил под угрозу всю кредитно-банковскую систему страны. В свою очередь положение, сложившееся в этой системе, углубляло кризис в промышленности. Под угрозой оказались интересы крупных промышленных монополий, непосредственно связанных с тремя вышеназванными банками: электротреста «САДЭ», металлургического треста «Терни», судостроительного треста «Пьяджо», химического концерна «Монтекатини», связанных с «Банка коммерциале»; электротреста «Эдисон», резинового треста «Пирелли», автомобильного треста «Фиат», треста искусственного волокна «СНИА вискоза», связанных с «Кредито италяно»; цементного треста «Италцемент», финансовой группы «Страде феррате меридионали», связанных с «Банко ди Рома»³³.

Учитывая все это, а также и интересы национальной экономики в целом, государство не могло остаться безучастным к судьбе этих банков. И одной из первых операций ИРИ была скупка ценных бумаг этих банков общей стоимостью в 12 млрд. лир. Это мотивировалось «необходимостью снабдить банки средствами для восстановления их имущественного равновесия». При этом признавалось, что «средства, предоставленные банкам, превышали реальную стоимость полученных у них ценных бумаг, так что имелся при этом дефицит, принятый на себя ИРИ»³⁴. Данные за 1934 г. свидетельствуют, что в итоге всех проведенных ИРИ в этом году операций государство потеряло 6 млрд. лир³⁵. Принимая во внимание все вышесказанное о характере этих операций, можно предположить, что значительная часть этой суммы перешла к финансовым и промышленным магнатам.

В то же время в результате проведенных ИРИ операций он стал обладать 94% акционерного капитала «Банка коммерциале», 78% — «Кредито италяно», 94% — «Банко ди Рома»³⁶. Эти банки стали называться «банками национального значения». Учитывая связь их с промышленными монополиями, ИРИ стал держателем акций и этих монополий, в отдельных случаях обладая даже контрольным пакетом их акций. При этом ИРИ представлял собой трехступенчатую систему акционерных частей. Сам он был финансовым учреждением, капитал которого полностью находился в руках государства. Это учреждение владело пакетами акций дочерних финансовых компаний, часть акций которых находится во владении частных лиц. И, наконец, отраслевые финансовые

³³ С этим банком был связан и упомянутый выше химический концерн «Монтекатини».

³⁴ Ministero dell'industria e commercio. L'Istituto per la Ricostruzione Industriale, UTET. Torino, 1956, vol. III, p. 7.

³⁵ Ibid., p. 14.

³⁶ Rossi E. Op. cit., p. 63.

компании владеют в свою очередь пакетами акций производственных предприятий.

Таким образом, ИРИ стал важнейшим звеном в системе государственно-монополистического капитализма в Италии. Важно, однако, подчеркнуть, что в этой системе речь шла о косвенном государственном контроле — контроле, который не предполагал мероприятий по проведению национализации. Вместе с тем не было определенного плана и косвенного контроля над экономикой в рамках деятельности ИРИ. «За редкими исключениями, государство стало владельцем контрольных пакетов акций различных акционерных обществ не в результате определенного разработанного плана, а потому, что автоматически оказалось владельцем акций, имевшихся в портфеле тех банков, у которых оно переняло большинство акций. В результате этого среди контролируемых ИРИ акционерных обществ оказались... как экономически здоровые акционерные общества, так и общества, испытывающие финансовые затруднения. Поэтому необоснованным является распространенное мнение, что ИРИ, по крайней мере при возникновении, являлось не чем иным, как организацией по финансированию некоторых групп акционерных обществ или по установлению контроля над ними, и что все без исключения акционерные общества, входившие в ИРИ, находились в таком положении, которое требовало государственного вмешательства»³⁷.

К этому следует добавить, что деятельность ИРИ с самого начала предполагала реприватизацию, т. е. обратную продажу, частным владельцам акций, приобретенных государством. Операции подобного рода развернулись главным образом уже в последующий период, наступивший после окончания экономического кризиса. Это, однако, не означало расформирования экономического государства, нашедшего свое наиболее яркое выражение в деятельности ИРИ. С момента своего возникновения ИРИ стал важнейшим рычагом воздействия государства на экономику Италии.

Весьма своеобразным было воздействие государства в это время на сельское хозяйство. Многие формы этого воздействия, связанные с ростом влияния крупного капитала, сложились еще в предшествующий период. Однако экономический кризис сделал их не только более рельефными, но и во многом обогатил их как в теоретическом, так и в практическом отношении.

В итальянской фашистской литературе по аграрному праву обращает на себя внимание стремление авторов подчеркнуть публично-правовой характер аграрного права, утвердить мысль о том, что оно больше, чем какое-либо другое, не может считаться ветвью частного права³⁸. Здесь, в области аграрных отношений, фашистские теоретики любят черпать примеры, подкрепляющие и

³⁷ *Struttura dei monopoli industriali in Italia*. Roma, 1949, p. 69.

³⁸ *Parella A.* Il sistema del diritto agrario.— «Atti della Regia Accademia Georgofili», 1929 gennaio.

идеологически оправдывающие ту сторону корпоративного государства, которая заключается в принудительном регулировании и государственном вмешательстве в экономические отношения. При этом фашистская теория аграрного права стремится обосновать право вмешательства государства в отдельных случаях как в земельную собственность, так и в организацию, систему и порядок ведения самого сельскохозяйственного предприятия.

Мы уже познакомились с фашистской постановкой вопроса о вмешательстве государства в земельную собственность в предшествующий период, а именно о допущении экспроприации необрабатываемых земель. В рассматриваемый период получила дальнейшее развитие и начатая ранее так называемая «битва за хлеб». В результате политики, проводимой в рамках этой кампании, фашизму в первой половине 30-х годов удалось добиться значительного увеличения количества собираемого зерна. Этот прогресс, по мнению Тольятти, был достигнут двумя путями: «Во-первых, путем расширения площади посевов под зерновые. В настоящее время почти повсеместно земли превращены в пашню, в том числе и там, где раньше выращивались лишь фруктовые деревья, культивировались сады... Но не этот аспект наиболее важен. Наиболее важно второе обстоятельство: средний сбор зерна с одного гектара стал гораздо выше, чем прежде. В среднем в Италии сейчас собирается с одного гектара по 14 центнеров пшеницы, а это довольно много. Ведь раньше урожайность не превышала 10—11 центнеров с гектара»³⁹. Мы обращаемся в данном случае к Тольятти, так как его анализ этого и других фактов экономической жизни Италии особенно органично связан с анализом социально-политическим. Тольятти, в частности, обращает внимание на то, что прогресса в «битве за хлеб» можно было добиться лишь при условии увеличения капиталовложений в производство зерна, а это в свою очередь вело к вздорожанию цен на него. С этим была связана и система таможенных пошлин, которая была одним из наиболее важных элементов «битвы за хлеб» и в результате которой итальянский потребитель переплатил огромную сумму за хлеб, стоивший в Италии в 3 раза дороже, чем на международном рынке. Тольятти также обращает внимание на то, что при среднем сборе пшеницы в 14 ц с га в одних районах (например, в Сардинии) он не превышал 9 и даже 8 ц, а в других (например, в Ломбардии) он доходил до 30 ц. Естественно, что последнее было под силу лишь крупнокапиталистическим хозяйствам, для которых себестоимость зерна оказывалась, таким образом, значительно ниже и которые могли извлекать в конечном счете наибольшую выгоду из таможенной политики государства в зерновом вопросе. Как отмечает далее Тольятти: «Основной результат, которого фашизму удалось добиться в деревне с помощью «битвы за хлеб», заключается в росте капи-

³⁹ Тольятти П. Указ. соч., с. 152—153.

таловложений в сельское хозяйство. А приток новых капиталовложений в свою очередь означает, что «битва за хлеб» привела тем самым к дальнейшему укреплению в деревне позиций капитала, банков, словом, всех тех, у кого есть деньги. Одним из последствий «битвы за хлеб» явилось колоссальное увеличение оборота крупнейших трестов, выпускающих химические удобрения, сельскохозяйственную технику и пр. Фирма «Монтекатини», например, сконцентрировала в своих руках все производство химических удобрений, которые она продает по монопольным ценам, поддерживаемым на высоком уровне»⁴⁰.

И в связи с этим — о так называемых «аграрных консорциумах». Это были довольно своеобразные объединения, которые создавались для централизованной закупки сельскохозяйственных машин, семян, удобрений и других товаров. Они устанавливали продажные цены на эти товары, реализуемые затем как среди своих членов, так и на стороне. Консорциумы объединяли производителей определенного продукта: консорциум по скупке зерна, рисовый консорциум, консорциум свекловодов и сахарозаводчиков, консорциум типовых вин и т. д. Со времени «битвы за хлеб» особенно большую роль играли консорциумы по скупке зерна. В них участвовал капитал государства, частных банков, сельскохозяйственных кооперативов. Связь между экономическим и социально-политическим аспектами в деятельности этих консорциумов обнаруживает себя в том, что они выдавали авансы под партии зерна не меньше чем в 100 ц. Очевидно, что кредитоваться в таком случае могли лишь крупные производители. В 1931 г. был создан рисовый консорциум, который обеспечил повышение цен на рис на 25%. При этом необходимо иметь в виду, что производителями риса в Италии в то время были исключительно крупные аграрные хозяйства. Объединенный консорциум свекловодов и сахарозаводчиков установил в 1933 г. лимит приема свеклы и за все принятое сверх лимита количество уплачивал лишь авансы в счет будущего года. Естественно, что эта практика ущемляла прежде всего интересы мелких производителей, которым не под силу была такая рассрочка платежей. В конечном счете консорциумы также усиливали тенденцию к ограничению и экспроприации мелких, а в известной мере и средних производителей.

Консорциумы играли большую роль и в мероприятиях фашистского правительства по проведению так называемой «интегральной мелиорации». Имелось в виду освоение заболоченных земель, которые до сих пор не только не обрабатывались, но и вообще были непригодны для жилья. Чтобы возделывать эти земли, необходимо было их предварительно осушить, а затем выкорчевать кустарник, вспахать целину, подготовить почву для посева. Естественно, что для этого требовались прежде всего огромные денежные

⁴⁰ *Тольятти П.* Указ. соч., с. 156.

расходы. И фашистское правительство, объявив грандиозный план мелиорации 2300 тыс. га земли, ассигновало на это дело около 30 млрд. лир, что по тому времени было очень большой суммой.

Согласно закону от 13 февраля 1933 г., порядок работ по реализации генерального плана мелиорации был исключительно концессионный. Концессия предоставляется консорциуму собственников земель, подлежащих мелиорации, или собственнику самой большей части этих земель. При отсутствии инициативы со стороны собственников концессия может быть передана провинциям, общинам или их консорциуму (раздел III, статья 13).

Закон делает вполне определенную ставку на концентрацию земельной собственности в руках крупного капитала. Дело в том, что утверждение плана мелиорации имеет своим непосредственным следствием передачу консорциуму права собственности и других вещных прав, равно как и всех земельных сервитутов, включенных в этот план (раздел IV, статья 29). По существу это означает экспроприацию мелкой земельной собственности в пользу крупного капитала. Весьма показательна в этом отношении статья 34 того же, IV раздела закона: «В тех случаях, когда в районе мелиорации имеются зоны, содержащие большое число мелких земельных участков, концессионное объединение мелиоративных работ должно стремиться создать из этих земель объединенные массивы, предоставляя их тем собственникам, которые предложат лучшую цену».

Характерно, что цели мелиоративных работ определялись, наряду с прочим, как цели демографические и социальные. Дело в том, что фашистская политика мелиоративных работ была тесно связана с политикой так называемой «внутренней колонизации», а также «ликвидации батрачества». Тысячи семей батраков переселялись на новые земли, где их труд использовался для обработки этих земель и мелиорации. Заключаемые при этом контракты предусматривают формы довольно тяжелой зависимости новых поселенцев от консорциумов, которым они должны выплачивать деньги, а в конечном счете от тех же крупных собственников. Но все же политика внутренней колонизации и ликвидации батрачества привела к тому, что характерная для Италии массовая эмиграция практически в эти годы была сведена на нет.

В целом же, не упуская из виду подлинной социальной сущности всех этих аграрных мероприятий фашизма, не следует, как отмечал Тольятти, «закрывать глаза на то, что фашизму удалось осуществить». И в плане выводов, которые следуют из этого в области конкретной политики, он подчеркивал: «Мы должны видеть конкретные результаты его (фашизма.— *Б. Л.*) политики и изучать их. Было бы ошибкой, и весьма серьезной, отделяться смешками по поводу таких проблем, как «битва за хлеб», «интегральная мелиорация», «экономическая организация сельского хозяйства» (консорциумы.— *Б. Л.*), «ликвидация батрачества». Во всех этих сферах каждому лозунгу, брошенному фашизмом,

соответствуют явления реальной действительности, порой существенные, которые свидетельствуют о стремлении изменить классовые отношения в итальянской деревне. Это ведет к определенным политическим последствиям, которые необходимо учитывать»⁴¹.

Все отмеченные выше формы и методы регулирования экономических отношений как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, осуществлялись в значительной мере без участия корпоративных органов (Национальный совет корпораций). Между тем фашистские профсоюзы настаивали на корпоративном регулировании экономики в полном смысле, что в их представлении означало учреждение в конце концов самих корпораций, наделенных соответствующими функциями. Импульс к учреждению корпораций исходил именно от фашистских профсоюзов, хотя в более широком плане они были лишь одним из слагаемых движения в этом направлении. Но это обнаружит себя уже при непосредственной разработке принципов организации корпораций. А вначале инициатива фашистских профсоюзов наталкивалась на довольно явное сопротивление предпринимателей, тем более что идея корпораций в период экономического кризиса облекалась в особенно радикальные формы.

Дело в том, что предпринимателей в известной мере устраивали те формы государственного воздействия на экономику, которые складывались в русле государственно-монополистического капитализма типа ИРИ или мероприятий по мелиорации. Крупный капитал, как мы видели, извлекал определенную финансовую выгоду из мероприятий подобного рода. И предприниматели, а крупный капитал в особенности, совсем не были заинтересованы, чтобы в их взаимоотношения с государством, которые развивались в этом русле, вмешивались элементы, не принадлежащие к их среде. И хотя фашистские профсоюзы были в значительной мере под контролем фашистского государства, в них, как мы видели, находили свое выражение и классовые антагонизмы и настроения масс. Все это могло найти выражение и в корпорациях, тем более что идея их, как уже отмечалось, облекалась в довольно радикальные формы.

Особенно сильные опасения возникали у представителей капитала, непосредственно не связанных с производственным процессом. Дело в том, что весьма ходкой в это время была концепция корпорации как автономного индустриально-производственного блока. Она нашла свое выражение, в частности, в книге журналиста Массимо Фовеля «Экономика и корпоративизм», изданной в 1929 г.⁴² Корпорация рассматривалась здесь как фор-

---

⁴¹ *Тольятти П.* Указ. соч., с. 151.

⁴² *Fovet M.* *Economia e corporativismo.* Ferrara, 1929. Суммарное изложение концепции Фовеля дается по: *Граммши А.* Избранные произведения, т. 3. М., 1959, с. 427—428.

ма разрешения по-современному и подчеркнуто по-капиталистически проблемы дальнейшего развития итальянского экономического аппарата в противовес интересам полуфеодальных и паразитирующих элементов общества, взимающих слишком большую дань с прибавочной стоимости и так называемых «производителей накоплений». Накопление должно стать внутренней (и более доходной) функцией самого производственного блока за счет развития производства на основе снижающейся себестоимости, что позволило бы не только получать большую массу прибавочной стоимости, но и платить более высокую заработную плату, следствием чего являются увеличение емкости внутреннего рынка, некоторые сбережения, которые могут сделать рабочие, и более высокие прибыли. Таким образом, накопление капиталов шло бы ускоренными темпами в недрах самого предприятия, а не через посредничество «производителей накоплений», которые в действительности являются пожирателями прибавочной стоимости. В производственно-индустриальном блоке технический элемент (дирекция и рабочие) должен преобладать над элементом капиталистическим в самом убогом смысле этого слова. Другими словами, на место союза между капитанами промышленности и мелкобуржуазными «накопителями» должен стать блок всех элементов, непосредственно занятых в производстве, единственно способных объединиться в профсоюз и, следовательно, образовать производственную корпорацию.

В этой концепции не учитывалась прежде всего роль государства, причем не только в его экономической функции (в данном случае как накопителя сбережений), но и в функции политической (в данном случае как органа принуждения в классовых конфликтах на производстве). Недооценка роли государства в его политической функции была особенно характерна для концепции корпоративизма, выдвинутой профессором Римского университета Уго Спирито. В основе его концепции, как и у Фовеля,— идея о корпорации как о блоке всех элементов, непосредственно занятых в производстве. При этом Спирито исходил из буквально понимаемого им тезиса «Хартии труда» о том, что «частная организация производства является функцией национального значения». Отсюда он делал чисто теоретический вывод о том, что труд в условиях фашизма не может производить частную собственность. Главным же пунктом его практических предложений было то, чтобы владельцы предприятий выдавали своим рабочим определенное число акций этих предприятий. Таким образом, по мнению Спирито, рабочие превратились бы в совладельцев предприятий, в лиц, заинтересованных в производстве, и были бы созданы в конечном счете «корпорации собственников средств производства», функционирующие под руководством государства в общих интересах национального производства.

В концепции Спирито, однако, реальность классовой борьбы исчезает. И в этом смысле политическая функция государства

как органа принуждения в классовых конфликтах на производстве сужалась, что вело в конечном счете к недооценке роли государства вообще. Именно поэтому министр корпораций Джузеппе Боттаи, полемизируя со Спирито в 1932 г., считал нужным напомнить о классовых противоречиях и классовой борьбе как о реальности жизни, от которой не уйдешь. Споры на этот счет были продолжены на сессии Национального совета корпорации в ноябре 1933 г. На этой сессии вопрос о создании самих корпораций обсуждался уже вплотную. С большой речью выступил Муссолини, подчеркнувший значение принципа частной собственности для корпоративной экономики.

Большинство фашистского руководства — за создание корпораций. Идея корпоративизма лежит в основе фашистской идеологии и фашистского законодательства о государстве. Существует министерство корпораций и Национальный совет корпораций. Сколько же может длиться тот парадокс, что самих корпораций все-таки нет? И перед лицом этой воли фашистского руководства и внутренней логики самого фашизма предприниматели, точнее, руководящие группы крупного капитала, должны уступить. Но уступить так, чтобы наложить печать своей воли на принципы организации корпораций. Уступить, чтобы стать еще одним слабеющим движением в сторону корпораций, только не таких, какими они виделись Уго Спирито и фашистским синдикалистам.

В центре дискуссии — вопрос о том, по какому принципу должны строиться корпорации: по категориям производства или по совокупному продукту. «Дискуссия, — отмечал Тольятти, — была отнюдь не праздной. Если бы корпорации организовывались по принципу категорий, к чему это могло привести? Представительства трудящихся и хозяев противостояли бы в них друг другу, что обусловило бы новые столкновения на классовой основе. Организация по принципу производимой продукции, напротив, является организацией представителей хозяев и рабочих всех категорий, которые содействуют производству одного и того же продукта. Так, например, мы видим, что в корпорацию зерновых культур входят представители хозяев и рабочих мукомолен, хлебопекарен, кондитерских предприятий, сферы торговли зерновыми, специалисты сельского хозяйства и т. д. В корпорации садоводства, цветоводства и плодоводства вы обнаружите даже представителей производства цитрусовых, духов и пр., вплоть до представителей химической промышленности»⁴³.

Кстати, один из крупнейших магнатов последней, Альберто Пирелли, выступал на Национальном совете корпораций в ноябре 1933 г. за принцип организации корпораций по совокупному продукту. Помимо отмеченных Тольятти соображений, здесь имело значение и то, что крупные промышленные и финансовые магнаты имели широкие интересы в разных отраслях экономики, свя-

⁴³ Тольятти П. Указ. соч., с. 187.

занных довольно часто производством и реализацией одного и того же конечного продукта. И уж коль скоро создания корпораций не миновать, то почему бы не использовать их как дополнительный элемент такой связи в своих интересах. В корпорациях, построенных по принципу совокупного продукта, можно было бы решить вопросы, касающиеся отношений между различными группами промышленников, вопросы организации производства и т. п.

Это была линия, отвечающая интересам крупного капитала. И если обратиться к закону о корпорациях от 5 февраля 1934 г. и к декретам, изданным на его основе в мае и июне того же года, то можно убедиться, что победила именно эта линия. Всего было создано 22 корпорации. Из них восемь объединяли сельскохозяйственных производителей, представителей обрабатывающей промышленности и торговцев одним и тем же продуктом: 1) зерно, 2) садоводство, цветоводство, плодоводство, 3) виноградарство и виноделие, 4) растительные масла, 5) свекла и свекловичный сахар, 6) скотоводство и рыболовство, 7) лес, 8) текстильная промышленность; восемь следующих объединяли все отрасли промышленности и торговые организации, работающие на одном и том же сырье: 9) металлургия и механика, 10) швейная промышленность, 11) бумажная промышленность и печатное дело, 12) строительное дело, 13) газ, вода и электричество, 14) химическая промышленность, 15) горное дело, 16) стекльно-керамическая промышленность; и, наконец, шесть так называемых «категорийных корпораций» объединяли: 17) страховое и кредитное дело, 18) морской и воздушный транспорт, 19) внутренний транспорт, 20) зрелища, 21) туризм, 22) свободные профессии и искусства.

В состав каждой корпорации входило одинаковое число представителей фашистских профсоюзов и предпринимательских организаций, представители от фашистских организаций ремесленников, инженерно-технических работников и кооперативов, а также по три представителя фашистской партии. Председателем всех корпораций являлся Муссолини. Вопрос о нормативных функциях корпораций заслуживает специального рассмотрения.

По законам от 3 апреля и 1 июля 1926 г. органы, объединяющие национальные синдикаты, могли издавать обязательные нормы только с предварительного согласования их с представителями работодателей и рабочих и только по вопросам, касающимся условий труда на соответствующих предприятиях.

Иначе уже ставит эти вопросы «Хартия труда» 1927 г. Она устанавливает, что синдикальные объединения могут издавать обязательные нормы не только в отношении трудовой дисциплины, но и по вопросам координации производственной деятельности.

Законом от 20 марта 1930 г. Национальному совету корпораций было предоставлено право издавать обязательные постановления по регулированию экономических отношений между различными отраслями производства, представленными законно признанными синдикальными объединениями.

Еще более широко определена нормативная деятельность корпораций, созданных законом от 5 февраля 1934 г. Статья 8: «Помимо своих обязанностей и полномочий, установленных законом от 3 апреля 1926 г. и королевским декретом от 1 июля 1926 г., корпорация вырабатывает нормы для коллективного регулирования хозяйственных отношений и единой дисциплины производства. Эту функцию корпорация осуществляет по предложению министра корпораций или по ходатайству одной из примыкающих к ней федераций с утверждением главой правительства». Статья 10: «Корпорации предоставляется право устанавливать для охватываемой ею отрасли в форме, указанной в статье 8, тарифы для оплаты труда и хозяйственной деятельности, а также цены на товары, выпускаемые для обслуживания публики». Статья 11: «Упомянутые в предыдущих статьях нормы, планы и тарифы подлежат утверждению Национальным советом корпораций и становятся обязательными, как только они будут опубликованы декретом главы правительства, включаемым в официальное собрание законов и декретов королевства. Несоблюдение отдельными лицами этих норм, планов и тарифов влечет за собой применение мер, установленных законом в отношении коллективных договоров».

По этому поводу в объяснительной записке, предварявшей издание закона о корпорациях, говорилось: «Эта власть превращает корпорации в инструмент самодисциплины и контроля современной экономики. Это показатель окончательного перехода от системы экономического либерализма к системе корпоративной экономики»⁴⁴. Если отбросить, однако, эту пышную фразеологию, то качественное изменение по сравнению с системой экономического либерализма действительно было. Обращает на себя внимание также дискуссия в фашистской литературе по вопросу о том, являются ли постановления корпоративных органов лишь проектами закона, требующими утверждения правительственных органов, или они являются подлинными источниками корпоративного права. Дж. Мадзони считал, что корпорации по закону 1934 г. имеют право разработки лишь законодательных предположений, которые требуют утверждения Национального совета корпораций при министерстве корпораций⁴⁵. Наоборот. Дж. Салеми считает, что постановления, издаваемые корпорациями, являются источниками корпоративного права⁴⁶.

Важно, наконец, отметить, что создание корпораций отнюдь не предполагало ликвидацию предпринимательских организаций и фашистских профсоюзов. Они входили в корпорации в качестве федераций, оставаясь, как указывалось в статье 7, «автономными в области синдикалистской деятельности». Иными словами, кор-

⁴⁴ «Corriere della Sera», 9.I.1934.

⁴⁵ *Mazzoni G.* L'Ordinamento corporativo. Padova, 1934.

⁴⁶ *Salemi G.* Sulla potestà normativa delle corporazioni.— «Archivio di studi corporativi», 1935, vol. VI, p. XIV.

поративная система, построенная по горизонтальному принципу (корпорации), сохраняла и была связана с вертикальным принципом организации — фашистские профсоюзы лиц наемного труда и организации предпринимателей. Дело, однако, было не только в принципах организации корпоративной системы, а в том качественном различии, которое имелось между корпорациями и профсоюзами. Первые были по существу бюрократическим органом, вторые — массовой организацией.

Отказавшись от ликвидации этих последних из опасений, как уже отмечалось, потерять контакты с массами, фашизм провел в августе 1934 г. реорганизацию фашистских предпринимательских организаций и профсоюзов. Было утверждено четыре конфедерации предпринимателей: промышленников, сельских хозяев, торговцев, кредитных и страховых учреждений. Было утверждено соответственно четыре конфедерации лиц наемного труда: работников промышленности, сельского хозяйства, торговли, финансовых и страховых учреждений. Кроме того, была утверждена еще конфедерация лиц свободных профессий и артистов.

В плане соотношения между корпорациями и профсоюзами обращает на себя внимание тот факт, что функции последних, в особенности функции их местных организаций, которые в прошлом были урезаны, теперь вновь расширились. В сентябре 1934 г. был принят закон о фашистских профсоюзах, который в этом смысле имел действительно двойственное значение. «Этим законом,— отмечал Тольятти,— признается местный профсоюз, которому передается функция заключения в первой инстанции коллективного трудового соглашения. Вся структура фашистской профсоюзной организации перестраивается на основе выборности низовых должностей. Раньше назначение на эти должности осуществлялось сверху. Теперь профсоюзные руководители — прежде всего доверенные лица: секретарь и руководители местных профсоюзов — выбираются на общих собраниях союза». Тольятти считал, что этот закон был одним из элементов перестройки государства на корпоративных началах: «Он был принят с целью создать впечатление, будто корпоративное государство организуется на демократической основе или по крайней мере на такой основе, которая может претендовать на демократический характер»⁴⁷. И далее Тольятти сопоставляет эту линию «демократизации» в рамках корпоративизма с искоренением последних остатков буржуазной демократии, что нашло свое выражение, в частности, в очередных выборах в фашистский парламент в марте 1934 г., проводившихся на основе антидемократического закона 1928 г.

Эти выборы, которые, как и в 1929 г., дали фашизму подавляющее большинство, были лишь фасадом здания корпоративного государства. Социальные противоречия, в значительной мере за-

⁴⁷ Тольятти П. Указ. соч., с. 114.

гнанные в это здание, находили свое выражение внутри него, прежде всего в выступлениях фашистских профсоюзов против политики предпринимательских организаций в рамках самих корпораций и под флагом борьбы за полное осуществление принципов корпоративизма. Об этой внутренней борьбе свидетельствуют статьи, которые в 1934—1935 гг. появлялись в центральном печатном органе фашистских профсоюзов газете «Лаворо фашиста». В этих статьях демагогия и риторика причудливым образом переплетались с представлениями о фашистском корпоративизме как о чем-то стоящем над политической монополистической капитала.

Эти представления усиливались отмеченными выше оговорками монополий по поводу фашистского корпоративизма. Абсолютизация этого и подобных ему фактов вела к абсолютизации самостоятельности фашизма от монополий. И это, разумеется, вызывает самые серьезные возражения представителей марксистской мысли. Однако факт относительной самостоятельности фашистского корпоративного государства, имевшего также свою внутреннюю логику развития, был зафиксирован в это время в марксистской мысли довольно определенно. Пальмиро Тольятти отмечал в 1935 г.: «Что могут дать корпорации? Какова их перспектива на будущее? Возможно ли, чтобы они помимо монополий стали в будущем реальным орудием осуществления единой дисциплины производства? Кое-что в этом плане они, несомненно, могут сделать»⁴⁸.

В целом проблема фашизма с этой точки зрения и в этом случае не может быть оторвана от более широкой исторической перспективы.

* * *

Проблема фашизма в это время раскрывается в общих тенденциях эволюции государства в новую эпоху. Фокусом проблемы в данном случае является тенденция к расширению экономических функций государства.

Эта тенденция находит свое выражение в изменении представлений о соотношении между экономикой и политикой. Вмешательство государства в сферу социально-экономических отношений было и в прошлом. Однако, возрастая по мере расширения социальных функций государства, это вмешательство, как правило, не затрагивало сам процесс производства, равно как и обращения и распределения. Лишь в XX в. государство все более активно стало вмешиваться в эту «святая святых» капиталистической собственности. К этому побуждает сам процесс производства, обращения и распределения, который на определенном уровне развития монополистического капитализма не может уже быть достаточно эффективным без активного государственного вмеша-

---

⁴⁸ Там же, с. 190.

тельства. Иными словами, в условиях современного капитализма эффективность на уровне капиталистической монополии не может быть достигнута без обеспечения определенного уровня эффективности всей народнохозяйственной системы. Эти попытки регулирования экономики проявлялись в первой половине XX в. спорадически, сквозь кризисы и катаклизмы эпохи.

Прежде всего это была первая мировая война, которая в значительной мере способствовала вовлечению государства в контроль над военным и сельскохозяйственным производством, в управление железнодорожным транспортом и в контроль над различными ресурсами и службами. Так было во всех воюющих странах, а в Германии, например, по словам В. И. Ленина, «дошли до руководства хозяйственной жизнью *66 миллионов людей из одного центра*, до организации одним центром народного хозяйства *66 миллионов людей*»⁴⁹.

Хотя после войны государственное регулирование ослабло, был создан прецедент широкого государственного вмешательства в экономику. И этот прецедент получил свое развитие под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Один из видных американских экономистов того времени, Джордж Соул, видит в организации экономики военного времени ту идеальную модель, по которой он хотел бы реконструировать современный капитализм в регулируемую и даже плановую систему. В своей работе, опубликованной в 1932 г., он обосновывает преимущества организации экономики США в период войны и считает необходимой соответствующую реорганизацию национальной экономики. «В годы войны,— писал Соул,— положение было таково, что планирование рассматривали как средство избежать депрессий и повысить общий жизненный уровень... Во время войны наша промышленность работала с полной нагрузкой, безработицы не было почти совершенно, благосостояние народа возрастало»⁵⁰. Соул пытается убедить в преимуществах регулирования экономики в государственном масштабе, которое, по его мнению, отвечает интересам самих частных предпринимателей, в том числе и промышленных монополий: «Необходимость управления индивидуальными предприятиями, не связанными планом в масштабе всего общественного организма, вызывает неизбежную путаницу и потери, которые препятствуют производственному процессу, сбыту продукции и получению прибыли... Никакой размер предприятия не может служить защитой против последствий хаотической системы промышленности. Крупный концерн так же беспомощен, как и мелкий предприниматель. Даже те немногие предприятия, которые по своей форме близко подходят к монополии, не могут избавиться от этих затруднений. Трудно указать хотя бы на одну

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 219.

⁵⁰ Соул Дж. Хаос или контроль.— В кн.: Под маской планирования. М.— Л., 1933, с. 50.

какую-либо отрасль промышленности, которая бы не знала или не будет знать перепроизводства и недогрузки и не столкнется с потерей иностранных рынков в результате общей депрессии, низкой зарплаты, безработицы, колебаний цен и т. д.»⁵¹

«Мне представляется,— писал в 1933 г. Франклин Рузвельт,— что наибольшее значение имеет проблема планирования производства и распределения тех благ, которые могут быть созданы нашим огромным хозяйственным механизмом»⁵². Рузвельт, как известно, стал творцом так называемого «нового курса» правительственной политики в США. Это был один из наиболее радикальных экспериментов государственного вмешательства в экономику в рамках демократической политической системы. Как отмечает американский исследователь Фрэнк Фрейдел: «При «новом курсе» федеральное правительство начало приобретать доминирующую роль в американской экономике мирного времени как посредством мер регулирующего характера, так и благодаря своим расходам»⁵³. Рузвельт, однако, не пошел на регулирование экономики посредством национализации. Он исходил из возможности заставить эффективно функционировать экономическую систему главным образом с помощью законодательных реформ. И как отмечает тот же Фрейдел: «Что бесспорно изменилось за время «нового курса», так это роль правительства, которое путем проб и ошибок продвинулось в сторону создания новых методов регулирования экономики. При «новом курсе» большая часть этих методов еще носила пробный, черновой характер, и лишь позднее на их основе родились более усовершенствованные программы. И если «новый курс» и не принес быстрого и полного восстановления нормальной жизни и не положил конец бедности, он наделил правительство совершенно новой ролью, и эту роль американский народ стал с тех пор считать жизненно важной! В этом и заключается непреходящее значение «нового курса»⁵⁴.

«Новый курс» был лишь одним из наиболее ярких примеров общей тенденции в сторону регулируемой экономики — тенденции, которая нашла свое выражение и во многих других странах. Эта же тенденция по-своему раскрывалась и в попытках новой организации самого производственного процесса по линии «фордизма» и «тэйлоризма». Она раскрывалась и в попытках использования в условиях капиталистической экономики опыта плановой экономики в Советском Союзе, и в поисках рычагов воздействия на экономику по линии кредитной системы. Именно в это время всходила звезда теоретика «регулируемого капитализма» Джона Кейнса...

---

⁵¹ Там же, с. 36—38.

⁵² Там же, с. 128.

⁵³ Фрейдел Ф. Роль государства в экономической жизни страны. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970, с. 11.

⁵⁴ Там же, с. 12.

Опыт фашистского корпоративизма вписывается в эту общую историческую перспективу регулирования экономической жизни в условиях капиталистической системы. Однако сами фашисты говорили о корпоративизме как о «новой экономической системе» — тезис, который с учетом специфики фашистского опыта заслуживает особого внимания.

Отметим прежде всего, что идейный потенциал того, что сами фашисты называли «новой экономической системой», складывался у них в значительной мере на базе все той же идеи нации. «Общие национальные интересы» — это был исходный пункт декларации националистов о неэкономических мотивах экономических действий. Она вошла в арсенал фашистской политекономии и заняла там важное место. В программе фашистской партии, принятой в ноябре 1921 г., подчеркивалось, что «корпорации должны развиваться согласно двум основным задачам: как выражение национальной солидарности и как средство развития производства»⁵⁵.

«Корпоративную экономику, — писал фашистский автор Эрколе, — можно рассматривать в некотором роде потенциально родившейся в тот день февраля 1922 г., когда Муссолини впервые возвестил в «Пополо д'Италия» о возможности для синдикатов производителей стать ячейками нового типа экономики». Однако эта корпоративная экономика, возвещенная Муссолини в 1922 г., стала превращаться из программ и предложений в конкретную реальность только в марте 1930 г.⁵⁶ Эрколе имеет в виду создание Национального совета корпораций. «Это был орган, — отмечал он, — в котором посредством координации производства осуществлялось единство между экономикой и политикой. Это единство — важнейший элемент концепции фашистского государства. Орган, его осуществляющий, утверждал суверенитет государства в сфере экономики и социальных отношений. Он был инструментом в руках фашистского государства для создания нового экономического порядка...»⁵⁷

Это представление о корпоративизме как о «новой экономической системе» базировалось прежде всего на концепции о примате политики над экономикой. Поэтому сами фашисты определяли иногда корпоративизм как «новый тип политической цивилизации», который они противопоставляли одновременно как либерализму, так и социализму. «Корпоративный порядок, — утверждал Джузеппе Боттаи, — это идеальная система новой политической цивилизации. Спорная в частностях своей текущей практики, она бесспорна в своей сущности как обновление современного политического и экономического порядка. Находятся еще многие, также в Италии, кто сомневается в этом... Несовместимы с фашизмом либералы в политике, но также и либералы в эко-

⁵⁵ *Chiurco G.* Storia della rivoluzione fascista. Firenze, 1929, vol. III, p. 641.

⁵⁶ *Ercole F.* Op. cit., p. 106.

⁵⁷ *Ibidem.*

номике... Несовместимы с фашизмом и проповедники социализма в политике и в экономике»⁵⁸.

Тот факт, что фашисты одевали корпоративизм в антикапиталистические одежды, не был столь уже исключительным в период мирового экономического кризиса. Именно в этот период Муссолини ставит «окончательный диагноз неизлечимо больному капитализму» и отрещивается от него, как и многие из тех, кто видел в государственном регулировании экономики конец капитализма. Важно отметить другое — это очень часто ускользает от внимания исследователей, — что сам по себе фашистский корпоративизм, как в теории, так и на практике, отнюдь не предполагал огосударствления экономики страны. Сами фашисты говорили именно об «упорядочении» экономики с помощью государства. Весьма характерно в этой связи, что вмешательство фашистского государства в экономическую жизнь в Италии не приняло характера национализации какой-либо из отраслей экономики или даже создания собственных производственных комплексов. Такое решение отвергалось прежде всего как социалистическое, но также из-за нежелания увеличивать огромное число государственных служащих. Фашистская политика в этой области пошла по пути финансового регулирования экономикой в духе деятельности ИРИ, с одной стороны, и «самоуправления» находящихся под политическим контролем производственных категорий, с другой.

Можно ли ко всему этому относиться всерьез? Тольятти, например, критикует всех тех, кто считал, «что корпоративизм не представляет ничего иного, кроме потока слов и набора фраз, посредством которых фашизм стремится замаскировать классовый характер диктатуры наиболее реакционных и наиболее шовинистических элементов финансового капитала». Он указывал на недостаточность только такой оценки. «Ограничиться этим, — подчеркивал Тольятти, — означало бы не видеть проблемы в ее полноте, означало бы упустить из виду ее многочисленные аспекты, означало бы забвение факта, что корпоративизм — это не только пропагандистский трюк, демагогический лозунг фашизма, рассчитанный на массы, но и реальная действительность. Корпоративизм есть определенная форма организации, которую фашизм придал или пытается придать итальянскому обществу и особенно некоторым сторонам деятельности государства»⁵⁹. И в своем анализе корпоративизма Тольятти подходит к нему как к «попытке фашизма создать новую экономическую организацию»⁶⁰.

Другое дело, в какой мере можно было противопоставлять корпоративизм и капитализм, ибо первый развивался в рамках второго на общей базе частной собственности на средства производства. В ноябре 1934 г., когда сами корпорации были только

⁵⁸ «Corriere della Sera», 2.IV 1931.

⁵⁹ Тольятти П. Указ. соч., с. 168—169.

⁶⁰ Там же, с. 174.

что созданы, выходящий в Италии журнал «Международное обозрение социальных наук» писал: «Главная характерная черта корпоративного строя, существенно отличающая его от социалистической идеологии, состоит в сохранении основных экономических категорий — частной собственности, цен, процентов на капитал. Далекий от того, чтобы ограничивать его (капитал.— *Б. Л.*), фашистский режим выступает за монархическую организацию промышленности, стремится поставить перед ней — путем повышения ее общественной роли и значения — более высокую цель»⁶¹.

Нетрудно догадаться, что под «монархической организацией» подразумеваются монополии. А что касается повышения их «общественной роли и значения», то в этом смысле обращает на себя особое внимание идея о «собственности — функции», ставшая неотъемлемым элементом фашистского корпоративизма. В изложении самого Муссолини эта весьма популярная с начала XX в. идея выглядит следующим образом: «Такой капиталист, каким его рисует социалистическая литература, более не существует. Благодаря системе акционерных обществ и акций, капитал распространился вширь вплоть до его полного распыления. Совладельцы предприятий, ставшие таковыми благодаря приобретению акций, зачастую неисчислимы. Таким образом, капитал становится анонимным, а с ним становятся анонимными и капиталисты. На первый план выдвигается руководитель предприятия, капитан промышленности, творец богатств. Создание богатств выходит за пределы индивидуальных целей и превращается в национальную задачу...»⁶²

Выраженная здесь идея о собственности как «национальной задаче» конкретизируется в ряде других выступлений дуче в определении ее как «общественной» и «социальной» функции. «Когда предприятие взывает к капиталу всех, — говорил он в январе 1934 г., — его частный характер прекращается, становится делом публичным или, если вам это больше нравится, социальным... Мы исходим из того, что собственность должна считаться социальной функцией»⁶³. В рамках корпоративной идеологии все это слагалось в идею о производителях, под которыми подразумевались как предприниматели, так и рабочие. «Разница лишь в уровне и масштабе ответственности каждого», — говорил Муссолини⁶⁴. В этом, надо полагать, фашисты видели сущность своей «новой экономической системы».

Предприниматель и рабочий мыслятся здесь в органическом единстве, осуществляемом и синтезируемом в корпорации. И в этом

---

⁶¹ «Rivista internazionale di scienze sociali», 1934 novembre (Цит. по: *Барталья Р.* История итальянского движения Сопротивления. М., 1954, с. 18—19).

⁶² *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. VI, p. 231.

⁶³ «Corriere della Sera», 14.I 1934.

⁶⁴ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. IX. Milano, 1935, p. 129.

смысле проблема сама по себе выходит за рамки ее интерпретации в фашистском духе.

В европейской мысли XIX в. обращает на себя внимание неоднократно высказываемая идея о корпорации как не только производственном, но и нравственно-духовном объединении. И в этом последнем смысле она связана с государством, отличаясь в то же время от средневековой цеховой организации. «Наряду с семьей,— писал Гегель,— корпорация составляет второй, вырастающий на почве гражданского общества нравственный корень государства... Сама по себе взятая корпорация не есть замкнутый цех; она, скорее, представляет собою сообщение нравственного характера отдаленно стоящему промыслу и включение его в высший круг, в котором он приобретает силу и честь»⁶⁵.

Целью корпорации «является в себе и для себя всеобщая цель и ее абсолютная действительность; сфера гражданского общества поэтому переходит в государство»⁶⁶. Иными словами, корпорация у Гегеля осуществляет функции политической организации, связывающей гражданское общество с государством. И в этой своей функции она приобретает тем большее значение, что сам Гегель видел в политике (понимаемой также и в институциональном плане) важнейший элемент общественного развития. Именно в этом смысле неогегельянцы впоследствии противопоставляли его марксизму, ошибка которого, по их мнению, заключалась в пренебрежении к политической стороне отношения господства и рабства как первоначальной модели диалектического процесса общественного развития.

В более широком плане речь шла о попытках преодоления социальных противоречий, возникающих на базе частнособственной экономической экономики, без изменения самой этой экономики. Если Гегель и ставил вопрос о диалектическом взаимодействии политики и экономики в процессе общественного развития, то во многих более поздних теоретических построениях совершенно определенно утверждается примат политики над экономикой. Политика при этом понимается как волевое начало, способное преодолеть экономический детерминант. «Хозяйство не является нашей судьбой,— писал Вернер Зомбарт.— Самостоятельной закономерности хозяйства не существует. Для того чтобы совершить «прыжок из царства необходимости в царство свободы», нам вовсе не нужно ждать коммунизма. Это означает, что хозяйство не является естественным процессом, а было искони и всегда останется культурным установлением, создаваемым свободной волей человечества. Поэтому будущность хозяйства или определенной системы хозяйства определяется свободным волеизъявлением людей (которые, разумеется, в преследовании своих целей связаны устанавливаемыми природой и духом закономерностями). Таким образом,

⁶⁵ Гегель. Сочинения, т. VII. М.— Л., 1934, с. 260—261.

⁶⁶ Там же, с. 261.

проблема будущего хозяйственного строя представляет собой в основном не проблему познания, а проблему воли»⁶⁷.

В то же время в начале XX в. получают распространение разного рода солидаристские теории, в которых своеобразно преломляется идея Гегеля о корпорации как «сообщении нравственного характера отдельно стоящему промыслу». Причем здесь развивается не столько институциональный принцип организации корпорации как таковой, сколько сам этический принцип связи между индивидом и обществом в процессе производства. В солидаризме — это идея о выполнении каждым членом общества, каждой данной группой той или иной социальной функции, в которой заключается характер его обязанности перед обществом. Наиболее яркий представитель этих теорий Леон Дюги исходил из постулата об отсутствии у члена общества прав и наличия у него лишь обязанностей. Он объяснял это существованием в обществе высшей нормы — социальной солидарности его членов, которой они и подчинены. «Преступлением является проповедовать борьбу классов,— писал Дюги,— и я думаю, что никоим образом мы не идем к уничтожению одного класса другим, а напротив, к режиму координации и иерархии классов»⁶⁸.

Эта идея о «координации и иерархии классов» нашла свое своеобразное преломление в русле упоминавшейся уже нами «философии кризиса». Кризис, обнаруженный первой мировой войной, расширился представителями этой философии до масштабов кризиса всей современной цивилизации. И в этих условиях взгляды многих философов этого направления, начиная с Освальда Шпенглера, обращались к средневековью как к идеалу теперь уже утерянной гармонии личного и общественного. И в этой далекой и безвозвратной для нас потерянной эпохе прошлого трагическое и надломленное сознание настоящего, подобно лучу света в безбрежном мраке ночи, выхватывало романтический и идеализированный образ средневековых корпораций. Они, казалось, были той самой искомой величиной, которая ставила личность в связь с общественными интересами, сочетала экономику и политику, право и обязанность. Средневековые корпорации охватывали человека целиком, во всех его проявлениях и в этом смысле противопоставлялись современным союзам и ассоциациям, имевшим каждый раз в виду лишь определенную сторону жизни. Современные союзы и ассоциации сравнивались довольно часто с массой пересекающихся кругов, так как основывались на возможности принадлежать одному союзу одной частью своего «я», другому — другой стороной своей личности, даже только определенной частью своего имущества. И в этом выделась одна из главных

---

⁶⁷ Зомбарт В. Будущность капитализма.— В кн.: Под маской планирования, с. 74.

⁶⁸ Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. М., 1919, с. 88.

причин нарушения органической связи между личностью и обществом, а также между обществом и государством в современном мире. Напротив, несмотря на многообразие корпораций, благодаря охвату ими всего человека, средневековое государство представлялось в своей корпоративной структуре в виде концентрических кругов, из которых один охватывал другой или несколько других, но ни один не перекрещивался с другими.

«Философия кризиса» в своеобразной форме отражала кризис всей системы так называемого «либерального государства», сложившегося в эпоху свободного капитализма XIX в. Расширение всех функций государства, в том числе и экономических, при сохранении основ старого режима, было одним вариантом решения проблемы, фашизм — другим. И это соотношение по-своему определяло место фашизма в более широкой исторической перспективе, в связи с общими процессами, происходившими в мире.

Проблема фашизма по-своему раскрывается в оценках, связанных с непосредственной борьбой и событиями в рассматриваемый период.

Эта борьба велась в условиях продолжающегося фашистского террора. Со времени создания фашистского Особого трибунала в 1927 г. и до 1935 г. было осуждено 2947 антифашистов, приговоренных в общей сложности к 14 458 годам тюремного заключения. Подавляющая часть из них — коммунисты и лица, выступавшие с позиций классовой борьбы пролетариата⁶⁹.

Резолюция о необходимости вооруженной борьбы против фашизма была принята на съезде Итальянской социалистической партии, состоявшемся в Париже в июле 1930 г. Этот съезд вошел в историю под названием «объединительного», так как на нем вновь объединились максималисты и реформисты, расколовшиеся со времени съезда ИСП в октябре 1922 г. Положительное значение этого объединения под флагом вооруженной борьбы против фашизма не подлежит сомнению. В то же время вставшие во главе партии Пьетро Ненни и Джузеппе Сарагат олицетворяли центристскую линию социалистов в плане политических союзов. Социалистическая партия подтвердила свою приверженность Антифашистской концентрации и размежевалась как с теми, кто выступал за единство с коммунистами (третьей интернационалистами), так и с левоэкстремистским течением во главе с Анжеликой Балабановой.

Курс на вооруженную борьбу против фашизма был подтвержден и коммунистами на съезде партии в марте 1931 г. Этот съезд проходил в эмиграции, сначала в Кельне, а затем в Дюссельдорфе. Вооруженная борьба против фашизма связыва-

---

⁶⁹ Valiani L. Op. cit., p. 57.

лась в документах съезда с борьбой за пролетарскую революцию. В плане непосредственной борьбы против фашизма особенно большое значение имели директивы Кельнско-Дюссельдорфского съезда о работе в фашистских профсоюзах. И хотя практическое осуществление этих директив в значительной мере тормозилось сектантскими настроениями в партии, постепенно она начала завоевывать в этой области важные позиции.

Подобно социалистам, выступавшим против единства действий с коммунистами, эти последние также не были еще готовы к такому единству. В документах Кельнско-Дюссельдорфского съезда было подтверждено ошибочное определение социалистов как социал-фашистов, что соответствовало общей линии Коминтерна в это время. Однако вскоре в этой линии наметился поворот в сторону сближения с социалистами в общей борьбе против фашизма. Италия была одной из первых стран, где удалось осуществить этот опыт, оказавший в свою очередь влияние на выработку общих концепций. После того как итальянские социалисты вышли в 1934 г. из Антифашистской концентрации, между ними и коммунистами в августе того же года был заключен «Пакт о единстве действий».

Отмеченный выше поворот в политике Коминтерна нашел свое оформление на его VII конгрессе в июле — августе 1935 г. На этом конгрессе была провозглашена идея единого народного фронта в борьбе против фашизма. В центре дискуссий стоял германский фашизм. Вместе с тем на конгрессе был поставлен ряд общих проблем фашизма и его отличий от либерально-демократических форм государства. На конгрессе, в частности, нашли отражение расхождения коммунистов с определениями фашизма, сделанными социал-демократами Отто Бауэром и Брейлсфордом. Первый определял фашизм как форму государственной власти, которая «стоит над обоими классами — пролетариатом и буржуазией», второй — как «восставшую мелкую буржуазию». Этому было противопоставлено сформулированное ранее Коминтерном определение фашизма как «открыто террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала».

Диктатура осуществляется прежде всего через государство. И в этой связи обращают на себя внимание некоторые мысли Грамши в его «Тюремных тетрадах» по поводу соотношения между фашистской государственностью и фашистским корпоративизмом. Последний, по его мнению, является фокусом самых различных тенденций, интересов и настроений. Среди них и попытка превратить корпоративизм в средство борьбы против «паразитических» слоев населения, т. е. тех, кто не принимает непосредственного участия в производстве, против непроизводительных средних слоев населения, против рантье полуфеодалного типа. Подобная трактовка корпоративизма предпринималась фашистскими журналами «Нуови студи», «Критика фашиста», ученым

центром корпоративных высших учебных заведений при Пизанском университете и, разумеется, отмеченным выше Массимо Фовелем. Этот последний, отмечает Грамши, понимает корпоративизм как предпосылку для введения в Италии наиболее передовых американских систем в методах труда и производства.

Однако практически корпоративный курс определялся не столько этим, сколько реальной сущностью итальянского государства, которое давно уже выступало само в роли накопителя сбережений рантье, являлось тормозом на пути американизации. И эта его роль еще более усилилась при фашизме. «Государство,— писал Грамши,— создает новых рантье, т. е. сохраняет и поощряет старые формы паразитического накопления сбережений и стремится создать социально замкнутые группы. В самом деле, корпоративный курс до сих пор действовал в поддержку неустойчивых позиций средних классов, а не для уничтожения этих последних. Защищая уже установившиеся интересы, порождаемые старым базисом, он все более превращается в механизм сохранения того, что существует в том виде, как оно есть, а не в пружину прогресса»⁷⁰.

Здесь обращают на себя внимание по крайней мере два момента. Во-первых, это реальные интересы части средних слоев населения, которые нашли свое осуществление в фашистском государстве. Во-вторых, это реальная экономическая функция фашистского государства, которую не учитывали в своих концепциях теоретики корпоративизма типа Фовеля. И, возвращаясь к характеристике этих концепций и требований, Грамши писал: «Из этого комплекса требований (впрочем не всегда признаваемых) рождается историческое оправдание так называемых корпоративных тенденций, которые преимущественно проявляются как восхваление государства вообще, понимаемого как нечто абсолютное, как выражение недоверия и вражды к традиционным формам капитализма. Из этого следует, что теоретически социально-политическую основу государства должны бы составлять «маленькие люди» и интеллигенция; но в действительности оно остается плутократическим в своей основе и оказывается не в состоянии порвать связи с крупным финансовым капиталом; впрочем, государство само становится крупнейшим плутократическим организмом, держателем огромной массы сбережений мелких капиталистов»⁷¹.

Как мы видим, Грамши в своем анализе фашистского государства приходит к тезису о его плутократическом характере и связи с крупным финансовым капиталом. С иных позиций подходит к этому же вопросу Кроче.

Под влиянием реальности фашистского государства у Кроче была поколеблена прежде всего его исходная концепция силы и

⁷⁰ Грамши А. Избранные произведения, т. 3, с. 430.

⁷¹ Там же, с. 451.

власти государства в истории. В 1934 г. он признал, что в прошлом, может быть, слишком много усердствовал в «защите силы и власти государства против демократических идеологий и политики как таковой, против риторики гуманности и апелляции к несуществующему международному суду»⁷².

В конечном счете проблема связи идеалов, прежде всего идеала свободы, с реальностью жизни находит свое разрешение в теории, названной самим Кроче «этико-политической историей». В свете этой теории «свобода» уже не растворялась у Кроче, как прежде, в государстве, а приравнивалась к «истине» как равная ей категория универсальной ценности. А это означало, что государство фашистского типа было «неистинным», другими словами, отклоняющимся в сторону от магистральной линии исторического процесса. Это было теоретическим развитием тезиса о либерализме как метаполитической концепции исторического процесса.

Что касается значения пусть даже и односторонней концепции Кроче для борьбы против фашизма, то вот что пишет по поводу деятельности его журнала «Критика» в это время итальянский философ-марксист Эдженио Гарэн: «Впоследствии легко было безапелляционно судить об этих годах: легко было в 1947 г. сводить к скромным масштабам деятельность «Критики» («бегство от подлинного исторического конфликта, алиби чистых сердцем представителей буржуазии...»). Скольким из тех, кто должен был самостоятельно искать истину, преданную отцами, деятельность Кроче давала в то время немалую пиццу для размышлений и даже немало мотивов для скрытой полемики. Она в особенности обращалась к одному пункту, который, будучи обретенным, кажется ничем, но на самом деле является всем: к принципу свободы, являющемуся условием не только существования культуры, но самой жизни. Этот принцип понимался все более широко и глубоко. Тот, кто его поддерживает, проповедует и защищает, когда этот принцип колеблется, имеет поистине большую заслугу перед страной»⁷³.

Но одновременно с этим получает развитие и та линия антифашизма, которая пыталась придать традиционному тезису либерализма о свободе новое, более действенное содержание. В этом плане обращает на себя внимание в данный период прежде всего глуща «Справедливость и свобода». В теоретическом плане она восходит в известной мере к тем взглядам, которые проповедовали Гаэтано Сальвемини и Карло Росселли на страницах антифашистской газеты «Нон молларе!», а также в журнале «Кwarto стато», в котором сотрудничал Карло Росселли. Этот последний в книге, озаглавленной «Либеральный социализм» и опубликован-

⁷² Croce B. Contributo alla critica di me stesso. Bari, 1945, p. 67.

⁷³ Гарэн Э. Хроника итальянской философии XX века. М., 1965, с. 382--383.

ной в Париже в 1930 г.⁷⁴, утверждал, как и Гобетти, что Италия не знала «настоящей народной революции». Но отсюда он делал свои выводы, в частности вывод о характерной для Италии пассивности народных масс. Народ не выступил в защиту демократии, которая была чужда его сознанию, и как результат этого — победа фашизма. Он писал о «нравственной лениности итальянцев» и связывал с этим конформизм и приспособленчество тех, кто способствовал победе фашизма. В пассивности народных масс Росселли видел причину поражения Авентинского блока. За свободу Италии, утверждал он, всегда сражались лишь герои, но не массы. Отсюда, естественно, и ставка в борьбе против фашизма на активное и героическое меньшинство.

Группа «Справедливость и свобода» была создана осенью 1929 г. в Париже. Ее основатели — Карло Росселли, Эмилио Луссу и Фаусто Нитти — бежали с острова Липари, где они отбывали ссылку за свою антифашистскую деятельность. Группа «Справедливость и свобода» вошла в Антифашистскую концентрацию в Париже, довольно тесно сотрудничая здесь с социалистической партией и имея в то же время подпольные секции в самой Италии. Среди наиболее известных организаторов борьбы, принадлежавших к этой группе или сотрудничавших с ней, — Феруччо Парри, Гаэтано Сальвемини, Нелло Росселли (брат Карло Росселли), Риккардо Бауэр, Леон Гинзбург, Эрнесто Росси, Риккардо Ломбарди, Франко Вентури.

Группа «Справедливость и свобода» ориентировалась вначале на действия отдельных смельчаков. В ряду таких действий отметим, в частности, полет Джованни Бассанези над Миланом. Он был совершен 11 июля 1930 г. на маленьком самолете, вылетевшем из Швейцарии. Разбросав антифашистские листовки, самолет на обратном пути потерпел аварию. Это случилось уже над швейцарской территорией, и, раненый, Бассанези был приговорен к четырем месяцам тюрьмы. Поэт Де Бозис пролетел над Римом на самолете, вылетевшем из Франции. Он разбросал листовки с призывом к королю освободиться от фашистов, если он хочет избежать краха монархии. Де Бозис не вернулся затем во Францию, и, как полагают, его самолет разбился на обратном пути⁷⁵. Мы не упоминаем о многих других менее шумных, но не менее мужественных акциях, организованных группой «Справедливость и свобода».

Идеология группы была основана на бесклассовой концепции антифашизма. Это видно из полемики с коммунистами по аграрному вопросу, которую вел Гаэтано Сальвемини. «Коммунистическая партия, — писал он, — внесла в итальянскую дискуссию русские термины: деревенская беднота, середняки, кулаки. Она оперирует не конкретными фактами, а формулами...»⁷⁶ и т. п.

⁷⁴ *Rosselli C. Socialisme liberal. Paris, 1930.*

⁷⁵ *Lezioni sull'antifascismo. Bari, 1962, p. 105.*

⁷⁶ «*Giustizia e Libertà*», 1932, N 4, settembre, p. 83.

Со своей стороны Пальмиро Тольятти резко критиковал эту группу, обвиняя ее в мелкобуржуазном радикализме, которым она пыталась подменить классовую борьбу пролетариата⁷⁷. С аналогичными обвинениями выступал против нее и один из лидеров социалистической партии, Джузеппе Сарагат⁷⁸. В 1934 г. после сближения социалистов с коммунистами группа «Справедливость и свобода» порывает с социалистами. Одновременно происходит раскол Антифашистской концентрации⁷⁹. В конечном счете, однако, это не привело к ослаблению антифашизма, который переживал в это время неизбежную стадию критического самоанализа. И группа «Справедливость и свобода», например, именно в это время преодолевает свой крен в сторону индивидуального террора и приходит к концепции антифашистской народной революции.

Беспокойство фашизма вызывала деятельность католических организаций, покровительствуемых Ватиканом. Это не было антифашистской деятельностью в прямом смысле этого слова, как деятельность Луиджи Стурцо и других деятелей католического движения в эмиграции⁸⁰. Но, учитывая влияние католических организаций в массах, их деятельность в это время в большей мере подрывала тоталитарные притязания фашистского государства. Дело дошло до довольно острой полемики между фашизмом и Ватиканом. И хотя конфликт был улажен, он лишней раз подтвердил наличие той, отмеченной выше, коллизии между Ватиканом и фашизмом, в основе которой лежали обоюдные притязания на духовную жизнь итальянцев.

Принцип разделения церковного и государственного суверенитета постоянно подчеркивался Пием XI и Ватиканом в это время. Следствием этого было внимание, которое привлекалось к тоталитарным притязаниям фашизма на нравственную свободу личности. Эта далеко не маловажная сторона фашистского режима не находила должного отражения в оценках его, главным образом в социально-экономическом плане или с точки зрения принципа политической свободы. Говоря так, мы вовсе не умаляем самого факта сближения Пия XI и Ватикана с фашизмом. Папа даже называл Муссолини «человеком, ниспосланным Провидением». Критика фашистского тоталитаризма давалась в рамках двойственной политики Ватикана по отношению к фашизму. Именно поэтому в качестве конкретного исторического документа для суждений на этот счет мы избрали папскую энциклику «*Non abbiamo bisogno*» от 29 июня 1931 г. Она интересна именно этой двойственностью, нашедшей свое выражение даже в момент рез-

---

⁷⁷ «Stato Operaio», 1934, V, p. 463—473.

⁷⁸ *Lezioni sull'antifascismo*, p. 105.

⁷⁹ *Ibidem*.

⁸⁰ О католической антифашистской эмиграции.— *Fascismo e antifascismo*, vol. II. Milano, 1962, p. 367—374.

кого обострения отношений между Ватиканом и фашизмом из-за гонений на молодежные католические организации.

В этой энциклике указывалось, что фашизм воспитывает свои молодые силы «в духе ненависти, насилия и непочтительности, в том числе даже по отношению к папе, о чем свидетельствуют недавние события». Далее, обращая внимание на тоталитарные притязания фашизма, указывается на необходимость сохранения личностью своей нравственной автономии в духе христианства: «Учитывая все трудности теперешнего времени и зная, что членский билет фашистской партии и присяга являются для очень многих людей условием, от которого зависит карьера, жизнь и возможность заработать на хлеб, мы пытались найти средство для успокоения совести людей и свести к минимуму внешние трудности. И нам кажется, что таким средством могло бы явиться для уже вступивших в партию произнесение ими перед богом и перед собственной совестью оговорки в виде слов: «если это не коснется законов божьих и церковных» или же «если это не будет противоречить долгу истинного христианина» и твердое намерение высказать эту оговорку, если понадобится, вслух».

Далее сам папа допускает оговорку такого рода: «...Несмотря на все сказанное, мы вовсе не хотели осудить фашистскую партию и фашистский режим как таковой. Мы лишь стремились указать и осудить те стороны программы и деятельности фашистской партии, которые мы считаем противоречащими доктрине и практике католицизма и, следовательно, несовместимыми со званием католиков и их религиозными убеждениями... Кроме того, мы полагаем, что тем самым сделали доброе дело даже для самой фашистской партии и фашистского режима, ибо какой смысл в такой католической стране, как Италия, может иметь программа, содержащая идеи, принципы и практические установки, несовместимые с совестью католика? Ведь совесть народов, так же как и отдельных личностей, рано или поздно обретает себя самое в поисках пути, утерянного на какое-то более или менее длительное время»⁸¹.

Повторяем, все это сказано в момент наибольшего напряжения в отношениях между Ватиканом и фашизмом. В других энцикликах такой сравнительно резкой критики по адресу фашизма нет. Но в них присутствует принцип «Кесарю кесарево, а богу богово». В свете растущих тоталитарных притязаний фашизма все более усиливались те стороны программы и деятельности фашистской партии, которые определялись в энциклике как «противоречащие доктрине и практике католицизма». И в этом смысле, независимо от субъективных желаний самого папы, фашизм сквозь призму его энциклик и католического учения предстал «нехристианским», подобно тому, как у Кроче он выглядел «неистинным».

⁸¹ Le Encicliche sociali dei Papi da Pio IX a Pio XII (1864—1946). Roma, 1947, p. 444—445.

ФАШИЗАЦИЯ И МИЛИТАРИЗАЦИЯ

3 октября 1935 г. Начало войны Италии против Эфиопии. Потом уже будут споры о том, в какой мере эта война определила пути дальнейшего развития фашистского режима в Италии. Однако прежде всего встает вопрос о том, в какой мере сама эта война вытекала из режима, из его характера и особенностей.

В этом плане о многом, по-видимому, говорит связь фашистского режима с экспансионистскими тенденциями итальянского империализма в прошлом. Преемственность здесь, безусловно, есть. После прихода фашизма к власти эта политика приобрела лишь иной акцент, иной, более бравурный внешний облик. Иная обстановка: исчезновение Австро-Венгрии. Но те же внутренние факторы и те же основные направления. Разве Криспи и Джолитти не были в области международной политики во многом предшественниками Муссолини? Разве вопрос о колониях не был поставлен ими вплотную? Разве неожиданны были агрессивные вождедения Италии на Балканах? Муссолини призван был здесь «не нарушать закон, а исполнять его». Разрывая парламентарно-демократические ризы итальянской государственности, фашистский режим сохранил и преумножил все присущие итальянскому империализму устремления и вождедения, сделал их основой своей внешней политики и связал их с политикой, проводимой им внутри страны.

Преемственность фашизма и империалистических тенденций дофашистской Италии находит свое выражение в идеологии национализма. Этот последний стал идеологическим оформлением итальянского империализма еще до фашизма. Главным в этой идеологии было «положительное осознание общей проблемы места Италии под солнцем». Как бы преодолевая узкую ненависть к Австрии, которая закрывала «более широкие горизонты», националисты утверждали идеи борьбы против французов, немцев, англичан и всех других «богатых наций». Их лидер Энрико Коррадини утверждал, что национализм для итальянцев играет ту же роль, какую социализм играет для пролетариата,— это оружие освобождения «бедной» и «обиженной» Италии от нестерпимого гнета. В конечном счете все это выливалось в основополагающую для итальянского национализма и империализма теорию «пролетарской нации». В арсенале националистической идеологии имелись элементы совершенно открытого и неприкрытого куль-

та войны: «Пусть национализм пробудит в Италии жажду победоносной войны»¹. Броско и эмоционально утверждал писатель Альфредо Ориани идеи, которые стали своего рода этическим кредо национализма: «Судьба и история — женщины, и они любят только смелых мужчин»². Эти же мотивы в устах теоретиков национализма приобретали вид вполне определенной философско-исторической схемы: сильный народ несет в себе самом логику собственного роста, и место его в мире определяется не замкнутым кругом формальных императивов, а бесконечным и существующим разумом истории. В этой схеме решающее значение принадлежало империализму как «универсальной доктрине всей жизни». Империализм — это не только социально-экономическая категория, он везде и во всем, говорил Коррадини. Он лежит в основе отношений людей, в основе отношения человечества к природе и т. д.

Все это — вариации темы, которая получит свое развитие в фашизме. Так же как Ориани и националисты, Муссолини будет доказывать, что войну нельзя объяснять одними только экономическими факторами. Еще в годы первой мировой войны он говорил: «Необходимо отдавать себе отчет в иных чувствах, которые каждый из нас имеет в своей душе и которые побудили Прудона провозгласить (вечная истина в обличии парадокса), что война имеет божественное происхождение»³. Эта же тема проходит и сквозь многие другие выступления дуче. Одним из примеров подобного рода может служить, в частности, его выступление в парламенте 26 мая 1934 г.: «История говорит нам, что война — это явление, сопутствующее развитию человечества... Война для мужчины — это то же, что материнство для женщины». Мир является «вредным для основных добродетелей мужчины, которые развиваются только в кровавых подвигах»⁴.

Тема империализма получила свое теоретическое развитие в доктрине фашизма, в которой указывалось: «Для фашизма стремление к империи, т. е. к национальному распространению, является жизненным проявлением. Обратное, т. е. «сидение дома», — это признак упадка. Народы, возвышающиеся и возрождающиеся, являются империалистами. Умиравшие народы отказываются от всяких притязаний... Но могущество требует дисциплины, координации сил, чувства долга и жертв. Это объясняет многие проявления практической деятельности строя, линию направления многих государственных усилий, необходимую суровость против тех, кто хотел бы противодействовать этому фатальному движению»⁵. Необходимо, однако, иметь в виду, что империализм здесь трактуется в более общем смысле, подразумевающим не только «пря-

¹ Il nazionalismo italiano. Atti del congresso di Firenze, Quattrini, 1911, p. 34.

² Oriani A. La rivolta ideale. Bologna, 1943, p. 272.

³ Mussolini B. Scritti e discorsi, vol. I. Milano, 1934, p. 16.

⁴ Mussolini B. Scritti e discorsi, vol. IX. Milano, 1935, p. 98.

⁵ Mussolini B. La dottrina del fascismo. Milano, 1935, p. 38.

мые колониальные захваты», но и «косвенное руководство другими нациями». Более того, эта вторая интерпретация империализма, так называемая «мирная экспансия», превалировала в фашистской идеологии почти до самой войны с Абиссинией.

Но все это параллельно с отмеченным выше культом войны. Фашизм развивал также тему «пролетарской нации», усиленную за счет мотивов, внесенных в нее национальным синдикализмом. Почти все видные синдикалисты в Италии были выходцами с Юга. Они привносили в классовую борьбу рабочих Севера обиду и боль за страдания и нищету Юга. «Южная проблема» находит свое выражение в вынужденной эмиграции сотен и сотен тысяч людей. В Европе и в мире нет другого такого народа, который вынужден был бы отправлять стольких своих сынов в эмиграцию. Англичане, французы, немцы, америкашцы — все те, кто имеют свои колонии и богатые ресурсы, — могут позволить себе роскошь играть в такие игрушки, как антимиитаризм, эрвезизм и т. п. «Я хотел бы, чтобы Эрве провел год среди крестьян, которые эмигрируют из Европы, особенно из Италии»⁶, — с горечью и сарказмом писал синдикалист, а впоследствии видный фашист Либеро Танкреди (Массимо Рокка).

Страдания итальянских эмигрантов так велики, что, говорили синдикалисты, нельзя ждать, пока пролетариат в Италии одержит победу над буржуазией. И здесь сорелевский активизм обрачивается у многих синдикалистов таким образом, что ради незамедлительного облегчения участи трудящихся они считали возможной и даже необходимой борьбу Италии за свои колонии, куда можно было бы направить поток эмигрантов. В представлении некоторых синдикалистов это отвечало бы интересам широких масс южного крестьянства. Но эту задачу выдвигали и националисты. Их вождь Коррадини провозглашал: «Южная проблема — это прежде всего проблема Африки! Для всех полезна оккупация Ливии!»⁷

Так все более определенно часть итальянских синдикалистов увлекалась в сторону национализма. И этот процесс представлял собой как бы итальянский эквивалент эволюции их верховного первосвященника Сореля в сторону монархической и националистической организации «Аксъон франсэз». Но в Италии все это имело свои особые основания и свою специфику. Идеологи пролетариата господствующих наций знают в основном лишь классовую борьбу. Национальная проблема выступает там по большей части как историческое явление, как факт жизни, но не как фактор борьбы. У подчиненной или обиженной нации — каковой в сложившихся исторических условиях могли чувствовать себя итальянцы — эта проблема играет объективно гораздо большую роль. В представлении некоторых людей она перестает быть частью классовой борьбы и приобретает самодовлеющее значение.

⁶ «La Lupa», 1.I 1911.

⁷ Corradini E. L'ora di Tripoli. Milano, 1911, p. 227.

Подобного рода настроения были одним из слагаемых фашистского синдикализма. Идеология классового сотрудничества органически связывалась в нем с идеей внешнеполитической экспансии. На сессии Большого фашистского совета в январе 1925 г. значение фашистских профсоюзов в этом плане было особо отмечено: «Италия, бедная сырьем и капиталами, богатая людской силой, нуждается в организационном единстве, чтобы выдержать борьбу с государствами-гегемонами. Она обретает в фашистской профсоюзной дисциплине... главную основу для своей экспансии».

Идея экспансии вытекала из самой концепции фашистского синдикализма и корпоративизма. Подчеркивая ее антисоциалистическую направленность, Альфредо Рокко говорил: «Вся социалистическая концепция является глубоко ошибочной, антиисторичной и противоречащей действительности именно потому, что она допускает интернациональную солидарность. Мы переворачиваем элементы проблемы: борьбе классов и международной солидарности мы противопоставляем солидарность классов в международной борьбе»⁸. В 1934 г., когда был издан закон «о военизации нации», направленный на усиление военной подготовки населения, орган фашистских профсоюзов газета «Лаворо фашиста» писала: «Военная подготовка нации и создание корпораций являются двумя аспектами одной и той же революционной воли. Доказательством этого служит тот факт, что военная подготовка проводится одновременно с развитием корпораций»⁹.

В эту основную тему националистической идеологии, в русле которой фашизм вел подготовку к войне, весьма своеобразно вплетались мотивы «универсального фашизма». Они звучали порой своего рода контрапунктом, как бы противоборствуя основной теме. Но, подобно тому как это бывает в музыке, они в конечном счете растворялись в ней, делая ее, однако, более сложной и разнообразной в своем звучании.

Эти мотивы «универсального фашизма» содержались уже в самом противопоставлении фашизма «миру, демократии и либерализма XIX в.» Они содержались, с другой стороны, в противопоставлении фашизма «как авангарда западной цивилизации» большевизму «как продукту восточной цивилизации». «Фашизм,— писал Муссолини,— это чисто итальянское явление в своем историческом выражении. Но в своих научных постулатах фашизм имеет характер универсальный. Он ставит и разрешает проблемы, общие всем народам»¹⁰.

Эта идея об универсальности фашистского опыта получает свое развитие на международном конгрессе в Риме, состоявшемся в ноябре 1932 г. Правда, с внешней стороны этот конгресс носил сугубо научный характер. Он был организован Итальянской

⁸ *Costamagna C. Il diritto corporativo italiano. Torino, 1927, p. 492.*

⁹ «*Lavoro fascista*», 28.XII 1934.

¹⁰ «*Corriere della Sera*», 14.I 1931.

Академией, избравшей его девизом имя знаменитого итальянского физика Александра Вольта. Тема конгресса — «Духовные причины европейского кризиса и ценности европейской цивилизации в настоящем и будущем». Однако проводился этот конгресс в рамках празднования десятой годовщины прихода фашизма к власти, и это придало ему с самого начала ярко выраженный профашистский характер, хотя среди его участников мы и встречаем имена, которые окажутся впоследствии связанными с антифашизмом. Но не забудем, что это был еще только 1932 г., что фашизм не пришел еще к власти в Германии, что имена присутствовавших на конгрессе Розенберга и Геринга не ассоциировались еще с массовыми убийствами, а популяризация на конгрессе опыта итальянского фашизма была сконцентрирована главным образом на проблеме создания корпоративного государства как опыта универсального значения. Именно об этом говорили в своих выступлениях большинство участников конгресса¹¹. Наиболее типично в этом отношении выступление англичанина Чарльза Петри: «За последние десять лет,— сказал он,— фашизм развивался соответственно принципам, годным для всеобщего применения. Парламентская система не может больше удовлетворять массы, в то время как фашистское государство сумело координировать в своей корпоративной системе интересы отдельных личностей с интересами государства. Эта система является разрешением кризиса современной цивилизации. Единение победило гуннов, раздоры позволили туркам приблизиться к воротам Вены. В настоящее время Европа ожидает нового Субесского, а это и есть Муссолини».

В плане нашего исследования, естественно, наибольший интерес представляет интерпретация корпоративного строя в устах итальянских делегатов. Так, Пьетро Сессо говорил о неудачах всех форм «коллективистской» и «индивидуалистической» систем хозяйства. И он противопоставлял им корпоративизм как принципиально новую систему, сочетающую в себе достоинства коллективизма и индивидуализма и лишенную в то же время их недостатков. Итальянский делегат Цукколи развивал по существу эту же тему, когда он говорил о необходимости проводить различия между «коллективистской» системой и вмешательством фашистского государства в экономику. «Вмешательство это,— замечал он,— имеет целью дополнять деятельность частных лиц и направлять ее, когда нужно. Частная инициатива, частный капитал бессильны перед серьезными проблемами, которые угрожают обществу и самому капиталу. Поэтому возникают задачи, разрешить которые может только государство. Частная инициатива может иметь успех только под эгидой государства и в сотрудничестве с ним.

---

¹¹ См.: *Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista*, vol. II. Roma, 1967, p. 140—142; см. также: Archivio di A. Tasca в Институте Дж. Фельтринелли — fasc. 1932.

Координация частной инициативы с действиями государства — вот важнейшая проблема нашего века».

Значение государства в осуществлении корпоративизма — эта тема была своего рода лейтмотивом в выступлении бывшего синдикалиста Паоло Орано: «Итальянский фашизм,— говорил он,— по сравнению с Европой характеризуется отсутствием опасности социальных и политических конфликтов. Италия, которая в течение целого века верила, что решение вопросов заключается в формулах и теориях, привезенных из-за Альп, обрела теперь свое единство и свою государственность, обрела авторитет и веру в свое настоящее и будущее. Итальянцы обладают теперь радостью повиновения, дисциплины и иерархии, которые дают им уверенность в будущем. Настоящий кризис в Италии — это не мировой кризис, а кризис, пережитый после войны. В мировом кризисе была потеряна вера, а в итальянском кризисе эта вера была найдена... Государство должно быть источником авторитета, должно распределять и гарантировать свободу».

В свете проблемы «универсального фашизма» обращает на себя внимание исходящая из Италии инициатива создания фашистского интернационала. Попытки в этом направлении были связаны со ставкой на молодежь и имели за собой авторитет министра корпораций Джузеппе Боттаи. С этой довольно колоритной фигурой в фашистском руководстве связывали свои надежды многие из тех, кого относили к наследникам «подлинного революционного фашизма». Этот, как его еще называли, «первоначальный фашизм» был как бы тлеющим угольком того самого «революционного мифа», который кружил иной раз головы людей, не отдававших себе до конца отчета в необратимости процесса поглощения фашизма национализмом. Это был как бы еще один участок внутренней борьбы между первоначальным фашизмом и национализмом, о которой писал Пальмиро Тольятти. Только на этот раз те, кто выступал в роли наследников первоначального фашизма, явно разочарованные направлением его развития внутри страны, обратили свои взоры на международную арену. Они сделали ставку ни много ни мало как на «мировую фашистскую революцию», главной движущей силой которой должна была стать молодежь. При этом идея «мировой фашистской революции» связывалась с идеей «революционного обновления фашизма» внутри самой Италии. Это должно было поднять новую волну фашизма, которая обрушится на политику компромиссов, оппортунизма, приспособленчества и т. д. Одним словом, псевдореволюционной риторики и иллюзий было более чем достаточно. Своего рода фокусом этих настроений — если не считать Боттаи, который предпочитал оставаться иной раз за кадром,— стал Асверо Гравелли.

Фигура тоже весьма интересная. Он был членом первого фашистского союза, созданного в Милане в марте 1919 г. В том же году участвовал в захвате Фиуме под водительством Д'Аннунцио.

Активный участник и организатор фашистского террора в начале 20-х годов, он был одним из первых руководителей «Опера национале балилла» и стал основателем фашистских журналов «Молодость» и «Молодая Италия». Надо полагать, что специфика работы с молодежью стимулировала радикализм его настроений. В 1928 г. Гравелли основал ежемесячный журнал, который он назвал «Антиевропа». Смысл этого названия — враждебность к «старой Европе» либерализма и капитализма. Журнал распространял идеи «универсального фашизма», противопоставляемого этой «старой Европе». Приложением к «Антиевропе» было издание «Октябрь», названное так в честь даты прихода фашизма к власти в октябре 1922 г. Именно «Октябрь» стал своего рода центром Гравелли и его группы, членов которой называли иной раз «октябристами».

В январском номере 1933 г. журнал напоминал о движении «Молодая Италия», организованном Мадзини почти век назад. Как бы перекидывая мостик между прошлым и настоящим, журнал призывал к созданию движения «Молодая Европа». В качестве первого практического мероприятия к созданию такого движения предлагалось созвать международный конгресс молодежи под знаком фашизма и корпоративизма¹².

Но это уже было время, когда центр тяжести международного фашизма начинал перемещаться в Германию. Характерно, что на международном конгрессе в Риме в ноябре 1932 г. представители германского национал-социализма пытались заключить итальянский опыт в сугубо национальные рамки, подрывая тем самым идею о его универсальном значении. Так, говоря о перспективе европейского возрождения, один из них подчеркивал, что, если Италия видит это возрождение в возвращении к римской дисциплине и в отходе от либерального мира, то Германия видит это возрождение также в отходе от либерализма, но в то же время на базе кровного и территориального единства. И далее он определяет национализм четырех главных европейских держав: для Италии — это идея государства, для Франции — привязанность к территории, для Англии — представление государства как общества, для Германии — идея «веры в кровь» (т. е. расовый признак).

С приходом фашизма к власти в Германии в январе 1933 г. идея об универсальности римского опыта натолкнулась уже не только на теоретический, но и на практический заслон. Практика германского фашизма была во многом отлична от итальянского. И учитывая вес и значение страны, в которой она осуществлялась, можно было предположить, что противодействие универсализации римского опыта будет возрастать. Именно в свете этого противоборства двух тенденций следует рассматривать создание в июне 1933 г. комитетов действия за универсализацию Рима

¹² *Ledeem M. A. L'internazionale fascista. Bari, 1973, p. 114.*

(КАУР). Эти комитеты были созданы по личной инициативе Муссолини, который преследовал также цель координировать всю деятельность в этом направлении.

Дело в том, что «октябристы» во главе с Гравелли грозили превратиться в центр не только сугубо международной, но и внутренней борьбы в фашизме. Их слишком уж откровенная ставка на «революционность» и молодежь содержала в себе зародыш оппозиционных существующему режиму настроений. И как бы в противовес Гравелли появляется фигура Евгения Козельски, который возглавил КАУР. Как и Гравелли, он был связан в прошлом с Д'Аннунцио, личным секретарем которого он был в самый разгар фиуманской авантюры. В отличие, однако, от Гравелли, он, по-видимому, был более «управляемым», чему способствовал и сам статут новой организации. На банкете в честь ее основания Козельски отдал должное Гравелли и его друзьям, но тон его выступления позволял предполагать, что их роль пойдет на убыль.

Образование КАУР было очень важным актом со стороны Муссолини. Оно означало теперь уже официальный отход Муссолини от его же утверждений о том, что «фашизм — это не товар для экспорта». Именно как «товар для экспорта», причем с маркой «сделано в Италии», рекламировался фашизм в рамках деятельности этой организации. И именно здесь с наибольшей очевидностью сталкивались между собой фашистский национализм и универсализм. Более того, именно здесь оказался тот неизбежный всегда пункт, где идеология сталкивается с политикой, с реальными политическими интересами. В данном случае речь шла о конфликте Италии и Германии — двух идеологически родственных режимов — на международной арене.

Поводом для этого конфликта, разразившегося в 1934 г., оказалась Австрия. Муссолини склонен был считать эту страну сферой непосредственных государственных интересов Италии, а учитывая характер режима канцлера Дольфуса, — также и сферой идеологического влияния итальянского фашизма. Поэтому, когда после убийства Дольфуса в июле 1934 г. фашистская Германия пыталась осуществить аннексию Австрии, итальянские войска были сконцентрированы на австрийской границе, создав непосредственную угрозу конфронтации между двумя фашистскими государствами. И в то время фашистская Германия вынуждена была временно отказаться от своих агрессивных планов в отношении Австрии.

Надо полагать, что в известной мере отголоском этого конфликта было отсутствие представителей Германии на международном фашистском конгрессе в Монтре (Швейцария)¹³. Этот конгресс был организован КАУР в декабре 1934 г. На нем присутствовали делегаты почти 30 стран. Все они представляли груп-

¹³ См.: *Ledeer M. A. Op. cit.*, p. 151—169.

пы, которые КАУР мог изобразить как слагаемые единого движения в направлении к универсализации римского опыта. Препятствием на этом пути была, однако, не только позиция Германии. Тенденции «фашистского универсализма» и национализма столкнулись на этом конгрессе, можно сказать, лоб в лоб. Выступление на нем Козельски в значительной мере преследует цель как-то примирить между собой эти две тенденции, найти их синтез. КАУР, говорил он, открыт для всех тех, кто духовно ориентирован на принципы политического, экономического и социального обновления, основанного на концепции иерархии государства и на принципе сотрудничества между классами. Козельски подчеркивал, что приверженность движению должна быть вопросом именно духовным и не зависеть от принадлежности к той или иной группе. Рим Муссолини, уверял он, не претендует на руководство. Каждая нация должна идти своим путем и действовать своими методами в соответствии со своим национальным духом. Но национализм каждой страны будет при этом сочетаться с универсализмом фашистской доктрины. Ничто, говорил Козельски, не помешает националистам всех стран объявить универсальность фашистской доктрины по следующим основным пунктам: реорганизация государства на новой базе; государство единое, сильное и дисциплинированное; организация труда; свобода в благоразумных рамках, установление порядка и справедливости; гармония между социальными классами; прочное и координированное сотрудничество производителей.

Таким образом, утверждал Козельски, идея «наднациональности» будет прочно гармонировать с идеей национальной. Он пояснял, что именно корпоративная идея была концепцией, объединяющей фашистские элементы в Европе, что именно фашистская молодежь должна была обеспечить распространение фашистской веры. Это последнее, т. е. ставка на молодежь, выливалось в идею о ее мессианском предназначении и т. п.

Но эта попытка создать фашистский интернационал на базе идеологии корпоративизма и культа молодежи потерпела крах. И это случилось прежде всего из-за несовместимости фашистского интернационализма и национализма. Трудно представить себе понятие более нескладное и внутренне противоречивое, чем «фашистский интернационал»: нечто вроде «союза эгоистов» в известной концепции Макса Штирнера. Характерно, что сами фашисты молчаливо делеяли при этом мечту об итальянизации всего Европейского континента, охотно припоминая, что еще Джоберти считал итальянцев элитой Европы, аристократией среди народов. Но захотели бы фашисты в других странах, в случае прихода их к власти, столь уж безропотно итальянизироваться? Пример Германии был в этом отношении весьма показателен. В случае прихода фашистов к власти в достаточно крупной и сильной стране они сами могли выдвинуть аналогичные притязания, сталкиваясь на этом поприще с фашистской Италией.

В более широком плане это было то самое столкновение идеологии с политикой, из которого последняя, выступая под флагом национальных интересов, выходит, как правило, победителем. Весьма показательно, что Италия в это время сближается на международной арене не с родственным ей фашистским режимом в Германии, а с Францией, общественная система которой не вызвала у фашистов никаких симпатий. Репающим здесь оказалось совпадение итальянских и французских интересов по вопросу об Австрии и то, что Лаваль, стоявший тогда во главе французского правительства, обещал поддержать колониальные притязания Италии в Африке. Политические переговоры завершились подписанием франко-итальянского соглашения в январе 1935 г. Причем одновременно была достигнута секретная договоренность о совместных военных мероприятиях двух стран в случае действий Германии против Австрии или в Рейнской области. Более того, к наметившемуся таким образом союзу между Италией и Францией, направленному фактически против Германии, присоединилась вскоре и Англия. В апреле 1935 г. состоялась конференция трех этих держав в Стресе, на которой они подтвердили гарантии независимости Австрии и осудили отказ Германии от политики разоружения.

В этом столкновении идеологии и политики единство в конечном счете достигалось скорее за счет идеологии, которая использовалась в интересах политики, а не наоборот. В частности, как мы видели, колониальные вожделения Италии в Африке восходят к довоенной традиции в гораздо большей мере, чем к фашистской идеологии как таковой. Эта последняя становится орудием сложившихся ранее внешнеполитических устремлений. Она оказывается удобным орудием и для использования в определенных политических интересах арабского национализма и панисламизма.

На этот путь встал в свое время Наполеон, объявивший себя во время египетского похода «защитником и покровителем ислама». В конце XIX — начале XX в. исключительную активность в этом направлении проявлял и Вильгельм II. Он совершил помпезное путешествие по Турции, Сирии и Палестине, во время которого посещал мусульманские мечети и медресе. На могиле султана Саладина в Дамаске он произнес напыщенную речь, в которой говорил о своей дружбе к мусульманским народам, о том, что он призван аллахом освободить их и даровать им независимую и счастливую жизнь. Аналогия с путешествием Вильгельма II возникала у современников в связи с поездками итальянского короля в первой половине 30-х годов в страны, связанные с исламской культурой, — в Эритрею, Египет, Сомали. Разумеется, с точки зрения распространения ислама такие страны, как Эритрея и Сомали, значительно уступали Сирии и Палестине. Но на первом месте стояли, как уже отмечалось, определенные политические интересы, связанные с направлением ко-

циональных устремлений Италии. Этим же интересам подчинялась и идеологическая деятельность итальянского фашизма.

В декабре 1933 г. в Риме был созван конгресс студентов-мусульман, обучавшихся в европейских университетах. Его задачей было создать идеологическую базу для итальянского проникновения на Восток. В своем выступлении на конгрессе Муссолини заявил: «Двадцать веков назад Рим осуществил на берегах Средиземного моря союз Запада и Востока... Сегодня с фашистским возрождением Рим и Средиземноморье вновь возрождают эту имперскую функцию»¹⁴. Затем последовала программная речь дуче о задачах Италии в Азии и Африке. В ней он провозгласил, что Италия берет на себя «защиту ислама». Готовясь к нападению на Абиссинию, итальянский фашизм развертывает широкую пропаганду в мусульманских странах. С этой целью по инициативе Италии в Женеве был созван конгресс европейских мусульман. По окончании конгресса его участники, снабженные изрядными суммами денег, разъехались по различным странам Арабского Востока в качестве пропагандистов «цивилизаторской миссии» Италии и фашистской идеологии в Восточной Африке. Были устроены такие же поездки из итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии.

Фашистская идеология становилась своего рода катализатором местного национализма. Этот последний был направлен прежде всего против Англии, которая занимала господствующие позиции в этом районе земного шара. С точки зрения фашистской Италии, арабский национализм при этом был лишь идеологическим подспорьем в столкновении ее внешнеполитических интересов с Англией. Занимая ключевые позиции в бассейне Средиземного моря, Англия оказывалась главным препятствием на пути развития колониальной экспансии Италии в Африке. И столкновение интересов Италии и Англии в этом районе перевесило в конечном счете общность их интересов в отношении Австрии.

Размежевание сил в этом направлении было ускорено войной Италии против Эфиопии. Захват этой страны фашистской Италией создавал непосредственную угрозу коммуникациям Англии в Красном море, имевшим исключительно большое значение для ее колониальной империи. Что касается Франции, то она действительно поддержала империалистические притязания Италии в Эфиопии во время переговоров Лавала с Муссолини в январе 1935 г. Это было сделано в интересах укрепления союза Италии и Франции против Германии. Но это отнюдь не предполагало итальянской оккупации всей Эфиопии, так как Франция имела здесь свои интересы, в частности владела единственной в этой стране железной дорогой, через которую шло 80% ее внешней торговли. Напротив, Германия не имела серьезных интересов в

¹⁴ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. VIII. Milano, 1935, p. 285—286.

Эфиопии и с тем большей легкостью готова была предоставить Италии свободу действий в этой стране. Более того, выйдя из Лиги наций, Германия могла позволить себе не участвовать в экономических санкциях, объявленных этой международной организацией против Италии в ответ на ее агрессию в Эфиопии. Правда, Англия, а в еще большей мере Франция не занимали достаточно твердой позиции в вопросе об экономических санкциях против Италии. И это далеко не в последнюю очередь из-за опасений ее сближения с Германией. Но такое сближение становилось все более определенным вследствие общности интересов Италии и Германии в борьбе за новый передел мира¹⁵. Как раз во время войны Италии против Эфиопии фашистская Германия оккупировала Рейнскую область, что в свою очередь обострило ее противоречия с Англией и Францией. Именно логикой политики, а не идеологии увлекалась Италия в сторону Германии. Сама по себе фашистская идеология, основанная на национализме, могла быть использована и против Германии, как это и случилось во время событий в Австрии в 1934 г.

Говоря о войне в Эфиопии, которую называли также абиссинской, нельзя не отметить, что она вызвала вначале волну энтузиазма в довольно широких слоях итальянского населения. «Начало абиссинской кампании и «сопротивление экономической блокаде» 52 стран, входящих в Лигу наций (фарс, который большинство итальянцев принимало всерьез, поддавшись официальной пропаганде, ловко использовавшей эти события), вызвали тогда несомненный энтузиазм в широких слоях населения, особенно среди итальянской молодежи»¹⁶. По призыву правительства, поддержанному Ватиканом, десятки тысяч итальянцев участвовали в кампании по сбору золота «в фонд родины». Они проходили через площадь Святого Петра, опуская в дымящиеся курительницы свои золотые обручальные кольца и получая взамен оловянные, которые становились доказательством патриотизма. Все это было, как были и надежды многих тысяч батраков и бедных крестьян получить из рук фашизма землю в Африке. Всего этого, однако, оказалось недостаточно для легкой и быстрой победы, которую предсказывали фашистские пропагандисты.

Война в Эфиопии обнаружила военную слабость итальянского фашизма. Италии понадобилось почти семь месяцев для того, чтобы сломить сопротивление армии, вооруженной в большей части винтовками старых образцов, охотничьими ружьями, копьями и ножами. Против этой армии итальянцы использовали современные танки, самолеты, газы... Невольно возникал вопрос, что было бы, если бы Италия столкнулась с армией, не уступающей ей

¹⁵ Manfred Funke, *Le relazioni italo-tedesche al momento del conflitto etiopico e delle sanzioni della Società delle Nazioni*.— «Storia contemporanea», 1971, N 3, p. 475—494.

¹⁶ Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 320.

по классу вооружения? Эти соображения, однако, отступили на второй план перед упоением победой. 5 мая 1936 г. пала Аддис-Абеба. На улицах и площадях итальянских городов происходили организованные фашистами массовые демонстрации. Большой фашистский совет издал декрет «о превращении Италии в империю» и о добавлении к титулу итальянского короля титула императора Эфиопии.

Однако с точки зрения проблемы фашистского режима как такового гораздо большее значение имело его оформление на международной арене в агрессивном блоке вместе с фашистской Германией. Важным этапом на этом пути стал фашистский мятеж в Испании и поддержка его обоими государствами, где фашизм уже пришел к власти. В октябре 1936 г. итальянский министр иностранных дел Галеаццо Чиано подписал в Берлине договор с Германией о помощи фашистским мятежникам в Испании. Секретный протокол устанавливал общую точку зрения на необходимость нового статуса для Европы. При этом имелся в виду пересмотр Локарнских соглашений. В протоколе были пункты о выходе Италии по примеру Германии из Лиги наций и о приоритете итальянских интересов в районе Средиземного моря. Обе страны договорились о совместных действиях против «большевистской угрозы» и о сотрудничестве в этой области не только по правительственной, но и по партийной линии. Что касается официально опубликованных коммюнике, то в одном из них Германия признавала присоединение Эфиопии к Италии, в другом оба правительства обязались проводить согласованную линию в Европе.

Достигнутое таким образом сотрудничество двух фашистских государств стали называть «осью», а их участников «державами оси». Эта формула была дана Муссолини в его выступлении 1 ноября 1936 г. О соглашении двух фашистских держав он говорил как о «вертикали Рим—Берлин», уподобив ее «оси», вокруг которой должны будут группироваться другие европейские страны¹⁷. В этом выступлении Муссолини подчеркнул антикоммунистическую направленность соглашения, тем самым сделав акцент на его идеологическом характере. Однако и в этом случае идеологический фасад нового здания, воздвигаемого на международной арене, не должен заставить нас забыть о том политическом фундаменте, который лежал в его основе, т. е. о тех сугубо политических расчетах, которые преследовала каждая из сторон в данном союзе.

Германия своей «дружбой» с Италией стремилась наряду с прочим устранить главное, по ее мнению, препятствие на пути присоединения к своей территории Австрии. В более широкой перспективе имелось в виду переключить внимание Италии от

---

¹⁷ Bocca G. Storia d'Italia nella guerra fascista, 1940—1943, vol. I. Bari, 1973, p. 7.

Центральной Европы к Средиземному морю, оставив первую, если можно так выразиться, себе «на откуп». Характерно, что, в отличие от Италии, фашистская Германия не послала в Испанию на помощь Франко крупных пехотных соединений. Германия при этом настойчиво повторяла, что считает Средиземное море «чисто итальянским морем» и не имеет там сколько-нибудь значительных интересов. Акцентируя таким образом внимание на разделе сфер влияния, Германия далеко не в последнюю очередь пыталась столкнуть Италию с Англией, интересы которой в районе Средиземного моря непосредственно затрагивались Италией. В конечном счете Германия хотела с помощью Италии отвлечь и Англию от Центральной Европы, чтобы действовать там более свободно. Италия в свою очередь приобретала в лице Германии союзника, который, в отличие от Англии и Франции, готов был безоговорочно, по крайней мере на данном этапе, поддерживать все ее агрессивные притязания в районе Средиземного моря. Это был союз двух хищников — союз, идеологическое обоснование которого оказалось наряду с прочим средством, ослабляющим силу противодействия Англии и Франции. Ведь фашистские страны объявляли главной своей целью борьбу против «большевистской угрозы». В этом, казалось, еще раз убеждало присоединение Италии в ноябре 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту, заключенному ранее между Германией и Японией.

Идеология действительно толкала фашизм в наибольшей мере против Советского Союза. Но в непосредственной борьбе Германии за гегемонию в Европе и Италии за гегемонию на Средиземном море оба эти фашистских государства сталкивались прежде всего с Англией и Францией. А на первом плане у них стояли именно великодержавные интересы, а не общие идеологические постулаты. Последние всегда оказывались своего рода оформлением первых или, точнее, орудием для их достижения. Если освободить вопрос о вмешательстве Италии в испанские дела от всей той идеологической шелухи, в которую он был заключен, то обнажится именно это итальянское великодержавное ядро. В результате своего вмешательства в гражданскую войну в Испании фашистская Италия уже в первые недели этой войны захватила часть Балеарских островов, создав тем самым серьезную угрозу находившемуся под английским контролем Гибралтару. Эта угроза возросла в еще большей мере, когда генерал Франко с помощью итальянских и германских офицеров стал устанавливать дальнобойные орудия вблизи Гибралтара как со стороны африканского побережья, так и на европейском берегу.

В марте 1937 г. Муссолини предпринимает свою «историческую» поездку в Ливию. Формально поводом для этой поездки было открытие там автомобильной дороги, построенной с помощью Италии. Ожидали, однако, что в результате этой поездки Италия закрепит за собой роль главы арабского мира, что связывалось с господством Италии в районе Средиземного моря.

В своей речи 20 августа 1937 г., т. е. в самый разгар «идеологического» сближения с арабскими государствами, Муссолини прямо заявил, что Сицилия является географическим центром новой Римской империи¹⁸. Характерно также, что в той же речи он выражал готовность помириться с «идеологически враждебной» Англией. Усилия в этом направлении предпринимались и ранее, и единственным камнем преткновения при этом оказывалось столкновение именно политических интересов прежде всего в районе Средиземного моря. Впрочем, надо полагать, что даже в случае идеологического сближения с Англией, в результате, например, победы там фашизма, столкновение интересов этих двух стран помешало бы в то время их единству, а возможно, и еще более обострило бы противоречия между ними. И тогда, как это было уже во время событий в Австрии в 1934 г., идеология фашизма в одной стране оформила бы ее политические противоречия с фашизмом в другой стране, объявив его «отклонением от подлинного фашизма» и т. п.

Проблема идеологии как одного из главных элементов режима раскрывается не только в ее соотношении с внешней политикой, но и с политикой внутренней. Причем если на международной арене речь шла о связи фашистской идеологии с политической экспансионизма, то внутри страны — с политикой террора и насилия. В 30-е годы для борьбы с антифашизмом и оппозицией была создана специальная организация политической полиции — ОБРА. Это название обычно расшифровывается как «Организация по наблюдению и подавлению антифашизма». Она координировала работу десятков тысяч тайных осведомителей, которые выслеживали, доносили, а подчас и расправлялись сами с антифашистами. «Мы должны,— говорил Муссолини,— преобразовать специальную инспекцию полиции в таинственную, могущественную и всеохватывающую организацию. Все итальянцы должны будут ежеминутно чувствовать, что они находятся под контролем, что за ними наблюдает и их изучает глаз, который никто не может обнаружить. Каждый итальянец будет находиться как бы перед жерлом орудия, перед двумя руками, готовыми схватить его в каждый момент. Новая организация будет обладать неограниченной властью и неограниченными возможностями. Она должна будет охватить всю страну, как чудовищный дракон, как гигантский спрут. Именно так, как гигантский спрут»¹⁹. Отсюда, кстати, и другой вариант расшифровки названия ОБРА — от окончания слова «спрут» (по-итальянски — «пьюра»).

Именно в этот период оформилась та система слежки, доносов, цензуры и «заданных» газетных сообщений, о которых обычно говорят при характеристике фашистского режима в Италии.

¹⁸ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. XI. Milano, 1938, p. 138—139.

¹⁹ *Martinelli F. OVRA*. Milano, 1967, p. 7 (Цит. по: *Филаров Г. Крах итальянского фашизма*. М., 1973, с. 32).

Назначение фашистской идеологии состояло не только в подведении своего рода теоретического фундамента под все это, но и в разжигании самых низменных страстей среди населения. Так, в этот период в итальянскую жизнь было внесено новое явление, которое до этого ей было неизвестно, — антисемитизм. Правда, речь шла о дискриминации евреев, а не о физической расправе над ними, как в Германии. В итальянскую жизнь привносились совершенно чуждые ей арийские теории, хотя и здесь следует проводить разграничения с Германией. И дело не только в том, что расизм не привился в Италии, но он не стал и основополагающим элементом фашистской идеологии в этой стране. Даже сами фашисты говорили на эту тему с иронией.

Обращает на себя внимание тот факт, что фашисты в качестве синонима идеологии пользуются терминами «мораль», «моральная установка», «моральный идеал». При этом мораль понимается ими в неокантианском духе как идеал «долженствования» и именно в этом смысле рассматривается как элемент реальной действительности, непосредственно связанной с волей. Переводя затем мораль в сугубо политическую плоскость, фашисты получают идеологию, которая и должна определять в нужном для них направлении волю. Таков этот «неореализм» в фашистском понимании. Как писали по этому поводу сами фашисты: «Наш реализм — это не отвлеченное умозрение, а моральная установка. Мы никогда не призывали приспособляться к реальности»²⁰. Одновременно с этим утверждается, что подлинную реальность нельзя сводить «к сугубо эмпирической и материалистической сущности жизни».

В рамках фашистского «неореализма» получают развитие антииндивидуалистические мотивы. В данном случае фашисты преследуют вполне определенную цель — полностью подчинить индивида фашистскому государству. При этом государство отождествлялось довольно часто с «коллективом». В этом смысле следует рассматривать и фашистский тезис о коллективизме в искусстве. О том, как они понимали этот коллективизм, говорил, в частности, один из фашистских идеологов, Мораини, на собрании художников, архитекторов и скульпторов в ноябре 1933 г. Он утверждал, что «фашизм призван к созданию больших памятников и великих творений режима». Это предполагает групповой метод творчества и наряду с прочим отказ от «предрассудка оригинальности, который отравлял столько гениальных художественных темпераментов»²¹.

Эти фашистские установки нашли свое наиболее яркое воплощение в архитектуре. К ней обращен был в первую очередь призыв найти «монументальное выражение идей, провозглашенных фашизмом в Италии», чтобы наглядно агитировать за величие и

²⁰ «Lavoro fascista», 25.XII 1933.

²¹ «Lavoro fascista», 19.XI 1933.

незыблемость режима. Время сохранило эту архитектуру в монументальных комплексах площадей (в Брешии), в монументально оформленных проспектах и улицах (аллее Империи и Триумфа в Риме). Весьма характерной для этого стиля была фреска Карпонетти, прославляющая Муссолини. Эта фреска украшала стены здания министерства корпораций, построенного в стиле пчелиных сот, что, по-видимому, «воплощало в камне» идею фашистской «народности».

Фашистская политика в области культуры была важнейшим элементом борьбы фашизма за духовную гегемонию в итальянском обществе. Эта политика была органически связана с милитаризацией общества. Здесь обращает на себя особое внимание работа фашизма среди молодежи. Парады, экскурсии, состязания, военные походы, торжественные клятвы — все это нравилось молодежи, все это создавало определенное настроение, прежде всего настроение милитаристского ажиотажа. В 1937 г. все фашистские детские и молодежные организации были объединены в централизованную военизированную организацию Итальянская ликторская молодежь (ДЖИЛ). Ее глава был наречен титулом главнокомандующего. О значении, которое фашисты придавали этой организации, свидетельствует тот факт, что ее командующим стал секретарь партии А. Стараче.

Но главная роль в воспитании молодежи в фашистском и милитаристском духе отводилась школе. Как говорил об этом один из фашистских специалистов в области школьного воспитания, Аргуро Марникати: «...Новые души растущего поколения должны быть сформированы учителями, которые не могут быть современными учителями, если они не будут одновременно инструкторами и воспитателями. От них в первую очередь зависит, будут ли итальянцы завтрашнего дня фашистами...»²²

В начале 30-х годов были утверждены новые буквари и учебники для школ, которые стали главным орудием воспитания детей в фашистском и милитаристском духе. На них воспитывались несколько поколений итальянских детей. О характере этого воспитания лучше всего говорят некоторые выдержки из учебников, которые не нуждаются в особых комментариях. В букваре мы находим такие изречения: «Италии необходимы новые колонии», «Дуче призван возродить былое величие древней Римской империи, сделать Рим мировой столицей» и т. п.²³ В одном из приводимых текстов рассказывается о детях, которые видят солдат и тоже хотят стать солдатами. Автор обращается к ним с такими словами: «Не забывайте, дети, когда вы будете солдатами на суше, на море или в воздухе, никогда не забывайте, что вы — солдаты Италии и поэтому должны быть такими же храбрыми, как Муссолини, и доблестными, как король». В другом месте при-

²² «Corriere della Sera», 23.IV 1931.

²³ Sillabario e piccole letture. La Libreria dello Stato, p. 81.

водится беседа учительницы о мировой войне, в которой она повторяет детям несколько раз такие фразы: «Италия, вступив в войну и одержав победу при Витторио Венето, предрешила исход всей войны», «Итальянская армия — самая храбрая в мире».

В книге для чтения третьего года обучения²⁴ на одном из рисунков изображена крепость на берегу Африки, четко освещенная прожекторами итальянских военных кораблей. Под рисунком текст беседы: «Посмотрите на географическую карту нашей Италии. Не кажется ли она вам подобной гигантскому молу, брошенному в Средиземное море по направлению к Африке. В самом деле, в обладании берегами этого моря Италия очень заинтересована. Вот почему и в древние, и в средние века она властвовала над ним. Но впоследствии, воспользовавшись ее раздробленностью и ослабленностью, Франция и Англия начали занимать земли на берегу Средиземного моря. Незанятой осталась только Ливия, находившаяся в зависимости от Турции. Если бы и она попала в руки какой-либо великой европейской державы, то Италия оказалась бы в роли пленницы в Средиземном море. Вот почему завоевание этой колонии явилось абсолютно необходимым. И в 1911 г. Италия объявила войну Турции при неписуемом энтузиазме всего народа».

По существу мы имеем здесь дело с той же империалистической идеологией, только в популярном переложении для детей младшего и среднего школьного возраста. Для ребят старшего возраста мы находим и более серьезные сведения. Наряду с занимательными статьями о «военных подвигах итальянцев» рассказывается о способах сигнализации для военных частей, о типах военных самолетов и военных кораблей и т. п.

Соотношение между идеологией и политикой по-своему раскрывалось и в проблеме милитаризации итальянской экономики. При этом, как уже отмечалось, политика в фашистском государстве всегда имела большую относительную самостоятельность по отношению к экономике, чем в государствах либерально-демократического типа. Базируясь, как и там, на определенных социально-экономических отношениях, она в гораздо большей мере испытывала влияние идеологии, чисто волевых импульсов и всего того произвола, который вытекал из тоталитарного характера фашистского режима. Во всяком случае удельный вес чисто идеологического момента в экономической политике фашизма всегда был очень велик.

В известном смысле мы сталкиваемся здесь с той же проблемой идеологии, но на этот раз в ее соотношении через посредство определенной политики с экономикой. Недостаточно, на наш взгляд, обращается внимание на тот факт, что политика автаркии, например, имела одним из своих важнейших источников чисто идеологический момент. Одной из задач этой политики, как

²⁴ Il libro della III classe elementare. La Libreria dello Stato. Roma, 1932.

говорили сами фашисты, было создание «автаркического образа мышления», т. е. в конечном счете усиление националистической идеологии.

Начало автаркической политики фашизма относится к середине 20-х годов, когда она связывалась главным образом с так называемой «битвой за хлеб». Экономические санкции Лиги наций против Италии во время ее войны с Эфиопией дают новый импульс политике фашизма в этом направлении. Во второй половине 30-х годов эта политика проводится под флагом подготовки к новой войне и связана со стремлением фашизма ослабить зависимость Италии от ввоза стратегического сырья из-за границы. С чисто экономической точки зрения это предполагало усиление эксплуатации наличных природных ресурсов, внедрение заменителей, изменение импортной политики, искусственное сокращение потребления одних продуктов и искусственное же стимулирование потребления других.

В социально-экономическом плане политика автаркии и милитаризации экономики в значительной мере стимулировала развитие государственно-монополистического капитализма в Италии. Одним из главных связующих звеньев в отношениях между государством и монополиями в Италии был Институт промышленной реконструкции (ИРИ). С его помощью государство осуществляло, как мы видели, в весьма своеобразных формах свое вмешательство в экономическую жизнь страны. Это вмешательство, которое в период экономического кризиса проводилось под флагом оздоровления экономики, привело к тому, что многие частные компании оказались в долгу или под прямым контролем государства. Государство стало контролировать через ИРИ ведущие кредитные учреждения страны. Касаясь в этой связи проблемы отношений между государством и финансовым капиталом, авторы проведенного Всеобщей итальянской конфедерацией труда исследования указывают: «...Итальянскому финансовому капиталу пришлось сдать завоеванные позиции. Чтобы преодолеть временные затруднения, он вынужден был лишиться ценного орудия господства. Но он понимал, что передает его в надежные руки так называемого фашистского корпоративного государства»²⁵.

В данном контексте обращает на себя внимание диалектическое понимание всей проблемы отношений между государством и крупным капиталом. Они не сливаются в абсолютном тождестве, но тесно взаимодействуют в рамках определенной исторической ситуации. Развитие этого взаимодействия вступает в новый этап после окончания экономического кризиса. Частным промышленным компаниям было предоставлено право погасить задолженность, в результате чего во второй половине 30-х годов в частные руки вновь перешли наиболее доходные предприятия, «оздоровленные» за счет государства. Однако государство в лице

²⁵ *Struttura dei monopoli industriali in Italia*. Roma, 1949, p. 117.

ИРИ сохранило свой контроль над ведущими кредитными учреждениями страны. Кроме того, значительная часть предприятий, которые требовали больших капиталовложений, осталась под контролем ИРИ. Многие из этих предприятий были связаны с военным производством. И, озабоченное развитием этого производства, фашистское правительство решило наделить ИРИ постоянными функциями по руководству всеми находящимися под контролем государства промышленными и финансовыми предприятиями.

Решающий шаг в этом направлении был сделан в июне 1937 г., когда был принят закон, юридически закрепивший за ИРИ статус постоянного государственного финансово-промышленного учреждения. Как указывалось в этом законе: «ИРИ призван руководить принадлежащим государству акционерным капиталом, а также расширять свое финансовое участие в мероприятиях, связанных с обороной страны, политикой экономической автаркии, развитием промышленного и сельскохозяйственного производства в Италии и Восточной Африке, поддержкой, где это необходимо, частной инициативы»²⁶. Активизация деятельности ИРИ после принятия этого закона нашла свое выражение в создании отраслевых групп предприятий, для руководства которыми были созданы дочерние финансовые общества. Активы ИРИ в металлургической промышленности взяло в свои руки общество «Финсидер». Контроль над судоходными компаниями группы ИРИ установило общество «Финмаре». Контроль над телефонными компаниями стало осуществлять общество «СТЕТ». Распределение средств при этом диктовалось главным образом военными соображениями, в силу которых наибольшая доля приходилась на «Финсидер». В рамках проведения политики экономической автаркии ИРИ взял на себя задачу усиления эксплуатации наличных природных ресурсов, а также развитие производства синтетического каучука и целлюлозы.

В результате всего этого удельный вес ИРИ в итальянской экономике значительно возрос. К началу второй мировой войны предприятия, находившиеся под контролем ИРИ, выплавляли 77% всего производимого в стране чугуна, 45% стали, производили 75% труб, добывали 67% железной руды, создавали 80% мощностей в судостроительной промышленности, 22 — в авиационной, 39 — в моторостроительной, 50 — в производстве вооружения и снаряжения, более 23% — в машиностроительном производстве. ИРИ контролировал также 90% морских линий²⁷.

Возвращаясь в этой связи к проблеме отношений между государством и частным монополистическим капиталом, отметим, что государство через ИРИ пыталось контролировать, но не ликвидировать частную собственность. При этом в плане диалекти-

²⁶ Ministero delle partecipazioni statali, vol. II. Roma, 1959, p. 295.

²⁷ *Romeo R.* Breve storia della grande industria in Italia. Bologna, 1972, p. 172.

ки отношений между государством и частным капиталом центр тяжести в практической деятельности ИРИ все более смещался в сторону второго. Авторы отмеченного уже исследования, проведенного ВИКТ, пишут по этому поводу: «При рассмотрении даже в самых общих чертах деятельности ИРИ приходится признать, что, стремясь служить связующим звеном между государством и частными предприятиями, он направил свою деятельность исключительно на оказание помощи зависимым от него предприятиям и на их финансирование. Деятельность ИРИ фактически ограничилась, с одной стороны, оказанием помощи большей частью путем финансирования, а с другой — свелась исключительно к бухгалтерскому и административному контролю, выражавшемуся в назначении ревизоров и администраторов, без малейшего вмешательства в составление технико-экономического плана широкого масштаба»²⁸.

Сдвиг в пользу частной собственности происходил, несмотря на обладание ИРИ контрольным пакетом акций в связанных с ним предприятиях. «Контроль, осуществляемый государством через посредство ИРИ, утратил общественные черты и принял частновладельческий характер. Этот контроль фактически свелся к участию представителей ИРИ в общих собраниях акционеров, причем эти представители вели себя как пассивные владельцы контрольного пакета акций, которые ограничиваются почти формальным контролем и часто подчиняются инициативе более активного и лучше подготовленного меньшинства»²⁹.

Разумеется, все эти сдвиги в пользу частной собственности обнаружили себя не сразу. Теоретически ИРИ обладал возможностями стать действительно мощным орудием экономического планирования в национальном масштабе. Но эти его теоретические возможности не могли осуществиться на практике в условиях фашистского государства. В этих условиях «происходило отступление от того, что должно было быть руководящим принципом деятельности этой организации. И ИРИ, вместо того чтобы стать чрезвычайно полезным, мощным орудием экономического планирования в национальном масштабе, превратился в бюрократический орган, основная функция которого свелась к административному заведованию большой группой обществ, руководившихся в своей деятельности большей частью предпринимательскими соображениями»³⁰.

В плане отношений между государством и частным капиталом, в том числе монополиями, обращает на себя внимание огосударствление кредитной системы в Италии, которое было завершено в 1936 г.³¹ Принятый в этом году так называемый «бан-

²⁸ *Struttura dei monopoli industriali in Italia*, p. 81—82.

²⁹ *Ibid.*, p. 82.

³⁰ *Ibidem*.

³¹ *Cassese S. La preparazione della riforma bancaria del 1936 in Italia.*—*«Storia contemporanea»*, 1974, N 1, p. 3—46.

ковский закон» ставил под контроль государства не только депозитные коммерческие банки, но и учреждения долгосрочного кредита. В результате под контролем государства оказался и самый крупный институт промышленного кредита — «Иституту мобилъяре итальяно». В это же время государство усиливает свое вмешательство в экономику, направленное на ускорение процесса картелизации промышленности. При этом, как и в прошлом, используются методы не только экономического, но и политического нажима. Тогда же в рамках политики автаркии и милитаризации экономики создаются специальные комитеты, призванные выработать общие директивы для данной отрасли промышленности, распределить сырье и валюту между отдельными предприятиями. В сельском хозяйстве в рамках системы централизованных заготовок продуктов совершается переход от добровольного к принудительному характеру этих заготовок. Важное значение в этом отношении имел специальный закон, принятый в июне 1938 г.

Ущемляло ли все это права и интересы частного капитала? Права — да, интересы — это вопрос, который требует строго дифференцированного подхода. Итальянский исследователь Эмилио Серени составил на основе опубликованных официальных данных цифровую характеристику прибылей крупнейших промышленных монополий в период 1934—1939 гг.³² Денежные выражения этих прибылей даются в тысячах лир:

	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Национальная компания шерстяной и пеньковой промышленности	6 277	7 378	7 690	12 000	40 417	42 798
«Сниа»	26 152	34 138	36 343	50 000	56 623	75 209
«Бреда»	7 050	10 295	12 350	19 000	28 200	33 366
«Браун Бовери»	—	1 039	3 216	4 000	4 326	5 217
ФИАТ	24 165	39 118	41 310	56 000	43 663	43 500
Итальянская металлургическая компания	5 555	6 508	6 675	8 000	11 765	14 088
«Шатильон»	6 474	6 566	8 097	13 000	10 295	12 216
«Терни»	32 938	29 855	30 078	34 000	46 400	50 286
«Эдисон»	138 000	142 497	141 942	159 000	167 000	133 000
«Италцементо»	11 955	14 110	16 682	19 000	21 062	21 253
«Монтекатини»	67 000	67 482	86 826	158 810	211 316	159 450
«Кантони»	5 313	9 572	9 348	9 971	9 896	13 540
«Итальяспирелли»	26 000	29 000	33 000	35 000	35 429	53 381
«Ольчезео»	3 293	4 360	5 680	7 881	7 656	9 765
«Ильва»	29 000	36 000	35 000	41 000	51 255	51 294
«Ринашенте»	1 596	1 963	3 688	4 196	9 960	8 125
Итого:	390 768	439 881	477 925	630 858	719 968	696 488

³² Серени Э. Аграрный вопрос в Италии. М., 1949, с. 283.

Цифры таблицы, как отмечает сам Серени, не нуждаются в комментариях. За несколько лет автаркической политики доходы некоторых из крупнейших итальянских трестов увеличились на много сотен миллионов лир, почти удвоившись по сравнению с 1934 г. Итальянский исследователь Розарио Ромео обращает внимание на усиление процесса концентрации производства в это время. Согласно официальным данным на 1937 г., в Италии было 252 тыс. промышленных предприятий с числом работающих на них 3 250 тыс. человек. При этом крупных предприятий с числом работающих свыше 1000 человек было 345, т. е. 0,14%. Между тем на них было занято 19,9% всех работающих в промышленности³³. Как констатировал в сентябре 1939 г. президент Итальянского коммерческого банка Этторе Конти: «Производство в большинстве случаев контролируется немногими группами, каждая из которых возглавляется одним человеком. Аньелли, Чини, Вольпи, Пирелли, Донегани, Фальк и немногие другие в полном смысле слова господствуют в различных отраслях промышленности»³⁴.

Под флагом автаркии проводилась и так называемая «национализация» итальянской экономики. Речь шла не о национализации в общепринятом смысле этого слова, а о вытеснении иностранного капитала итальянским. Отметим в этой связи, что основными организациями, финансирующими итальянскую экономику, были американские³⁵. В 1931 г. была сделана попытка определить суммы иностранных инвестиций в Италии. Было установлено, что общая сумма их в виде облигаций и акций достигала приблизительно 9 млрд. лир, причем участие в форме владения акциями составляло около 18%, т. е. около 1,6 млрд. лир³⁶. И вот в 1936—1937 гг. было законодательно установлено, что иностранным гражданам запрещается держать акции «банков государственного значения», если они не отказываются от права голоса на собрании акционеров. Следовательно, их участие с правом контроля могло иметь место только в отношении банков второстепенного значения³⁷.

В итальянской военной промышленности значительное участие принимал английский капитал (военно-промышленные предприятия «Виккерс-Армстронг» и «Нобель-Динамит», артиллерийские заводы в Терни и Поцуолли). Правительство Муссолини выкупило пакеты акций иностранных владельцев и передало их отечественным монополиям — итальянским военно-промышленным трестам «Ансальдо» и «Одеро-Орландо». В то же время важным в военном отношении предприятиям, недостаточно обеспеченным

---

³³ *Romeo R. Op. cit.*, p. 193.

³⁴ *Ibid.*, p. 194.

³⁵ *Struttura dei monopoli industriali in Italia*, p. 84.

³⁶ *Ibidem.*

³⁷ *Ibid.*, p. 113.

заказами, предоставлялись регулярные государственные субсидии. В частности, тресты «Ансальдо» и «Бреда» получили специальные целевые субсидии на поддержание в мобилизационной готовности оружейных и броневых цехов. Ежегодные субсидии получали судостроительные и судоходные компании.

Все эти факты свидетельствуют о связи фашистской политики автаркии и милитаризации экономики с интересами определенных групп частного, прежде всего монополистического, капитала. Однако сделанная выше оговорка о необходимости строго дифференцированного подхода к этому вопросу остается в силе. В самом деле, принудительное сокращение ввоза сырья и продуктов из-за границы не могло не затронуть интересов некоторых капиталистических групп, связанных как с торговлей, так и с производственным процессом. Но главное даже не это. Итальянский исследователь Эмилио Серени обращает особое внимание на тот факт, что политика, проводимая фашизмом в это время, привела к столкновению интересов промышленников и аграриев. Решающим фактором этого стала отмеченная выше система централизованных заготовок сельскохозяйственных продуктов, которая в плане подготовки к войне и мобилизации национальных ресурсов приняла принудительный характер.

Эта система была одним из важных элементов государственно-монополистического капитализма фашистского типа. Она сложилась в период экономического кризиса и низких цен на сельскохозяйственные продукты, когда сами производители были заинтересованы в централизованном сбыте их по ценам, более высоким, чем на свободном рынке. Инициаторами создания такой системы были крупные аграрии, которые имели возможность выжидать наиболее удобный момент для сбыта продуктов. В то же время возможности мелких производителей, вынужденных сбывать свой продукт немедленно, были в этом отношении более ограниченными. Но, превратив добровольные заготовки в обязательные, фашистский режим тем самым изменил их функцию и даже придал им противоположное значение. Как отмечает Серени: «Из орудия защиты цен на сельскохозяйственные продукты, служащего интересам крупных аграриев, заготовки превратились в средство торможения роста этих цен в ущерб всем производителям сельскохозяйственных продуктов, поставляющим их на рынок. Поэтому аграрии весьма враждебно относились к системе принудительных заготовок главным образом потому, что такая система не только ограничивала свободную деятельность их как независимых производителей, но и ставила цены на их продукты в зависимость от произвола господствующих групп финансового капитала, заинтересованных в том, чтобы помешать сельскохозяйственным производителям наживаться вместе с ними на общем повышении цен»³⁸.

³⁸ Серени Э. Указ. соч., с. 295.

Серени, как мы видим, обращает внимание в данном случае на роль господствующих групп финансового капитала. Это не следует, однако, понимать упрощенно в смысле отмеченного уже выше абсолютного отождествления государства и монополий. Здесь также необходимо иметь в виду диалектику отношений между ними, которая предполагает и возникновение определенных противоречий, и то, что эти противоречия преодолеваются не в абстрактно-социальной «заданности», а в конкретно-исторической ситуации. В данном случае общая тенденция в направлении государственного регулирования цен и доходов натолкнулась в промышленности на силу и влияние крупных капиталистических монополий, которым удалось повернуть ее в сторону сельского хозяйства и использовать в конечном счете в своих узкогрупповых интересах. У того же Серени мы находим по этому поводу следующее замечание: «... Поскольку мощь господствующих групп финансового капитала концентрировалась главным образом в области промышленности, при рассмотрении цен и доходов промышленности в целом (не проводя различия между ее более или менее полно «трестированными» отраслями), влияние военной политики режима на цены и доходы в области промышленности выявляется, конечно, менее ярко, чем в области сельского хозяйства. Отрасли, находившиеся под прямым контролем трестов, занимали в промышленности гораздо более значительное место, чем в сельском хозяйстве; ясно, что господствующие группы финансового капитала стремились к сохранению в этих отраслях высоких цен и прибылей в ущерб мелким независимым производителям других отраслей промышленности и сельского хозяйства»³⁹. Отмечая далее ущерб, нанесенный фашистской политикой не только крупным аграриям, но в еще большей мере средним и мелким сельскохозяйственным производителям, Серени предупреждает против попыток сведения всей этой проблемы к противоречиям между промышленностью и сельским хозяйством. Он настойчиво подчеркивал именно ее социальный аспект, выраженный в политике крупного промышленного и финансового капитала.

Конкретный социальный аспект политики фашистского государства, проводимой под флагом «общих национальных интересов», проявлялся и в фашистском корпоративизме в это время. Отметим сразу, что корпорации, объявленные основой фашистского государства, особенно ярко проявили себя в это время как удобное орудие в руках государства, используемое в интересах проводимой им политики. В наибольшей мере именно здесь нашел свое выражение тот идеологический момент, который включала в себя фашистская политика автаркии и милитаризации экономики. Именно здесь, по замыслу фашистов, должна была найти наиболее благоприятную почву идея «общих национальных ин-

³⁹ Серени Э. Указ. соч., с. 291—292.

тересов». Но, как отмечает Розарио Ромео, констатируя господствующее положение крупных монополий в итальянской экономике: «Перед лицом этой реальности оказались полностью несостоятельными иллюзии и претензии корпоративизма на достижение эффективного контроля над производством в общих интересах...»⁴⁰ Крах корпоративных иллюзий в этом смысле признавали и сами руководители фашистского корпоративизма, в частности один из его наиболее видных вождей, Джузеппе Боттаи⁴¹.

О том, как в рамках корпоративизма трансформировались мероприятия, проводимые под флагом «общих национальных интересов», свидетельствуют авторы цитированного уже выше исследования, проведенного ВИКТ. В этом исследовании, в частности, отмечается, что еще в 1933 г. государство установило порядок, по которому предварительное разрешение на открытие новых промышленных предприятий давалось в корпоративных органах. «Для получения разрешения на открытие нового предприятия, как и на расширение уже существующего, требовалось краткое заключение корпоративной инспекции данного района, которая обычно не производила обследования и не имела ясного представления о реальной экономической обстановке. Затем требовалось техническое заключение Конфедерации промышленников, основанное на мнении заинтересованных предпринимательских федераций. Окончательное решение выносилось на заседании соответствующей корпорации. Поэтому крупным монополистическим группам, которые фактически господствовали в предпринимательских федерациях и были представлены в различных корпорациях, было нетрудно проводить свою линию и обеспечивать защиту своих интересов».

Далее приводятся интересные данные, свидетельствующие о том, что в период с 9 августа 1933 г. по 31 июля 1941 г. число выданных разрешений на строительство новых предприятий крупными компаниями (т. е. такими, акционерный капитал которых превышал 100 млн. лир) равнялось 91, а число разрешений на расширение уже существующих предприятий составляло 29. Между тем фактически вплоть до 1945 г. на основе этих разрешений было открыто только одно новое предприятие. Такое расхождение авторы исследования объясняют следующим образом: «... Получение разрешения на открытие новых предприятий являлось для крупных компаний надежной гарантией или предохранительной мерой против всякой возможной конкуренции. Другими словами, такая система регулирования давала возможность крупнейшим политически влиятельным и экономически могущественным предпринимательским группам использовать корпорации для того, чтобы обеспечить за собой возможность от-

---

⁴⁰ *Romeo R. Op. cit.*, p. 194.

⁴¹ *Ibidem.*

крытия наиболее подходящих предприятий. Они отнюдь не намеревались использовать свои разрешения, но испрашивали их для того, чтобы не дать усилиться средним и мелким акционерным обществам»⁴².

Корпорациям отводилась определенная роль в мероприятиях, направленных на ускорение процесса картелизации промышленности. Согласно закону 1937 г., корпорации должны были контролировать слияние промышленных предприятий, и новые объединения должны были отчитываться перед ними. Однако и это сводилось на практике к своего рода самоконтролю крупных промышленных и финансовых монополий, которые в большинстве случаев могли провести в корпорациях нужные им решения. На практике функции корпораций в экономической области сводились к разработке чисто технических проблем реконструкции промышленности, освоению и внедрению заменителей и т. п. Более существенной была их роль в регулировании трудовых отношений, где они в целом способствовали ослаблению классовой борьбы и продолжали в этом смысле идти ранее намеченным курсом. И, наконец, весьма заметной продолжала оставаться их деятельность в области идеологического воспитания масс, где они были главными проводниками идеи «общих национальных интересов». Правда, отмеченные уже выше потенциальные возможности оппозиции фашистской политике по линии фашистских же профсоюзов оставались.

Например, в 1936 г. наметилось новое оживление активности фашистских профсоюзов в этом направлении. Ряд экономических требований, выдвинутых в это время фашистскими профсоюзами, был принят фашистским политическим руководством, которое было озабочено проведением политики автаркии и милитаризации экономики.

В целом результаты политики автаркии и милитаризации итальянской экономики в это время представляются нам в следующем виде. В плане проведения политики экономической автаркии наиболее заметные результаты были достигнуты в области сельскохозяйственных продуктов. Об этом свидетельствует, наряду с прочим, динамика импорта этих продуктов⁴³:

Вид продукции	1929 г.	1938 г.
Пшеница	1765 тыс. т	289 тыс. т
Другие зерновые	972	190
Кофе	47	36
Живой скот	487 млн. лир	276 млн. лир
Растительное масло и семена	979	744

Оговоримся сразу, что в известной мере эти результаты были достигнуты за счет снижения потребления населения. Но даже

⁴² *Struttura dei monopoli industriali in Italia*, p. 193.

⁴³ «*Annuario statistico italiano*», 1938.

с учетом этого определенный экономический эффект в данной области был налицо, хотя в целом Италия не перестала зависеть от ввоза сельскохозяйственных продуктов из-за границы. Вообще сама по себе задача экономической автаркии для такой страны, как Италия, была совершенно нереальной. В еще большей мере, чем к сельскому хозяйству, это относится к промышленности из-за исключительной бедности Италии сырьевыми ресурсами. В плане усиления эксплуатации национальных сырьевых ресурсов наиболее перспективными оказались работы по изысканию и использованию природного газа. В эти годы были обнаружены районы сравнительно богатого залегания метана, и наряду с АДЖИП была создана государственная компания «Энте национале метано» (ЭНАМ). В целом динамика промышленного производства в эти годы⁴⁴ свидетельствует о росте текстильного производства:

Год	Шелк (т)	Хлопок в пряже (т)	Хлопок в ткани (т)
1936	3 207	140 380	106 830
1937	3 197	187 280	130 890
1938	2 004	178 444	135 421
1939	3 093	192 136	140 527

Более противоречивыми представляются данные о производстве металлургической промышленности:

Год	Чугун (т)	Сталь (т)	Железо (т)	Алюминий (т)
1936	761 578	2 024 577	80 176	15 874
1937	801 181	2 086 905	76 466	22 947
1938	863 536	2 322 856	70 063	25 767
1939	1 005 107	2 283 438	49 664	34 236

Особенно заметно возросло производство в химической промышленности:

Год	Соляная кислота (т)	Азотная кислота (т)	Серная кислота (т)	Карбид кальция (т)	Фосфаты (т)
1936	45 305	194 151	1 531 727	155 949	1 365 956
1937	56 267	274 763	1 642 059	177 686	1 333 175
1938	54 785	304 521	1 721 268	134 862	1 405 863
1939	65 886	385 217	2 054 614	197 319	1 652 978

Рост военных заказов создавал благоприятные условия прежде всего для развития тяжелой промышленности. Довольно далеко вперед шагнули некоторые отрасли химической промышленности, в частности производство искусственного волокна. В целом за период 1936—1940 гг. впервые в истории Италии промышленное производство по валовому продукту (34,1%) пре-

⁴⁴ На основании официальной статистики, собранной и систематизированной в книге: *Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia.*

высило сельскохозяйственное (29,4%)⁴⁵. Однако законы экономической взаимосвязи неумолимы. Развитие тяжелой промышленности, в значительной мере обусловленное военными заказами, было связано с ростом военного бюджета, а это в свою очередь — с увеличением общего дефицита платежного баланса.

Согласно официальным данным, военные расходы, которые в 1934/35 г. составляли 4327,2 млн. лир, возросли в 1935/36 г. до 10304,5 млн. лир, а в 1936/37 г. — до 12865,0 млн. лир. Правда, они вновь снизились в 1937/38 г. до 9205,1 млн. лир. «Однако, — как пишет в своих комментариях Серени, — приведенные здесь данные неполны, так как они охватывают только бюджеты военного и морского министерств (мы сделали это для того, чтобы можно было сопоставить цифры за различные годы). В государственном бюджете все большую долю составляли расходы министерства авиации, которые достигли, например, в 1937/38 г. 4 086 191 тыс. лир. Если учитывать и расходы на воздушный флот, то военные расходы в 1937/38 г. составляли почти 14 млрд. лир»⁴⁶.

Разумеется, не следует впадать в крайность и говорить чуть ли не о полной милитаризации итальянской экономики в это время. Согласно официальным данным, всего в итальянской промышленности в 1936 г. было занято 5,5 млн. человек из общего числа самодеятельного населения в 18,3 млн. человек⁴⁷. При этом, согласно данным на 1937 г., вся тяжелая и военная промышленность Италии насчитывала (не считая мелких предприятий, имеющих менее 10 рабочих) не более 800 тыс. рабочих и служащих⁴⁸. Следует также иметь в виду индекс оптовых цен, который поднялся в это время с 65 в 1934 г. до 102 к началу 1939 г. (1929 г. = 100)⁴⁹. Таким образом, рост цен частично уменьшил военные ассигнования: их реальная покупательная сила отставала от номинальных сумм.

И все же есть все основания полагать, что именно военные расходы, которые резко возросли после 1935 г., в значительной мере привели к увеличению общего дефицита платежного баланса. Данные на этот счет буквально синхронно совпадают с ростом военных расходов после 1935 г. За период с 1930 по 1939 г. дефицит платежного баланса Италии в миллиардах лир вырос почти в 12 раз. В 1939 г. было завершено оформление режима в так называемом «корпоративном государстве» — вопрос, который в плане нашего исследования заслуживает особого внимания. Сами фашисты говорили при этом о трех фазах осуществления своего корпоративного принципа. Первая фаза предшествовала законодательному и юридическому оформлению

⁴⁵ *Romeo R. Op. cit.*, p. 191.

⁴⁶ *Серени Э. Указ. соч.*, с. 310—311.

⁴⁷ «*Annuario statistico italiano*», 1938, p. 18—19.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 78.

⁴⁹ *Valiani L. Dall'antifascismo alla Resistenza. Milano, 1960, p. 66.*

корпоративного принципа. Она охватывала период от возникновения фашистского синдикализма осенью 1921 г. до так называемых «первых корпоративных попыток»: встреча в Палаццо Киджи в декабре 1923 г. и пакт в Палаццо Видони 3 октября 1925 г. Вторая фаза, которую фашисты называли «синдикальной», охватывала период от обсуждения и провозглашения закона 3 апреля 1926 г. до реформы в марте 1930 г. Национального совета корпораций. Начало третьей фазы, названной фашистами «корпоративной», было положено мартовской реформой 1930 г., и важнейшим этапом на этом пути был закон от 5 февраля 1934 г. об установлении и деятельности корпораций⁵⁰.

Внимание при этом привлекает вопрос о превращении корпораций в субъект фашистского избирательного права, учитывая особенно государственный контроль над корпорациями. Важным шагом на этом пути был избирательный закон 1928 г. Раскрывая его смысл с фашистской точки зрения, Франческо Эрколе писал: «Фашизм переместил суверенитет от избирательных масс — силы сырой и аморфной, стоящей вне контроля государства, — к большим институтам, которые образуют арматуру государства. Иными словами, он переместил суверенитет от сил неорганических и чуждых государству к системе государственных институтов, которые олицетворяют всю социальную жизнь. Утверждение Муссолини о том, что не должно существовать суверенитета вне и против государства, стало таким образом реальностью. Это был новый тип политической цивилизации»⁵¹. Отметим со своей стороны, что характерным для этого «нового типа политической цивилизации» было построение государства не снизу вверх, а сверху вниз. Не профсоюзы создавали государственную власть, как это предусматривалось синдикальной идеей, а, наоборот, государственная власть командовала профсоюзами, оставаясь и формально и фактически независимой от них. Формально-юридически фашистское государство опиралось на самозаконную волю монарха, а реально-политически оно было неограниченной властью верхушки фашистской иерархии. Именно этой верхушкой, а не корпоративным принципом, формально-демократическим, определялся стиль итальянской государственности. Иерархический принцип не сливался с корпоративным, а заглушал, забивал его.

Мы говорим в данном случае о профсоюзах или синдикатах, но не о корпорациях, ибо таковых в момент принятия избирательного закона 1928 г. не было. Поэтому и сам этот закон, изданный в порядке осуществления корпоративного принципа, предполагал функционирование только синдикальных ассоциаций. Весьма показательны, что писали по этому поводу сами фашисты, касаясь первых выборов, проведенных по новой избира-

⁵⁰ *Ercole F. Storia del fascismo*, vol. II. Milano, 1939, p. 63—64.

⁵¹ *Ibid.*, p. 98.

тельной системе: «Палату депутатов, избранную 24 марта 1929 г., в большей мере можно было бы назвать «синдикальной», чем «корпоративной». Предпосылкой ее появления был закон от 3 апреля 1926 г., который передал синдикатам компетенции общественного права. Впрочем, в составленном Большим фашистским советом списке лиц для голосования критерий политический... слишком уж явно превалировал над критерием строго профессиональным» Далее делаются ссылки на слова самого Муссолини, который признал, что в результате превалирования политического критерия «корпоративный эксперимент не мог быть осуществлен на этих выборах». Очевидно, продолжал Эрколе, «что палата, составленная в соответствии с этим критерием, была без сомнения палатой фашистской на 100%, но она была очень приблизительно и относительно палатой корпоративной»⁵².

Ко времени очередных выборов в 1934 г. корпорации еще только создавались. Поэтому и новая палата, образованная после этих выборов, продолжала быть, согласно фашистской терминологии, синдикальной. Завершением превращения ее в корпоративную сами фашисты считают закон от 19 января 1939 г.

Как указывалось в статье 1 этого закона: «Палата депутатов по окончании XXIX легислатуры упразднялась. Вместо нее учреждена палата фаши и корпораций». В статье 2 говорилось, что новая палата совместно с сенатом, члены которого назначались королем, должна будет сотрудничать с правительством в выработке законов. «Палата фаши и корпораций, — указывалось в статье 3, — составляется из членов Национального совета национальной фашистской партии и Национального совета корпораций». А в статье 4 говорилось, что в состав палаты входят вождь фашизма, глава правительства и члены Большого фашистского совета. Далее следовали пункты, подробно регламентирующие порядок комплектования новой палаты, ее функции и деятельность⁵³.

Важен был сам факт ликвидации выборного представительства, ибо члены новой палаты теперь не выбирались, а назначались декретами вождя фашизма и главы правительства в соответствии с занимаемым ими местом в Национальном совете фашистской партии и Национальном совете корпораций. При этом с устранением их с соответствующих мест в Национальном совете фашистской партии или в Национальном совете корпораций они лишались также места в палате. Следует учесть контроль фашизма через правительственные и партийные органы над Национальным советом корпораций, а также формальность самого разделения между вождем фашизма, который возглавлял Национальный совет фашистской партии, и главой правительства,

⁵² *Ercole F. Storia del fascismo*, vol. II. Milano, 1939, p. 100.

⁵³ См.: *Aquarone A. L'organizzazione dello stato totalitario*. Torino, 1965, p. 567—570.

который возглавлял Национальный совет корпораций. Ведь все это объединялось в одном лице — в Муссолини. Следует учесть и отмеченное выше фактическое соотношение власти между Муссолини и королем, за которым формально оставалась прерогатива утверждения членов сената. В конечном счете фашизм и лично Муссолини контролировали все ключевые пункты государственной системы. Новый закон давал им дополнительные возможности в этом плане — в плане именно фашизации, а не корпоративизации государства.

И все же было бы неправильно совершенно игнорировать существование в Италии в это время корпоративного строя, пусть даже в его весьма искаженном, сугубо фашистском варианте. Даже в этом варианте, рассчитанном прежде всего на защиту интересов крупного монополистического капитала, он возбуждал иной раз недовольство отдельных групп этого капитала. И это уже само по себе свидетельствует о нем как об определенной реальности в итальянской жизни того времени. Как о реальности, связанной с борьбой внутри самого господствующего класса, пишет о нем итальянский исследователь Роберто Батталья: «Новый этап (после начала войны в Эфиопии.— *Б. Л.*) сказавшись на самой фашистской диктатуре. Для господствующего класса корпоративный строй не означал и не мог означать мирного соглашения о разделе добычи между капиталистами, каждый из которых имел и отстаивал свои интересы... Развитие корпоративного строя характеризовалось непрерывной борьбой между теми, кто содействовал его созданию,— сначала борьба шла между аграриями и промышленниками за численное преобладание в корпорациях, потом началась борьба между представителями тяжелой и легкой промышленности, два последние почувствовали, что в связи с войной ущемлены их интересы. Регулирование экономики означало уничтожение всякой возможности случайного успеха, неуклонное и жесткое подчинение интересам господствующих групп»⁵⁴.

Характерно, что эта борьба вокруг вопроса о корпоративизме и регулировании экономики сводилась довольно часто в то время к проблеме идеологии. Те группы господствующих классов, в том числе и часть монополистического капитала, которые чувствовали себя при этом ущемленными, видели довольно часто суть проблемы именно в идеологии — «экономика приносит в жертву идеологии». И в свете отмеченных выше особенностей фашистской политики — особенно сильное влияние на нее чисто волевых и идеологических импульсов — сама по себе постановка проблемы в этой плоскости не лишена интереса.

В конечном счете это все та же проблема государственно-монополистического капитализма, которая предполагает в отно-

---

⁵⁴ Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления. М., 1954, с. 21.

шениях между государством и монополиями наличие довольно сложной диалектической, а не механической связи. То, что фашизм выражал в основном интересы монополистического капитала, отнюдь не исключало определенных противоречий между ними. В данный период эти противоречия для некоторых групп господствующих классов, в том числе и части монополистического капитала, представлялись в виде противоречий с фашистской идеологией. Абсолютизация этих и подобных ему фактов вела к абсолютизации самостоятельности фашизма от монополий. И это, разумеется, вызывает самые серьезные возражения представителей марксистской мысли. Однако факт относительной самостоятельности идеологии, которая имеет также свою внутреннюю логику развития, отмечался уже неоднократно в марксистской мысли. Надо полагать, не без связи с проблемой фашизма А. Грамши писал в 30-х годах об ошибочности «представлять... любое колебание политического и идеологического барометра как непосредственное выражение изменений в базисе»⁵⁵. Иными словами речь идет о необходимости более историчного подхода к социальной реальности, включая сюда, в частности, элементы воли, идеологических и моральных импульсов.

В целом проблема фашизма с этой точки зрения и в этом случае выходит за пределы сугубо итальянских событий.

* * *

Проблема фашизма раскрывается в общих тенденциях эволюции государства в XX веке. Фокусом проблемы в данном случае является тенденция к расширению идеологических функций государства.

Эта тенденция находит свое выражение в изменении представлений о соотношении между идеологией и политикой. В прошлом, когда государство имело цензовый характер, широкие слои населения исключались на формальных основаниях из политической жизни общества. Соответственно этому фактор идеологического воздействия на массы не стал еще определяющим фактором жизни общества. К тому же идеология классов и групп, господствующих в либеральном государстве XIX в., обладала, как правило, «высокой конкурентоспособностью». Идеологические позиции старых феодальных классов были подорваны, а степень организованности рабочего класса была еще невысокой.

Все это не значит, конечно, что государство в XIX в. вообще не занималось идеологической деятельностью. Оно ею занималось, как занималось и экономикой, несмотря на господствовавший тогда принцип «laissez faire». Но подобно тому как резко

---

⁵⁵ Грамши А. Избранные произведения, т. 3. М., 1959, с. 98.

возросло в XX в. значение экономических функций государства, так возросло и значение его идеологических функций. Выход широких масс на арену политической жизни, рост организованности рабочего класса, идеологическое воздействие на массы Великой Октябрьской социалистической революции — все это способствует активизации государственной деятельности в сфере «духовного производства». Причем далеко не в последнюю очередь это связано с активизацией государства в сфере «экономического производства». Государство нуждается в идеологическом обосновании и оправдании своего вмешательства в экономику. В конечном счете расширение идеологических функций государства становится неотъемлемой частью развития государственно-монополистического капитализма.

Опыт фашистского идеологизма вписывается в эту общую историческую перспективу, связанную с усилением регулирования духовной жизни общества. Однако сами фашисты говорили о своей идеологии как о «новой нравственной системе».

Отметим в этой связи, что идейный потенциал этой так называемой «новой нравственной системы» складывался в значительной мере на базе все той же идеи нации. Еще до прихода фашистов к власти на упреки в беззаконии у них был всегда подготовлен трафаретный ответ: «Мы это делаем в интересах нации». И, обосновывая фашистский террор, один из французских авторов цитировал речь Мирабо, произнесенную им в свое время в Национальном собрании: «Господа,— говорил Мирабо,— вспомните того римлянина, который, спасая отечество, превысил полномочия, данные ему законом.

— Клянись,— сказал ему коварный трибун,— что ты уважал законы.

— Клянусь,— ответил тот,— что я спас Республику!»⁵⁶

Нация становится у фашистов той высшей нравственной категорией, которая определяет поведение людей, снимая у них все сомнения относительно соответствия их действий «обычным нравственным нормам». Эти последние были объявлены ими пережитком, идущим вразрез с чувствами и настроениями новой эпохи. Именно в этом смысле фашисты утверждали примат чувства над разумом. Именно в связи с этим выступали они против интеллигенции, что, в частности, делал Фариначчи в своем выступлении на фашистском съезде в 1925 г. «Мы остерегаемся,— говорил он,— большой эрудиции и интеллектуально развитых людей. Мы уверены, что на эрудиции и интеллекте далеко не уедешь, так как побеждают идеи живые, ясные и доходящие до сердца. Поэтому естественно, что многие так называемые интеллектуалы — враги режима...»⁵⁷

⁵⁶ *Aymard C. Bolchevisme ou Fascisme? Français il faut choisir.* Paris, 1925, p. 290.

⁵⁷ P. N. F. Atti del V congresso Nazionale. Roma, 21—22 giugno, 1925, p. 15.

Выступая на том же съезде, Муссолини провозгласил задачу «фашизации жизни», что означало прежде всего создание «новой нравственной системы». С присущим ему пафосом он говорил: «Мы хотим фашизировать нацию... Фашизм должен стать образом жизни... Должны быть итальянцы эпохи фашизма, как были, например, итальянцы эпохи Возрождения»⁵⁸. Как следует из доктрины фашизма, все проблемы для «итальянцев эпохи фашизма» должны были разрешиться в государстве. В разделе, озаглавленном «Содержание государства», принципы фашистской «новой нравственной системы» были сформулированы достаточно определенно:

«...Государство невозможно ограничить задачами порядка и охраны, как этого хотел либерализм. Это не простой механизм, разграничивающий сферы предполагаемых индивидуальных свобод. Государство есть внутренняя форма и норма, дисциплинирующая всю личность и охватывающая как волю ее, так и разум. Его основное начало, главное вдохновение человеческой личности, живущей в гражданском обществе, проникает в глубину, внедряется в сердце действующего человека, будь он мыслитель, артист, ученый: это душа души. В результате фашизм не только законодатель и создатель учреждений, но это воспитатель и двигатель духовной жизни. Он стремится переделать не форму человеческой жизни, но ее содержание, самого человека, характер, веру».

Наиболее развернутую характеристику фашистской «новой нравственной системы» дал фашистский теоретик Франческо Эрколе. Он сформулировал свои мысли по этому вопросу в 1939 г., в период, когда фашисты провозглашали «фашизацию всей итальянской жизни». Связывая это с осуществлением «тоталитарной организации государства», он писал: «... Существенной предпосылкой тоталитарной организации государства должно быть единство политической веры всех индивидов, как бы то ни было включенных в сферу его суверенитета». И далее, связывая личную мораль с общественной (в данном случае фашистской) нравственностью, он подчеркивал: «...Кто не думает и не верит, как думают и верят в соответствии с фашистской мыслью и верой, тот ставит себя вне государства». Право при этом не отрицается, но рассматривается как категория подчинения общественной (т. е. опять-таки фашистской) нравственности. «Это не означает, что он (т. е. индивид.— *Б. Л.*) не имеет возможности жить под защитой законов государства и иметь свою личную жизнь в сфере частных интересов. Но он находится вне прямого и активного участия в общественной жизни национального общества»⁵⁹.

---

⁵⁸ P. N. F. Atti del V Congresso Nazionale. Roma, 21—22 giugno, 1925, p. 154.

⁵⁹ *Ercole F. Op. cit.*, p. 88—89.

Право и мораль мыслятся здесь в органическом единстве, осуществляемом и синтезируемом в нравственности. И в этом смысле проблема сама по себе выходит за рамки ее интерпретации в фашистском духе. У Гегеля, который и в этом случае оказал особенно большое влияние на развитие правовой мысли в новейшее время, понятие права имело широкий и узкий смысл. Право в широком смысле слова развивается на трех ступенях: 1) как абстрактное, или формалистическое, право, представляющее проявление свободы во внешнем мире; 2) как личная мораль — сфера внутренних определений воли; 3) как общественная нравственность, являющаяся сочетанием права и морали в общественных союзах.

Нравственное общение лиц служит той почвой, на которой утверждается как формальное право, так и личная мораль. Право, как и мораль, — это не что иное, как стороны более сложного отношения, это абстракции мысли, которых действительное бытие возможно только в конкретной полноте жизни. «Правовое и моральное, — писал Гегель, — не могут существовать каждое само по себе, и они должны иметь своим носителем и своей основой нравственное, ибо праву недостает момента субъективности, а мораль опять-таки односторонняя, ибо обладает единственно лишь субъективностью, и, таким образом, оба момента сами по себе не обладают действительностью. Лишь бесконечное, идея, действительно: право существует лишь как ветвь целого, как растение, обвивающееся вокруг самого по себе непоколебимого дерева»⁶⁰.

Эти гегелевские определения оказали серьезное влияние на развитие европейской мысли в целом. Они нашли свое наиболее яркое воплощение и развитие в той же «философии кризиса», к которой мы уже неоднократно обращались в плане кризиса власти, государства и социально-экономической системы, основанной на либеральном индивидуализме. Оказавшись перед лицом кризиса этой системы, расширенного ими до масштабов кризиса всей европейской цивилизации, представители этого философского направления обращают особое внимание именно на нравственную систему, понимая ее как главное скрепляющее начало всего строя общественной жизни.

Указав на недостаточность формально-юридического подхода к вопросу о праве и власти и связав этот вопрос с «реальностью жизни» в лице «силы», представители этого философского направления пошли дальше. «Реальность жизни» не исчерпывается только силой. Сила не может быть целью в себе, она всегда выступает во имя чего-либо. За истинной силой всегда должна стоять творческая идея, способная объединять и воспламенять сердца. Система права и власти, государства и социально-экономических отношений — все это уходит своими корнями в

⁶⁰ Гегель. Сочинения, т. VII. М.— Л., 1934, с. 177.

систему культуры, в систему, в конечном счете нравственную. При этом нравственный мир понимается как мир «долженствования». И в этом его неокантианском понимании он приобретает значение своего рода первоначального импульса, определяющего все чувства и поступки людей, все формы их общественной жизни, власти, государства, экономики.

Кризис европейской цивилизации представляется в «философии кризиса» как кризис прежде всего нравственной системы. Предметы старой веры перестали вдохновлять, творить, повелевать. Люди Европы мечутся в исканиях, разбредаются в распаде. Великое прошлое давит их, они живут среди обломков христианской культуры и держатся только ими. Здесь их уцелело больше, там — меньше. Тут еще разбросаны островки старой догматики и морали. Кое-где сохраняются навыки старого послушания, обрывки прежнего культа, кусочки былого быта: огромна тысячелетняя инерция. Но все это уже истощается. В конечном счете это был своего рода светский вариант Апокалипсиса, что уже само по себе весьма показательно.

«Философия кризиса» в своеобразной форме отражала кризис всей системы так называемого «либерального государства», сложившегося в эпоху свободного капитализма XIX в. Расширение всех функций государства, в том числе и идеологических, при сохранении основ старого режима, было одним вариантом решения проблемы, фашизм — другим. И это соотношение по-своему определяло место фашизма в более широкой исторической перспективе, в связи с общими процессами, происходившими в мире.

* * *

Проблема фашизма по-своему раскрывается в оценках, связанных с непосредственной антифашистской борьбой и событиями в рассматриваемый период.

В это время, как отмечает итальянский исследователь Роберто Батталья, «уже пришла в движение машина второй мировой войны. Все внутриитальянские проблемы с этого времени превращаются в международные; разрешение задач, которые поставило перед собой антифашистское движение, начинает зависеть не только от положения внутри Италии, но и от взаимодействия между внутриитальянскими и международными силами»⁶¹.

В этом смысле особенно большое значение для итальянского антифашизма получили события в Испании. Официальная кампания вербовки итальянских добровольцев в помощь испанским фашистам имела сравнительно небольшой успех, и Муссолини вынужден был посылать солдат в Испанию в значительной мере в принудительном порядке. Напротив, призыв о помощи испанским антифашистам нашел горячий отклик в сердцах многих

⁶¹ Батталья Р. Указ. соч., с. 35.

итальянцев. Разумеется, приезд в Испанию для итальянских антифашистов был сопряжен с большими трудностями. Всего итальянских добровольцев-антифашистов было здесь около трех с половиной тысяч человек, из которых более половины были коммунисты. Если сопоставить это с 40 тыс. солдат итальянского экспедиционного корпуса, посланного Муссолини на помощь испанским фашистам, то соотношение здесь окажется явно не в пользу итальянских антифашистов. К тому же солдаты итальянского экспедиционного корпуса прибыли в Испанию хорошо вооруженными, располагая значительным количеством не только наземной техники, но и самолетов. Однако это было столкновение не только силы, но и морального духа. И в знаменитом сражении под Гвадалахарой весной 1937 г., где лицом к лицу сошлись итальянцы, выступавшие на стороне испанских антифашистов, и итальянцы, выступавшие на стороне испанских фашистов, победа осталась на стороне антифашистов. Хотя в конечном счете фашисты с помощью Италии и Германии одержали в Испании победу, в плане борьбы против фашизма в самой Италии испанские события сыграли огромную роль. Именно в Испании было впервые достигнуто единство действий всех итальянских антифашистских сил. Это было единство, достигнутое на базе решительной вооруженной борьбы против фашизма — борьбы, символом которой для итальянских антифашистов стал лозунг, брошенный Карлом Росселли: «Сегодня в Испании, завтра в Италии!»

В значительной мере под влиянием испанского опыта активизируются поиски в направлении новой стратегии антифашистской борьбы в Италии. Для коммунистов само направление этих поисков определялось идеей VII конгресса Коминтерна о борьбе за антифашистский народный фронт. У социалистов наиболее интересные поиски в этом направлении связаны с деятельностью подпольного внутреннего центра партии во главе с Родольфо Моранди⁶². Этот последний выдвигал в качестве ближайшей задачи борьбу за завоевание политической демократии, гарантированной социально-экономическими реформами. Тезисы Моранди нашли отклик у руководителей группы «Справедливость и свобода», в частности у Карло Росселли и Лео Гинзбурга. Сам Моранди считал, что они могли стать общей платформой единого народного фронта в Италии.

Со своей стороны руководство социалистической партии считает в это время, что программа единства в борьбе против фашизма должна быть шире программы народного фронта. Исходя из этого, оно потребовало в январе 1936 г. пересмотра пакта о единстве действий с коммунистической партией, заключенного в 1934 г. В июле 1937 г. была подписана «Новая хартия единства действий между коммунистической и социалистической партиями». В ней, наряду с прочим, утверждалось: «На нынешнем этапе

⁶² Annali dell'Istituto Giancarlo Feltrinelli, 1962.

классовой и политической борьбы обе партии намерены призвать и организовать весь итальянский народ на борьбу за завоевание свободы и демократии и установление демократической республики, опирающейся на рабочий класс, которая обеспечит народу хлеб, мир и свободу, примет необходимые меры для уничтожения экономической базы реакции и фашизма (национализация монополистического промышленного и банковского капитала, уничтожение всех форм феодализма в деревне и т. д.) и откроет дорогу для перехода к социализму»⁶³.

Продвижение на этом пути было очень трудным, оно не обошлось и без отступлений от ранее завоеванных позиций как в теоретической, так и в практической области. Но главное, с чем приходилось считаться, это фашистский террор, который вырывал из рядов антифашизма его лучших бойцов. 27 апреля 1937 г. в Риме после более чем десяти лет тюремного заключения скончался руководитель Коммунистической партии Италии Антонио Грамши. Тогда же, в апреле 1937 г., был арестован Родольфо Моранди и разгромлен весь руководимый им подпольный центр социалистической партии в Милане. 11 июня того же года фашисты убили во Франции руководителя группы «Справедливость и свобода» Карло Росселли и его брата Нелло. Сама группа после этого вступила в полосу острого кризиса и раскола. Большая часть прежних кадров во главе с Эмилио Люссу приняла программу, более близкую к социалистической, что отразилось и в новом названии группы — «Справедливость и свобода — движение за социалистическое единство». Однако влияние этой группы по сравнению с прошлым уменьшилось.

В это же время Кроче, который ограничивает свою деятельность рамками философии, использует также и ее для разоблачений фашизма, которые преподносятся, как правило, в виде общих историко-философских концепций и рассуждений. Весьма показательна в этом отношении его критика германского фашизма в ряде статей, написанных в 30-е годы.

В статье «Германия, которую мы любим», написанной в августе 1936 г., он характеризует фашизм с точки зрения концепции универсальной мировой культуры. Свои мысли на этот счет он развивает путем сопоставления с периодом первой мировой войны. «Во время войны, — вспоминает он, — противники Германии говорили, что немецкая философия, наука и поэзия были выражением того же варварского духа насилия и инструментом той же политики силы, против которых цивилизованное человечество защищалось с оружием в руках. Поэтому немецкую культуру хотели изгнать из наших душ и наших школ. Сегодня от очень многих немцев (или, скорее, от хора голосов, подавляющих в сегодняшней Германии все другие голоса) мы слышим, что не имеет никакого значения понимание немецкой культуры

⁶³ Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии, с. 363.

другими народами, так как эта культура является достоянием только немецкого народа, является индивидуальным выражением его расы, и поэтому другие народы не могут ни чувствовать ее, ни понимать».

Кроме противопоставляет этому «узкому идеологизму» как с той, так и с другой стороны свое «универсальное» понимание культуры: «Нашим оппонентам во время войны мы отвечали, что поэзия, философия и наука не принадлежат исключительно немцам или какому-либо другому народу, но являются достоянием всего человечества. Вопреки их требованиям, мы продолжали изучать работы, написанные на немецком языке. Сегодняшним германофилам и расистам нам приходится (странная ирония судьбы) повторять то, что мы говорили их противникам в прошлом. И сегодня также мы провозглашаем (как бы это их ни раздражало), что немецкая культура принадлежит всем тем, кто ее любит и понимает во всех странах без какого бы то ни было исключения. И, может быть, сегодня эта культура является даже в большей мере нашей, чем их, чем тех, кто ее не уважает в ее подлинном смысле, кто искажает и фальсифицирует ее в своих целях»⁶⁴.

Проблема фашизма рассматривается здесь у Кроче в плане противопоставления между национализмом и универсальной мировой культурой. Та же проблема в рамках католической мысли решалась в плане противопоставления «национализм — христианская этика». Здесь, разумеется, следует иметь в виду те особые причины, которые привлекли внимание католиков к этому вопросу. Дело в том, что в Германии, в отличие от Италии, нацистская идеология приняла ярко выраженное антихристианское направление. В отличие опять-таки от Италии, там имели место религиозные преследования, принимавшие подчас весьма острые формы. Германский национализм стал идеологической формой, в которую облекались притязания Гитлера на Австрию — страну, где католицизм пользовался очень большим влиянием. Историческим подтекстом этих притязаний было, в глазах католиков, «наступление протестантизма против католицизма».

В свете всего этого и следует рассматривать значение очередной энциклики папы Пия XI от 14 марта 1937 г.⁶⁵, которая связывается обычно с осуждением расизма в Германии. Но значение этой энциклики нельзя сводить только к критике нацистской Германии. Мы находим в ней слова, которые в равной мере можно отнести к режимам подобного типа и в других странах, в том числе, естественно, и к фашистской Италии: «Кто принимает расу, народ, государство, форму правления, носителей власти или другие ценности человеческого общежития — ценности, занимающие в земном порядке необходимое и почетное место, — за

⁶⁴ Croce B. *Pagine sparse*, vol. II. Napoli, 1943, p. 397—398.

⁶⁵ *Le Encicliche sociali dei Papi da Pio IX a Pio XII (1864—1946)*. Roma, 1947.

нечто, что должно быть выделено из иерархии, им подобающей, и идолопоклоннически их обоготворяет, тот извращает порядок вещей, созданный и узаконенный богом...»

В энциклике осуждается принцип, согласно которому «право есть то, что полезно нации». Это, читаем мы в ней, «означает в международной жизни вечную войну между различными нациями». И далее: «В национальной жизни не хотят признать того основного факта, что человек как личность имеет права, полученные им от бога; они остаются неприкосновенными по отношению к коллективу и противостоят всем попыткам уничтожения, отрицания или умаления». Можно представить себе значение всех этих слов, освященных авторитетом первосвященника, для верующих людей, находящихся в условиях фашизма.

11 февраля по случаю десятой годовщины примирения между церковью и государством Пий XI намеревался произнести речь, о которой уже накануне в Италии много говорили. Говорили, что он хотел в этой речи подвергнуть фашистскую политику самой резкой критике и объявить даже об изменении политики Ватикана по отношению к фашизму. В ряде серьезных исторических исследований об этом говорится как о достоверном факте⁶⁶. Но 10 февраля 1939 г., в канун своей предполагаемой речи, старый первосвященник скончался.

Все это создавало в католических кругах определенные настроения, которые влекли за собой и определенные оценки фашизма. Сотрудничество церкви с государством в ряде практических областей укладывалось в формулу «кесарю кесарево». В то же время, противопоставляя фашистскому национализму глубоко укоренившуюся в сознании масс этику христианской всечеловечности, католичество создавало фундамент своего влияния среди тех, кто искал или будет искать путей выхода из фашизма. В противном случае нельзя понять того факта, что для очень большой части итальянцев выход из фашизма совершался на путях христианской демократии, которая заняла после войны доминирующее положение в политической жизни Италии. Было бы неправильно сводить все это к поверхностной политической конъюнктуре, связанной с «демагогией» и «интригами» руководителей христианской демократии, с одной стороны, и «политической незрелостью масс», с другой.

В целом в это время широких связей с массами не было ни у одной из оппозиционных фашизму политических групп. Речь шла о накоплении именно морального авторитета, который со всей силой скажется только в последующий период, в период кризиса фашизма.

---

⁶⁶ *Salvatorelli L. e Mira G. Storia del fascismo. Roma, 1953, p. 857; Jemolo A. Chiesa e Stato in Italia negli ultimi cento anni. Torino, 1948, p. 670.*

КРИЗИС И ПАДЕНИЕ

1 сентября 1939 г. Начало второй мировой войны. Позже о ней будут говорить как о решающем этапе на пути кризиса и падения фашистских режимов в Италии и Германии. Однако в плане нашего исследования необходимо прежде всего выявить сугубо итальянские аспекты и истоки этого кризиса.

В этом плане обращает на себя внимание прежде всего отмеченная в предыдущей главе связь между итальянским империализмом и национализмом. В основе внешней политики фашистской Италии лежали интересы итальянского империализма. Но свое идеологическое оформление эта политика получала в национализме, который таким образом перерастал свои чисто идеологические рамки и становился своего рода элементом политики. В конечном счете, политика и идеология столь тесно переплетались в борьбе фашистской Италии за новый передел мира, что говорить о них как о отдельных сферах этой борьбы просто невозможно. Именно в этом смысле находит свое подтверждение в рамках нашего анализа и более общий тезис о том, что в XX веке идеологическая сфера, а следовательно идеологическая борьба, начинает выдвигаться на передний план, приобретает все больший вес и значение¹.

Эту связь между политикой и идеологией, между империализмом и национализмом следует иметь в виду и тогда, когда националистическая идеология с внешней стороны выглядит чуть ли не определяющим моментом политики фашистской Италии на международной арене. П. Алатри пишет о трех авантюрах итальянского национализма во времена фашизма². Точнее, по нашему мнению, было бы говорить о трех этапах политики итальянского империализма, выступившего в идеологическом оформлении итальянского национализма.

Первым таким этапом была эфиопская кампания. «Здесь национал-фашизм был в своей стихии — ожили «римские орлы», устремлявшиеся к Африке, легионеры и «фатальные» римские холмы... Все соображения о том, что данная затея, обеспечив Италию обладание территорией, для экспантации которой у нее не было свободных капиталов, приведет к нарушению международного равновесия и к дипломатической изоляции Италии; что в

¹ Келли В. Внешняя политика и идеология. М., 1969, с. 4.

² Алатри П. Происхождение фашизма. М., 1961, с. 55.

случае возникновения общеевропейского конфликта (предпосылки для которого были уже заложены) империя в силу своего географического положения по отношению к метрополии будет свиновым грузом на ногах Италии (как потом в действительности и случилось), значили очень мало по сравнению с возможностью развернуть безудержную националистическую демагогию и отвлечь таким путем внимание итальянского народа от внутренних трудностей».

Вторым таким этапом явилась поддержка со стороны фашизма франкистского мятежа в Испании. «В данном случае фашизм вынашивал еще более широкие и далеко идущие замыслы, чем при осуществлении эфиопской авантюры: обеспечить фашизму в Европе и на Средиземноморье прочные позиции в будущей мировой войне, которую между тем подготавливали Германия и Италия»³.

Националистическая идеология фашизма сыграла свою роль и на третьем этапе борьбы, уже непосредственно связанном с подготовкой и началом новой мировой войны. Это относится не только к итальянскому, но и к германскому фашизму, что, естественно, было чревато противоречиями между двумя фашистскими государствами, которые далеко не всегда были различимы за общностью их интересов в новой войне. Каждое из них преследовало свои собственные цели, которые отнюдь не растворялись в «фашистской общности», основанной на пресловутой «системе оси». Италия была более слабым звеном этой системы. Многие из того, что выдавалось за общую победу тоталитарных фашистских государств на международной арене, означало на деле поражение Италии.

Наиболее яркий пример этого — захват Гитлером Австрии в марте 1938 г. Четыре года назад покушения Гитлера на независимость Австрии едва не привели к вооруженному конфликту между Италией и Германией. Теперь это было записано в актив итало-германской дружбы, в актив общих успехов тоталитарных «народных» государств. Но за этим парадным фасадом фашистской пропаганды скрывался тот непреложный факт, что итальянским интересам на Балканах и в Дунайском бассейне был нанесен серьезный удар. Захват Гитлером Австрии разрушал треугольник Вена — Белград — Будапешт, который был основой итальянского влияния в Юго-Восточной Европе. Две другие страны — Югославия и Венгрия, — которые Италия считала сферой своих не только политических, но и экономических интересов, все в большей мере становились объектом экономической экспансии Германии.

Муссолини всегда придавал большое значение чисто парадной стороне явлений. Увидев во время своего визита в Германию

---

³ Аагри П. Происхождение фашизма, с. 55—56.

парадный «пруссский шаг», он приказал ввести его у себя на родине под названием «римского шага».

После захвата Австрии, когда немцы овладели Бреннерским горным проходом — воротами в Италию, итальянцы горько шутили, что дружба Италии с Германией принесла первой «пассо романо» («римский шаг»), а второй — «пассо Бреннеро» («Бреннерский проход»).

А потом был Мюнхен. Соглашение, достигнутое здесь в сентябре 1938 г. между Германией, Италией, Англией и Францией, предусматривало переход Судетской области от Чехословакии к Германии. И опять с чисто внешней стороны это выглядело как победа не только Гитлера, но и Муссолини. Более того, последний выглядел на Мюнхенской конференции чуть ли не главным лицом. Именно он предложил документ из пяти пунктов, который был положен в основу соглашения. Но за этой внешней, парадной стороной скрывался тот факт, что это соглашение отвечало прежде всего интересам Гитлера. За чисто внешними результатами конференции, которые выглядели как победа стран «оси», скрывались противоречия между этими странами.

Еще накануне этой конференции, когда стала очевидной готовность Англии и Франции пойти на уступки Германии, итальянский министр иностранных дел Галеаццо Чиано записал в своем дневнике: «Нельзя допустить, чтобы только Германия извлекла выгоды из этой ситуации»⁴. Весьма показательны в этой связи сложные политические маневры Италии в отношении Венгрии и Польши, начатые еще весной 1938 г. Как отмечает И. Бочаров: «...Убедившись в том, что расчленение Чехословакии пройдет для Германии совершенно безнаказанно, фашистская Италия решила использовать обстановку, чтобы заработать политический капитал. Итальянская дипломатия стала плести сеть интриг, чтобы в результате «чехословацкого кризиса» еще прочнее привязать к себе правящие круги Венгрии и Польши, поддержав их аннексионистские притязания к Чехословакии. Италия стремилась опередить в этом отношении Германию, делая это в известной мере даже в пику ей, чтобы повысить свой престиж среди воинственно настроенных правительств указанных стран. Это было продолжение политики фашистского правительства, направленной на создание таких политических связей с государствами Центральной и Юго-Восточной Европы, при помощи которых можно было бы помешать установлению там безраздельного влияния третьего рейха и утвердить свое собственное»⁵. На самой конференции именно Муссолини изложил требования Венгрии к Чехословакии, одобренные всеми участниками конференции.

Подводя итог Мюнхену в плане итало-германских отношений, отметим еще одну запись в дневнике Чиано, в которой говорится

⁴ *Ciano G. Diario 1937—1938. Milano, 1948, p. 241.*

⁵ *Бочаров И. Итало-фашистская дипломатия и мюнхенский сговор.— «Новая и новейшая история», 1962, № 1, с. 78.*

о все более «угрожающих контурах» гегемонии Германии⁶. Эта запись была сделана после того, как Германия в марте 1939 г. оккупировала всю Чехословакию. Интересы итальянского империализма и в это время оформляются в национализме, который как бы переводит эти интересы в идеологическую сферу, в сферу зависти, соперничества и реванша. Все это находит свое выражение в агрессии фашистской Италии против соседней Албании.

Вообще этот отмеченный нами мотив «реванша» присутствовал в итальянской политике в отношении Албании и раньше. Еще на Берлинском конгрессе 1878 г. итальянские представители пытались добиться присоединения к Италии района Трентино и Албании «в качестве компенсации за захват Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины». Будучи не удовлетворена территориальным переделом мира после первой мировой войны, Италия пыталась взять реванш опять-таки за счет Албании. Город Валона, из которого итальянские войска были изгнаны в 1920 г., стал символом неудовлетворенных притязаний в Албании. И в этом смысле он сближался в националистическом сознании с Адуа, где в 1896 г. итальянская армия потерпела поражение от абиссинцев. С захватом Эфиопии «Адуа была отомщена». Подобно этому «будет отомщена и Валона». Именно так говорил Муссолини в своем выступлении на Большом фашистском совете 30 ноября 1938 г.⁷

Империалистические интересы и националистические страсти выражались в определенной политике, направленной на ослабление германского влияния на Балканах. Захват Албании, по мнению Чиано, «уравновесил бы давление рейха на Балканах, резко возросшее после аншлюса Австрии»⁸. Чиано же непосредственно разработал план захвата Албании, который предполагал наряду с прямым военным давлением проведение серии дипломатических маневров, призванных добиться постепенной капитуляции албанского короля. В случае его неуступчивости была предусмотрена организация антиправительственного восстания, которое должно было сомкнуться с итальянской военной интервенцией⁹.

В конечном счете захват Албании произошел буквально в один день. 7 апреля 1939 г. началась высадка итальянского морского десанта, а на следующий день была захвачена Тирана. Албанский король бежал в Грецию, а подготовленное агентами Чиано марионеточное Учредительное собрание единогласно проголосовало за объединение Албании с Италией. И опять за «победой в Албании» скрывалось нечто весьма существенное. Мы имеем в виду не только сущность итало-германских отношений, которая скрывалась за фасадом «общих успехов» держав «оси», но и сущность итальянской военной подготовки, которая скры-

⁶ *Ciano G. Diario 1939—1943, vol. I. Milano, 1963, p. 62.*

⁷ *Ciano G. Diario 1937—1938, p. 302.*

⁸ *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe. Milano, 1948, p. 311.*

⁹ *Ciano G. Diario 1939—1943, vol. I, p. 68—69.*

залась за фасадом столь легкого успеха итальянского оружия. Начальник канцелярии итальянского министерства иностранных дел Ф. Анфузо отмечал в своих мемуарах: «Десант в Албании был осуществлен со столь детским дилетантизмом, что, будь у короля Зогу хотя бы одна хорошо обученная пожарная команда, он сбросил бы нас в море»¹⁰.

Следующим после Албании шагом на пути развязывания второй мировой войны было подписание в мае 1939 г. военного пакта между Германией и Италией, так называемого «Стального пакта». Итальянский исследователь Марио Тоскано дает интересную историю этого пакта, в которой итало-германские отношения рассматриваются, в частности, сквозь призму вопроса о направлении будущей агрессии¹¹. Автор подчеркивает, что инициатива этого пакта исходила от Германии, которая считала, что противоречия Италии с Англией и Францией дают ей возможность надеяться на объединение своих усилий с итальянскими именно в этом направлении. Предложение такого рода было сделано Гитлером во время его визита в Италию в мае 1938 г., т. е. вскоре после аншлюса Австрии. Оно не было принято, так как Италия не была готова еще к полному разрыву с Англией и Францией.

В июне того же года Риббентроп в беседе с итальянским послом в Берлине Аттолико вновь поднял вопрос о пакте, однако и на этот раз Италия уклонилась от достаточно определенного ответа. Предложения со стороны Германии повторялись в июле и в августе, т. е. вплоть до Мюнхенской конференции в сентябре 1938 г. На этой конференции, как известно, Италия в согласии с тогдашними руководителями Англии и Франции поддержала германские притязания на Чехословакию. При этом Муссолини надеялся в перспективе ориентировать своего союзника на войну именно в восточном направлении, т. е. против «восточного большевизма». Разумеется, за этой идеологической терминологией скрывались определенные политические интересы и расчеты. Муссолини, надо полагать, надеялся, что, направив германскую агрессию на Восток, он сам, опираясь на силу и авторитет своего союзника, сможет играть большую роль в Европе и добиться уступок от Запада на Средиземном море. Однако после Мюнхена, а точнее, в октябре 1938 г., Риббентроп вновь возобновил предложение о заключении военного пакта, на этот раз трехстороннего — между Германией, Италией и Японией. При этом направление будущей агрессии совершенно определенно указывалось в первую очередь именно на Запад — «война с западными демократиями неизбежна в ближайшие три-четыре года».

---

¹⁰ *Anfuso F.* Da Palazzo Venezia al lago di Garda. Rocca San Casciano, 1957, p. 97. (Цит. по: *Филатов Г.* Крах итальянского фашизма. М., 1973, с. 110).

¹¹ *Toscano M.* Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio. Firenze, 1956.

На самом деле вопрос о направлении будущей германской агрессии в это время окончательно еще не был решен. Более определенно можно было говорить о растущих итало-французских противоречиях. На заседании итальянской палаты 30 ноября 1938 г. был устроен своего рода националистический шабаш, когда фашистские депутаты истерически выкрикивали требования о присоединении к Италии Туниса, Корсики и Савойи. К началу 1939 г. Италия «созревает» для принятия германского предложения о военном пакте, рассчитывая далеко не в последнюю очередь использовать его для шантажа по отношению к Англии и Франции. Об этом свидетельствует, в частности, запись в дневнике Чиано, который считал, что «наличие подобного документа дает нам возможность добиться всего, чего мы хотим». При этом Чиано исходил из посылки о нежелании англичан воевать¹².

В то время тройственный военный пакт заключить не удалось, так как Япония была недовольна возможностью направления будущей фашистской агрессии на Запад, в то время как сама она искала союза с европейскими фашистскими державами главным образом для борьбы против Советского Союза. Со своей стороны Муссолини в инструкции Чиано во время переговоров последнего с Риббентропом настаивал на тезисе о необходимости отсрочки начала войны по крайней мере до 1943 г.¹³

Пакт, подписанный в Берлине 22 мая 1939 г., официально был назван «Пактом о союзе и дружбе между Италией и Германией». В пункте первом этого пакта, названного, как уже отмечалось, «стальным», стороны обязывались проводить согласованную политику и поддерживать постоянную связь между собой для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес. Пункт второй предусматривал взаимную политическую и дипломатическую помощь. Особенно важным был пункт третий, в котором говорилось: «Если, вопреки желаниям и надеждам договаривающихся сторон, случится так, что одна из них окажется вовлеченной в военный конфликт с третьей державой или группой держав, то другая договаривающаяся сторона немедленно поддержит ее всеми вооруженными силами на земле, на море и в воздухе». Важным и принципиально новым здесь было то, что помощь предусматривалась не в случае нападения на одну из сторон, а именно в случае вовлечения ее в военный конфликт с третьей державой или группой держав. Это свидетельствовало о наступательном характере нового пакта. Как указывалось далее в пункте четвертом этого пакта, стороны должны были расширять сотрудничество в военной и экономической областях. Для этого должны были быть созданы специальные комиссии по координации их усилий. В случае войны заключение мира могло быть только при согласии обеих договаривающихся сторон.

¹² *Ciano G. Diario 1939—1943, vol. I, p. 24—25.*

¹³ *Toscano M. Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio, p. 278—280.*

В пакте не нашел никакого отражения тезис Муссолини о необходимости отсрочки войны до 1943 г. Поэтому Муссолини считал необходимым препроводить в адрес Гитлера специальный меморандум, помеченный 30 мая 1939 г.¹⁴ В нем он, используя обычную для фашистов терминологию, подтверждал тезис о неизбежности войны между нациями «плутократическими, эгоистическими и консервативными» (т. е. Англией и Францией), с одной стороны, и нациями «перенаселенными и бедными» (т. е. Италией и, очевидно, Германией), с другой. Однако Муссолини указывал, что с началом этой войны следует повременить по крайней мере на три года. За это время Италия смогла бы укрепить положение в Ливии, Эфиопии и Албании, усилить свой флот и артиллерию, продвинуться вперед в осуществлении экономической автаркии, обеспечить запасы валюты, вернуть итальянских рабочих, находящихся на заработках во Франции, передислоцировать военную промышленность страны в учетом будущей войны Муссолини указывал также, что за это время следовало бы укрепить отношения не только между правительствами, но и между Италией и Германией в целом, чему способствовало бы улучшение отношений между церковью и германским фашизмом.

Имея в виду прежде всего империалистические интересы Италии, дуче выдвигал тезис о позиционной войне на Рейне, в Альпах и Ливии и наступательной против соседних с Эфиопией французских и английских колоний. Он предполагал также наступление в направлении стран Восточной и Юго-Восточной Европы, связывая это с экономическими потребностями стран «оси».

В конечном счете, по чисто тактическим соображениям, фашистская Италия была против развязывания большой войны уже в 1939 г. Однако ее более мощный союзник делал свою политику. Муссолини так и не получил ответа от Гитлера на свой меморандум. А в первой половине августа в 1939 г., во время своего свидания в Зальцбурге с Риббентропом, итальянский министр иностранных дел Чиано убедился в твердом намерении Германии напасть на Польшу. Это создавало непосредственную угрозу столкновения с Англией и Францией — столкновения, которое Италия пыталась оттянуть на три-четыре года, чтобы лучше к нему подготовиться. Чиано увидел в этом вероломство со стороны Германии, которая в соответствии со «Стальным пактом» втягивала в войну и своего итальянского союзника. Записи в дневнике Чиано после зальцбургской встречи достаточно красноречиво свидетельствуют о подлинной цене «итало-германской дружбы». Чиано писал, что союз с Италией нужен немцам лишь для того, чтобы отвлечь от себя часть вражеских сил, что судьба Италии их совершенно не интересует, что они втягивают Италию в авантюру, которая угрожает самому ее существованию. И как мрач-

¹⁴ I documenti diplomatici italiani, serie VIII, vol. XII. Roma, 1952, p. 49--51.

ный аккорд, вобравший в себя все эти мотивы: «Я даже не знаю, желать ли нам германской победы или поражения»¹⁵.

Разумеется, здесь сказываются антигерманские настроения, характерные для Чиано. Весьма показательно, однако, что именно он, известный этими своими настроениями, был доверенным лицом Муссолини в вопросах внешней политики. Муссолини, судя по дневнику Чиано, разделял многие из его опасений в отношении Германии. Конечно, гитлеровская Германия и не думала отказаться от своих экспансионистских планов на Востоке. Но ее нападение на Польшу в условиях политической реальности августа 1939 г. означало возможность столкновения прежде всего с Англией и Францией. Связанная союзом с Германией, с одной стороны, и стремясь избежать развития конфликта в этом направлении, с другой, фашистская Италия буквально бьется в тисках противоречий своей внешней политики.

Именно в это время Муссолини начинает все более осознавать свое подчиненное положение в фашистском блоке. Как свидетельствует Чиано, решение Муссолини о вступлении в войну, принятое 25 августа 1939 г., было вынужденным. Далеко не в последнюю очередь оно было продиктовано страхом перед Гитлером, который мог бы наказать своего союзника «за неверность». И если все же Италия не вступила в войну, вспыхнувшую через несколько дней, то возможность для этого была ей предоставлена опять-таки Германией. В письме, полученном в Риме вечером 25 августа 1939 г., Гитлер, сообщая о предстоящем вскоре нападении на Польшу, ограничился в отношении своего союзника фразой о том, что он рассчитывает на «понимание с итальянской стороны». Это давало Италии по крайней мере формальный повод для отступления от своих обязательств о немедленном военном вмешательстве на стороне своего союзника в случае «вовлечения его в конфликт с третьей державой или группой держав», как это следовало из пункта третьего «Стаального пакта».

В завязавшейся вслед за этим довольно лихорадочной переписке Италия проявляет требуемое от нее «понимание» германской позиции, но взамен просит «понимания» и в отношении своей позиции: военная неподготовленность в настоящее время и ограниченность экономических ресурсов. Впрочем, положение можно было бы исправить за счет германских поставок военного оборудования и сырья. И в ответ на германский запрос о конкретных итальянских пожеланиях на этот счет в Берлин был послан заведомо завышенный и совершенно нереальный для исполнения список необходимых для Италии военных материалов и сырья¹⁶.

---

¹⁵ *Ciano G. Diario 1939—1943, vol. I, p. 158.*

¹⁶ *I documenti diplomatici italiani, serie VIII, vol. XIII, doc. 293.*

В конечном счете Гитлер вынужден был согласиться на отказ Италии от непосредственного участия в войне, развязанной Германией 1 сентября 1939 г. Италия объявила в этот день о том, что она будет придерживаться статуса «невоюющей» державы — именно «невоюющей», а не «нейтральной». Она оставалась союзником Германии и привлекла к своим границам часть французских сил. В то же время Италия помогала Германии в ряде областей. Она, в частности, закупала для нее на мировом рынке необходимое стратегическое сырье и материалы, посылала своих рабочих в Германию и т. д.

Вместе с тем период «неучастия» Италии в войне отмечен ее противоречиями с Германией как в политической, так и в экономической областях. Именно в этот период «национальная проблема» приобрела в отношениях между Италией и Германией особенно острый характер. Мы имеем в виду в данном случае вопрос о немецком населении итальянского Южного Тироля, называемого в Италии районом Альто Адидже. В соответствии с достигнутым ранее итало-германским соглашением немцы из Южного Тироля должны были быть переселены в Германию. Однако это осуществлялось довольно медленно, в связи с чем итальянцы высказывали серьезную озабоченность. В октябре 1939 г. Чиано выразил эту озабоченность германскому послу в Риме, а в своих докладах Муссолини он всячески раздувал факты немецкой националистической пропаганды в этом районе¹⁷.

В целом это был все тот же страх фашистской Италии перед своим более сильным и мощным союзником, которому приходится подчиняться. Со своей стороны, Германия выражала подозрение и недоверие в связи с попытками Италии сколотить нечто вроде Средиземноморского или Балканского блока. Италия пыталась стать лидером этого блока, в который должны были войти страны Юго-Восточной Европы. К этой идее проявила интерес, в частности, Румыния. Однако Германия помешала ее осуществлению, так как это давало возможность Италии выйти из орбиты ее влияния.

Проблема итало-германских отношений по-своему преломлялась в это время и в экономических отношениях между двумя странами. Гитлеровский министр Функ настаивал в это время на тесной координации экономических программ двух стран. С учетом экономической мощи Германии это означало фактически превращение итальянской экономики в придаток германской. Италия же, прикрываясь программой автаркии, всячески противилась этому. Более того, она сохраняла довольно значительные экономические связи с Англией и Францией, которые находились в состоянии войны с Германией. Дело доходило даже до того,

---

¹⁷ De Felice R. La questione dell'Alto Adige nei rapporti italo-tedeschi dall'Anschluss alla fine della seconda guerra mondiale (1938—1945). — «Storia contemporanea», 1972, N 4, p. 707—813.

что Германия выражала протесты по поводу поставок Италией в Англию и Францию материалов стратегического значения.

Кстати сказать, ссылка на слабость итальянской экономики фигурировала уже в период первой мировой войны, только не в качестве временной отсрочки войны против Англии, а в качестве невозможности такой войны для Италии вообще. Англия, говорила тогда, господствует на Средиземном море, она угрожает Италии, столь уязвимой именно с моря, разрушением ее приморских городов, потерей флота и территорий в Африке, а главное экономической блокадой. Для такой страны, как Италия, промышленность которой в значительной мере зависела от импорта сырья из-за границы, это означало бы полную катастрофу.

В этом смысле положение Италии по сравнению с первой мировой войной мало изменилось: Англия продолжала господствовать на Средиземном море, а Италия зависеть от импорта из-за границы. Генерал Карло Фавагросса, который занимал пост генерального секретаря по военному производству, считает, что по состоянию на 1939 г. Италия могла обеспечить свою годовую потребность в угле за счет собственного производства только на 13%, в горючих и смазочных материалах — на 1,4, в сырье для металлургической промышленности — на 50, в легирующих материалах — на 20, в магнезии и алюминии — на 50, в свинце и цинке — на 73, в меди и олове — на 0,8, в резине — на 0,0, в хлопке на 9,3, в целлюлозе — на 16%¹⁸. В целом же Италия в случае войны должна была ввозить около 80% промышленного сырья и материалов, не считая продовольствия¹⁹.

Приводя здесь эти цифры, отметим, что в основном они правильно показывают исключительно большую зависимость итальянской экономики от ввоза сырья из-за границы, хотя некоторые из них, возможно, не совсем точно отражают положение дел. Это в особенности относится к цифрам, непосредственно связанным с военным производством. Обращают на себя внимание в этой связи две прямо противоположные тенденции, смысл которых раскрывается в плане общего соотношения между идеологией и политикой. С одной стороны, своего рода идеологический блеф, когда давались заведомо дутые и завышенные цифры, характеризующие степень военной готовности Италии. Наиболее яркий пример этого — неожиданное увеличение числа итальянских дивизий с 67 до 73, которое было достигнуто не только за счет частичной мобилизации в это время, но и за счет сокращения числа полков во многих дивизиях с трех до двух. С другой стороны, интересы ведомственной политики, когда представители различных родов войск давали тоже заведомо завышенные цифры своих потребностей в военной технике, материалах и снаряжении. Как

¹⁸ Процентирование сделано на основании данных, приводимых в кн. *Favagrossa C. Perché perderemmo la guerra*. Milano, 1946, p. 97.

¹⁹ *Ibid.*, p. 98.

пишет по этому поводу Г. Филатов: «Приводимые Фавагросса и другими итальянскими генералами цифры рисуют столь мрачную картину, что невольно возникает вопрос: каким образом, начав войну в условиях, когда запасов в лучшем случае должно было хватить на 6 месяцев, орудия итальянской армии все же стреляли, самолеты летали, а солдаты, пусть не так уж хорошо, все же были одеты и получали пищу на протяжении всех трех лет войны? Дело заключалось в том, что все статистические выкладки, приводимые итальянскими военными специалистами, основываются не на том количестве материалов, которое реально было необходимо, а на предварительных ориентировочных цифрах, которые были определены в штабах еще до начала войны. А эти цифры бесстыдно раздувались представителями родов войск»²⁰.

Это подтверждается данными, приводимыми в книге итальянского историка Ф. Бандини. Так, согласно Бандини, командование авиации объявило потребность Италии в самолетах на 1939 г. в 12 885 машин. Не говоря уже о комичности этой рассчитанной до единицы потребности, цифра эта совершенно нереальна, ибо производство боевых самолетов в 1939 г. даже таких трех вместе взятых стран, как Германия, Франция и США, составляло всего около 10 тыс. машин²¹. То же самое можно сказать и о цифрах потребности Италии в нефти, представленных Верховной комиссией по обороне²².

Надо полагать, что не этими мало реальными цифрами руководствовался Муссолини в своем решении воздержаться от непосредственного участия в войне. Хотя в целом экономические соображения играли довольно серьезную роль в определении политики «неучастия» Италии в это время, но не они были главными. Главным было стремление увидеть, как будут развиваться события, и в соответствии с этим определить наиболее выгодный для Италии момент вступления в войну. Несмотря на все разногласия с Германией, вступление в войну мыслилось именно на ее стороне, так как в конечном счете она была наиболее подходящим партнером в борьбе за новый передел мира.

О своих планах на будущее Муссолини сообщил Гитлеру во время встречи с ним в Бреннере 18 марта 1940 г. Он сообщил, что вступит в войну, как только Германия в ходе борьбы «создаст благоприятную ситуацию»²³. Иными словами, Италия вступит в войну не в 1943 г., когда достигнет степени необходимой для этого экономической и военной готовности, а в любой момент, когда ее более сильный партнер добьется перелома в войне в свою пользу. Это уже само по себе показывает подлинную цену всех прошлых ссылок на экономическую и военную непод-

²⁰ Филатов Г. Крах итальянского фашизма, с. 127.

²¹ Bandini F. *Tecnica della sconfitta*. Milano, 1963, p. 348.

²² Ibid., p. 367.

²³ Bianchi G. *Perché e come cadde il fascismo*. Milano, 1970, p. 127.

готовленность Италии. Свое заявление, сделанное Гитлеру 18 марта 1940 г., Муссолини конкретизирует в памятной записке, помеченной 31 марта того же года и адресованной королю, министру иностранных дел, начальнику генерального штаба и начальникам штабов армии, авиации и флота²⁴.

В этом документе Муссолини со всей определенностью ставит вопрос о неизбежности вступления Италии в войну против Англии и Франции, «параллельно», как он пишет, войне, которую ведет с этими странами Германия. Эта доктрина «параллельной войны», возможно, имела своей целью подчеркнуть сугубо национальный характер войны для Италии, которая ставила свои задачи, отличные от Германии, не подчиняла себя ей, а была как бы ее равноправным партнером. Цели Италии в войне были сформулированы, казалось бы, весьма скромно — быть независимой нацией. Для этого Италия должна вырваться из «средиземноморской тюрьмы», сторожевыми башнями которой являются Корсика, Бизерта и Мальта, а стенами — Гибралтар и Суэц.

Эти далеко идущие амбиции никак не сочетались с реальными возможностями Италии. Поэтому Муссолини связывает свою идею о «параллельной войне», которую будет вести Италия, с «благоприятными условиями», которые создаст для этого Германия. Эти условия, по мнению Муссолини, наступили после того, как Германия, захватив Норвегию, Данию, Голландию и Бельгию, вторглась во Францию. Именно в это время Муссолини принимает окончательное решение о вступлении Италии в войну, забыв все свои оговорки о неподготовленности Италии к войне.

Имеются многочисленные данные, характеризующие состояние готовности Италии к войне с точки зрения оснащенности ее армии вооружением и возможностей ее военной промышленности. Розарио Ромео, в частности, отмечает, что в 1939 г. артиллерийский парк в сухопутной армии достигал 12 тыс. стволов, во флоте — 2 тыс. стволов, т. е. всего 14 тыс. стволов. В то же время производство орудий не превышало 850 стволов в год. Итальянская армия располагала сравнительно достаточным количеством легких танков. Однако число средних танков составляло всего 70 единиц. Наконец, из числившихся на вооружении 2586 самолетов только 1190 отвечали боевым и даже летным требованиям²⁵. М. Маццетти со своей стороны приходит к выводу, что в начале войны военно-техническое отставание итальянской армии не было столь заметным, как уже год спустя. Он утверждает, что все другие участвующие в конфликте армии вступили в войну с винтовками, более или менее подобными итальянской винтовке образца 1891 г. Находившаяся на вооружении в итальянской армии модель пулемета «Бреда-37» не так уж усту-

²⁴ I documenti diplomatici italiani, serie IX, vol. III, p. 576—579.

²⁵ *Romeo R.* Breve storia della grande industria in Italia. Bologna, 1972, p. 200.

пала моделям пулеметов в других армиях. То же можно сказать об итальянских противотанковых пушках, которые приближались по своим техническим данным к немецким, английским и французским, а итальянские танки ненамного уступали соответствующим моделям танков, с которыми вступила в войну Англия. Чего, по мнению Маццетти, не хватало Италии, так это способности улучшить и увеличить свое вооружение, что сделали в ходе войны все другие воюющие страны. «Говорить, — продолжает он, — можно не столько о слабом военном оснащении Италии, сколько о способности ее тяжелой промышленности выдержать конкуренцию с тяжелой промышленностью других воюющих стран»²⁶.

Но Муссолини, как уже отмечалось, рассчитывал под крылом своего могучего союзника на быструю победу. И 10 июня 1940 г. Италия была ввергнута им в войну против Англии и Франции. Это было сделано с помпезностью, которая стала уже обычной для «исторических» решений, принимаемых дуче. «Солдаты на земле, в море и в воздухе! — говорил он, обращаясь к толпе. — Чернорубашечники революции и легионов! Мужчины и женщины Италии, империи и королевства Албании! Слушайте: час, предназначенный судьбой, пробил в небе нашей родины. Мы вступаем в бой с плутократическими и реакционными демократиями Запада...»²⁷

После такого довольно бурного начала наблюдается период некоторого затишья, так как вплоть до 21 июня итальянская армия не предпринимала активных боевых действий против французов. Зато итальянцы оказались весьма активными по части разработки захватнических планов в отношении фактически уже разбитой Франции. Во время встречи с Гитлером 18 июня 1940 г. Муссолини ставит его в известность об итальянских притязаниях на оккупацию французской территории вплоть до реки Роны, на оккупацию Корсики, Туниса и Французского Сомали²⁸. Гитлер был недоволен столь неумеренными аппетитами своего союзника, который слишком уж явно хотел поживиться за счет побед германского оружия. План Муссолини был отклонен. И тогда тот, как бы в подкрепление своих претензий, отдал приказ о наступлении.

Это наступление началось 21 июня 1940 г. при огромном перевесе сил и при определившемся уже поражении Франции в войне против Германии. И все же итальянское наступление, продолжавшееся четыре дня, окончилось почти полным провалом. Наиболее значительным было продвижение колонны, захватившей Ментону, расположенную всего в пяти милях от границы. Гитлер не без умысла настоял на раздельных с итальянцами переговорах

²⁶ *Mazzetti M.* Recenti studi italiani di storia militare.— «Storia contemporanea», 1970, N 1, p. 169.

²⁷ *Bocca G.* Storia d'Italia nella guerra fascista, 1940—1943, vol. I. Roma—Bari, 1973, p. 167.

²⁸ *Bocca G.* Op. cit., vol. I, p. 181.

о перемирии с Францией. На этих переговорах Муссолини был вынужден ограничиться требованием об оккупации лишь той небольшой части французской территории, которая уже находилась под контролем итальянских войск.

В ходе четырехдневного наступления обнаружилась исключительно низкая боеспособность итальянской армии. Потери итальянской армии составили 631 убитыми, 616 пропавшими без вести, 2631 ранеными и обмороженными, 1141 пленными. В то же время потери французов составили 37 убитыми, 42 ранеными и 150 пропавшими без вести²⁹. Если говорить о фашистском блоке, то война с Францией была им выиграна. Что же касается Италии, то на «вверенном ей судьбой участке» она скорее проиграла, чем выиграла. И все же Муссолини склонен был рассматривать случившееся скорее как эпизод, чем как мрачное предзнаменование. Перемещение театра военных действий после капитуляции Франции в район Средиземного моря и Северную Африку сулило Италии, казалось, самые радужные перспективы. Соотношение сил здесь складывалось явно в ее пользу.

После капитуляции Франции соотношение морских сил на Средиземном море между Италией и Англией в известной мере выравнивалось, особенно если иметь в виду столь надежную для итальянского флота базу, как территория самой Италии. Соотношение же сухопутных сил в Африке, согласно Ф. Бандини, было следующее. Итальянцы имели в Ливии и Эфиопии 14 дивизий, 1800 орудий, 4600 тяжелых и 3800 легких пулеметов, 339 легких танков. Англичане же имели в сопредельном Египте всего 2 дивизии, а французы в соседнем Тунисе и того меньше. На тунисской границе преимущество итальянцев составляло 10:1 в артиллерии и 3:1 в пехоте, на египетской — 5:1 в артиллерии и 2:1 в пехоте. В то же время против 300-тысячной итальянской армии в Эфиопии англичане имели всего 30 тыс. человек в Сомали, Кении и Судане³⁰. К этому следует, по-видимому, добавить значительно большее число самолетов, которое Италия могла противопоставить Англии, вынужденной держать свои основные силы против Германии.

В плане нашего анализа фашистского режима как такового особый интерес представляет вопрос об идеологической подготовке фашистами нового театра военных действий в Африке.

В. Келин пишет: «По мере того как идеология, идеологическая борьба начинают играть все большую роль в жизни современного общества, и в практике международной борьбы постепенно меняется «техника» внешней политики, методы ее проведения. Осуществление внешнеполитических функций государства перестает быть задачей узкого круга профессиональных дипломатов, оно становится делом все большего числа людей самых раз-

²⁹ *Восса Г.* Op. cit., vol. I, p. 188.

³⁰ См.: *Филагов Г.* Крах итальянского фашизма, с. 154, 156.

личных специальностей. Рядом с министерствами иностранных дел и посольствами уже возникла целая система параллельных организаций, принимающих самое непосредственное участие как в формировании, так и в практической реализации внешнеполитических курсов. В этой, фактически новой, системе особую роль приобретают организации идеологического, пропагандистского характера, имеющие дело с влиянием на общественное мнение, с участием в идеологической борьбе, непосредственно связанной с внешней политикой»³¹.

Все это говорится в плане развития новых тенденций уже во второй половине нашего века. И в этом смысле можно сказать, что фашизм в значительной мере предвещал развитие новой тенденции, разумеется, в присущей ему политической и идеологической форме. Мы уже познакомились с работой, развернутой итальянским фашизмом среди арабов в первой половине 30-х годов. Новейшие исследования вводят нас в курс этой работы уже непосредственно в канун и в период второй мировой войны³².

Фактором, благоприятствующим распространению фашистской идеологии в арабских странах, было большое количество переселенцев из Италии, которые приехали в эти страны в поисках работы и средств к существованию. Так, во французском Тунисе, находящемся по соседству с итальянской Ливией, проживало к началу войны около 100 тыс. итальянцев, т. е. значительно больше, чем французов. В английской колонии Египет итальянцев было не менее 50 тыс., т. е. вдвое больше, чем постоянно живущих здесь англичан и французов вместе взятых. Среди итальянских поселенцев здесь, как и в других районах мира, было много антифашистов, но были среди них и люди, готовые служить фашизму. Для политической организации итальянских эмигрантов в Риме существовало так называемое «ведомство итальянцев за границей», входившее в министерство иностранных дел. Характерно, однако, что в отличие от практики, осуществляемой немцами, итальянские этнические группы не должны были противопоставлять себя коренному населению, что, естественно, открывало более широкие возможности для распространения итальянского, точнее, итало-фашистского влияния.

В Тунисе, например, для этой цели использовались итальянские школы, клубы, театры и другие культурные учреждения. Почти во всех странах, где жили итальянские поселенцы, для ведения идеологической работы фашисты использовали местные отделения культурно-просветительного общества «Данте Алигьери». В то же время почти все арабские страны, находящиеся в бассейне Средиземного моря, были «усеяны» итальянскими бан-

³¹ Келин В. Указ. соч., с. 45.

³² Goglia L. La questione palestinese tra le due guerre mondiali.— «Storia contemporanea», 1970, N 2, p. 229—272; N 3, p. 529—576; Schröder J. I rapporti tra le potenze dell'Asse e il mondo arabo.— «Storia contemporanea», 1971, N 1, p. 145—164.

ками, страховыми обществами, пароходствами, отелями, бюро путешествий. Многие из них использовались как рассадники фашистской идеологии в арабских странах, а некоторые как замаскированные шпионские резиденции. В условиях фашистского режима было достаточно средств для того, чтобы превратить колониального дельца, путешественника, исследователя, врача или инженера в тайного агента или во всяком случае в пропагандиста фашизма в других странах. При таком «всеохватывающем» режиме, какой существовал в Италии, проникновение итальянского капитала в арабские страны сплошь и рядом влекло за собой распространение фашистской идеологии.

В целом можно сказать, что итальянцы имели в Африке не только чисто военное превосходство над англичанами, но и неплохо подготовленный в политическом и идеологическом отношении театр военных действий. И все же их успехи здесь осенью 1940 г. были весьма ограниченными. На египетском фронте итальянцы заняли Сиди-Баррани. На эфиопском — Британское Сомали. Это не могло оказать серьезного влияния на войну в Африке. В Средиземном же море итальянский военно-морской флот не сумел захватить инициативу, и ситуация здесь складывалась скорее в пользу англичан. Военные специалисты и участники событий обращают внимание на серьезные тактические, технические и организационные просчеты, допущенные в ходе африканской кампании на этом первом ее этапе³³. В этом смысле африканская кампания сделала еще более очевидными серьезные изъяны итальянской военной машины, которые дали о себе знать уже во время четырехдневного итальянского наступления во Франции. Но было здесь и нечто другое, о чем можно будет сказать более определенно уже на основании опыта войны с Грецией.

Нападение Италии на Грецию следует рассматривать в общем контексте развития международных событий осенью 1940 г. 17 сентября этого года Гитлер принимает решение отложить на неопределенное время высадку в Англии. Нацистская военная машина поворачивается на Восток. Обращает на себя внимание в этой связи Тройственный пакт между Германией, Италией и Японией, подписанный в Берлине 27 сентября 1940 г. В статье первой этого пакта Япония признавала руководство Германии и Италии в создании «нового порядка» в Европе. В статье второй Германия и Италия соответственно признавали руководство Японии в создании «нового порядка» в Восточной Азии. В статье третьей Германия, Италия и Япония заявляли о своем сотрудничестве на указанной выше основе и обязались поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению какой-либо державы, не участвующей в европейской войне и в японо-китайском конфликте. В статье пятой

³³ *Maravigna P.* Come abbiamo perduto la guerra in Africa. Roma, 1949.

указывалось, что соглашение не затрагивает политического статуса, существующего между его участниками и СССР.

Это последнее создавало, на первый взгляд, впечатление об изменении в позиции Японии, которая до сих пор крайне отрицательно относилась к советско-германскому договору, считая его чуть ли не изменой Антикоминтерновскому пакту. На самом деле Япония решила примкнуть к итало-германскому военному союзу именно в перспективе наметившегося столкновения с СССР. Ведь уже сама по себе цель раздела мира между участниками Тройственного пакта предполагала в перспективе столкновение с СССР. Но мы имеем на этот счет и более определенные указания. Во время обсуждения проекта Тройственного пакта на заседании Тайного совета в Японии министр иностранных дел Мацуока заявил: «Хотя и существует договор о ненападении (между Германией и СССР.— *В. Л.*), однако Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны, а Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны»³⁴. Весьма показательно также, что Риббентроп, оценивая договор, заявил, разумеется, конфиденциально: «Эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки»³⁵.

11 октября 1940 г. германские войска с согласия правительства Румынии вступили на территорию этой страны. 28 октября того же года итальянские войска начали наступление на Грецию. Бокка рассматривает оба эти события в связи с начинающимся уже в это время общим поворотом фашистской агрессии на Восток³⁶. Была между ними и чисто психологическая связь. Известно, например, что Муссолини был буквально взбешен «вероломством» своего союзника, который в случае с Румынией предварительно не проконсультировался с ним и поставил его перед свершившимся фактом. Но известно также, что Италия давно уже готовилась к нападению на Грецию, пытаясь, в частности, помешать растущему влиянию Германии на Балканах. Причем и здесь не обошлось без националистической риторики. Захватом Эфиопии «была отомщена» Адуа, захватом Албании — Валона, теперь «должен быть отомщен» Корфу, овладеть которым итальянцам не удалось в 1923 г. На совещании у Муссолини 15 октября 1940 г. генералы заверили его в боевом духе войск: «Если и есть проявления недисциплинированности, так это только из-за нетерпения начать быстрее сражение». На этом же совещании Муссолини поставил вопрос о «необходимости инцидента, с помощью которого можно было бы объяснить вступление в Грецию как акцию для наведения порядка». Такой инцидент — с албанским меньшинством в Греции — был запроектирован³⁷.

³⁴ Рагинский М., Розенблит С. *Международный процесс главных японских военных преступников*. М., 1950, с. 242.

³⁵ Там же.

³⁶ *Vossa G. Op. cit.*, vol. I, p. 246—247.

³⁷ *I documenti diplomatici italiani*, serie IX, vol. V. Roma, 1965, p. 699—705.

Нападение произошло утром 28 октября 1940 г. Отметим в этой связи, что, несмотря на все недостатки итальянской армии, о которых пишут Бокка и другие авторы, материальное превосходство в войне между Италией и Грецией было, бесспорно, на стороне первой. Итальянская армия имела преимущество в численности наземных войск, большое преимущество в артиллерии, подавляющее — в танках, а в воздухе против 400 итальянских самолетов греки могли выставить лишь 60 своих летательных аппаратов устаревших конструкций. И все же после нескольких дней наступления итальянская армия была остановлена, затем отброшена назад и вынуждена даже отдать часть территории Албании, занятой ею в 1939 г. На этом фоне тени, омрачившие для Муссолини уже первые результаты его «параллельной» войны во Франции и в Африке, приобретают более различимые контуры.

Дело в том, что в канун войны псевдопатриотическая пропаганда фашистов имела на короткий период успех среди части населения. Фашисты спекулировали на лозунге общих национальных интересов. Это был, по словам Эмилио Серени, обман, как всякий обман, он предполагал наличие определенных иллюзий у тех, кого обманывают. «Накануне вступления Италии в войну, в 1940 г., — пишет Серени, — фашистский режим пытался поставить себе на службу и использовать в собственных антинациональных целях патриотизм итальянцев при помощи новой организационной меры. Ссылаясь на серьезность положения, секретарь фашистской партии предложил ветеранам войны 1915—1918 гг. влиться в ряды фашистской партии вместе с солдатами второй мировой войны. Ясно, что в соответствии с методами фашизма это приглашение означало требование обязательного вступления в партию ветеранов прошлой войны. Так или иначе, в силу принуждения или обмана на призыв о вступлении в фашистскую партию в то время отозвалось 742 063 ветерана»³⁸.

Но если иллюзия совпадения патриотизма и фашизма могла и в самом деле ввести кое-кого в заблуждение, то в целом именно разрыв между ними стал определяющим моментом для настроения большинства итальянцев. К тому было много причин. Первая мировая война является далеко не идеальным примером для иллюстрации итальянского патриотизма. Однако даже здесь итальянский фашизм проигрывает по сравнению с интервенционизмом 1914—1915 гг.

В тот период сыграли свою роль довольно искренние национальные побуждения и демократические идеалы, которыми тогда руководствовались многие сторонники вступления Италии в войну. Не говоря уже о лозунге войны за освобождение находив-

---

³⁸ Серени Э. Аграрный вопрос в Италии. М., 1949, с. 399.

шейся еще под Австрией части итальянской территории, сама эта война питалась не остывшими еще демократическими идеалами Рисорджименто. Так называемый «демократический интервенционизм», который требовал вступления Италии в войну во имя демократии, был понятен и типичен в свете итальянской истории. Он вписывался в традицию Мадзини с его идеей о связи между национально-освободительной войной итальянского народа и универсальной войной за демократию. Также и «революционный интервенционизм», который требовал вступления Италии в войну во имя «революции», мог в известной мере апеллировать к традициям Рисорджименто. Попытка сочетания «патриотизма» и «революции» была в известной мере связана с традициями борьбы за объединение Италии, которое проходило под девизом «родины» и «свободы» одновременно. Эти традиции восходили к тому же Мадзини, поставившему народ непосредственно после бога и рядом с ним. Они восходили к Гарибальди, национальному герою и знамени патриотизма, провозгласившему социализм «солнцем будущего». Сам дух гарибальдизма, несшего «национальную свободу повсюду», был интернациональным.

И хотя все эти апелляции к прошлому в новую эпоху, отмеченную уже печатью империализма, использовались в интересах же империализма, но тогда еще можно было надеяться возбудить патриотизм. И это, между прочим, удавалось сделать тем «революционным интервенционистам», которых впоследствии будут называть предшественниками фашизма. Весьма показателен для сравнения один документ, который был составлен «Революционным фашистским интернациональным действием» в октябре 1914 г. Это было воззвание, с которым он обратился в то время к итальянскому народу.

«Итак, война есть трагический факт, — говорилось в этом документе. — И в этом случае следует спросить себя, что лучше для жизненных интересов трудящихся, для социальной революции: твердый нейтралитет Италии, за который выступает официальная социалистическая партия в полном согласии с клерикалами и к большей выгоде германских армий, или же вмешательство Италии в войну на стороне государств, олицетворяющих в Европе свободу и мир, на стороне Франции — колыбели стольких революций, Англии — защитницы всех видов политической свободы, Бельгии — благородной и героической. Ответ не может вызывать сомнения для нас, революционеров...» В воззвании развивалась идея о том, что победа Германии и Австро-Венгрии была бы победой реакции над демократией, что эта победа отбросила бы дело социализма и социальной революции назад и т. п.³⁹

Эта логика вошла и в аргументацию Муссолини, который создавал в то время свои «фаши революционного действия». А когда

³⁹ *De Felice R. Mussolini. Il rivoluzionario. Torino, 1965, p. 679—681.*

Италия вступила в войну, то не кто иной, как Муссолини, писал: «Война против Австрии — необходимость. Но война против Германии является нашим долгом. Наша война должна прежде всего быть антигерманской... Всякая жалость к немцам — вора́м, убийца́м, поджигателя́м, к немцам, увечающим детей и насилующим женщин,— всякая жалость к ним была бы преступлением против родины, против человечества»⁴⁰.

Все это, по-видимому, стоит сравнить с той идеологической оснасткой, с которой фашистская Италия вступила во вторую мировую войну. На сей раз официальная Италия была оснащена прямо противоположными идеями: от борьбы против демократии как порождения «гнилого западного либерализма» до отрицания социализма и социальной революции, которые связывались в фашистской пропаганде с «разлагающими восточными веяниями». В то же время, вопреки довольно сильным антигерманским настроениям, в которых по-своему преломлялась борьба против Австро-Венгрии в период Рисорджименто, Италия выступала на этот раз в союзе с Германией, причем играя в этом союзе явно подчиненную роль. И даже более того. Сама Италия, какой она была в момент вступления во вторую мировую войну, представляла разительный контраст с идеалами Рисорджименто. «Религия родины свята,— учил Мадзини,— но там, где человеческое достоинство и сознание прав, присущих человеку, не ставятся превыше всего, где гражданин не понимает, что славу родине создает слава гражданина, а не наоборот,— там эта религия может сделать родину сильной, но не счастливой, прославить ее в глазах иностранцев, но не привести ее к свободе».

Хотя фашизм по-своему и спекулировал на идеалах Рисорджименто, главным в его идеологии войны была ставка на более давние традиции.

Фашисты предстали перед итальянцами с внешними манерами и атрибутами Древнего Рима: салютование поднятием вверх правой руки, римский боевой клич «эй-ялла», ликторский значок, римское обозначение боевых единиц — легионы, когорты, манипулы, центурии и т. д. В этих показных театральных эффектах был свой расчет и свой внутренний смысл. Эффекты всегда действуют на толпу, и как реальный политик дуче никогда не упускает случая к ним прибегнуть: патриотическая эстетика ему необходима для успеха. Но, по-видимому, у него был и более глубокий замысел: связать современную Италию непрерывной нитью живой традиции с Древним Римом, с имперской легендой. Тем самым он пытался как бы расширить национально-патриотический горизонт и подвести идеологический фундамент под итальянский милитаризм нового времени.

В этом, однако, было много от риторики, скользящей по поверхности истории и весьма далекой от ее духовной глубины.

⁴⁰ «Il Popolo d'Italia», 13.VII 1915.

Обращаясь к вопросу о милитаризме в связи с итальянской традицией, Грамши писал: «Разве политическое движение, которое привело к национальному объединению и созданию итальянского государства, должно обязательно вылиться в национализм и милитаристский империализм? Можно утверждать, что подобное превращение является анахроническим и антиисторическим (то есть искусственным и неспособным к широкому распространению) и по существу противоречит всем итальянским традициям — сначала древнеримским, а впоследствии католическим, — носившим космополитический характер»⁴¹.

Грамши неоднократно возвращался к этому вопросу о традициях космополитизма в Италии как духовной антитезе национализму и милитаризму, а также к другим духовным традициям прошлого, влияющим на формирование сознания в настоящем.

В плане вопроса о милитаризме, с точки зрения духовных традиций прошлого, обращает на себя внимание исследование итальянского историка Гульельмо Ферреро «Милитаризм и современное общество». Он отмечает, в частности, влияние в Италии «теории уважения национальности, согласно которой несправедливо насиловать волю народа, подчиняя ее под какой бы то ни было формой чужеземному владычеству». В рамках этого укоренившегося в сознании принципа справедливости в Италии, по мнению Ферреро, не мог иметь успеха милитаризм, основанный на убеждении, «что победа всегда велика, каков бы ни был мотив войны, что для народа всегда славно силой оружия утверждать свое господство над другими народами»⁴².

Эти свои общие рассуждения Ферреро иллюстрирует конкретным примером поражения итальянцев в Абиссинии в 1896 г. Связь этого колониального предприятия с милитаризмом очевидна. Но, подчеркивает Ферреро, следует ограничить его сравнительно небольшой группой людей, непосредственно заинтересованных в этом предприятии. Что касается «ликования народа» при отправлении войск в Абиссинию, то Ферреро видит в этом обычное проявление, выражаясь современным языком, «массовой психологии». Народ, пишет он, «всегда привлекают представления на военную тему». До определенного момента это могло казаться действительно игрой, не требующей нравственного напряжения. Но вот итальянские войска в Абиссинии натолкнулись на сильное сопротивление и потерпели даже поражение, которое придало всему предприятию трагическую окраску. При наличии сильного милитаристского духа у населения это поражение могло бы вдохнуть новую жизнь в начатую уже войну. «Но, — пишет Ферреро, — в эту минуту у страны не хватило силы по многим причинам, в том числе и потому, что само это поражение пробудило в сердцах многих отвращение и совестливость — плоды

⁴¹ Грамши А. Избранные произведения, т. 3. М., 1959, с. 339.

⁴² Ferrero G. Le militarisme et la société moderne. Paris, 1899, p. 208—209.

либеральных традиций, во имя которых была основана, или по крайней мере говорилось, что основывается, Италия. Пока исход кампании оставался сомнительным, противники войны под сильным давлением правительства молчали, и дух итальянского народа долгое время колебался... Недовольство приверженцев мира, может быть, и улеглось бы или во всяком случае не выступило бы наружу, если бы все обстояло благополучно. Но после поражения оно вспыхнуло сильнее и вынудило правительство отказаться от возмездия»⁴³.

Ферреро, как мы видим, не упрощает проблемы. Для пробуждения чувства справедливости понадобилось в данном случае воздействие извне — мужественное сопротивление агрессии. Важно, однако, что это сопротивление вызвало в ответ не воинственный пыл, а именно это чувство справедливости, которое в духе традиции Мадзини было универсальным, т. е. не соотносило принципы добра и зла только с ограниченно понимаемыми интересами «своей нации».

И возвращаясь к проблеме морального разрыва фашизма с большинством населения Италии, отметим, что видеть эту проблему исключительно под углом зрения антинародной сущности режима — значит забывать об опыте Германии, где фашизм, по видимому, в большей мере мог опереться, наряду с прочим, и на исторически сложившийся милитаристский дух. Поэтому, со всеми возможными в таких случаях оговорками, обратим внимание еще на одно соображение, высказанное Ферреро по поводу проблемы духовного милитаризма в Италии.

В Италии, отмечает он, даже сама история ее национально-освободительной борьбы и воссоединения относительно небогата подвигами чисто военного характера. Поворот произошел «больше с помощью дипломатических комбинаций, чем пушечных выстрелов». Ферреро подчеркивает, что «сила оружия всегда соединялась с дипломатическими маневрами». И он замечает в этой связи, что «дипломатическое искусство в соединении с терпением и удачей может, конечно, изменить политическую карту страны, но не может основать военной державы... потому что таковая может возникнуть только из ряда великих победоносных войн, которые возбуждают в общественном сознании настоящую страсть к военной славе»⁴⁴.

Говоря о духовном милитаризме, Ферреро отмечает, что он складывается на базе тысяч воспоминаний о войне, о ее героях, о их более или менее достоверных подвигах. Этот обильный и разнообразный материал создает традиции, которые, разветвляясь, глубоко внедряются в сознание людей. Причем милитаристский дух не питает себя исключительно одними великими воспоминаниями национальной истории. Эти воспоминания спле-

⁴³ Ferrero G. Op. cit., p. 209—211.

⁴⁴ Ibid., p. 212—213.

таются с частными воспоминаниями о дедах и прадедах, отцах, дядях и родственниках, которые образуют как бы семейный архив — глубокий и близкий каждому источник военного вдохновения.

В этом смысле фашисты пытались, например, найти источник военного вдохновения в победе при Витторио Венето, создав героический ореол вокруг участников этой битвы. Но это была не победа Италии в ее собственной национальной войне, а одно из сражений в общей войне союзников против Германии и Австро-Венгрии — войне, исход которой был предрешен не Италией. Понимание этого таилось в глубинах сознания даже тех итальянцев, которые с внешней стороны, казалось, и были захвачены националистическим мифом о победе при Витторио Венето.

И, возвращаясь теперь из траншей первой на поля второй мировой войны, отметим, что итальянский фашизм не мог подкрепить свою идеологическую платформу в этой войне за счет истории. Это относится в равной мере и к общим духовным традициям милитаризма и к их конкретному преломлению в определенном направлении. Для Германии, например, направление войны, как на Запад, так и на Восток, питалось такой сильной исторически сложившейся традицией, что она могла вдохновлять даже людей, не согласных с фашизмом. Война же, в которую вступила Италия, никак не вписывалась в историческое сознание нации и поэтому могла только увеличить ее разрыв с фашизмом. И при наличии известного «толчка извне» этот разрыв приобретал довольно явный характер. Весьма характерно, что после поражений итальянской армии в Греции и неудачи ее наступления в Африке не кто иной, как Чиано, по его словам, советовал Муссолини «сделать что-нибудь, чтобы поднять моральное состояние людей. Нужно обратиться к сердцу итальянцев. Дать им понять, что речь идет не о судьбе фашистской партии, а о Родине, вечной, общей для всех, стоящей над людьми, временем и фракциями»⁴⁵. Это тем более характерно, что в течение всего предшествующего периода правления в Италии фашисты отождествляли свой режим и свою партию с нацией.

И в связи со всем этим о взаимодействии кризиса фашистского режима в Италии с его авантюристической внешней политикой. Эта политика вытекала из самого существа фашистского режима. Поэтому в большой исторической перспективе авантюризм во внешней политике был органическим элементом фашистского режима. Однако в каждом отдельном случае эта политика могла проводиться по-разному. «Остается бесспорным вывод о том, что внешняя политика определяется в первую очередь внутренней... Но было бы большим упрощением делать отсюда вывод, что при одной и той же внутренней политике мы неизбежно ви-

⁴⁵ *Ciano G. Diario 1939—1943, vol. I, p. 314* (Цит. по: История Италии, т. 3. М., 1971, с. 162).

дим одинаковую внешнюю политику. Различные факты говорят о возрастающей сложности этого процесса»⁴⁶.

К числу таких фактов в рамках нашей темы можно отнести не только временное неучастие Италии во второй мировой войне, но еще более разительный пример с фашистской Испанией, которая занимала, пусть даже формально, позицию неучастия в этой войне на всем ее протяжении. Все решалось в конечном счете в конкретном взаимодействии экономических, политических и психологических факторов. Известно, например, что Гитлер с самого начала сомневался в том, что Испания решится вступить в войну, возлагая вину за это главным образом на самого Франко, которого он считал недалекновидным политиком. Возможно, что, как раз наоборот, Франко проявил в этом вопросе гораздо большую дальновидность, чем тот же Муссолини. Со своей стороны этот последний фактически даже поощрял неучастие Испании в войне, так как видел в ней своего возможного конкурента в борьбе за господство в Средиземном море. Во всяком случае во время переговоров с Франко в Бордигьери 12 февраля 1941 г. Муссолини не проявил особой настойчивости в том, чтобы склонить Франко к войне. Все это с учетом того, что Муссолини, несмотря на свои военные неудачи, не терял веры в победу фашистского блока. Естественно, что он возлагал при этом свои главные надежды на Германию. И события, происшедшие вскоре, оправдали, казалось, эти его надежды.

6 апреля 1941 г. германская армия вторглась в Грецию и Югославию. То, что итальянцам не удалось в течение всех предшествовавших месяцев войны с Грецией, было достигнуто в течение нескольких дней. Надежды Муссолини на «параллельную», «самостоятельную» войну не оправдавались. Зато его надежды на Германию, если не считать испытанного при этом унижения, принесли свои плоды. Италия получила в «дар» от своего более сильного партнера часть Словении и Далмации, протекторат над Черногорией и Хорватией. Итальянским войскам, пришедшим туда по пятам германских, была «доверена» полицейская служба на Балканах.

Еще раньше Гитлер оказал помощь Муссолини в Африке. К февралю 1941 г. стало совершенно очевидно, что Муссолини также и здесь зашел в тупик со своей «параллельной» и «самостоятельной» войной. Высадившиеся в это время в Триполи германские войска под командованием генерала Роммеля сразу же повели энергичное наступление против англичан. За две недели апреля 1941 г. Роммель вернул все, что потеряли до этого итальянцы, и захватил в свои руки инициативу в Северной Африке. Зато в Восточной Африке, где итальянцы оставались «одни», они потеряли не только инициативу, но и почти всю Эфиопию. 5 мая 1941 г. англичане вступили в Аддис-Абебу

⁴⁶ *Бурлацкий Ф.* Ленин, государство, политика. М., 1970, с. 159.

и этот день можно считать датой падения «фашистской империи», которая была столь торжественно провозглашена после захвата Эфиопии в 1936 г.

Но, до тех пор пока Германия продолжала одерживать победы, неудачи Италии как бы растворялись и блекли в свете этих побед. Этот свет ослеплял Муссолини, умственный горизонт которого всегда был ограничен внешней стороной жизни. И лишь немногие из его окружения скорее предчувствовали, чем видели, за этим горизонтом «тени грядущего». Тревога чувствуется в это время в дневниковых записях Галеаццо Чиано, тревога, вызванная слухами о подготовке германского вторжения в Советский Союз. В соответствии с установившейся уже практикой итало-германских отношений руководители фашистской Италии вынуждены были довольствоваться только слухами. Даже 18 июня 1941 г., в самый канун войны, уже решенной для Германии, а следовательно, и определившей судьбу ее главного союзника, Риббентроп спокойно обсуждает с Чиано условия торгового соглашения с Турцией, избегая говорить о России. Даже 20 июня 1941 г. Чиано, который ничего не может добавить к усиленно циркулирующим слухам, записывает в свой дневник: «Ничего нового»⁴⁷. И только утром 22 июня 1941 г., когда Германия уже напала на Советский Союз, это «новое» пришло в Италию в виде специального послания Гитлера, в котором он извещал своего союзника о принятом решении.

«Фатальный враг» — так назвал итальянский исследователь Джорджо Бокка раздел своей книги, посвященный нападению Германии на Советский Союз. В книге подтверждаются известные уже факты о том, что в своем нападении на Советский Союз Гитлер вдохновлялся не только политическими или экономическими расчетами. Выражая интересы германского империализма, Гитлер пытался базировать свою политику и на определенной исторической традиции. Бокка приводит, например, такие слова Гитлера: «Вы не можете себе представить, что чувствует немец, когда он думает о польских лесах и русских равнинах». Война с Россией была его «идеей фикс». Адмирал Редер подтверждает это, когда он отмечает, что Гитлер «был буквально одержим идеей свести когда-нибудь счеты с Россией». Эта идея, восходящая к далекому прошлому, была зафиксирована в «Майн кампф» как программа на будущее: «Мы, национал-социалисты, возобновляем движение с того рубежа, на котором остановились много веков назад. Мы кладем предел движению германцев на юг и запад Европы и обращаем взор к землям на востоке... Когда сегодня мы говорим о новых территориях в Европе, мы должны прежде всего думать о России и о смежных с ней и подвластных ей странах... Сама судьба указывает нам это направление». И как пишет по

---

⁴⁷ *Bocca G. Storia d'Italia nella guerra fascista, 1940—1943, vol. II. Roma — Bari, 1973, p. 377.*

этому поводу Бокка, «маньяк может временно отступить от своих планов по тактическим соображениям, но не откажется от идеи самой по себе»⁴⁸.

В плане поставленной выше проблемы о значении исторической традиции интересно сравнить это с идеологией войны против Советского Союза, с которой вступила в нее фашистская Италия. Объявив вслед за Германией войну Советскому Союзу, Италия с формально-юридической точки зрения выполняла свои обязательства, вытекавшие для нее из «Стального пакта». Правда, в сентябре 1939 г. Муссолини уклонился от выполнения этих обязательств, не будучи еще достаточно уверен в исходе войны. Теперь, ослепленный светом германских побед и опасаясь опоздать к дележу добычи, Муссолини решил не медлить. Что же касается вопроса об исторической традиции войны Италии против Советского Союза, то здесь итальянский фашизм мог апеллировать только к традициям своей антикоммунистической идеологии, которая, естественно, не могла претендовать на «историческую глубину».

Италия разделяет с Германией ответственность за нападение на Советский Союз, хотя ее экспедиционный корпус, а с 1942 г. так называемая «Итальянская армия в России» (АРМИР), был по существу лишь придатком германской армии в ее войне против Советского Союза. Успех или неуспех «восточного похода Муссолини», в котором участвовала 220-тысячная итальянская армия, зависел в конечном счете от общего положения дел на советско-германском фронте. И подобно тому как в прошлом фашистская Италия преуспевала в блеске германских побед, подобно этому на нее постепенно надвигалась тень германских поражений в России.

Но и в этой общей глобальной перспективе не могут не обратить на себя внимание те исключительно низкие боевые качества, которые и на этот раз продемонстрировала итальянская фашистская армия. Одни только тяготы и трудности войны не могут объяснить это. Ведь во времена Рисорджименто солдаты Гарибальди испытывали не меньшие тяготы и трудности, однако они стали символом мужества и самопожертвования. «Когда итальянский солдат знает, за что он воюет,—говорил взятый в плен берсальер третьего полка дивизии «Челере»,—он воюет неплохо, как это было во времена Гарибальди. В этой же войне солдаты не только не знают, за что они воюют, но они не желали и не желают этой войны. Поэтому они думают только о том, как бы вернуться домой»⁴⁹.

Наряду с этим в дневниковых записях Чиано находит свое продолжение линия империалистических противоречий между Италией и Германией, зависть Муссолини по отношению к свое-

⁴⁸ *Bocca G.* Op. cit., vol. II, p. 373—374.

⁴⁹ Цит. по: *Филатов Г.* Восточный поход Муссолини, с. 46—47.

му более сильному партнеру. К примеру, Муссолини радовался первым сообщениям о неудачах германской армии в России. «Пожоже, немцы натолкнулись в Минске на растущее сопротивление русских, что приводит в восторг дуче», — отмечал в своем дневнике Чиано 1 июля 1941 г. Далее приводятся слова самого Муссолини: «Я желаю только одного, чтобы немцы оставили побольше перьев в этой кампании на Востоке». А 20 декабря 1941 г., после известий о поражении немцев под Москвой, в дневнике Чиано появляется следующая запись: «Муссолини удовлетворен развитием военных действий в России; сейчас он не скрывает, что счастлив в связи с неудачами германских войск». Но наряду с этим у Муссолини начинают проскальзывать и тревожные нотки, ибо он понимает, что в конечном счете в России решается и его судьба. Поэтому он счастлив, передает его чувство Чиано, «при условии, что это не зайдет слишком далеко»⁵⁰.

Но дело заходило все дальше, и не только на международной арене, но и внутри страны. Впрочем, оба эти фактора — международный и внутренний — были как всегда тесно между собой связаны и влияли друг на друга. Во взаимодействии этих двух факторов складывался кризис экономической системы в фашистской Италии.

Для экономики такой страны, как Италия, особенно большое значение имел тот факт, что ее традиционные внешнеэкономические связи были нарушены и переориентированы главным образом на Германию. Об этом свидетельствуют следующие цифры. В период 1931—1935 гг. Германия занимала в импорте в Италию в среднем в год 15,3%, в экспорте из Италии — 12,8%. В 1937—1939 гг. соответственно — 24,3 и 17,4%, в 1940—1942 гг. — 52,7 и 43,5%⁵¹.

Но главное, что это происходило в рамках общего сокращения внешнеторговых оборотов. С 1940 по 1942 г. импорт пшеницы в Италию упал с 690,5 до 32,5 тыс. т; хлопка — со 107,5 до 1,1 тыс. т; шерсти — с 22,6 до 0,9 тыс. т; лома — с 321,1 до 163,4 тыс. т; железа и стали — с 313,8 до 42,3 тыс. т; каменного угля — с 12 529 до 10 793 тыс. т; нефти — с 1262 до 526 тыс. т. И только импорт чугуна поднялся с 34,5 до 145,0 тыс. т⁵². Также и экспорт в этот период уменьшился: лимонов и апельсинов — с 353,3 до 239,5 тыс. т; растительного масла — с 16 до 0,7 тыс. т; серы — со 191,7 до 120,0 тыс. т⁵³.

Что касается промышленного производства, то его индекс, принимая 1938 г. за 100, достиг в 1939 г. — 109, в 1940 г. — 110, а затем начал неуклонно падать: 1941 г. — 103, 1942 г. — 89, 1943 г. — 69⁵⁴. Особенно серьезные последствия в условиях вой-

⁵⁰ Цит по: *Овсянник П.* Конец режима Муссолини. М., 1965, с. 8.

⁵¹ *Ротео R.* Op. cit., p. 197—198.

⁵² *Ibid.*, p. 198.

⁵³ *Ibidem.*

⁵⁴ *Ibid.*, p. 200.

ны имело падение производства в металлургической промышленности⁵⁵:

Год	Чугун (т)	Сталь (т)	Железо (т)	Алюминий (т)
1940	1 061 931	2 257 783	130	38 790
1941	1 037 541	2 062 583	55	48 195
1942	887 056	1 933 675	43	43 541
1943	648 491	1 727 201	—	46 192

Кризис производства затронул и текстильную промышленность:

Год	Шелк (т)	Хлопок в пряже (т)	Хлопок в ткани (т)
1940	2 865	177 550	144 769
1941	3 325	115 440	109 201
1942	2 462	76 122	77 761
1943	1 373	48 920	54 488

На военном потенциале Италии отражалось и падение производства в химической промышленности:

Год	Соляная кислота (т)	Азотная кислота (т)	Серная кислота (т)	Карбид кальция (т)	Фосфаты (т)
1940	70 523	437 039	2 007 810	167 403	1 430 519
1941	64 535	467 145	1 817 529	214 561	1 135 524
1942	52 560	413 837	1 224 921	161 715	715 740
1943	45 405	344 196	875 152	140 606	66 687

Война и непосредственная подготовка к ней стимулировали усиление государственного воздействия на экономику. В свое время К. Маркс, анализируя процесс капиталистического воспроизводства, абстрагировался от государственного потребления, поскольку оно в тот период не оказывало сколько-нибудь существенного влияния на развитие капиталистического производства. В XX в. положение изменилось. Причем одним из важных участков роста государственного потребления становятся государственные военные заказы. В целом милитаризация экономики, особенно в период войны, оказывала серьезное воздействие на структуру и движение общественного производства капиталистических стран. В то же время милитаризация экономики, особенно в период войны, была связана и с регулированием рынка рабочей силы. И это тоже в известной мере было новым явлением по сравнению с эпохой так называемого «свободного капитализма», который предполагал, наряду с частной собственностью на средства производства, также и свободную продажу труда.

Эти новые тенденции в развитии капитализма нашли свое яркое выражение во время первой мировой войны и стали, как

⁵⁵ *Romeo R. Op. cit., p. 200.*

известно, одним из исходных пунктов ленинского учения о перерастании свободного капитализма в государственно-монополистический капитализм. Накануне и во время второй мировой войны эти тенденции в наибольшей мере были развиты в государствах фашистского типа. Причем в Италии они развивались в особенно остром противоборстве между государственным и частно-индивидуалистическим началом в экономике, что усиливало в конечном счете кризис экономической системы в этой стране. Разумеется, что сфера так называемых «государственных» интересов в значительной мере предполагала интересы крупного монополистического капитала. Однако сами по себе эти интересы, оставаясь все-таки частными, не могли не включаться также и в сферу частнохозяйственных интересов.

Значительные усилия были предприняты правительством во время войны в целях регулирования цен и денежного обращения в стране. В сельском хозяйстве была сделана попытка заблокировать арендную плату за землю, от которой, однако, из-за сопротивления крупных земельных собственников в марте 1942 г. пришлось фактически отказаться. Меры правительственного контроля вынуждали крестьян сдавать основную часть своей продукции по официально установленным ценам. Однако наряду с этим в Италии во время войны процветал черный рынок со своими неофициальными ценами на товары сельскохозяйственного производства. Сопротивление крестьян правительственной политике заготовок вынудило к принятию в июле 1941 г. специального закона о «Преступлениях против дисциплины потребления». За один только ноябрь 1941 г. было зарегистрировано 11 849 случаев нарушения этого закона⁵⁶.

В сентябре 1941 г. в Италии были введены карточки на основные виды продовольственных товаров. Бокка пишет, что нормы продуктов в Италии были одними из самых низких в Европе, превышая только Польшу. Согласно приводимым им данным, поляки получали 850 калорий в день, итальянцы — 1100, немцы — 1990. Дневная норма хлеба в Италии была 200 г., а месячная норма мяса — 400 г, сахара — 500 г, оливкового масла — 100 г⁵⁷. Цены в Италии возросли в большей мере, чем в других воюющих странах (имеются в виду Германия и Англия). Если принять индекс цен в 1938 г. за 100, то это будет выглядеть следующим образом⁵⁸:

	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.
Германия	101	104	106	108
Англия	95	120	140	147
Италия	112	136	140	163

⁵⁶ «Stampa», 2.II 1942.

⁵⁷ *Bocca G.* Op. cit., vol. II, p. 462.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 493.

Рост денежного обращения в воюющих странах, принимая 1938 г. за 100, выглядит следующим образом⁵⁹:

	1940 г.	1941 г.	1942 г.		1940 г.	1941 г.	1942 г.
Италия	164	254	380	Англия	126	154	189
Германия	174	233	295	США	127	163	225

В абсолютных цифрах денежное обращение в Италии возросло с 31 306 млн. лир в 1940 г. до 49 609 в 1941 г., до 73 320 — в 1942 г., до 156 тыс. — в первые месяцы 1943 г.⁶⁰ Обесценение лиры, которое Муссолини в своей речи от 26 марта 1942 г. назвал «дорогой к пропасти», вызвало усиленное стремление к приобретению реальных ценностей, главным образом недвижимости. Явление, которое было названо в Италии «бегством от лиры», вынудило правительство принять ряд ограничительных мер.

В рамках мер по регулированию экономики фашистское правительство пыталось упорядочить и рынок рабочей силы, что, как уже отмечалось, было связано с общими тенденциями по милитаризации экономики. В период войны усилия в этом направлении нашли свое выражение в декретах о «гражданской мобилизации», которые предусматривали принудительное направление наемных, прежде всего сельскохозяйственных, рабочих для работы в то или иное хозяйство в соответствии с «интересами государства». В рамках мероприятий по регулированию рынка рабочей силы следует отметить практику отправки итальянских рабочих для работы в Германию.

В целом в это время статистика фиксирует определенный рост прибылей, извлекаемых благодаря военной конъюнктуре главным образом представителями крупного монополистического капитала. Если принять курс акций в 1938 г. за 100, то их рост в разных отраслях промышленности происходил следующим образом⁶¹:

Год	Текстильная промышленность	Металлургическая	Электрическая	Химическая
1939	147	147	131	123
1940	164	150	157	142
1941	251	182	205	168
1942	266	194	254	193

Однако, несмотря на это, сама система государственно-монополистического капитализма в Италии, основанная на тесной связи между государством и монополиями, не избежала во время войны воздействия экономического кризиса. Интересы итальянского монополистического капитала, или во всяком случае части его, страдали от усиления экономического влияния

⁵⁹ *Bossa G.* Op. cit., vol. II, p. 495.

⁶⁰ *Ibidem.*

⁶¹ *Ibid.*, p. 492.

Германии на Балканах и в придунайских странах. То же можно сказать и о сокращении, в угоду итало-германскому союзу, выгодных экономических связей с США и Англией. Все большее влияние Германии на итальянскую экономику не на шутку тревожило итальянский капитал⁶².

Роберто Батталья акцентирует внимание на отмеченном уже выше плане Функа о координации германской и итальянской экономики. Этот план означал усиление экономической зависимости Италии от Германии. «Довольно скоро,— пишет Р. Батталья,— проявились старые противоречия между монополистическими группами гидроэнергетической и металлургической промышленности. В то время как последние безоговорочно приняли план Функа, поскольку они были прочно связаны с военной промышленностью и режимом фашистского государства, первые начиная уже с 1941 г. выдвигали некоторые возражения, касающиеся будущего Европы, призывая, правда в весьма осторожной форме, к возвращению к либералистским принципам с целью вырваться из железных тисков экономической гегемонии Германии». И далее Батталья делает одно замечание, которое может быть отнесено не только к отношениям между Италией и Германией, но и между фашистским государством и монополистическим капиталом: «Эта фронда сама по себе была безобидной и не затрагивала — до той поры пока мощь гитлеровской Германии была настолько велика, что подавляла все разногласия в странах, привязанных к ее колеснице,— принципиального вопроса о целесообразности участия в фашистской войне. Но когда колесница увязла, в Италии начала шириться эта первая брешь...»⁶³

Э. Сантарелли приводит в своей книге высказывание «резинového короля» А. Пирелли, в котором тот в 1940 г. подтверждал заинтересованность «итальянской экономики» в «разрешении средиземноморской проблемы»⁶⁴. Но, по мере того как Италия попадала все в большую зависимость от Германии, а та сама начала терпеть поражения, увлекая с собой и Италию, по мере осознания грозящей катастрофы, «фронда» монополистического капитала стала приобретать все более явные очертания.

В известной мере она влияла и на отношения между монархией и фашизмом. Однако сами по себе эти отношения гораздо сложнее и включают и настроения в армии, и настроения в традиционных консервативных кругах итальянского общества, и настроениях всех тех, кто хотел видеть в монархии своего рода антитезу фашизму. Монархия, которая была, по выражению Муссолини, «одним из столпов итальянской государственности», на

---

⁶² *Guarnieri F.* Battaglie economiche, vol. II. Milano, 1933, p. 314—318.

⁶³ *Батталья Р.* История итальянского движения Сопротивления. М., 1954, с. 81—82.

⁶⁴ *Santarelli E.* Storia del movimento e del regime fascista, vol. II, p. 409.

которую фашизм имел возможность опираться в течение многих лет своего господства в Италии, становилась средоточием оппозиционных фашизму настроений. Отметим сразу, что образ короля, противопоставленный фашизму, был высвечен не внутренним светом его подлинного отношения к фашизму, а светом именно извне, исходящим из надежд на него, все более возраставших по мере разочарования в фашизме. Впрочем, истории известны примеры такой «объективной логики», когда то или иное лицо, независимо от своей собственной воли, становится средоточием надежд и помыслов многих людей. И это влияет на логику его поведения.

В этом плане проблема отношений между монархией и фашизмом нашла свое своеобразное преломление в отношениях между армией и милицией. Эти отношения привлекали уже внимание ряда авторов⁶⁵, и можно также здесь проследить развитие «фронды». Сначала это столкновения из-за того, что офицеры со звездочками, т. е. армейские офицеры, не отдавали чести офицерам с ликторскими пучками, т. е. офицерам милиции. Сначала это просто недовольство тем, что фашистская милиция, в отличие от армии, пользовалась правом бесплатного проезда на городском транспорте. Недовольство в армии вызывает и присвоение званий в зависимости от политических заслуг — явная привилегия тех, кто служит в фашистской милиции.

Еще до войны чернорубашечников называли «солдатами Муссолини», а тех, кто служил в армии — «солдатами короля». Противоречия между теми и другими вышли наружу уже во время войны в Греции, когда солдаты дивизии «Джулия» взбунтовались из-за того, что в ее ряды были включены подразделения фашистской милиции. А когда после первых поражений в Греции Муссолини устранил с поста командующего итальянской армией генерала Бадольо, то очень многие офицеры действительной службы начинают считать себя «бадольянами», вкладывая в это определение явно фрондирующий по отношению к фашизму смысл.

Фрондирующие по отношению к фашизму настроения в армии находят свое специфическое преломление и в отношении к «фашистским братьям по оружию». Здесь эти настроения облекались в более доступную форму неприязни к немцам, которая питалась еще не заглушенными воспоминаниями о первой мировой войне, но главное тем состоянием унижения, в котором оказалась в начале войны итальянская армия по сравнению со своим «непобедимым» союзником. В Греции и Северной Африке немцы наглядно продемонстрировали свое превосходство, не без того, чтобы не задеть болезненное кастовое самолюбие итальянских военных.

⁶⁵ *Armellini O.* La crisi dell'esercito. Roma, 1945; *Zanussi G.* Guerra e catastrofe d'Italia, vol. I. Roma, 1945.

Однако и здесь развитие «фронды» измерялось тем расстоянием, которое фашистская Германия прошла от побед на Западе до поражений на Востоке. И в этом смысле поражение фашистских войск под Сталинградом оказало решающее влияние не только на весь ход второй мировой войны, но и во многом предопределило непосредственное развитие событий в Италии. Разгром итальянской экспедиционной армии на Дону не только усилил антигерманские настроения во всей итальянской армии, но и поднял эти настроения на уровень уже более или менее осознанного антифашизма.

Остатки АРМИР весной 1943 г. были отозваны на родину.) Однако антифашистские настроения созревали не только в той части итальянской армии, которая воевала на советско-германском фронте. Эти настроения давали о себе знать и среди тех основных сил итальянской армии, которые находились в Северной Африке. Также и здесь соотношение сил стало постепенно меняться в пользу союзников. После вступления в войну в декабре 1941 г. Соединенных Штатов Америки колоссальные ресурсы этой страны были поставлены на службу общему делу разгрома фашизма. В то же время война против Советского Союза отвлекала основные силы Германии от этого театра военных действий. «Поход на Египет», предпринятый летом 1942 г. итапогерманскими войсками под командованием генерала Роммеля, окончился неудачей. В октябре 1942 г. английские войска, которые имели к этому времени превосходство в живой силе и подавляющее превосходство в технике, перешли на египетском фронте в решительное наступление.

В литературе, посвященной этому вопросу, мы встречаемся с описанием тех «неимоверных трудностей», с которыми пришлось столкнуться итальянцам в этой «войне в пустыне»⁶⁶. Нисколько не преуменьшая этих трудностей, можно, однако, сказать, что отношение к ним во многом определяется моральным духом солдат. Не кто иной, как Наполеон, воевавший здесь, в Египте, почти за полтора столетия до итальянцев, сказал как-то: «Духовная сила относится к физической как три к одному»⁶⁷. И на этот раз моральный дух итальянской армии, воевавшей под фашистским флагом, оказался довольно низким. Итальянские исследователи Сальваторелли и Мира дают впечатляющую картину катастрофы немецкой и итальянской армии в Северной Африке. В Ливии убитыми, ранеными и пленными итальянская армия потеряла половину своего личного состава⁶⁸.

На этот раз итальянцы потеряли уже не далекую Эфиопию, завоеванную во времена фашизма, а близкую к своим границам

⁶⁶ *Maravigna P.* Come abbiamo perduto la guerra in Africa. Roma, 1949; *Gorla G.* L'Italia nella seconda guerra mondiale. Milano, 1959.

⁶⁷ *Копленд Н.* Психология и солдат. М., 1958, с. 16.

⁶⁸ *Salvatorelli L., Mira G.* Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1962, p. 1028.

Ливию, завоеванную еще до фашизма. На берегу бухты Ассаб до выхода к ней англичан висела бронзовая доска с выгравированными на ней словами: «Здесь был угольный склад, приобретенный Джузеппе Сапето 15 ноября 1869 г., — первый шаг к широкому полету итальянских колониальных завоеваний». В день занятия Триполи англичане могли бы повесить здесь доску с такой надписью: «23 января 1943 г. окончила свое существование итальянская колониальная империя».

И опять все та же проблема монархии. В это время, когда тень катастрофы приблизилась уже непосредственно к границам Италии, усилились надежды на короля, который вмещается в нужный момент, чтобы спасти положение. Многие люди, которые противопоставляли уже в своем сознании «фашизм» и «родину», олицетворяли последнюю с королем. Это относится, в частности, к представителям консервативных слоев итальянского общества и к старой аристократии, которую далеко не всегда правомерно отождествляют с фашизмом. Эти люди частично сохранили свои позиции в государственном аппарате и с определенной дозой иронии и презрения смотрели на тех, кто делал здесь карьеру исключительно за счет своих «политических заслуг». Один из консервативных чиновников итальянского министерства иностранных дел, скрывавшийся под псевдонимом «М. Доности», вводит нас в этот опять-таки скрытый мир духовных коллизий и противоречий внутри так называемого «консервативно-фашистского блока». Весьма показательно, в частности, его сравнение Муссолини с Калигулой, с той только разницей, что последний ввел в сенат лошадь, а первый назначал своими послами за границей ослов⁶⁹.

И в этом случае, разумеется, от «фронды» до разрыва было довольно большое расстояние. Но постепенно чувство тревоги за родину оформилось и здесь в противопоставление между монархией и фашизмом. Нельзя не отметить в этой связи, что слишком уж часто коллизии, возникающие в этой сфере, сводятся к сугубо корыстным социальным и экономическим интересам. Поэтому нелишне напомнить полемику Грамши против весьма распространенных упрощений в социально-экономической интерпретации истории.

«Забывают, — писал Грамши, — что тезис, согласно которому люди осознают экономические конфликты в идеологических формах, носит не психологический или нравственный, а органический, гносеологический характер, вследствие этого создается обычай рассматривать политику и, следовательно, историю как непрерывный рынок обманов, как цепь иллюзионистских фокусов. «Критическая» деятельность сводится к обнаружению обманов, к подсчету денег, находящихся в карманах представительных деятелей...» Все это, разумеется, идет вразрез с диалектиче-

⁶⁹ *Donosti M. Mussolini e l'Europa. Roma, 1945, p. 15.*

ским методом исторического исследования, присущим «философии практики», как Грамши называет в своих «Тюремных тетрадях» марксизм⁷⁰.

Здесь же Грамши пишет о «народных верованиях», которые имеют значение «материальной силы»⁷¹. Это, надо полагать, имеет прямое отношение к тем надеждам, которые многие возлагали в это время не только на короля, но и на церковь, связывая их подчас в своем сознании воедино. Весьма показательно, что во время манифестации за мир в Неаполе из толпы раздавались такие, например, выкрики: «Да здравствует Святой Януарий и король!» В целом отношения между фашистским режимом и церковью были еще одним направлением, по которому развивался политический кризис в Италии в это время.

Место церкви в этом кризисе следует, по-видимому, рассматривать в свете двух прямо противоположных тенденций, которые были характерны для политики Ватикана в период второй мировой войны. С одной стороны, это довольно неблагоприятное отношение к нацистской Германии и желание, чтобы Италия воздержалась от участия в войне. С другой — такие факты, как воззвание 23 епископов к Муссолини с призывом освободить гроб господен или определение войны, данное кардиналом Шустером уже в 1943 г., согласно которому «фашистская война является христианским делом». В рамках этих пределов, однако, нельзя не отметить того факта, что газета «Оссерваторе Романо», орган Ватикана, была единственной легальной газетой, которая выступала с критикой, иногда даже довольно острой, морали и методов фашистского режима, вплоть до той поры, когда ей строжайше было запрещено заниматься политикой.

В то же время из воспоминаний Р. Гуарилья, который стал в начале 1942 г. итальянским послом в Ватикане, мы узнаем о некоторых фактах, свидетельствующих о своеобразном преломлении в политике идеи, объединяющей Святого Януария и короля. Мы узнаем, в частности, что государственный секретарь Ватикана считал очень важным уже в 1942 г. усилить власть главы государства (т. е. короля) за счет власти главы правительства (т. е. Муссолини). И это потому, что в случае кризиса режима необходимо было создать как бы другой полюс притяжения⁷². Иными словами, церковь и государство в Италии, примиренные между собой фашизмом, готовились уже к тому, чтобы избавиться от него как от режима, т. е. как от определенной и поэтому «преходящей» формы государства.

Однако политический кризис в Италии в это время развивался не только в направлении отношений фашизма с королем и Ватиканом, но и в кризисе внутри самого фашизма как идеологии

⁷⁰ Грамши А. Избранные произведения, т. 3, с. 153—154.

⁷¹ Там же, с. 154.

⁷² Guariglia R. Ricordi 1922—1946. Napoli, 1950, p. 494.

и режима. При этом следует, по-видимому, отрешиться от несколько стилизованного образа фашиста, фанатично преданного «фашистской идее». И это прежде всего потому, что «фашистской идее» как таковой не было. Была «доктрина фашизма», была «фашистская теория корпоративизма», была «фашистская теория государства и права», была, наконец, «идея нации». Вот эта последняя, в ее сугубо националистическом понимании, и была, как мы это стремились показать, положена в основу всей фашистской идеологии, доктрины или теории.

Причем на заре фашизма эта идея была облачена в основном в прагматические одежды. Наиболее показательным в этом отношении является одно из выступлений дуче в 1921 г. «Фашистский дух,— говорил он,— бежит от всякой произвольной ипотеки на таинственное будущее. Мы не верим в догматические программы, во все эти твердые рамки, в которые нужно вмести́ть сложную, изменчивую и многоцветную действительность. Мы позволяем себе роскошь согласовать и превзойти в себе те анти-тезы, которые разъедают других... Мы позволяем себе роскошь быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и революционерами, легалистами и иллегалистами в соответствии с обстоятельствами времени, места и среды, одним словом, в соответствии с историей, в которой мы вынуждены жить и действовать»⁷³.

Все возникающие в таких случаях противоречия снимались в националистической формуле об «интересах нации», которая являлась своего рода моральным абсолютом, точкой, от которой ведется отсчет в чисто политической плоскости. И даже после того, как фашизм оформил «свою» идеологию, «свою» доктрину, «свою» теорию, «свой» режим, и после этого отправной точкой всей фашистской логики оставалась все та же националистическая идея об «интересах нации». Заметим в этой связи, что Муссолини как-то сетовал на то, что его власть ограничена короной, что его генералы присягали в верности не ему, а королю. Но то же самое можно сказать и по поводу национализма, ибо фашисты присягали в конечном счете не фашизму как таковому, а именно национализму. А если это так, то во имя тех же «национальных интересов» можно было отойти не только от «консерватизма» или «прогрессизма», но и от самого фашизма. Обращает на себя внимание в этой связи следующее замечание Паоло Алатри, который писал по поводу разочарований ходом войны внутри самого фашизма: «Это было не отречение от национализма, а сам разочарованный и неудовлетворенный национализм, который начал отходить от фашизма и изолировать его в глазах итальянского общественного мнения»⁷⁴.

---

⁷³ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, vol. II. Milano, 1934, p. 153.

⁷⁴ *Алатри П.* Указ. соч., с. 57.

Странным, причудливым образом сплетались во внутрифашистской оппозиции настроения, восходящие к этому национализму, к «подлинному фашизму» и к откровенному и совершенно беспринципному прагматизму. Своего рода фокусом этих настроений стал все тот же Галеаццо Чиано. Отрицательное отношение к тесному союзу с Германией сближало его с таким «метром» фашизма, как Дино Гранди, с таким идеологом «фашистского ревизионизма», как Джузеппе Боттаи, и в то же время с главным теоретиком национализма Луиджи Федерцони. Будучи по натуре весьма прагматичным и лишенным какого бы то ни было фанатизма человеком, он настойчиво искал контактов с королевским двором. Один из владельцев заводов в Терни, он отражал также растущие опасения в отношении последствий фашистской политики со стороны крупного капитала.

Оппозиция внутри фашистской верхушки не осталась не замеченной во внешнем мире. В статье, опубликованной 14 декабря 1942 г. в американском журнале «Лайф», говорилось: «Внутри фашистского режима существует довольно определенная тенденция освободиться от Муссолини и сторонников Германии, сохранив при этом саму систему. Это занимает в настоящее время мысль крупных итальянских промышленников, во главе которых, по некоторым данным, стоят Чиано, граф Вольпи и сенатор Пирелли. По всей вероятности, речь идет о попытке заменить ориентацию фашизма на Германию ориентацией его на союзников...»⁷⁵

Но главным симптомом кризиса внутри фашизма были даже не эти настроения в его верхушке, а настроения в низах. Дело дошло до того, что в самый разгар войны, в мае 1942 г., руководство фашистской партии вынуждено было объявить чистку, в результате которой из нее было исключено тогда свыше 60 тыс. человек. О групповых исключениях из фашистской партии неоднократно сообщалось в печати⁷⁶.

Начальник разведывательного управления военного министерства генерал М. Роатта рассказывает в своих мемуарах о призыве, объявленном в начале 1943 г. фашистской молодежной организацией ДЖИЛ. Молодые люди призывались вступать в местные отряды самообороны, чтобы высвободить кадровые войска для отправки на фронт. На этот призыв откликнулось в Миланской провинции 50 добровольцев, в Римской — 32, и это были самые высокие показатели, ибо в 16 провинциях не явилось ни одного добровольца⁷⁷.

Необходимо было что-то делать. И Муссолини ищет выхода в «коренной чистке». 31 января 1943 г. был смещен со своего поста

⁷⁵ Salvemini G., Della Piana G. La sorte dell'Italia, Roma — Firenze — Milano, 1945, p. 32—33.

⁷⁶ «Corriere della Sera», 21.VII; 23.VIII 1942.

⁷⁷ Roatta M. Otto milioni di baionette. Milano, 1946, p. 228.

начальник генерального штаба итальянской армии генерал Уго Кавальеро. Он был человеком дружески настроенным по отношению к немцам, и Чиано записывает в своем дневнике по этому поводу о «радости среди итальянцев и разочаровании среди немцев»⁷⁸. Но буквально через несколько дней, 5 февраля 1943 г., роли переменялись, ибо были уволены сам Чиано и ряд других министров, часть из которых была известна своими «антинемецкими» настроениями (Гранди, Боттаи). Всего было уволено 9 министров из 11. Этим ударом Муссолини хотел разделаться и с оппозицией против себя, и с оппозицией против Германии, а задно взвалить на ушедших ответственность за неудачи как на флотах, так и внутри страны. После этого Муссолини сам возглавил министерства иностранных дел, внутренних дел, армии, флота и авиации, назначив себе соответственно по всем этим министерствам заместителей. Сконцентрировав в еще большей мере всю власть в своих руках, Муссолини на какое-то время действительно ослабил позиции оппозиционных кругов в фашизме. Но почти сразу же ему пришлось столкнуться внутри страны с гораздо более грозным противником — с массовым антифашистским выступлением рабочих.

Это были забастовки рабочих Северной Италии в марте 1943 г. Главную роль в их организации сыграли коммунисты. Речь шла о развитии движения, начатого под их руководством еще осенью 1942 г. И вот теперь отдельные забастовки переросли в массовое выступление. Датой начала движения считается 5 марта 1943 г., когда рабочие завода ФИАТ — Мирафьори прекратили работу, выдвинув требование об оплате дополнительных часов работы и о надбавке к зарплате на дороговизну. Эти чисто экономические требования уже тогда сочетались с политическими. «Мы требуем мира!» — заявили забастовщики⁷⁹.

К забастовке завода ФИАТ — Мирафьори присоединились другие крупные предприятия Турина — Вестингауз, Небиоло, Оффичине, Савильяно, Ферроере Пьемонтези. Движение перебросилось с заводов на площади города, где разбрасывались листовки, призывавшие к солидарности с бастующими, и собирались группы возбужденных людей. Из Турина движение распространилось на провинцию. С 13 марта и до конца месяца забастовками были охвачены почти все промышленные центры Пьемонта. 24 марта начали забастовку в Милане рабочие заводов Пирелли, Фальк, Эрколе Марелли. Всего в марте 1943 г. в Пьемонте произошло 107 забастовок, в которых участвовало 94 453 человека, в Ломбардии — 52 забастовки, в которых участвовало 35 715 человек⁸⁰.

В целом, несмотря на произведенные в ряде мест аресты участников забастовок, фашистский аппарат продемонстрировал в это время свою слабость. Об этом свидетельствовали и уступки, на

⁷⁸ *Rocca G.* Op. cit., vol. II, p. 534.

⁷⁹ *Massola U., Li Causi G.* Gli scioperi del 1943—1944. Roma, 1945, p. 7.

⁸⁰ *Massola U.* Marzo 1943, ore 10. Roma, 1950, p. III.

которые пошло правительство, объявив об общем увеличении заработной платы рабочим и служащим. Выступая на заседании руководства фашистской партии по поводу происшедших забастовок, Муссолини говорил в апреле 1943 г.: «Этот в высшей степени неприятный, крайне огорчительный эпизод неожиданно отбросил нас на 20 лет назад; следует рассматривать его в широких рамках международного положения, связывая его с тем фактом, что русское наступление в то время казалось неудержимым... Создавалось впечатление, что неожиданность выступления полностью дезорганизовала местный партийный аппарат». И далее, признавая политическую направленность движения, которое сплошь и рядом принимало характер протеста против войны, Муссолини заметил: «Претендовать на то, чтобы война была популярной в широких народных массах, означает претендовать на абсурд. Широкие массы народа должны повиноваться. Они не могут выносить суждения. У них нет способностей для этого»⁸¹.

Способным для этого Муссолини считал себя и свое правительство. И тогда, когда он принимал решение о вступлении Италии в войну, и тогда, когда он начал сомневаться в ее исходе. А случилось это уже вскоре после первого поражения германской армии под Москвой. Именно тогда в дневнике Чiano появляется запись о благоприятном отношении Муссолини к японскому предложению о том, чтобы Германия и Италия заключили сепаратное соглашение с Россией⁸². Вновь появившиеся надежды на победу Германии весной и летом 1942 г. позволили Муссолини отказаться от поисков решений в этом направлении. Однако уже после первых известий о поражении германской армии под Сталинградом и перед лицом непосредственной угрозы Италии со стороны союзников Муссолини вновь возвращается к идее о необходимости заключения сепаратного договора с Россией. В этом духе была им составлена инструкция для итальянской делегации на встрече 18—20 декабря в Герлице, ставке Гитлера.

Мы изложили, рассказывает участник этой встречи Уго Кавальеро, точку зрения Муссолини. Было заявлено: «Муссолини взвешивает возможности политического соглашения с Россией, т. е. заключение договора типа Брест-Литовского. Это позволило бы высвободить войска для военных действий на Западе. Если даже такое соглашение возможно, Муссолини считает целесообразным отдать приказ о переходе на русском фронте к жесткой, экономной, глубоко эшелонированной обороне все с той же целью — высвободить силы для Средиземноморского театра, где, как он уверен, будет решаться судьба войны. В этом случае вторжение в Россию могла бы осуществить Япония».

Точка зрения Гитлера, согласно дневниковой записи того же Кавальеро, была следующей: «Что произошло бы, если бы Россия

⁸¹ Цит. по: *Филатов Г.* Крах итальянского фашизма, с. 312.

⁸² *Ciano G. Diario*, vol. II. Milano, 1950, p. 105.

вышла из войны? Мы едва ли могли бы сделать больше для Ромеля, поскольку проблема заключается главным образом в транспорте; мы также не смогли бы ослабить восточный фронт, так как на выполнение Россией обязательств ни в коем случае нельзя было бы рассчитывать. Они заключили бы договор типа Брест-Литовского, но потом использовали бы предлог об «угрозе», и все рухнуло бы. Авиационные части, находящиеся на восточном фронте, не могут быть переброшены на Запад раньше, чем через шесть месяцев. К тому же, если мы покинем базы в России, в случае возобновления войны придется потратить 6—8 месяцев на их восстановление. И, наконец, если мы попытаемся заключить соглашение с Россией, англичане и американцы сделают все, чтобы помешать этому. Результатом будет переход Финляндии на сторону последних. Таким образом, совершенно очевидно, что соглашение с Россией невозможно»⁸³.

Следует отметить, что все это были расчеты, построенные в отрыве от реальной действительности, которая заключалась в том, что Советский Союз не собирался заключать с Германией и Италией «договора типа Брест-Литовского». По-видимому, немцы понимали это в большей мере, чем итальянцы. Когда Муссолини в апреле 1943 г. во время встречи в Зальцбурге с Гитлером и Риббентропом возобновил разговоры на эту тему, то последний высказал вполне резонные сомнения относительно желания Советского Союза пойти на соглашение с державами «оси»⁸⁴.

Более реальным оказался зондаж в сторону США и Англии. Однако и здесь следует обратить внимание по крайней мере на одну «реальность», которая довольно часто смазывается в обилии фактов о переговорах итальянцев с англичанами и американцами в конце 1942 — начале 1943 г. Речь шла об отрыве Италии от Германии, во-первых, и о связи между заключением перемирия и устранением Муссолини от власти, во-вторых. Поэтому более реальным был зондаж по линии представителей королевского двора, Ватикана и считавшегося в оппозиции к фашизму генерала Бадольо⁸⁵.

Большое значение, как и всегда, имела позиция представителей монополистического капитала. Поэтому обращает на себя внимание запись, сделанная в дневнике Чиано в январе 1943 г., о его беседе с «резиновым королем» Пирелли. Этот последний считал, что война проиграна и надо начинать переговоры с западными странами⁸⁶. Мартовские забастовки и воздушные налеты союз-

⁸³ *Кавальеро У.* Записки о войне. М., 1968, с. 261—262.

⁸⁴ *Исраэлян В. и Куцаков Л.* Дипломатия агрессоров. М., 1957, с. 270.

⁸⁵ *Toscano M.* Dal 25 luglio all' 8 settembre. Firenze, 1966, p. 141—188; см. также: *Серова О. В.* Италия и антигитлеровская коалиция 1943—1945. М., 1973, с. 43—47. О политике союзников по отношению к Италии в это время см.: *Ada-Rossi E.* La politica degli Alleati verso l'Italia nel 1943.— «Storia contemporanea», 1972, N 4, p. 847—896.

⁸⁶ *Bianchi G.* Op. cit., p. 754.

ной авиации ускорили созревание подобного рода настроений в руководящих промышленных кругах Италии. Первым открытым выступлением против Муссолини с этой стороны — и со стороны верхушечной оппозиции вообще — было выступление крупного промышленника Витторио Чини. Он был сенатором, а после правительственных перемещений в феврале 1943 г. получил пост министра транспорта.

И вот на заседании совета министров 19 июня 1943 г. Чини прямо поставил вопрос: «Каковы цели ближайшие и отдаленные, каковы предвидения и гипотезы у тех, кто ответствен за ведение войны?» Всяма любопытна сама форма постановки этого вопроса, как бы проводящая черту внутри правительства между теми, кто «ответствен» и кто «не ответствен» за ведение войны. Обрисовав серьезность сложившейся ситуации, Чини потребовал серьезного анализа этой ситуации. Если этот анализ покажет, что следует заключить мир, то, как прямо заявил Чини, «надо приготовиться к тому, чтобы сделать это»⁸⁷. Выступление Чини следует рассматривать в плане отношений между фашизмом и монополистическим капиталом, и в этом плане мы считаем необходимым привлечь внимание к самой проблеме выбора для последнего, т. е. для монополистического капитала.

Имеются весьма красноречивые факты, свидетельствующие о сращивании монополистического капитала с государственным аппаратом в фашистский период⁸⁸. Например, по данным на 1932 г., 112 сенаторов, 175 депутатов и многие члены Большого фашистского совета и руководства фашистской партии занимали оплачиваемые посты в административных советах крупных акционерных обществ. В 1940—1941 гг. эти связи стали еще более многочисленными и более глубокими. Так, акционерные общества, входящие в состав четырех крупных частных электропромышленных групп, во главе которых стояли общества «Эдисон», «Адриатика ди элеттрита», «Страде феррате меридионали» и «Ля чентрале», имели в своих административных советах более 40 сенаторов и депутатов. В составе административных советов акционерных обществ сахарной промышленности и смежных отраслей насчитывалось 15 сенаторов и депутатов, в административных советах страховых обществ — свыше 30, машиностроительных акционерных обществ — свыше 30, химических — свыше 25, текстильных — свыше 25 и т. д. Весьма показательна, что среди имен многочисленных специалистов и финансистов, входивших в состав верхней и нижней палат, фигурировали имена известных политиков. А это означало совмещение в одном лице политического и

---

⁸⁷ *Bianchi G. Op. cit., p. 755.*

⁸⁸ Приводимые далее факты имеются в книге *Struttura dei monopoli industriali in Italia. Roma, 1949, p. 14*, и основаны на официальных данных из ежегодника *Notizie Statistiche sulle Società italiane per azione*, а также из «*Biografia Finanziaria Italiana*».

экономического деятеля. Тот же Витторио Чини — наиболее наглядный тому пример.

В то же время характерно, что среди руководящих деятелей фашистского партийного аппарата мы не найдем ни одного сколько-нибудь крупного промышленного или финансового деятеля. Обратим внимание в этой связи на следующие соображения, высказанные Грамши в 30-х годах, надо полагать, в связи с вопросом о фашизме: «Возникает вопрос, — писал Грамши, — имеют ли крупные промышленники собственную постоянно действующую политическую партию? По-моему, ответ должен быть отрицательным. Крупные промышленники используют время от времени все существующие партии, но у них нет собственной политической партии. Однако их ни в коей мере нельзя считать «агностиками» или «аполитичными»: они заинтересованы в сохранении определенного равновесия, которого они достигают именно тем, что время от времени поддерживают своими средствами в изменчивой обстановке политической борьбы ту или иную политическую партию (за исключением, разумеется, антагонистической партии, усиление которой они не могут способствовать даже по тактическим соображениям)»⁸⁹.

Нам представляется, что соображения, высказанные в данном случае Грамши, могут быть своего рода ключом для понимания политики монополий «в изменчивой обстановке политической борьбы». В начале 20-х годов, будучи уже тогда связанными с государственным аппаратом, они отказали в своей поддержке правящим либеральным политическим группам и сделали ставку на фашизм. Теперь они приблизились к тому, чтобы отмежеваться от фашизма. Речь в данном случае шла, возвращаясь к упомянутой в начале работы метафоре Феличе Гуарнери, «о смене лошадей». При этом сама повозка — система связи между государством и монополистическим капиталом — должна была бы остаться той же.

Действительно, фашистские руководители завели страну в такой тупик, что даже в их собственных рядах обнаружилось теперь уже явное замешательство. Еще 24 июня 1943 г. Муссолини в одном из своих выступлений заявил, что, если враг попытается высадиться на Сицилии, он сразу же будет уничтожен «на той линии, где кончается вода и начинается берег»⁹⁰. А в ночь с 9 на 10 июля 1943 г. союзники не только попытались, но и успешно осуществили высадку на Сицилии, не встретив практически на своем пути сколько-нибудь серьезного сопротивления. И это в то время как силы обороняющихся насчитывали здесь 300 тыс. человек против 160 тыс. участвовавших в десанте. Итальянцы имели превосходство и в артиллерии, уступая, правда, в авиации⁹¹. Что же все-таки происходит? Как все это совместить со

⁸⁹ Грамши А. Избранные произведения, т. 3, с. 143—144.

⁹⁰ Bianchi G. Op. cit., p. 765.

⁹¹ Bocca G. Op. cit., vol. II, p. 560.

словами Муссолини о непреодолимой для врага обороне Сицилии? Как, наконец, объяснить все это массам? Эти и другие вопросы задавали сами высшие фашистские руководители, иерархи, как их называли в партии ⁹².

Это было 16 июля 1943 г., вечером. Они собрались у Муссолини — иерархи, ветераны старой фашистской гвардии. Очень важно представить себе психологическую атмосферу разговора между ними. Они называли друг друга «камератами», обращались друг к другу на ты. Естественно, что за этой чисто внешней близостью скрывались и взаимное соперничество, и обиды, и даже злорадство в отношении Муссолини, который «когда-то кого-то» не оценил, обидел, пренебрег «кем-то». Но наряду с этим была и действительная близость, духовная, в том смысле, что все эти люди видели мир примерно под одним углом зрения, трагедию нации мыслили в узкопартийных, сугубо фашистских категориях. Трагедия нации сводилась к фарсу фашистской «революции», в осуществлении которой были допущены те или иные ошибки. Спор шел именно в этой плоскости.

Очень трудно перейти из реального исторического мира в его трех измерениях в двухмерную плоскость мышления фашистских «камератов». Без этого нельзя понять внутреннюю логику кризиса фашистского режима в этот наступивший для него «судный час». Документ, который мы будем цитировать в этой связи, — письмо одного из участников встречи 16 июля, бывшего секретаря фашистской партии Джованни Джурати. Оно было написано 17 июля, на следующий день после этой встречи, на которой было решено созвать Большой фашистский совет. Письмо несет в себе отголосок споров, происшедших накануне. Главный тезис Джурати — фашистская «революция» свернула после своей победы с «революционного» пути.

«Я сказал вчера, — уточняет свою точку зрения Джурати в письме к Муссолини, — что различие между революцией и государственным переворотом состоит в том, что первая является юридической конструкцией, т. е. глубокой реформой всего общественного права». С этой точки зрения, продолжает Джурати, «у нас была именно революция». Она нашла свое воплощение в трех принципах фашизма, оформленных «в трех фундаментальных законах режима». Это, согласно Джурати, законы о Большом фашистском совете, о первом министре и «Хартия труда».

«Большой фашистский совет, — писал он. — Заседания его не созывались уже несколько лет. Между тем законом предусматривалось, что они должны созываться как можно чаще, особенно когда положение становится серьезным. Вместо этого война была объявлена без предварительной консультации с членами БФС, и без консультации с нами были сделаны некоторые аннексии, по поводу которых самые верные из твоих сотрудников имели

⁹² Ibid., p. 562.

возражения. Но не только это. Статья 13 закона о БФС гласила: «БФС по предложению главы правительства составляет и обновляет список лиц для представления короне в случае вакансии для назначения главы правительства, премьер-министра, государственного секретаря. Сохраняя в силе полномочия и прерогативы главы правительства, БФС также составляет и обновляет список лиц, которых он считает годными в случае вакансии для выполнения правительственных функций». «Эта статья,— подчеркивает Джурати,— на практике никогда не применялась». Далее он переходит к вопросу о разрыве между теорией и практикой закона о первом министре.

«Главным принципом этого закона была ответственность министров за все свои действия и мероприятия не только перед королем, но и перед главой правительства. Эта фундаментальная норма ставила главу правительства на принципиально более высокую ступень по сравнению с другими министрами. Различие состояло именно в том, что первый министр принимает историко-политическую ответственность правительства, в то время как другие министры сохраняют юридическо-административную ответственность. Из этого следует, что осуществление закона о первом министре было логически связано с двумя условиями: что обычный министр должен нести ответственность за вверенный ему участок, а первый министр не имеет соответственно никакой юридическо-административной ответственности за какой-либо отдельный участок. На практике же ты, будучи всегда министром нескольких министерств, отказался благодаря этому от прерогатив, гарантированных тебе законом. Иными словами, закон никогда не был применен на практике из-за смещения между двумя ответственностями, которые он теоретически должен был разделять. Но не только это. Авторитет министров, тобою руководимых, был тобою же дискредитирован. Я мог бы привести много фактов, но достаточно одного, когда ты позволил, чтобы ряд министров во время войны в Греции отправился бы на фронт, сохранив свои прерогативы. В результате генеральные директора получали ту власть и независимость, которую я, не колеблясь, назвал бы губительной для государства».

Что касается «Хартии труда», то Джурати писал: «Каковы были цели этой твоей социальной конституции, нет нужды вспоминать. Были ли они достигнуты, об этом можно судить на основании беспристрастного рассмотрения результатов: 1) создание колоссальной паразитической бюрократии, государственной и профсоюзно-корпоративной; 2) множественность органов, предназначенных руководить одними и теми же отраслями; 3) рост числа плутократов и власти плутократии; 4) дезорганизация снабжения и распределения сырья и продуктов...»⁹³.

⁹³ Документ цит. по: *Bianchi G. Op. cit.*, p. 398—399.

С другой стороны, реальность и глубина кризиса фашизма сужалась до масштабов отношений между военными и политическими руководителями страны. Мы имеем в виду тот очаг заговора, который возник среди верхушки военной касты. Главную роль здесь играл генерал Витторио Амброзио, назначенный на пост начальника генерального штаба взамен уволенного Уго Кавальеро. Своим назначением Амброзио был обязан стараниям статс-секретаря военного министерства Антонио Сориче, который стал его ближайшим сообщником. Третьей заметной фигурой в этой группе был самый молодой командир бригады в итальянской армии генерал Джузеппе Каstellано. Психологическая основа этого заговора — «все беды итальянской армии происходят из-за партийных руководителей, которые ничего не смыслят в военном деле, а главное, прислужничают перед немцами». Высадка союзников в Сицилии усилила настроения этого рода, которые — и это очень важно — с самого начала находили свое выражение в противопоставлении между государством в лице короля и фашистским режимом. Есть все основания полагать, что это противопоставление имело в своей основе не только монархические привязанности участников военного заговора, но и вполне реальную связь, которую установил между ними и королем ближайший советник последнего герцог Пьетро Аквароне.

Что касается общей оценки позиции короля в это время, то окончательного решения он еще не принял, хотя 16 июля 1943 г., в день сбора фашистских иерархов у Муссолини, герцог Аквароне от имени короля просил либерала Солери помочь подобрать кандидатуры на министерские посты. Речь шла как бы о «запасном» правительстве, «на всякий случай». Причем решение о главе правительства король принял еще накануне, т. е. 15 июля. Им должен был стать генерал Бадольо. Однако вплоть до 19 июля король еще надеялся, что можно будет избежать потрясений.

Дело в том, что в этот день в Фельтре состоялась встреча Муссолини и Гитлера. Итальянский диктатор отправился на эту встречу с твердым, как он сам говорил, намерением поставить вопрос о невозможности для Италии продолжать далее участвовать в войне. Но Муссолини не нашел в себе сил сказать об этом. Гитлеру даже тогда, когда его личный секретарь подал ему записку о только что состоявшемся налете американской авиации на Рим. Тысяча тонн бомб была сброшена на товарные станции железной дороги. Когда Муссолини на обратном пути в Рим пролетал самолетом над Сабинскими холмами, он увидел над столицей клубы черного дыма. А король, когда он после окончания налета посетил районы наиболее сильных разрушений, был встречен негодующими возгласами толпы, собравшейся около пепелищ домов. Возможно, что эти возгласы вновь оживили в сознании короля призрак народного восстания...

Были ли в это время основания для предположений такого рода? Создается впечатление, что после забастовок в марте 1943 г.

в антифашистском движении масс произошла как бы пауза, передышка. В значительной мере это было связано с тем, что это движение не получило еще своего оформления в общенациональной программе единых антифашистских действий. Однако оно стало уже важнейшим фактором развития внутривластной ситуации в Италии. Все то, что произойдет впоследствии, нельзя понять без этого все более грозного для фашизма фактора, без страха, который все более охватывал правящие круги итальянского общества перед движением масс, без все более реальной перспективы перерастания этого движения в антифашистское восстание. События, происшедшие в Риме в период между 19 и 24 июля 1943 г., опередили движение в этом направлении, которое, возможно, и привело бы к попытке организовать антифашистское восстание.

Как только стали известны результаты встречи в Фельтре (точнее, безрезультатность этой встречи), король приказал Амброзио начать непосредственную подготовку к смещению Муссолини. Арест Муссолини решено было произвести 26 июля, приурочив это к его очередному докладу королю. Чтобы предотвратить возможное выступление фашистской милиции, Амброзио приказал подтянуть к столице три армейские дивизии. Почти одновременно и независимо от военно-монархического заговора составляется заговор против Муссолини среди фашистских руководителей. Это происходит в русле подготовки к заседанию Большого фашистского совета. «19 июля, 16 часов,— записывает в своем дневнике член БФС Де Боно,— мы собрались у Скорца. Здесь были Боттаи, Фариначчи, Джурати, Теруцци и я. Обсудили ситуацию. Все настроены против Муссолини». В день открытия заседания БФС, 24 июля, Де Боно записывает в свой дневник: «Предстоит очень серьезное и, надо полагать, опасное дело. Я буду говорить по поводу военной ситуации. Гранди представит резолюцию с требованием передачи королю конституционных полномочий... Большинство поддерживает эту резолюцию... Чувствую себя в руках судьбы, обращаюсь к богу и мадонне, ко всем дорогим для меня умершим... Сегодня бомбардировали Болонью, разве это может еще продолжаться»⁹⁴.

Возможно, не в такой мере как престарелый маршал Эмилио Де Боно, но это ощущение тревоги разделяли все участники предстоящего заседания. Документы того времени показывают, что фашистские заговорщики ничего не знали о планах короля и военной верхушки. Король же был более или менее осведомлен об оппозиции к Муссолини в фашистском руководстве. В день открытия Большого совета, 24 июля 1943 г., герцог Аквароне получил от Гранди копию составленной им резолюции, которая должна была стать платформой внутривластной оппозиции Муссолини. Что касается самого заседания Большого фашистско-

⁹⁴ *Bianchi G. Op. cit., p. 805.*

го совета, то оно началось в 17 часов 24 июля и окончилось в 2 часа ночи уже 25 июля 1943 г. Принятая на этом заседании резолюция Гранди в ее окончательном варианте содержала два конкретных предложения: во-первых, восстановление во всей полноте полномочий Большого совета, правительства, парламента и корпораций; во-вторых, предложение главе правительства обратиться с просьбой к королю о принятии им на себя командования всеми вооруженными силами страны⁹⁵.

Таким образом, резолюция в этом ее окончательном варианте не содержала в себе никаких предложений, направленных на преобразование или реформу государственного устройства страны. Она была направлена главным образом на подрыв личной диктатуры Муссолини. В этом же плане обращают на себя внимание результаты голосования в БФС по резолюции Гранди, которая получила 19 голосов против 8. А это означало, что орган, который справедливо считался главным орудием личной диктатуры Муссолини, вышел из повиновения. Проблема состоит в том, в какой мере вообще можно было надеяться сохранить фашистский режим ценой ликвидации авторитаризма, в данном случае личной диктатуры Муссолини. Ведь авторитаризм был неотъемлемым качеством фашистского режима, а дуче был своего рода фокусом теории, практики и всего государственного строя фашизма в Италии.

Проблема приобретает тем больший интерес, что уже после окончания заседания БФС, в 8 часов утра 25 июля, Дино Гранди направляет герцогу Аквароне письмо, к которому прилагаются два проекта королевских декретов: первый — «О ликвидации палаты фаши и корпораций и о восстановлении палаты депутатов», второй — «Об упразднении Большого фашистского совета»⁹⁶. Что касается первого, то это был фактически удар по корпоративизму как таковому, который, как мы видели, был объявлен в свое время краеугольным камнем фашистского государства. В отношении второго уместно напомнить прежде всего ту статью закона о Большом фашистском совете, в которой указывалось, что он «является верховным органом, согласовывающим и сосредоточивающим в себе всю активность режима, вышедшего из революции 1922 г.». Можно напомнить и то место из послания дуче по поводу шестой годовщины «похода на Рим», в котором он писал, что «законы Большого фашистского совета гарантируют прочность и продолжительность фашистского государства». А в январе 1933 г. Муссолини писал: «Большой фашистский совет является не только высшим собранием режима, но и органом сугубо революционным, который гарантирует историческую непрерывность революции»⁹⁷. Риторика риторикой, но если сопоставить это с цитиро-

⁹⁵ *Tamaro A.* Due anni di storia, vol. I. Roma, 1948, p. 63.

⁹⁶ *Bianchi G.* Op. cit., p. 766—768.

⁹⁷ «Il Popolo d'Italia», 13.I 1933.

ванным выше письмом Джурати, то в представлениях самих фашистов корпоративизм и Большой фашистский совет действительно — два краеугольных камня режима.

Даже если предположить, что Гранди, предлагая упразднить БФС, действовал только по собственной инициативе, то все равно позиция «группы Гранди» не может рассматриваться как «попытка сохранить режим ценой устранения Муссолини». Скорее это было свидетельством тупика, в который зашел фашистский режим в Италии, и невозможности выйти из этого тупика на пути сохранения этого режима. По-видимому, в этом же тупике следует искать объяснение позиции Муссолини, который проявил удивительную пассивность в столь критический для него и всего фашизма момент. Это был не кризис силы — дуче держал еще в своих руках все рычаги власти, — а кризис духа. Невольно приходит на память аналогия с итальянскими правителями в октябре 1922 г., когда они, располагая подавляющим материальным преимуществом над фашизмом, уступили тем не менее ему власть.

И еще одно сопоставление с октябрём 1922 г. невольно приходит на память, когда знакомишься с документами о последнем визите Муссолини к королю вечером 25 июля 1943 г. Какой контраст с его первым визитом к королю, когда он пришел во дворец как победитель, одетый в боевую фашистскую форму. «Ваше величество, — сказал он тогда, — я прошу прощения, что явился в черной рубашке. Но я едва только успел возвратиться с поля боя, обошедшегося, к счастью, без кровопролития. Я возвращаю вам Италию времен Витторио Венето, вновь возвеличенную победой...»⁹⁸ Король назначил его тогда главой правительства. И вот сейчас он вновь стоит перед королем, не решившись даже явиться к нему на прием в военной форме. На этот раз, согласно записи самого Муссолини, король сказал ему: «Я уже принял решение. Новым главой правительства будет маршал Бадольо. Надо полагать, он уже приступил к исполнению своих обязанностей. Будет хорошо, если вы предоставите себя в его распоряжение»⁹⁹.

А потом последовала ставшая уже хрестоматийной сцена ареста Муссолини. Как только он вышел из виллы, дорогу ему преградил капитан карабинеров и предложил «в целях безопасности» пройти в санитарный автомобиль, стоявший поодаль. Увидев там вооруженных людей, Муссолини заколебался, но капитан насильно затолкнул его внутрь. И в то время, когда охрана Муссолини ожидала его у главного выхода, машина выехала через запасной выход из королевского парка. Муссолини был доставлен и спрятан в казарме карабинеров.

Королева была шокирована. «Вы могли бы арестовать его в другом месте, — сказала она Виктору Эммануилу. — Муссолини был

⁹⁸ *Dorso G. Mussolini alla conquista del potere. Torino, 1949, p. 275.*

⁹⁹ *Tamara A. Op. cit., p. 73.*

нашим гостем, и вы нарушили законы королевского гостеприимства».¹⁰⁰ Она не знала, что король хотел арестовать Муссолини за пределами виллы «Савойя». Однако Аквароне настоял, чтобы арест произошел именно здесь, иначе могла бы произойти стычка с охраной Муссолини.

Арест Муссолини произошел в 17 час. 30 мин. 25 июля. А в 22 час. 45 мин. римское радио передало следующее сообщение: «Его величество король и император принял отставку главы правительства, первого министра, государственного секретаря кавалера Бенито Муссолини и назначил главой правительства, первым министром, государственным секретарем его првосходительство кавалера маршала Италии Пьетро Бадольо»¹⁰¹. Затем, после небольшого перерыва, по радио были переданы два обращения к итальянскому народу: короля и Бадольо.

«Итальянцы! — говорилось в обращении короля.— Я принял сегодня командование над всеми вооруженными силами страны. В этот важный для судеб родины час каждый должен находиться на своем посту, как этого требует от него долг, вера и воинская дисциплина. Не должно быть никакого отклонения от этого, никаких взаимных обвинений...»¹⁰²

«Итальянцы! — говорилось в обращении Бадольо.— По приказу его величества короля и императора я принял на себя обязанности главы военного правительства. Война продолжается. Италия, оккупированные провинции которой жестоко пострадали, а города подверглись разрушениям, остается верной данному слову, ревностно охраняя свои тысячелетние традиции. Сплотим ряды вокруг его величества короля и императора...»¹⁰³

И итальянский историк Аттилио Тамаро напишет по этому поводу, что «впервые в своей долгой практике король действовал в данном случае неконституционно». Тамаро обосновывает это свое утверждение тремя пунктами. Во-первых, потому что с теоретической точки зрения Большой фашистский совет имел только консультативные функции. Во-вторых, потому что передача всей полноты власти Бадольо и короне была, согласно конституции, прерогативой палаты. В-третьих, потому что король пригласил в правительство лиц, которые никого не представляли в стране¹⁰⁴. Заметим в этой связи, что сообщение об отставке Муссолини, выдержанное в тоне обычной конституционной процедуры смены правительства, действительно, не отражало реальности происшедшего. «Это было мое 18 брюмера», — скажет потом сам король¹⁰⁵. Что касается людей, вошедших в состав нового правительства,

---

¹⁰⁰ *Monelli P.* Roma 43, Roma, 1946, p. 143.

¹⁰¹ *Tamaro A.* Op. cit., p. 46—47.

¹⁰² *Ibid.*, p. 47.

¹⁰³ *Ibidem.*

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 44—45.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 16.

то главной их заслугой было отсутствие у них слишком уж явных политических хвостов, оставшихся от фашизма.

В этом отношении фашисты, которые выступали против Муссолини в Большом фашистском совете и надеялись таким образом обеспечить себе ведущее положение в последующих событиях, явно просчитались. Весьма показательно письмо, которое Дино Гранди направил 26 июля в адрес герцога Аквароне. Речь шла об опубликовании в печати коммюнике о последнем заседании БФС. «Я прошу и настаиваю на его публикации,— писал Гранди.— Я не понимаю, почему не хотят вынести на общественный суд этот документ. Конечно, опубликовать его прежде решений монарха было бы непочтительно. Но сегодня итальянцы должны знать, как развивались события на самом деле. Мне кажется, что было бы в интересах короны, чтобы правда об этом стала известна. Может быть, хотят представить все дело в виде военного переворота? Но это неправда»¹⁰⁶.

Отметим, что текст резолюции Гранди на последнем заседании БФС, которое было названо «заседанием-самоубийством», был в конце концов опубликован в печати, но по радио передан не был. В плане вопроса о «конституционности» происшедшей перемены и отношений между двумя группами заговорщиков — гражданской и военной — заслуживают внимания последующие комментарии Гранди. Стремясь, очевидно, представить себя и свою группу в наиболее выгодном свете, он подчеркивает, что фашисты из БФС не хотели вмешивать в свое дело короля, чтобы не скомпрометировать его в случае провала. Что же касается военных, то они не проявили инициативы и действовали все время под прикрытием авторитета короля. Они появились, подчеркивает Гранди, «только после того, как король принял решение». Далее, противопоставляя свою группу военным, он отмечает, что в намерение его группы входило «конституционное развитие», а военные трансформировали ситуацию в государственный переворот по типу балканских и южноамериканских стран. «Эти военные,— продолжает Гранди,— трусливые и презренные, сделали даже более того. В то время как нашей целью было освободить Италию от ответственности за войну против Объединенных наций, возложив эту ответственность на фашистский режим, военные от имени страны выступили за продолжение войны, которой Италия не хотела и от которой Большой фашистский совет хотел ее избавить»¹⁰⁷.

Эти комментарии к планам заговорщиков из Большого фашистского совета несут на себе, очевидно, печать сделанной впоследствии ретушировки. Обращает на себя внимание враждебность по отношению к военным, которая находит свое объяснение в обиде, возникшей у тех, кто был отстранен от игры своими сопер-

¹⁰⁶ *Bianchi G. Op. cit., p. 768.*

¹⁰⁷ *Bianchi G. Op. cit., p. 420.*

никами. Что касается характеристики военных руководителей как людей «трусливых и презренных», то уместно напомнить о трусливом поведении самих фашистских руководителей, о котором рассказывает начальник германской службы СС в Риме Евгений Доллманн. Этот тревожный для него вечер 25 июля он провел в германском посольстве, ожидая вместе с послом Гансом Георгом Макензом хоть кого-нибудь из итальянских «камератов» для выработки совместных планов действий. Когда «камераты» стали приходить — а первым из них был Фариначчи, — то лишь затем, чтобы получить визы для бегства в Германию¹⁰⁸.

Страх у фашистов в значительной мере проистекал из чувства своей изоляции в стране. Вот как описывает Роберто Батталья реакцию народа на известие об отставке Муссолини: «Известие застигло народ врасплох, и люди реагировали на него как на неожиданное освобождение от страшного кошмара. Во времена фашистского режима людей неоднократно сгоняли при помощи повесток на площади для инсценировок «искренного» одобрения мероприятий фашистского правительства. Теперь, впервые после двадцати лет, во всех больших и малых городах Италии происходили действительно искренние, стихийные манифестации, выражавшие радость по поводу падения фашизма. Народная радость была столь велика, столь неудержима, что люди забывали о трагедии, которую переживала Италия, об угрожающей фразе в обращении короля — «война продолжается», забывали даже о том, можно ли теперь давать выход своему гневу и чувству мести. С яростью срывали со стен домов эмблемы фашистской тирании, громили помещения фашистских организаций, но не трогали виновников. Неожиданно дарованная свобода настолько опьяняла, что первые часы, последовавшие за событиями 25 июля, прошли как во сне, словно порыв сильного ветра унес прочь все воспоминания прошлого»¹⁰⁹.

Но так могло показаться только вначале. Прошлое еще долго будет напоминать о себе. Оно долго еще будет присутствовать в настоящем. Новое правительство было только «переходным» на пути от фашистского режима.

* * *

Проблема фашизма в это время раскрывается в общих тенденциях переходного периода. Фокусом проблемы в данный период является характер и особенности становления новой государственности в Италии.

Своеобразие ситуации, сложившейся сразу после 25 июля 1943 г., определялось прежде всего тем, что новое правительство противостояло не только старому режиму, но и любым тенденциям в направлении антифашистской революции. Два мероприятия,

¹⁰⁸ *Dollmann E.* Roma nazista. Milano, 1951, p. 169.

¹⁰⁹ *Батталья Р.* Указ. соч., с. 89—90.

проведенные правительством Бадольо сразу после прихода к власти, 26 июля, весьма показательны в этом отношении.

Первым было включение фашистской милиции в состав вооруженных сил. В свое время Муссолини говорил о милиции как «высшем выражении фашистского режима»¹¹⁰. Теперь, как говорилось в сообщении от 26 июля, т. е. уже в первый день существования нового правительства, «Добровольная милиция национальной безопасности становится органической частью вооруженных сил». Правда, эта фактическая ликвидация одного из важнейших институтов фашистского режима была как бы замаскирована фразой о том, что милиция сотрудничает с вооруженными силами «как всегда в полном единстве в защите родины»¹¹¹. Но назначение этой фразы чисто служебное: правительство боится реакции, которую может вызвать его решение у десятков тысяч вооруженных чернорубашечников.

Второе — это манифест о введении осадного положения и комендантского часа¹¹². В специальном циркуляре, направленном командирам воинских частей в тот же день, указывалось, что в момент возросшей военной угрозы «нарушение общественного порядка, даже самое незначительное, является изменой». Поэтому «жалость и осторожность в мерах, направленных на пресечение беспорядков, были бы преступлением». Далее в циркуляре предписывалось не останавливаться в случае необходимости перед применением артиллерии, стрелять не в воздух, а прямо в цель, как в боевых условиях, в тех же случаях, когда военнослужащие проявят солидарность с демонстрантами и не будут подчиняться приказу, расстреливать их немедленно¹¹³.

Мы не согласны с теми исследователями, которые видят в этом циркуляре чуть ли не попытку возврата к фашизму. Это был суровый циркуляр, который, однако, укладывается в рамки опыта военной диктатуры, военного и осадного положения также и в других странах, не имеющих ничего общего с фашизмом. Этот документ и предпринятые в соответствии с ним санкции (огонь против участников массовых антифашистских демонстраций, как это случилось в ряде городов страны) показывали, что сразу после 20 лет фашизма Италия вступила не в эру свободы, демократии или либерализма, а в период военной диктатуры. Что касается ее соотношения с фашистским режимом, то это была все-таки другая форма диктатуры, которая шла по пути дефашизации страны, по крайней мере в институциональном плане.

Уже второй день новой власти ознаменовался в этом отношении исключительно важными решениями. На заседании совета министров 27 июля было принято решение о роспуске фашистской партии и об отмене закона о Большом фашистском совете,

¹¹⁰ *Tamaro A.* Op. cit., p. 40.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 64.

¹¹² *Ibid.*, p. 137—138.

¹¹³ *Ibid.*, p. 140.

как несовместимом с возвращением к конституционным нормам, об упразднении Особого трибунала и об амнистии политическим заключенным, о роспуске палаты фаши и корпораций и о замене ее палатой депутатов, выборы в которую должны были быть проведены в течение четырех месяцев после окончания войны¹¹⁴. В списке членов правительства Бадольо вначале фигурировал и министр корпораций. Однако уже 29 июля агентство «Стефани» передало сообщение, в котором говорилось: «Среди проблем институционального характера, требующих своего неотложного разрешения, — проблема профсоюзно-корпоративная. Что касается министерства корпораций, то, даже если будет изменено его название, в его компетенции останутся функции по руководству, координации и ориентации экономики и труда, в то время как сами корпорации будут упразднены»¹¹⁵. В этом же коммюнике говорилось о восстановлении профсоюзов. А 5 августа было сообщено, что совет министров принял решение об упразднении Национального совета корпораций и самих корпораций¹¹⁶.

В связи со всем этим встает вопрос о том, в какой мере деятельность правительства Бадольо по дефашизации страны определялась давлением на него извне, со стороны антифашистских партий и групп. Положение в лагере этих партий и групп характеризовалось прежде всего растущим влиянием левых партий. После мартовских забастовок 1943 г. особенно заметным влиянием на массы пользовались коммунисты. Социалисты в этом плане им уступали. Уступало и движение «Справедливость и свобода», которое к этому времени оформилось в Партию действия. После 25 июля 1943 г. главными центрами единства антифашистских партий стали Милан и Рим. В Комитет оппозиционных партий в Риме, помимо трех левых партий (коммунисты, социалисты и Партия действия), входили либералы и демохристиане, которые как партии находились в стадии оформления, а также довольно эфемерная группа Демократия труда. Батталья пишет, что на одном из первых заседаний этого комитета победила следующая точка зрения: «Временно следует отложить требования о заключении перемирия и об участии в правительстве и следует, напротив, настаивать на решении других срочных вопросов, а именно, на роспуске фашистской партии и ее учреждений, освобождении политических заключенных, свободе печати». Как пишет далее автор, изложить эти требования Бадольо было поручено Бономи. «Маршал согласился». Батталья заключает эти слова в кавычки и продолжает: «...Правительство, таким образом, вопреки своей воле, было вынуждено, по крайней мере формально, придать своей политике антифашистский характер»¹¹⁷.

¹¹⁴ Ibid., p. 157—158.

¹¹⁵ Ibid., p. 287.

¹¹⁶ Ibid., p. 208.

¹¹⁷ Батталья Р. Указ. соч., с. 95.

Но заседание Комитета оппозиционных партий, о котором пишет Батталья, состоялось 27 июля. Мы знаем, что в этот день состоялось уже заседание совета министров, на котором еще до встречи Бадольо с Бономи была принята серия решений, направленных на дефашизацию страны. Среди них было по крайней мере два решения, совпадающих с предложениями Комитета оппозиционных партий: роспуск фашистской партии и амнистия политическим заключенным. Следовательно, сводить все дело к давлению извне было бы неправильно. Многие из того, что предлагал сделать Комитет оппозиционных партий, намеревался сделать и сам Бадольо.

Разумеется, нельзя забывать при этом и другого направления деятельности правительства Бадольо, о котором мы уже писали, — «против не поддающихся контролю действий масс». Функции по борьбе с «государственными преступлениями» вместо фашистского Особого трибунала осуществляли теперь военные трибуналы. Одновременно с роспуском фашистской партии было принято решение о запрещении вплоть до окончания войны деятельности всех политических партий¹¹⁸. Однако, отмечая все это, было бы неправильно не замечать процесса дефашизации страны, который происходил, хотя и не так быстро, как многие этого хотели, но все же происходил. Луиджи Лонго в своей книге подтверждает факт, что в течение августа и самых первых чисел сентября практически все осужденные при фашизме, в том числе и коммунисты, вышли на свободу¹¹⁹. Что касается запрещения деятельности политических партий, то из документов этого времени видно, что они действовали не только весьма активно, но и довольно открыто. Достаточно сказать, например, что 9 августа Бадольо принимал делегацию антифашистских партий, которая предъявила ему «требование о немедленном прекращении войны в союзе с Германией»¹²⁰.

Следует отметить, что среди других левых партий и групп коммунистическая партия в это время, по-видимому, в большей мере понимала трудности переходного периода, когда страна после 20 лет фашистского режима, в условиях экономической разрухи и продолжающейся войны делала первые шаги на новом пути. Коммунисты не поддержали в это время идею о восстании против правительства Бадольо, к чему призывала, в частности, Партия действия. Что касается вопроса о выходе Италии из войны, то это также было сопряжено с трудностями, которые нельзя было решить «одним махом». В первую очередь надо было помнить об угрозе вмешательства немцев. С другой стороны, в середине августа была сделана попытка вмешательства короля в события с тем, чтобы фактически приостановить процесс дефашизации стра-

¹¹⁸ *Тагао А.* *Op. cit.*, p. 158.

¹¹⁹ *Лонго Л.* *Народ Италии в борьбе.* М., 1952, с. 77.

¹²⁰ *Батталья Р.* *Указ. соч.*, с. 96.

ны, хотя и непоследовательно, но все же проводимой правительством Бадольо.

Мы имеем в виду меморандум короля к Бадольо от 16 августа 1943 г. «Настоящее правительство,— писал король,— должно сохранить во всех своих действиях характер «военного правительства», как об этом было объявлено 25 июля и как это следует из самого его состава: маршал Бадольо, глава правительства, министры — все исключительно специалисты в своей области». Король выражал мнение, что все сугубо политические проблемы должны быть отодвинуты на второй план, до будущих правительств, которые могли бы действовать в более спокойной обстановке. А пока он напоминал о формуле манифеста, объявленного 25 июля: «Не должно быть никаких взаимных упреков...» Король считал необходимым прекратить практику отстранения от общественной деятельности всех принадлежавших в прошлом к фашистской партии. «Все итальянцы,— писал он,— имеют право и обязанность служить родине — королю». Король считал недопустимой практику нарушения декрета о запрещении деятельности всех политических партий вплоть до окончания войны. Имея, очевидно, в виду слабость, проявленную в этом отношении правительством Бадольо, он писал: «Всякая терпимость есть слабость, всякая слабость — отсутствие ответственности перед родиной». Далее следует, пожалуй, основное: «Масса честных людей,— писал король,— в прошлом записанных в фашистскую партию, отстраненных от всякой общественной деятельности без предъявления каких-либо политических обвинений в определенных проступках, будет благодаря этому легко вовлечена в крайние партии». При этом имелись в виду главным образом левые партии. В меморандуме указывалось, что большинство этих людей, если они будут покинуты королем и преследоваться правительством, если они будут постоянно осуждаться и оскорбляться старыми партиями порядка, «станут решительно ориентироваться влево и против монархии». Меморандум заканчивался указанием на трудности переживаемого момента и на то, что они успешнее смогут быть преодолены, если все итальянцы будут гарантированы от преследований и смогут возвратиться к нормальной жизни¹²¹.

Как бы в ответ на недовольство короля, которое могло бы привести к смещению Бадольо, этот последний выступил с предупреждением о готовящемся фашистском заговоре. Причем характерно, что главой этого заговора был назван генерал Уго Кавальеро, личный враг Бадольо, тот самый, который сменил его на посту начальника генерального штаба. В ночь на 24 августа военная полиция арестовала Кавальеро. В ту же ночь был арестован ряд видных фашистов, в том числе Боттаи, Теруцци, Стараче, Гальбиати, Гравелли. Бывший секретарь фашистской партии Этторе Мути, военные заслуги и храбрость которого всяче-

¹²¹ *Tamaro A. Op. cit., p. 309—310.*

ски рекламировались, а о его взаимной неприязни с Бадольо было известно, был убит, согласно официальной версии, «при попытке к бегству»¹²². Что касается Чиано, то он в это время бежал в Германию — парадокс, ибо именно это привело его впоследствии к гибели, в то время как большинство фашистов, арестованных 24 августа, были довольно быстро освобождены.

Если же говорить о парадоксах в более широком историческом плане, то личные цели, которые преследовал Бадольо в деле о фашистском заговоре, по-своему ускорили процесс размежевания между фашизмом и новым правительством. Бадольо, между прочим, телеграфировал в Берлин, протестуя против поддержки немцами заговора¹²³. И в связи с этим следует, по-видимому, вновь вернуться к вопросу о продолжении войны на стороне фашистской Германии. До тех пор пока союз с фашистской Германией не был расторгнут и Италия продолжала войну, начатую фашистским правительством и во имя фашистских целей, процесс размежевания с фашизмом, даже в чисто институциональном плане, не мог быть полным.

Ведь союз, заключенный в свое время между Италией и Германией, был выражением не только общности внешнеполитических интересов этих двух стран, но и общности существовавших в них режимов. Весьма показательно, например, что Бономи, который еще раньше надеялся убедить короля порвать союз с Германией, обращал внимание при этом на «необычность преамбулы Стального пакта, где говорится, что он заключен между двумя режимами, двумя революциями, а не между двумя государствами»¹²⁴. Разумеется, это был формально-юридический подход, по тем не менее без разрыва союза с Германией новое правительство, действительно, не могло даже чисто формально говорить о том, что оно освободило страну от фашизма.

Конечно, с самого начала было ясно, что Италия при новом правительстве будет пытаться выйти из войны на стороне Германии и договориться с союзниками. В известной мере даже раньше, чем это стало ясно самому правительству Бадольо, это понял Гитлер, который стал готовить удар против Италии. Эта угроза, более того, панический страх перед гитлеровской Германией с самого начала стали важными факторами внешней политики правительства Бадольо. С одной стороны, этот страх перед Германией и неоднократные заверения в верности союзу с ней. С другой — англо-американские войска на Сицилии и общий перелом войны в пользу Антигитлеровской коалиции. Разрыва с Германией и заключения перемирия с Антигитлеровской коалицией требовали самые широкие народные массы Италии.

История тайных переговоров правительства Бадольо с англичанами и американцами похожа на детективный роман. На этот

¹²² *Tamaro A.* Op. cit., p. 281.

¹²³ *Ibidem.*

¹²⁴ *Bonomi Iv.* Diario di un anno. Milano, 1947, p. 6.

счет имеется уже много специальных исследований¹²⁵. Мы укажем лишь на конечный результат этих переговоров — капитуляцию Италии, которая знаменовала собой разрыв с фашистским режимом и по линии его международных связей и обязательств.

Документы о перемирии между представителями итальянского правительства и англо-американского командования были подписаны на Сицилии 3 сентября 1943 г. Пункты этого перемирия уточняли детали капитуляции Италии перед союзниками¹²⁶. При этом была достигнута договоренность о сохранении их в тайне вплоть до высадки крупных войск союзников на территории Италии. В частности, была достигнута договоренность о подготовке итальянцами условий для высадки англо-американского воздушного десанта около Рима. Итальянская сторона не обеспечила этих условий, и высадка была отменена. Правительство Бадольо не обеспечило в достаточной мере и подготовку итальянской армии для сопротивления на случай германского вмешательства. В этот критический момент правительство не встало на путь решительного сотрудничества и с антифашистскими партиями, хотя предложения такого рода с их стороны делались.

Катастрофа наступила вечером 8 сентября, после того как лондонское радио передало текст перемирия с Италией. С одной стороны, решительные действия немцев, которые, как и говорил Гитлер, нанесли «мгновенный удар», с другой — нерешительность и растерянность итальянского правительства, которое не отдало даже войскам приказа о сопротивлении немцам. Король и правительство бежали из Рима на Юг страны, где уже высадились англо-американские войска. В то же время большая часть Италии вместе с Римом была оккупирована германскими войсками.

* * *

Проблема фашизма в это время по-своему раскрывается в оценках, связанных с непосредственной борьбой и событиями в Италии на заключительном этапе войны.

Своеобразие ситуации, сложившейся в Италии после 9 сентября 1943 г., определялось прежде всего тем, что страна оказалась разделенной на две части. В одной из них, меньшей, на самом юге полуострова закрепились англо-американские войска. В другой, большей, включая и Рим, — войска фашистской Германии. Одновременно с этим на территории, занятой англо-американскими войсками, обосновалось монархическое правительство во главе с Бадольо, которое 13 октября 1943 г. официально объявило войну фашистской Германии. В то же время на территории, занятой немцами, было воссоздано итальянское фашистское государство,

¹²⁵ Серова О. В. Указ. соч.; Алексеев В. А. Политика США накануне капитуляции Италии. — Вопросы истории, 1971, № 2.

¹²⁶ Текст «Короткого перемирия» из 12 пунктов см.: Tamaro A. Op. cit., p. 390; текст «Длинного перемирия» из 44 пунктов см.: Toscano M. Dal 25 luglio all'8 settembre, p. 94—106.

которое на этот раз было объявлено «республикой». Столицей этой «республики» стал Сало, небольшой городок на Севере Италии, откуда и само ее название — «республика Сало». А главой этой «республики» стал тот же Бенито Муссолини, освобожденный из заключения десантом эсэсовских парашютистов.

Ситуация, сложившаяся в Италии, лишней раз доказывала недостаточность характеристики государства с точки зрения формы правления как таковой. Но в сознании многих представителей левого крыла антифашизма институт монархии в Италии сливался с фашистским режимом, был элементом этого режима. Поэтому споры об отношении к монархии приобрели здесь исключительно острый характер. В конечном счете решение этого вопроса зависело от сложного взаимодействия факторов как внутриитальянской, так и международной ситуации. Вопрос решался в значительной мере в связи с конкретными задачами настоящего периода борьбы за самое широкое антифашистское единство. Но решение его сквозь призму задач настоящего не могло не наложить своего отпечатка и на оценки прошлого.

Пальмиро Тольятти, который вернулся в Италию весной 1944 г., сыграл главную роль в том повороте, который произошел в политике коммунистической партии по вопросу о вхождении в «королевское правительство». В плане нашей темы наибольший интерес представляет разграничение им вопроса о монархии и об осуществлении ею своих функций: «...Монархия как политический институт в последние десятилетия итальянской жизни не выполнила функции, которую ей приписывали старые теоретики конституционного права, то есть она не стала тем фактором равновесия, который должен был бы не позволить определенным экономическим и политическим группам поставить свои чисто эгоистические интересы над интересами нации, прибегнуть к насилию и привести страну к катастрофе. Монархия, которая должна была бы представлять и гарантировать последовательность и общность национальной жизни, не только не выполнила этой функции, но и изменила ей. Нам не нужно далеко ходить за доказательствами банкротства монархии. Они — в повседневной действительности. Поэтому, когда монархия предстанет перед судом народа, не может быть сомнений относительно приговора»¹²⁷.

Здесь, таким образом, довольно четко поставлен вопрос об ответственности монархии за фашизм, но именно в функциональном, а не в институциональном плане. С точки зрения тактической линии в настоящем — это открывало путь для участия в королевском правительстве. С точки зрения отношений между монархией и фашизмом в прошлом — это открывало путь для более тонкого анализа проблемы.

Две другие левые партии — социалисты и Партия действия — гораздо в большей мере сохраняли в своей позиции элементы

¹²⁷ Тольятти П. Избранные статьи и речи, т. 1. М., 1965, с. 299.

традиционного антимонархизма. В специальных работах на эту тему рассказывается о дискуссиях по этому поводу в Комитете национального освобождения (КНО) — объединении антифашистских партий, в которое, кроме трех левых партий, входили также либералы, христианские демократы и Партия демократии труда. Важным шагом на пути к антифашистскому единству было участие партий, входящих в КНО, в Правительстве национального единства во главе с Бадольо. Это правительство было создано в апреле 1944 г. в Салерно, и в конституционном отношении оно было королевским правительством. Однако и после этого проблема монархии продолжала оставаться предметом острых споров, в ходе которых постоянно поднимались пласты прошлого, связанного с отношениями между монархией и фашистским режимом. Эта проблема не исчезла с политического горизонта и после освобождения Рима, когда Виктор Эммануил, в соответствии с данным ранее обещанием, отрекся 5 июня 1944 г. от престола. Королевским наместником стал принц Умберто. Причем был период, когда вопрос о мандате, полученном на формирование правительства от принца Умберто, стал одной из важных причин отказа от участия в правительстве представителей социалистов и Партии действия. Однако коммунисты и на этот раз — это было в декабре 1944 г. — остались в правительстве, возглавляемом уже бывшим президентом КНО Иваноэ Бономи.

Коммунисты исходили из того — и это имело отношение и к оценкам прошлого, — что вопрос о форме правления имеет в конечном счете второстепенное значение. Главное — это единство в борьбе против фашизма, которая приобретала теперь ярко выраженный характер национально-освободительной борьбы. «Блок организованных сил должен не только остаться, но мы должны проводить расширение нашего военного фронта вплоть до включения в него всех, кто хочет сражаться против немцев и предателей родины. Раздоры могут только усилить наши трудности. Единство — лучшая гарантия нашей победы»¹²⁸.

Характерно, что в антифашистском лагере оказалась в это время и либеральная партия, которая была в значительной мере связана с группами монополистического капитала. Разумеется, были разные группы монополистического капитала. Но в целом речь шла о том же крупном капитале, который в прошлом был основой фашистского режима, а теперь искал новые формы выражения своих интересов. В этом смысле сам факт активного участия крупного капитала в подготовке устранения фашизма от власти был весьма показателен. Это, как и контакты части монополистического капитала с либеральной партией, подтверждало правильность приведенного уже высказывания А. Грамши об отсутствии у монополистического капитала «собственной постоянно действующей политической партии».

¹²⁸ Там же, с. 301.

И в связи с этим — факт, которому дается довольно часто несколько одностороннее толкование. Мы имеем в виду вопрос о так называемой «социализации» в «республике Сало», которая называла себя даже «социальной республикой». Большинство исследователей, обращавшихся к этому вопросу, делают акцент главным образом на демагогическом характере всех лозунгов о «социализации» экономики, которые на практике действительно были осуществлены лишь в очень ограниченных масштабах. В этом плане обращается внимание на демагогический характер фашистских выпадов в это время против «плутократии» и сетований Муссолини в своих дневниках на «предательство буржуазии».

Но за этой демагогией скрывался и реальный факт — действительно новый этап в отношениях между фашизмом и крупным капиталом. Хотя этот последний, озабоченный извлечением прибылей в любой ситуации, сотрудничал с фашизмом и на этом этапе, было бы неправильно считать это сотрудничество союзом, лежащим в основе нового варианта фашистского режима. На этот раз фашизм возродился в совершенно иных условиях — не под непосредственным влиянием отечественного капитализма, а по воле фашистской Германии. В целом итальянский крупный капитал стал ориентироваться на новый вариант национального государства, которое не было уже государством фашистского типа.

Что касается Христианско-демократической партии, то ее бурный рост в это время подтверждает сделанное нами ранее предположение о моральном авторитете церкви и религии в Италии, который они сохраняли и в период фашистского режима. В этом смысле образование Христианско-демократической партии было подготовлено сохранением не только организационной, но и идеологической автономии католического движения во времена фашизма. Если считать, что Христианско-демократическая партия в своей программе как бы оформила настроения значительной части средних слоев населения, то надо полагать, что эти настроения сложились не сразу и не вдруг, а создавались еще в недрах фашистского режима. Также и в этом случае настоящее, т. е. период Сопrotивления, дает возможность для более глубокого понимания прошлого — проблемы массовой базы фашизма.

Существует целая литература о массовом участии итальянских трудящихся в движении Сопrotивления, об авангардной роли коммунистической партии в этом движении, об антифашистском национальном восстании в апреле 1945 г.¹²⁹ Героизм, проявленный итальянцами в это время, резко контрастирует с низкими боевыми качествами итальянской армии под фашистскими знаменами. И это еще один штрих настоящего, который по-своему дополнял картину прошлого.

¹²⁹ В ряду работ советских авторов отметим книги: *Ковальский Н. А.* Итальянский народ против фашизма. М., 1957; *Филатов Г. С.* Итальянские коммунисты в движении Сопrotивления. М., 1964; *Комолова Н. П.* Движение Сопrotивления и политическая борьба в Италии. М., 1972.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Победы Советской Армии, всех стран антифашистской коалиции стали главным и определяющим фактором падения фашистских режимов как в Италии, так и в Германии. Однако в ситуации гораздо более критической фашистский режим в Германии обнаружил гораздо большую устойчивость, чем в Италии. Это ставит проблему исторической индивидуализации фашизма в Италии в сопоставлении с фашизмом в других странах, прежде всего в Германии.

Историография фашизма насчитывает на сегодняшний день сотни и тысячи работ и дает достаточно оснований для сопоставлений такого рода. Современная советская историография фашизма, базируясь на его общей социально-экономической характеристике, развивается в настоящее время именно по пути конкретно-исторического анализа фашизма в каждой отдельной стране. Это открывает новые возможности для сопоставления фашизма в разных странах, а следовательно, для его более глубокой исторической индивидуализации в каждой отдельной стране, где он находился у власти.

В ряду последних советских публикаций, приближающих нас к пониманию специфики итальянского фашизма, отметим прежде всего наиболее близкую нам по теме книгу Г. Филатова «Крах итальянского фашизма»¹. Написанная на конкретном итальянском материале, книга содержит указания и на индивидуальный облик итальянского фашизма и дает возможность для сопоставлений с гитлеровской Германией в плане поставленной выше проблемы. «Лозунги итальянских фашистов,— пишет автор,— носили, как правило, более претенциозный характер, а результаты их реализации оказывались гораздо более ограниченными, чем у немецких коллег. В области внутренней политики это наблюдалось прежде всего при попытках решать социальный вопрос путем построения «корпоративного государства» и осуществления крайних форм политики экономической автаркии. Существенными были различия и в степени воздействия на жизнь страны. Несмотря на все старания Муссолини стать единоличным и полновластным правителем Италии, в стране сохранялась монархия и юридическим главой государства оставался король. Значитель-

¹ Филатов Г. Крах итальянского фашизма, М., 1973.

ное влияние на настроение католических масс оказывал Ватикан — суверенное государство, расположенное в столице Италии. Все это, безусловно, несколько ограничивало фашистскую диктатуру. Однако главная причина отсутствия внутренней стабильности итальянского фашизма заключалась в том, что ему никогда не удавалось полностью подчинить своей воле народные массы, подавить сопротивление и привить итальянцам «железную дисциплину»².

Обращаем особое внимание на то, что в книге Г. Филатова намечена уже проблема монархии и церкви в их отношениях с фашизмом. При рассмотрении фашизма именно как режима мы постоянно сталкивались с этой проблемой, и нам предстоит еще вернуться к ней в связи с дискуссией на этот счет в Италии.

В известной мере диссонансом с положением в фашистской Германии является более сильное и во всяком случае более явное уже в довоенный период развитие оппозиции внутри итальянского фашизма. Г. Филатов отмечает несколько направлений этой оппозиции: фашистский «ревизионизм», возникший главным образом в молодежной и университетской среде, оппозиция «старой гвардии», искавшей выхода из затруднений в возвращении к радикальным идеям 20-х годов, антинемецкая оппозиция, опасавшаяся официального курса на сближение с Германией³. В книге отмечается также, что «давление крупного капитала было важнейшим фактором, который усиливал разброд в фашистской верхушке»⁴. И далее, касаясь событий, уже непосредственно связанных с переворотом в Италии, автор пишет: «В обстановке военного и политического кризиса руководящие круги итальянского правящего класса, стремясь отмежеваться от катившегося в пропасть фашизма, решили пожертвовать Муссолини»⁵. Во всем этом нетрудно увидеть различия конкретно-исторической ситуации в Италии и Германии в годы фашизма.

Проблеме взаимоотношений между итальянским фашизмом и миром культуры посвящена книга Ц. Кин «Миф, реальность, литература»⁶. Но она, по существу, перерастает эту тему и является в советской литературе единственным в своем роде исследованием итальянского фашизма с психологической точки зрения. Не случайно автор ссылается на высказывание П. Тольятти о том, что фашизм надо рассматривать не только с историко-социально-политической, но и с психологической точки зрения⁷. Исследование такого рода открывает новые возможности для воссоздания индивидуального, а точнее национально-индивидуального, облика фашизма в Италии.

² Филатов Г. Крах итальянского фашизма, с. 5—6.

³ Там же, с. 469.

⁴ Там же, с. 471.

⁵ Там же, с. 472.

⁶ Кин Ц. Миф, реальность, литература. М., 1968.

⁷ Там же, с. 152.

Автор фиксирует наше внимание на факторе, во многом определившем неустойчивость фашистского режима в Италии,— моральном негодовании населения, которое прорывалось иногда наружу и становилось даже важным элементом обострения политической ситуации в стране. В своем анализе фашистского режима в Италии мы постоянно сталкивались с этой проблемой — проблемой морального отмежевания различных слоев населения от фашистского режима.

Для воссоздания индивидуального облика итальянского фашизма большой интерес представляют сделанные Ц. Кин чисто художественные зарисовки такого характерного для фашистской Италии явления, как конформизм. Именно конформизм, а не фанатизм. Фанатизм и расизм не пустили сколько-нибудь серьезных корней в психологии итальянцев во времена фашизма. «Интересно,— пишет автор,— что буквально все историки, анализируя обстоятельства краха итальянского фашизма, указывают на расистские законы». Эти законы «вызвали крайнее недовольство и неодобрение в очень широких слоях населения, в частности католического»⁸. Напомним в этой связи довольно острую критику расизма и национализма со стороны церкви. Автор отмечает также черты «провинциализма», «второсортности» в итальянском фашизме: «В этой помпезности, в развязных и подхалимских газетных статьях, в речах и церемониях, в самой атмосфере чувствовалось что-то мелочно-тщеславное, на всем лежал отпечаток «второго сорта», психологии и риторики парвеню»⁹.

Проблема национальной специфики фашизма привлекает внимание советского исследователя А. Галкина: «Значение ее, бесспорно, велико,— пишет он.— Даже обе «классические» формы фашизма заметно отличались друг от друга. Степень поглощения гражданского общества фашистским государством в Германии была значительно выше, чем в Италии. Существенно большей, чем в Италии, была концентрация власти. Фашистский террор в «третьей империи» был более массовым и жестоким. В идеологии итальянского фашизма расовые теории занимали гораздо меньшее место, чем у национал-социалистов. Соответственно поиную использовалась расовая политика»¹⁰.

В ряде исследований советских историков по германскому фашизму раскрывается его конкретно-историческая специфика, что дает возможность и для определенных сопоставлений с Италией. Общая социально-экономическая характеристика фашизма, как исторического явления, оставляет место для таких сопоставлений не столько в плане содержания фашистского государства, сколько в плане его формы, организации, структуры власти, идеологии. Это все сферы, непосредственно связанные с характеристикой фашизма именно как режима,— проблема, которая в со-

⁸ Там же, с. 140—141.

⁹ Там же, с. 119.

¹⁰ Галкин А. А. Социология неофашизма. М., 1971, с. 65.

ветской литературе ставилась до сих пор почти исключительно в общих работах по теории государства и права.

Также и в итальянской литературе только в последние годы намечилось сближение в этой области между собственно историческим и государственно-правовым направлением научного поиска. В частности, обращает на себя внимание дискуссия, состоявшаяся в Италии в 1966 г. по вышедшей годом ранее книге представителя итальянской либеральной историографии Альберто Аквароне «Организация тоталитарного государства»¹¹. В ходе этой дискуссии, привязанной к конкретному историческому опыту Италии довольно широко обсуждался вопрос и о политическом режиме. Справедливо, на наш взгляд, отмечалась неопределенность самого понятия «политический режим» в книге Аквароне, что влечет за собой смешение этого понятия с понятием «государство». Так, в одном месте своей книги автор утверждает, что при сохранении высшего носителя государственной власти в лице монарха и высшего носителя духовной власти в лице папы фашистское государство в Италии не могло быть тоталитарным в полном смысле слова. Однако в другом месте той же книги автор включает в понятие «политический режим» следующие компоненты: государство, партию, систему личной власти, полицейский аппарат, искусство пропаганды и т. п. Аквароне видит в режиме непосредственное выражение политики той части господствующего класса, которая променяла свободу на систему, гарантирующую сохранение их привилегий. Но в этом смысле, как отмечалось в дискуссии, в рамки фашистского режима укладываются также монархия и церковь. Эти последние, если и противоречили чисто институциональной схеме тоталитарного государства, включались вместе с тем в ту систему власти привилегированного класса, которой и был режим¹².

Уточняя свою точку зрения на этот вопрос, Аквароне отметил, что отдельные институты, как и господствующие политические и экономические силы, могут осуществлять и часто осуществляют двойные функции. «Возьмем, например, церковь и монархию при фашизме,— говорил он.— Без сомнения, и та и другая тесно сотрудничали с фашизмом (что касается монархии, то можно говорить о союзе в подлинном смысле этого слова, что касается церкви — вопрос более сложный). Поскольку они сотрудничали с фашизмом, постольку они включали в режим индивиды и группы, шедшие раньше за ними, и постольку они усиливали этот режим».

«Но,— продолжал Аквароне,— церковь и монархия сохраняли в то же время свою индивидуальность и автономию в отношении режима (более полную — у церкви, менее широкую, но более важную — у монархии). И поскольку они сохраняли свою

¹¹ *Aquarone A. L'organizzazione dello stato totalitario. Torino, 1965; см. также Il regime fascista, a cura di A. Aquarone e M. Vernesse. Milano, 1974.*

¹² «Il cannociale», 1966, N 1/3, p. 100.

индивидуальность и автономию, постольку им удавалось оставаться двумя мощными полюсами притяжения, что находило свое выражение в верности им значительной части граждан, включая даже многих убежденных фашистов. Нельзя не признать поэтому, что они всегда оставались теми двумя институтами, само существование которых (а в еще большей мере их действия в некоторые критические моменты) подрывало компактность и тоталитарный характер фашистского государства»¹³.

Мы пытались проследить эту двойную функцию церкви на разных этапах истории фашистского режима. Само сосуществование этих двух сил — очень сильной церкви и фашизма, — неизбежно стремящихся к охвату всех сторон жизни итальянца от рождения до смерти, было не лишено определенных противоречий. В самом деле и в период господства фашизма с церковного амвона в Италии проносились проповеди, обесцвечивающие и унижающие ценности, которые в рамках фашистского режима представлялись как абсолютные. В церковных проповедях и в католической литературе постоянно проводилось разделение сферы духовной (в религиозном смысле) и сферы светской, мирской, преходящей. И если в этом плане церковь отмежевывалась довольно явно, как мы видели, от национализма и расизма, то одновременно с этим, хотя и менее заметно, она подрывала саму идею обоготворения государства и полного подчинения индивида государству.

В какой-то мере можно было бы говорить в этой связи о ситуации «морального дуализма», который преодолевался на пути сотрудничества между Ватиканом и фашизмом. Но это сотрудничество, пользуясь той же религиозной терминологией, развивалось в сфере «светской», «мирской», а сфера «духовная» в этом отношении оставалась прибежищем сомнений, где семена тоталитаризма не находили достаточно благоприятной почвы.

В известной мере та же ситуация возникала в отношениях между монархией и фашизмом. Чисто правовой дуализм, который возникал между властью короля и властью Муссолини, также преодолевался на пути сотрудничества между ними, точнее в рамках реального соотношения сил, когда король фактически был сведен до положения декоративной фигуры. Именно исходя из этого фактического положения, Муссолини не боялся с формально-юридической точки зрения даже усилить власть короля как высшую власть в государстве. В этом случае также можно говорить о наличии двух сфер отношений между монархией и фашизмом. Пользуясь на этот раз юридической терминологией, можно говорить о сфере отношений «де-факто» и «де-юре». Также и в этом случае одна из них — сфера отношений «де-юре» — оставалась не растворенной полностью в фашистском режиме. И эта ситуация, которая казалась чистой формальностью, в критиче-

¹³ Ibid., p. 104.

ский момент оказалась довольно ощутимой реальностью. Отстранение Муссолини и фашистской партии от власти было освящено авторитетом короля, что позволило осуществить это сравнительно безболезненно.

Общая социально-экономическая характеристика фашизма как исторического явления предполагает сопоставление его в разных странах и с точки зрения различных национальных традиций, в частности традиций государства и права. Итальянские фашисты в концепциях своего режима постоянно обращались к традициям римского права, основанного, как известно, на «формально-юридических нормах», германские — к традициям германского права, которое в большей мере базируется на «этических нормах». В условиях фашистского режима это по-своему преломлялось в теориях о «примате государства», с одной стороны, и о «примате партии» — с другой. Именно в этой исторической перспективе видится нам проблема отношений между фашистским государством и партией, о которой писал Пальмиро Тольятти. Роль фашистской партии здесь сводилась к «простому орудию государства, необходимому для ведения националистической пропаганды», для идеологического приобщения к государству широких слоев итальянского населения¹⁴.

Здесь сыграло известную роль и то, что при наличии опять-таки сильного влияния и авторитета католической церкви в Италии фашистской партии здесь труднее было претендовать на абсолютный моральный авторитет. А это значит, что власть прерогативная, которая базируется не только на авторитете силы, но и на моральном авторитете, не могла возобладать в этой стране над властью нормативной в такой мере, как в Германии. В известной мере с этим связано и то, что в институциональной структуре фашистского государства в Италии партия как таковая играла меньшую роль, чем в Германии.

* * *

В своем анализе фашизма в Италии мы постоянно обращались к более широкой исторической перспективе, выводящей нас за пределы сугубо итальянских событий. При этом события в Италии рассматривались прежде всего в общем контексте социально-экономических тенденций и процессов, происходивших в то время в мире. Историческая перспектива этих событий расширяется и при анализе их с точки зрения определенной культурно-исторической реальности. Отметим в этой связи, что социально-экономический метод анализа отнюдь не исключает введения в него элементов культурно-исторического анализа. Значение этой проблемы неоднократно подчеркивалось в советской научной литературе. «На протяжении всей прошедшей истории в деятельности

¹⁴ Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974, с. 46.

человека возникали элементы, действительно не укладывавшиеся в рамки наличной общественно-экономической формации. Очень часто эти элементы реализовывались и аккумулировались в культуре. Таким образом, оказывалось, что в культуре наряду с теми духовными явлениями, которые определяются данной социальной системой, имеют место и такие духовные явления, которые непосредственно из данной социальности выведены быть не могут. Существуют такие культурные феномены, которые как бы сопровождают человечество в его истории, переходя с ним из одной социальной формации в другую. Эти культурные феномены выступают в качестве проявлений человека как родового существа, а не как представителя данной конкретной социальности. Исследование культуры в качестве сферы сложного взаимодействия родового как социального и социального как конкретно-исторического в человеке действительно является одной из задач современной философии»¹⁵.

В то же время представители марксистской мысли выступают против абсолютизации культурно-исторической реальности за счет реальности социально-экономической. Эта тенденция проглядывает в ряде новейших исследований по фашизму историков либерального направления, в частности в переведенной на итальянский язык книге американского автора Джорджа Моссе «Культурные истоки третьего рейха»¹⁶. С учетом этой оговорки отметим, что в анализе фашизма находят свое место и те реальности, которые связаны с феноменом так называемой «массовой культуры» или «массового общества»¹⁷.

Анализ фашизма в этом направлении в значительной мере связан с именем представителя все той же философии кризиса испанского либерального мыслителя XX в. Хосе Ортега-и-Гассета, в особенности с его книгой «Восстание масс». Ортега вел и получивший широкое распространение термин «человек-масса» — психологический тип, для которого характерны духовная ограниченность и банальность. При рассмотрении фашизма под этим углом зрения на него естественно переносятся все связанные с этим оценки. «Ортега схватывает подлинные черты измельчания личности, нивелируемой цивилизацией, которая превращает личность в придаток общественной машины, а общество — в стадо. «Цивилизованная стадность» — вот что клеймил Ортега в «человеке-массе»¹⁸.

В новейшей литературе, посвященной проблемам «свободы исторического выбора», «отчуждения личности», «духовной унификации» и т. п., развиваются эти и близкие к ним сюжеты. За-

---

¹⁵ «Вопросы философии», 1969, № 9, с. 83.

¹⁶ *Mosse G. L. Le origini culturali del Terzo Reich.* Milano, 1968.

¹⁷ *De Felice R. Il fascismo. Le interpretazioni dei contemporanei e degli storici.* Bari, 1970, p. 543—621.

¹⁸ «Вопросы литературы», 1961, № 6, с. 193.

падные исследователи на примере современного им общества показывают, как посредством определенных методов обучения, средств массовой информации и т. п. общество стандартизирует мышление человека, создает тип индивида с «усредненным» сознанием, который довольно легко принимает предлагаемые ему извне убеждения. Особое внимание в связи с этим обращается на ослабление в человеке чувства личной моральной ответственности — положение, которое ретроспективно делает более рельефными некоторые черты фашизма.

Новый и весьма своеобразный поворот всем этим сюжетам был придан новой книгой Джорджа Моссе «Национализация масс», изданной в Нью-Йорке в 1974 г. и переведенной на итальянский язык в 1975 г.¹⁹ Своего рода введением в тематику этой книги служит ее подзаголовок: «Политический символизм и массовые движения в Германии от наполеоновских войн до третьего рейха». Книга сразу же оказалась в центре дискуссий о фашизме. Своего рода осью этих дискуссий был все тот же вопрос о соотношении между культурно-исторической и социально-экономической реальностью в фашизме. Абсолютизация первого, естественно, ведет к смещению исторической перспективы событий. Но, с другой стороны, как уже отмечалось и было вновь подтверждено в связи с дискуссией по книге Моссе, социально-экономический метод анализа отнюдь не исключает введение в него элементов культурно-исторического анализа.

Моссе приходит к выводу о невозможности понять нацизм (и соответственно фашизм) без того, чтобы расширить поле исследования в глубь истории. Избирая при этом для Германии период, открывающийся наполеоновскими войнами, он вводит понятие «новая политика», под которой подразумевает политику, спекулирующую на идее «народной воли» Ж.-Ж. Руссо. Национальная мистика постепенно выковывала в Германии массовое движение, объединенное верой в единство народа. И в этом плане Моссе исследует развитие за последние примерно 150 лет, включая период фашизма, в самых различных областях германской культуры — от литературы до архитектуры, от театра до народных празднеств, от музыки до пластического искусства, от национальной монументалистики до национальной литургии, от деятельности собственно политической до деятельности спортивных и культурных организаций.

Если перевести все это в план общих оценок фашизма, то он рассматривается как результат накопления определенных элементов в европейской цивилизации за те же 150 лет. Иными словами, фашизм следует рассматривать как результат взаимодействия определенных факторов непосредственно связанного с ним периода (последствия первой мировой войны, экономический кризис и т. п.) и факторов исторически более глубоких. В конеч-

¹⁹ Mosse G. L. La nazionalizzazione delle masse. Bologna, 1975.

ном счете послевоенный кризис оказывается не принципиальной схемой, лежащей в основе объяснения фашизма, а только фактором, ускорившим развитие в этом направлении. Именно в этом плане Моссе полемизирует с теми, кто рассматривает фашизм в качестве «отклонения от магистральной линии исторического процесса», в частности с германским историком Эрнстом Нольте²⁰.

Из этого, естественно, вытекает, что самые глубинные процессы развития европейской цивилизации за период, отмеченный Моссе, делают ситуацию постоянно чреватой фашизмом. И в этом плане концепция Моссе противостоит концепции известного германского историка Фридриха Мейнеке о фашизме, как мало связанной с прошлым «катастрофе Германии»²¹, а также известной уже нам теории Бенедетто Кроче, который видел в фашизме «болезненное отклонение от прогрессивного развития Италии на пути либерализма». В плане же вопроса об идеологических истоках фашизма вообще концепция Моссе стимулирует поиск их в реальности более широкой, чем, скажем, философия иррационализма, как это делало до сих пор большинство историков. Идеология фашизма при этом изображалась как фатально неизбежный результат развития философии иррационализма, которая приводит к краху веры в человеческий разум и к вытеснению его культом насилия. При этом указывается даже определенная точка преломления философского иррационализма в идеологизм, уже непосредственно близкий к фашизму, — Ницше.

Ошибочным, по нашему мнению, является уже сам по себе методологический принцип, размывающий качественное отличие какого бы то ни было философского направления от идеологии как таковой. Если же говорить о традициях рационалистического и иррационалистического мировоззрения, то соотношение между ними представляется нам гораздо более сложным. Сам по себе рационализм, переросший в XIX в. в фетишизацию науки и техники, может быть, не менее аморален, чем иррационализм. Тот же Ортега видел одну из основных причин появления «человека-массы» в засилье в обществе науки и основанного на ней рационалистического способа мышления. Он упрекает науку своего времени в том, что, отказавшись от каких-либо моральных и этических категорий, она направляет свои усилия на чисто технические изобретения, способствует потере современным человеком жизненных ориентиров.

В этом смысле исследование фашизма именно как режима приводит нас к выводу о наличии в его идеологии элементов не только аморального иррационализма, но и аморального рационализма. Фашистский режим противоречил самой сущности человеческой жизни, низводя ее до положения лишь одного из

²⁰ Ibid., p. 9.

²¹ *De Felice R. Op. cit.*, p. 402—415.

элементов машины — машины фашистского государства. Фашистский режим регулировал, или во всяком случае пытался регулировать, решительно все. В большей мере это относилось к Германии, в меньшей — к Италии. Но как в той, так и в другой стране фашистский режим был связан при этом также и с привычками технического мышления — мышления по раз навсегда установленным меркам, по абсолютно исчерпывающей программе. И эта «запрограммированность» жизни в условиях фашистского режима была как бы обратной стороной того самого рационализма, который довольно часто противопоставляется иррационализму как абсолют, не требующий для своей оценки моральных измерений.

С этим связана и проблема соотношения между фашизмом как движением и фашизмом как режимом. Французский исследователь Жак Эллюль решает ее в плане концепции о растворении иррационализма, составляющего весьма существенный элемент идеологии фашистского движения, в рационализме фашистского государства. В германском нацизме он видит «первый опыт интеграции самого спонтанного, взрывчатого и тотального бунта в рамки самого жестокого технико-государственного развития»²². В германском нацизме он видит диктатуру государства, полностью свободного от всех старых концепций демократии, законности и морали, он видит в нем диктатуру, которая опиралась на «рационализированную иррациональность, бюрократизированный эротический взрыв, этатизированное спонтанное насилие»²³.

Этой же проблеме соотношения между фашизмом как движением и как режимом уделяет внимание и итальянский историк Ренцо Де Феличе. Он отмечает, в частности, отход фашизма от своих «первоначальных идеалов» в процессе борьбы за власть и под влиянием «бремени власти». Де Феличе является на сегодняшний день одним из самых крупных специалистов по истории фашизма в Италии. Опубликованные до сих пор четыре объемистых тома его исследования на эту тему хорошо документированы и охватывают период от возникновения фашизма до 1936 г.²⁴ Однако некоторые методологические критерии и оценки автора этой работы стали предметом острой полемики в Италии. Дискуссия развернулась и вокруг последней книги Де Феличе «Интервью о фашизме», опубликованной в июле 1975 г.²⁵ Изданный годом позже сборник «Фашизм и капитализм» содержит ряд критических высказываний в адрес Де Феличе со стороны итальянских авторов-марксистов и представителей смежных с ними те-

²² *Ellul J.* De la révolution aux revoltes. Paris, 1972, p. 205.

²³ *Ibid.*, p. 209.

²⁴ *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario, vol. 1. Torino, 1965; Mussolini il fascista, vol. 2. Torino, 1966; Mussolini il fascista, vol. 3. Torino, 1968; Mussolini il duce, vol. 4. Torino, 1974.

²⁵ *De Felice R.* Intervista sul fascismo. Bari, 1975.

чений²⁶. В то же время один из ведущих деятелей Итальянской коммунистической партии, Джорджо Амендола, предупреждает против некоторых необоснованных упреков в адрес Де Феличе²⁷. Дискуссия продолжается²⁸.

В конечном счете речь идет о соотношении социально-экономической и культурно-исторической реальности в фашистском феномене. Марксистская критика отмечает, что Де Феличе нарушает правильное соотношение между ними. Особо отмечается уклон Де Феличе в сторону лично-психологических мотивов, главным образом при характеристике Муссолини. При этом подчеркивается, что все эти мотивы, как и культурно-историческая тематика в целом, могут и должны найти свое место в анализе, основанном на социально-экономических реальностях. Отметим в этой связи, что проблема в целом приобретает особую остроту при сопоставлении германского и итальянского фашизма, ибо оба они имели в основе одинаковый социально-экономический базис, а поэтому индивидуализация их требует особого внимания к культурно-историческим элементам анализа.

Сопоставление германского и итальянского фашизма приобретает у Де Феличе новое и весьма своеобразное звучание, когда он акцентирует внимание на преобладании «традиционалистской» тенденции в германском нацизме и «обновленческой» — в итальянском фашизме. Принцип расы, отмечает Де Феличе, наиболее типичен в этом отношении. Он ссылается на книгу Моссе как на доказательство того, что нацизм стремился не к созданию новых, а к реставрации старых ценностей. Идея создания «нового общества» и «нового человека» — это идея итальянского фашизма, но не германского нацизма. Германский нацизм ставил задачу «освободить немца от наростов новой цивилизации», иначе говоря, «выделить чистого немца». Это, по мнению Де Феличе, не было характерно для итальянского фашизма. Де Феличе также выражает свое согласие с мнением, что для германских нацистов человек будущего существовал уже — это человек прошлого, «ариец», которого надо было опять-таки «освободить от наростов новой цивилизации», «выделить», «вычлениить» и т. п.²⁹

Нам представляется, однако, что проблема соотношения между «традиционализмом» и «обновленчеством» в фашистской идеологии, как в Италии, так и в Германии, была более сложной. В идеологии итальянского фашизма, например, значительное место занимало и обращение к традициям прошлого³⁰, которые наложили свой отпечаток и на идею создания «нового общест-

²⁶ *Fascismo e capitalismo*. Milano, 1976.

²⁷ *Amendola G. Intervista sul antifascismo*. Bari, 1976.

²⁸ Из последних публикаций укажем на обмен мнениями между Мак Смитом и А. Лиденом: «Un monumento al duce?» Firenze — Rimini, 1976.

²⁹ *De Felice R. Intervista sul fascismo*, p. 41—42.

³⁰ *Reazionaria. Antologia della cultura di destra in Italia. 1900—1973*. A cura di P. Meldini. Rimini, 1973.

ва» и «нового человека» в Италии. С другой стороны, в идеологическую «обращенность в прошлое», характерную для германского фашизма, по-своему вплетались элементы «Миллениума» (будущего тысячелетнего царства), которые уже сами по себе предполагали нечто новое. Как замечает по этому поводу Жак Эллиуль, «погружение в средние века представлялось переходной фазой к Миллениуму, который вовсе не был реконструкцией средневековья»³¹. И далее он пишет о наличии в нацистской идеологии и так называемых «новых ценностей», о попытках нацистов сформировать «человека нового типа», «сверхчеловека» и т. п.

Возможно, германские нацисты при этом в большей мере опирались на образцы прошлой истории, чем итальянские фашисты. Однако эти критерии сами по себе слишком расплывчаты и вряд ли могут стать определяющими для более или менее четкого разделения между германским нацизмом и итальянским фашизмом. «Между итальянским фашизмом и германским нацизмом, — отмечает Де Феличе, — огромная разница. Это два мира, две традиции, две истории, настолько различные, что их трудно объединить в одно»³². И хотя Де Феличе поясняет дальше, что речь идет об индивидуализации определенного исторического явления, тем не менее в подобной формулировке общее понятие «фашизм» оказывается под вопросом.

В значительной части современных западных исследований общее понятие «фашизм» растворяется в чисто терминологическом разделении: «фашизм» — для Италии, «нацизм» — для Германии. Но дело, разумеется, не в терминологии. Американский либеральный историк Генри Тэрнер прямо ставит под вопрос общее понятие «фашизм», отмечая, в частности, что видовая категория в политическом анализе в своей основе является метафорической, заимствованной у биологии. Тэрнер приходит к выводу, что «фашизм» как видовая концепция затемняет и запутывает суть явления. Поэтому в исследовании фашизма Тэрнер предлагает отказаться от предположения, что он является видовым явлением, и подумать о возможности классификации движений и режимов, которые принято называть фашистскими, по принципу отношения их к процессу модернизации общества.

Отметим в этой связи, что проблема «модернизации общества» привлекает в настоящее время особенно большое внимание исследователей фашизма. Согласно теории «модернизации» (в ее различных вариантах), главной линией развития новой истории является вытеснение традиционных обществ новой системой отношений, которые складываются в процессе изменений, ведущих к индустриализации, урбанизации, секуляризации и рационализации. Нетрудно догадаться, что в этом своем общем виде теория «модернизации» должна включать в себя культурно-историческую

³¹ *Ellul J. Op. cit.*, p. 207.

³² *De Felice R. Intervista sul fascismo*, p. 24.

тематику, навеянную «философией кризиса». Однако ещё более определенной является её связь с теорией «индустриального общества», с которой она практически идентифицируется.

Теория «индустриального общества» родилась в недрах политэкономии, и именно здесь складывались основные элементы ее последующих исторических интерпретаций. Сущность ее расхождений с марксизмом заключается в том, что в этой теории главной силой общественного прогресса провозглашалось развитие техники, индустрии самой по себе. В советской экономической литературе отмечаются принципиальные расхождения с представителями теории «индустриального общества» в трактовке самих понятий «техника», «технология» и т. д. В критическом плане отмечались такие элементы этой теории, как «усиление экономической роли государства» и «плановый характер экономики», которые рассматриваются в отрыве от социальной характеристики государства и общества. В то же время в связи с опубликованием на русском языке книги одного из наиболее видных представителей этой теории, американца Дж. Гэлбрейта, «Новое индустриальное общество»³³ отмечалось и то, что в его теории находят отражение процессы, на которых фиксирует свое внимание и марксистская мысль: «Важной чертой «индустриального общества», по Гэлбрейту, является процесс слияния «индустриальной системы», мира крупных корпораций с государством, осуществляющим значительные экономические функции. Нетрудно увидеть, что в этих положениях теории Гэлбрейта находят определенное отражение процессы развития государственно-монополистического капитализма...»³⁴

Связь «культурно-исторических» и «индустриально-экономических» мотивов в теории «модернизации» находит свое отражение и в ретроспективных оценках фашизма, ориентированных на эту теорию. Так, упомянутый уже нами американский исследователь Генри Тэрнер видит в фашизме выражение своего рода «утопического антимодернизма». Исходя из этой довольно односторонней, на наш взгляд, посылки, можно, по его мнению, объяснить, почему в одних странах эта тенденция осталась расплывчатой платформой немногочисленных групп интеллигенции, а в других, — в частности в Италии и Германии — стала фокусом мощного политического движения. В обеих этих странах процесс изменений начался сравнительно поздно и проходил быстро, но неравномерно. Формы и темпы модернизации могли породить особенно сильную вражду по отношению к этому процессу.

Другой цитированный уже нами автор, француз Жак Эллюль, рассматривает фашизм в контексте «глобального бунта, направленного против современного общества в целом, а не только против социально-экономических структур, — против индустриализма,

³³ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.

³⁴ Афанасьев Вл. Буржуазная экономическая мысль 30—70-х годов XX века. М., 1976, с. 297.

бюрократизма, технизации жизни, американизации, буржуазного духа»³⁵. Надо полагать, не без связи с понятийным аппаратом, рожденным современным неоправым и неолевым экстремизмом, он включает в свой анализ фашизма термин «контркультура». О фашизме, как о «реакции на модернизацию», пишет и германский историк Эрнст Нольте, модель которого, как мы уже отмечали, критиковал в своей книге Джордж Моссе.

Отвергает эту модель фашизма и Ренцо Де Феличе. Имея в виду итальянский фашизм, он полагает, что в нем были, конечно, элементы уклона в сторону сельского хозяйства, а также полемика против урбанизма и супериндустриализма, но это не было главным³⁶. Нельзя не отметить в этой связи борьбу внутри самого итальянского фашизма между сторонниками индустриализации страны и теми, кто в большей мере ориентировался на сельское хозяйство и на традиционные ценности вообще. Настроения этих последних были проявлением все той же реакции на модернизацию и индустриализацию общества и свидетельствовали о наличии в фашизме элементов так называемой «популистской» идеологии³⁷. В ряде фашистских изданий говорилось о «любви к земле», «верности сельским традициям», «крестьянской душе итальянского народа». Дело доходило даже до прямых обвинений фашизма в связях с крупной промышленностью. Но в конечном счете такого рода настроения лежали в стороне от магистральной линии политики итальянского фашизма, направленной на индустриальное развитие страны.

Эта линия наметилась еще до прихода фашизма к власти, и ее можно проследить в течениях, находившихся у истоков фашистской идеологии. Таких течений, которые, разумеется, нельзя смешивать с фашизмом как таковым, было, по мнению большинства историков, три: футуризм, национализм, национальный синдикализм. Все они имели характер явно «модернистский» в указанном выше значении этого слова.

Советский исследователь Ц. Кин передает своего рода общий «психологический настрой» итальянского футуризма: «Техника, машина превращаются в фетиш, миф, символ. Скорее, скорее, скорее, время не ждет. Италия должна догнать передовые капиталистические страны. Двадцатый век имеет свои железные законы, это век стремительных ритмов, гигантских заводов, динамического движения, новой, небывалой эстетики, колониальных завоеваний»³⁸. И далее: «В новой литературе, о которой мечтали футуристы, человек должен был играть совершенно подчиненную роль, он не более чем колесико в гигантском теле обожествленной машины; футуристы заявляли, что надо отвергнуть старую структуру рассказа, когда, например, человеку, раненному в сра-

³⁵ *Ellul J.* Op. cit., p. 202.

³⁶ *De Felice R.* Intervista sul fascismo, p. 56.

³⁷ *Reazionaria*, p. 217—222.

³⁸ *Кин Ц.* Указ. соч., с. 47.

жепий, отводят преувеличенную роль по сравнению с орудиями разрушения, стратегическими позициями и атмосферными условиями»³⁹.

Со своей стороны национализм постоянно связывал свою программу с количеством и качеством национального продукта, с приматом «производства» над «распределением», с ускоренным экономическим развитием, наконец, с производством как «главной движущей силой современной цивилизации». Аналогичные мотивы слышались и в национальном синдикализме, точнее в том его ответвлении, которое было уже непосредственно связано с Муссолини⁴⁰. Отметим также, что и фашизм пытался представить себя как силу, способную повести Италию по пути быстрого экономического прогресса. Муссолини в своих выступлениях постоянно апеллировал к Италии, «которая не хочет быть только страной музеев и памятников, не хочет жить рентой своего великого прошлого, а хочет быть передовой и индустриально развитой державой».

В свое время Герцен писал из Рима, что в Италии все делается с точки зрения вечности и нет особой торопливости. В XX в. нужно было потарапливаться, нужно было догонять ушедших вперед. И многие видели фашизм именно в этом его противопоставлении со старой Италией, с ее ленью и солнечной истомой, макаронами и мандолинами. Многих своих адептов из среды научно-технической интеллигенции фашизм приобрел именно благодаря этой своей репутации «борца против экономической косности и застоя романтически-идеалистической Италии».

Конкретные статистические данные, приводимые в нашей работе, свидетельствуют, что Италия во времена фашизма действительно продвинулась в своем индустриальном развитии. Но не говоря уже о чисто человеческих издержках этого «прогресса», он достигался на пути далеко не современной организации экономики. Можно было, конечно, «подхлестнуть» страну с помощью жестких фашистских законов о трудовых отношениях, с помощью милитаризации, мероприятий политического и идеологического характера, как и с помощью всех других форм искусственного стимулирования индустриального прогресса. Но одновременно обнаруживала себя обратная сторона такого «прогресса», сковывающая и тормозящая его: громоздкий и неповоротливый партийно-правительственный и профсоюзно-корпоративный аппарат, постоянное вмешательство его в производственный процесс, который имел свою логику и свои законы. В конечном счете, этот «итальянский» или, точнее, «итало-фашистский», путь индустриализации выглядел весьма консервативным по сравнению с тем же «американским» путем. На это, как мы уже писали, обращал особое внимание Антонио Грамши в своих заметках об «американизме и фордизме».

³⁹ Там же, с. 48.

⁴⁰ *De Felice R. Mussolini il rivoluzionario*. Torino, 1965.

По-своему, уже в плане сугубо режимной характеристики фашизма на это обращает внимание и Альберто Аквароне. Фашистский режим в Италии, по его мнению, не осуществил радикальной модификации экономической и социальной структуры⁴¹. Весьма своеобразную схему предлагает американский социолог А. Органский⁴². Он вводит в анализ фашизма термин «синкретическая система», имея при этом в виду союз фашизма с коалицией сельской и городской элиты. Синкретический компромисс, по его мнению, дает каждой элите полный контроль в пределах собственной сферы, власть и привилегии сельскохозяйственной элиты сохраняются, а индустриализация идет медленно. Эту ситуацию Органский считает характерной для Италии, но не для Германии. Другой американский социолог, Баррингтон Мур, вводит в свой анализ фашизма термин «консервативная модернизация»⁴³.

С другой стороны, сам факт ориентации фашизма на индустриализацию рождает и такое его определение, как «реакционная модернизация». Отметим в этой связи, что реакция вовсе не обязательно означает «обращенность в прошлое». В свое время Ницше, например, создал тот романтизированный образ «сверхчеловека», который связывали обычно с обращенной к прошлому реакцией на развитие свободного капитализма. Однако этот же образ стал концентрированным выражением идеологии тех сил, которые выступали против свободного капитализма уже с позиций более передового по отношению к нему монополистического капитализма. Освальд Шпенглер писал об этом: «Его (Ницше.— *Б. Л.*) господская мораль есть реальность. Она имеется налицо. Если устранить романтическую маску Борджиа и туманные видения сверхчеловека, то остается сам фаустовский человек, как он есть сейчас, как тип энергичной, повелительной, высокоинтеллектуальной цивилизации. Перед нами просто реальный политик, денежный магнат, большой инженер и организатор»⁴⁴.

В этой трансформации ницшеанского образа «сверхчеловека» в новой реальности содержится уже постановка вопроса о значении личностного и волевого начал в фашизме. В наибольшей мере эта линия исследования прослеживается в западногерманской историографии. Ницшеанско-шопенгауэровскую идею человека, осознающего себя исходя из волевого начала, проводят в своих работах по фашизму историки школы Герхарда Риттера и Ганса Ротфельса. Субъективистско-иррационалистическое начало в фашизме подчеркивается и в работах Эрнста Нольте⁴⁵.

⁴¹ *Aquarone A.* Op. cit., p. 288—289.

⁴² См.: *De Felice R.* Il fascismo. Le interpretazioni dei contemporanei e degli storici. Bari, 1970, p. 583—605.

⁴³ *Ibid.*, p. 486.

⁴⁴ *Шпенглер О.* Закат Европы, т. 1. Пг.— М., 1923, с. 347—348.

⁴⁵ См.: *Салов В. И.* Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968, с. 271—272.

Последнее, впрочем, находит свое объяснение и в свете известной уже нам критики его концепции у Дж. Моссе.

Что касается Италии, то Муссолини, как известно, особенно подчеркивал генезис своих идей по линии Фридриха Ницше, Жоржа Сореля и Уильяма Джемса⁴⁶. Ни в коей мере не смешивая этих мыслителей с фашизмом, отметим, что так называемый «примат воли» нашел у них действительно наиболее яркое выражение. Уже само имя Ницше ассоциируется с «волей к власти», а Сореля — с «размышлениями о насилии». Наиболее же характерным для взглядов Джемса является то центральное положение, которое занимает в мире человеческая воля. В целом, однако, наш анализ фашистского режима в Италии показывает, что по отношению к Муссолини можно говорить лишь об относительной, а не об абсолютной самостоятельности его воли. Не преуменьшая значение личностного и волевого начал в истории, отметим, что итальянский фашизм, в особенности на стадии его уже государственного развития, был в большей мере детерминирован логикой исторического развития, в том числе и социально-экономической реальностью, чем волей Муссолини или даже всех фашистских руководителей вместе взятых.

Эта же проблема по-своему преломляется и в тезисе о «примате политики» в фашистском государстве. Фашизм в этом плане противопоставляется учениям, характерным для которых является «примат экономики». Подобный подход характерен для представителей самых разных политических и историографических течений на Западе: от французского неогегельянца Фессара⁴⁷ до близкого к итальянскому неофашизму барона Эвола, который строит свою концепцию на противопоставлении между «идеократией» и «демонизмом экономики»⁴⁸.

Тезис о «примате политики» в фашизме имеет широкое распространение в западногерманской историографии. Весьма показательно в этом отношении положение, выдвинутое западногерманским историком Паулем Клюке: «Национал-социалистская экономика вовсе не была обусловлена действием имманентных законов высокоразвитой капиталистической экономики, а была создана в соответствии с политическими установками Гитлера, который не был послушным и обманутым выразителем интересов монополистов»⁴⁹. Со своей стороны, Ренцо Де Феличе, фиксируя внимание на отмеченных уже нами фактах расхождений между политикой Муссолини и интересами монополий, видит в этом выражение скорее «политической автономии» фашизма, чем «примат политики».

---

⁴⁶ См.: Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968, с. 30—31.

⁴⁷ Fessard G. Par delà le fascisme et le communisme. Paris, 1946.

⁴⁸ Reazionaria, p. 142.

⁴⁹ См.: Салов В. И. Указ. соч., с. 271.

В своем анализе фашизма в Италии мы постоянно возвращались к этому вопросу, подчеркивая необходимость диалектического подхода к нему. Развитие концепции государственно-монополистического капитализма дает достаточно оснований именно для диалектического понимания отношений между государством и монополиями. Диалектика этих отношений исключает абсолютизацию одной из сторон и предполагает, в частности, относительную самостоятельность государства. Как отмечается в одном из новейших исследований: «Признание господствующей роли механизма частных монополий в их союзе с государственным аппаратом было бы реставрацией отвергнутой концепции «подчинения государственного аппарата монополиям», концепции, игнорирующей относительную самостоятельность и активную роль государства»⁵⁰.

С другой стороны, нельзя абсолютизировать и зависимость монополий от фашизма, как это делают сторонники концепции о «примате политики» в фашистском государстве. В широкой исторической перспективе это низводит монополии до роли объекта исторического процесса, а не его субъекта. Что касается Италии, то монополии в этой стране (как свидетельствуют документы и факты, приводимые в нашей работе) в значительной мере способствовали приходу фашизма к власти. Когда же фашизм поставил страну на грань национальной катастрофы, то те же монополии сыграли свою роль в устранении его от власти. И в том, и в другом случае они были озабочены прежде всего сохранением своих интересов и привилегий, а не фашизмом как таковым. В других странах тот же монополистический капитал сохранял свои интересы и привилегии, не только не прибегая, но и довольно определенно отвергая фашистскую форму государственного устройства.

Все зависит в конечном счете от конкретной исторической ситуации. Те же самые итальянские монополии, которые во времена фашизма были опорой созданного им государства, в последующий период поддерживают левоцентристские тенденции во внутренней политике и некоторые позитивные тенденции во внешней политике (в частности, расширение экономических и культурных связей с Советским Союзом). Можно ли говорить при этом об изменении их природы? Вряд ли. Природа осталась та же, но изменились конкретно-исторические условия. Можно допустить, что те же монополии вновь окажут массивную поддержку фашизму или какому-либо подобному движению, но это опять-таки будет зависеть от конкретного развития ситуации, от конкретного соотношения политических и социальных сил внутри страны и на международной арене.

В той же сложной диалектической связи предстает перед нами и проблема соотношения между формой и содержанием го-

⁵⁰ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. М., 1974, с. 316.

сударства. Дело в том, что в фашизме нашли свое оформление некоторые общие тенденции развития государственного капитализма, которые сами по себе отнюдь не являются фашистскими, как это казалось современникам. Так, выражением сугубо фашистской тенденции казалось многим современникам создание таких государственных институтов и предприятий, как ИРИ (Институт промышленной реконструкции) или АДЖИП (Всеобщее итальянское общество нефти). Однако, продолжив свое существование и в послефашистский период⁵¹, они стали «специфическим орудием борьбы против монополий и инструментом проведения структурных реформ»⁵².

Эта же проблема по-своему преломляется и в оценке такого, например, события, как «Латеранские соглашения». Можно ли рассматривать это событие только в рамках периода, связанного с историей фашистского режима в Италии? Ведь в результате «Латеранских соглашений», наряду с прочим, был решен и жизненно важный для Италии так называемый «римский вопрос». Именно из этого исходил Пальмиро Тольятти, когда уже после фашизма, определяя отношение коммунистической партии к «Латеранским соглашениям», заявил: «Мы считаем решение римского вопроса окончательным и никоим образом не желаем вновь его поднимать»⁵³. В конечном счете речь идет о расширении исторических горизонтов проблемы фашизма не только в прошлое, но и в настоящее, о выводах, которые учитывали бы тенденции развития Италии не только в предфашистский, но и в послефашистский период.

Анализ современного неофашизма подтверждает его принципиальную общность с теорией и практикой фашизма в прошлом⁵⁴. И сейчас в идеологии неофашизма сплошь и рядом «национальный дух», «народный дух», «народная общность» противопоставляются «коммунистическому материализму», «разрушительному коммунизму», который объявляется «врагом нации»⁵⁵. Как и в прошлом фашизм занимает антидемократические позиции. Вместе с тем — и это имеет отношение также к ретроспективным оценкам фашизма в прошлом — идеология современного неофашизма является внутренне глубоко противоречивой, что находит наглядное выражение в том, что авторитарно-этактическое начало сочетается в ней с псевдодемократическими концепциями⁵⁶. В этом плане обращает на себя внимание и использование неофашистами концепции «правового государства», понимаемого ими в качестве выразителя внесоциальных требований права как

⁵¹ Комплекс государственных предприятий АДЖИП был преобразован в 1953 г. в концерн ЭНИ (Национальное учреждение по углеводородам).

⁵² «Critica marxista», 1969, N 1, p. 89.

⁵³ Тольятти П. Речи в Учредительном собрании. М., 1959, с. 61.

⁵⁴ Критика идеологии неофашизма. М., 1976.

⁵⁵ Там же, с. 43.

⁵⁶ Там же, с. 45.

такового. Наш анализ фашистского режима в Италии показывает, что подобные тенденции проглядывались и в прошлом.

Анализ неофашизма сделал более рельефным использование проблемы человека и культуры в фашистской идеологии. Именно в этом берет свое начало введение в анализ фашизма культурно-исторической тематики, поставленной в конечном счете реальностью современного социально-экономического развития. «В эпоху научно-технической революции наблюдается крайнее обострение проблемы человека в буржуазном обществе («деперсонализация» личности, противоречие между культурой и цивилизацией и т. д.), поэтому неофашистский лозунг «спасения человека», его культуры попадает на благоприятную почву. В этой обстановке неофашизм выхватывает центральную проблему культуры — вопрос творческой активности личности — и предлагает конкретный путь его разрешения с крайне реакционных позиций»⁵⁷.

Одним из характерных моментов современного неофашизма является консолидация его в рамках более широкого «правого движения», главным идеологическим принципом которого является сегодня лозунг «защиты культуры». В начале 70-х годов правые предприняли попытки объединиться в международном масштабе. Характерно, что в авангарде борьбы за такое объединение оказались итальянские правые. Примечательно также, что итальянские неофашисты, которые выступали в своей стране под именем «Итальянское социальное движение», объявили съезд своей партии в январе 1973 г. «Первой ассамблеей национальной правой». Тогда же в Турине при участии неофашистов был проведен «1-й международный конгресс в защиту культуры», проходивший под лозунгом «Интеллектуалы за свободу»⁵⁸. В Риме была создана «Международная ассоциация западной культуры». Итальянский журнал «Ла Дестра» («Правая»), начавший выходить еще в 1971 г., провел симпозиум на тему «Правая культура в современном мире». В 1974 г. в Италии же начал выходить журнал «Правая культура» под редакцией Армандо Плебе, который до этого играл заметную роль в левых кругах итальянской интеллигенции, а сегодня — идеолог правых в Италии.

Отметим в этой связи, что те культурно-исторические проблемы, на которых базируется идеология современных неофашистов и правых, действительно существуют. Ретроспективно обращаясь к прошлому, им придают сегодня большое значение, как мы видели, и при анализе «классических форм фашизма» в Италии и Германии. И это вполне справедливо, ибо это реальность, которая сегодня представляется только более рельефной благодаря более определенному развитию некоторых тенденций. При этом представители марксистской мысли постоянно подчеркива-

⁵⁷ Критика идеологии неофашизма, с. 94.

⁵⁸ *Intelletuali per la libertà. Atti del primo congresso internazionale per la difesa della cultura. Torino, 1973.*

ют тенденции именно социально-экономического развития, указывая, что только в органической и неразрывной связи с ними культурно-историческая проблематика обнаруживает себя как реальность.

Как подчеркивается в цитированном уже сборнике исследований советских авторов по проблемам неофашизма, «реальное противоречие буржуазного общества — растущее несоответствие между ростом производств материальных ценностей и деградацией духовных ценностей — изображается идеологами неофашизма, с одной стороны, как уменьшение значения отдельной личности по мере возрастания власти человека над природой, а с другой — как якобы убивающее духовную свободу ограничение сферы религии научным знанием, веры — рационализмом»⁵⁹. Далее отмечается, что противоречия между биологическими возможностями человека и требованиями научно-технической революции в связи с необходимостью приспособления человека к новым условиям труда и быта действительно существуют. И в этих условиях неофашизм, спекулируя на действительном кризисе личности, выступает под псевдогуманистическими лозунгами, обещает спасение человека от гнета индустриализма⁶⁰.

С одной стороны, обещание «спасти человека от гнета индустриализма», с другой — связь неофашизма с этим «индустриализмом», которая, как подчеркивается в марксистских исследованиях, осуществляется главным образом по линии связей с крупным капиталом и монополиями. Прямая преемственность между старым и новым фашизмом устанавливается и в общем контексте развития государственно-монополистического капитализма. Преемственность сохраняется и в практике насильственных действий и террора, характерных как для старого, так и для нового фашизма.

«Относительно новым в идеологии неофашизма является смыкание с ультралевыми (по внешнему облику) социально-политическими течениями»⁶¹. Отметим, со своей стороны, что по крайней мере для итальянского фашизма это не столь уже ново. И в этом случае настоящее делает лишь более рельефными некоторые черты прошлого.

В конечном счете фашизм и неофашизм предстают перед нами в едином комплексе своих связей и отношений, которые раскрываются как в общих тенденциях развития, так и в тенденциях, связанных с конкретно-исторической ситуацией в каждой отдельной стране. В этом смысле наше исследование по истории фашистского режима в Италии представляет собой одно из многих слагаемых в изучении фашизма в его международном и национальном аспектах, в его проявлениях как в прошлом, так и в настоящем.

⁵⁹ Критика идеологии неофашизма, с. 104—105.

⁶⁰ Там же, с. 105.

⁶¹ Там же, с. 460.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ	13
Глава вторая	
РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА	67
Глава третья	
КОРПОРАТИВНАЯ СИСТЕМА	124
Глава четвертая	
ФАШИЗАЦИЯ И МИЛИТАРИЗАЦИЯ	174
Глава пятая	
КРИЗИС И ПАДЕНИЕ	215
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	275

Борис Рэмович Лопухов

ИСТОРИЯ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА В ИТАЛИИ

Утверждено к печати

Институтом всеобщей истории Академии наук СССР

Редактор издательства И. С. Трахтенберг

Художник С. И. Сергеев. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор В. И. Зудина. Корректоры Л. С. Агапова, Е. Н. Белоусова

Сдано в набор 28/XII-1976 г. Подписано к печати 29/VI-1977 г. Формат 60×90^{1/16}.

Бумага № 1. Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 21,1. Тираж 7800. Т-08657.

Тип. зак. 1568. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука». 117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1 р. 60 к.

Б.Р. ЛОПУХОВ ИСТОРИЯ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА В ИТАЛИИ